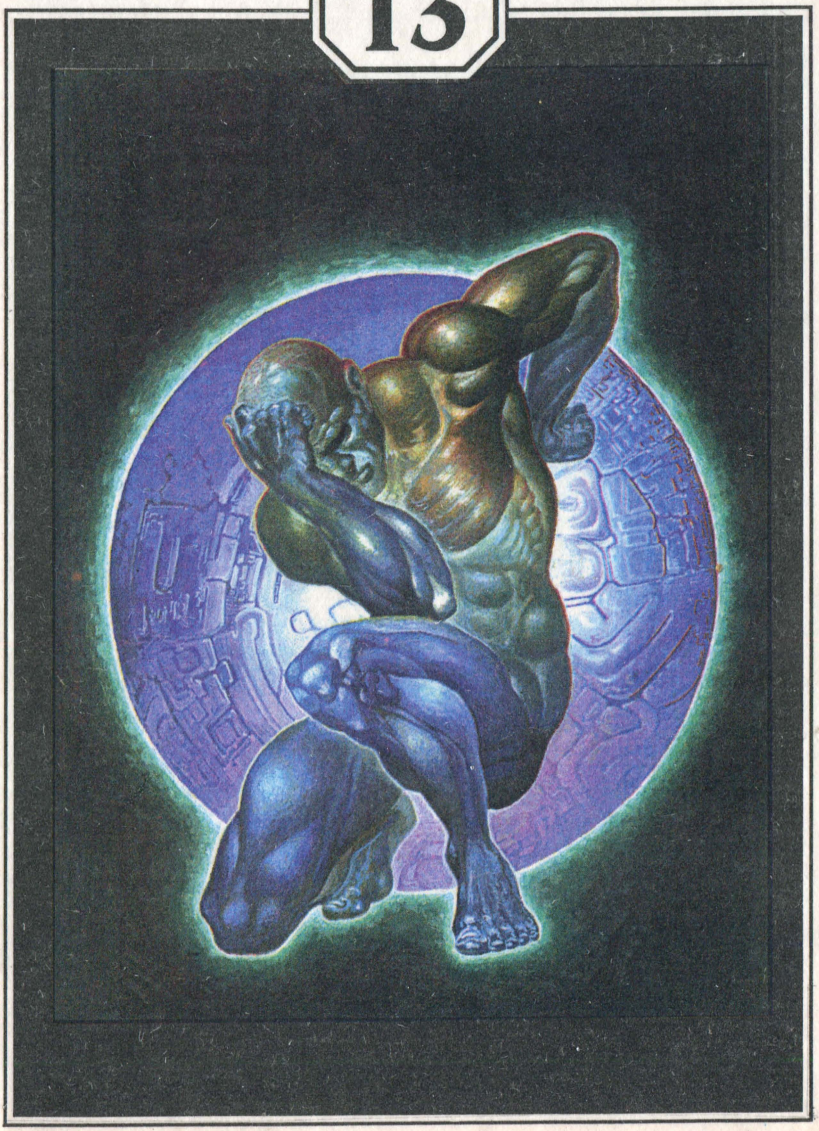
МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

13

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

AN EXORCISM

TRAITOR TO THE LIVING

FLESH

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ЭКЗОРЦИЗМ

ЛОВЕЦ ДУШ

ПЛОТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 13 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 335 с.

Очередной том собрания сочинений знаменитого фантаста объединяет заключительную книгу трилогии «Экзорцизм» «Ловец душ» и один из самых спорных и шокирующих романов писателя «Плоть»

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Traitor to the Living
Copyright © 1973 by Philip José Farmer
Flesh
Copyright © 1968 by Philip Jose Farmer
© Издательство «Полярис», *перевод, оформление*, 1997
© Издательство «Полярис», *составление, название серии*, 1996

ISBN 5-88132-262-2

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В тринадцатый том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера вошли два романа — «Ловец душ» (1973), завершающий трилогию «Экзорцизм», и «Плоть» (1968).

«Ловец душ» относится к «Экзорцизму» скорее по традиции, чем по сходству сюжетов, хотя само слово «экзорцизм» — «изгнание бесов» — как нельзя лучше подходит к этому роману. Историю капитана Геральда Чайлда, завершенную «Апофеозом», Филип Фармер так и не продолжил. Но продолжил историю Чайлда-человека — пятнадцатью годами спустя, после долгой и счастливой семейной жизни, прерванной трагической смертью жены. Геральд Чайлд уезжает из Лос-Анджелеса, меняет имя и профессию, становясь Гордоном Карфаксом, скромным преподавателем Трэйбеллского университета.

А все начинается с того, что старый ученый Рафтон Карфакс обнаруживает способ связи с потусторонним миром — абсолютно научным и реальным — и вскоре после этого загадочно гибнет. Но дверь в *вэмс*, пятимерный мир законсервированных электромагнитных отпечатков-«душ», остается открыта, порождая множество этических, политических и технических проблем. И начинается круговорот странных и зловещих событий, ключевыми фигурами которых становятся Гордон и Патриция Карфаксы и их противник и двоюродный брат, зловещий Рэймонд Вестерн, владелец МЕДИУМа — «телефона на тот свет», человек, предавший живых ради мертвых, одержимый ловец душ человеческих...

А второй из вошедших в этот том романов — «Плоть» — принадлежит к числу наиболее известных произведений писателя. Первая редакция романа, основанного на работах религиоведа Роберта Грейвса, вышла в свет в 1960 году, но несколькими годами спустя писатель сильно переработал его; этот вариант мы и помещаем в нашем собрании.

Через восемь веков после опустошительной войны и последовавшей за ней череды природных катастроф на Землю возвращаются из межзвездной экспедиции астронавты. Но прекрасный новый мир не привиделся бы им и в самых страшных кошмарах. Поклонение Великой Богине сменило древние религии... Древние? Нет, это первобытная вера явилась вновь на свет, причудливо сочетаясь с

передовой биологической технологией. Снова, как в каменном веке, жители Колумбии поклоняются Дарующей Жизнь и ее выборному супругу, Солнце-герою, Рогатому, в которого должен воплотиться капитан звездолета Питер Стэгг. Оленьи рога придадут ему мужскую силу бога, его ярость и мощь... но только на один год. Пока не повернется солнечный круг и Смерть — иная ипостась Великой Матери— не примет его.

Как сложится жизнь пришельцев из прошлого в этом мире? Сумеет ли Питер Стэгг избавиться от проклятия биотехнических рогов и вырваться из природного круговорота, в котором на долгие годы застряла Колумбия? И какова будет дальнейшая судьба тех, кому не по нраву возвращение к корням человеческой расы?

ЛОВЕЦ ДУШ

ГЛАВА 1

Гордон Карфакс застонал.

Он сидел в постели и тянулся к Фрэнсис.

Шторы посерели в утреннем свете, а Фрэнсис и ночь покинули его одновременно.

По соседству не было птичника — тишину по ночам нарушал разве что собачий лай. Но в эту минуту Гордон был уверен, что отчетливо расслышал петушиное пение. Впоследствии он уверял себя, что виной всему избыточная начитанность. Призрак отца Гамлета и все такое прочее. Однако объяснение не срабатывало.

Из клубящейся мглы выступила Фрэнсис. Тьма колыхалась вокруг нее подобно эктоплазме. В полном молчании Фрэнсис медленно скользнула к нему, простирая руки. Ни царапинки на теле — совсем как до катастрофы. Улыбка на ее устах таила в себе гнев и боль.

— Фрэнсис? — произнес он. — Если бы я только знал...

И тут где-то в его мозгу прокукарекал петух, и Фрэнсис, также созданная его мозгом, испарилась. Она исчезла не сразу, а как бы расплылась маленькими серыми облачками.

Он лежал на спине, тяжело дыша, и каждый вдох возвращал его к реальности. Но разве сон — не часть реальности?

И разве только во сне мертвые возвращаются?

Рэймонд Вестерн с этим не согласен. Надо отдать этому мерзавцу Вестерну должное. Он и не пытался утверждать, что мертвые способны возвращаться. Он всего лишь заявил, что живые могут установить с ними контакт и поговорить. А подтверждал заявления Вестерна МЕДИУМ — железяка, которую он установил у себя дома в Лос-Анджелесе.

Не только Карфаксу по ночам снились покойники. Они навещали сны всего мира и несли с собой тревогу, радость или страх — ничуть не меньше, чем заботы дневной жизни.

Едва ли стоило сомневаться, что через посредство МЕДИУМа можно с кем-то (или с чем-то) побеседовать. И многие принимали на веру утверждения Вестерна, что беседуют они с умершими.

Гордон Карфакс думал по-другому. Уж лучше бы он держал язык за зубами, чем доводить дело до скандала.

Ибо теперь на него смотрит весь мир, а сам он вовлечен в дело об убийстве — вернее, о его последствиях.

Он закрыл глаза и понадеялся, что сумеет вновь заснуть и не увидеть больше снов. Или хотя бы увидеть приятные сны Гордон считал, что любит Фрэнсис, но во сне он страшился ее

ГЛАВА 2

«"ЭТО НЕ ПРИЗРАКИ, ЭТО МОНСТРЫ ИНОПЛАНЕТНЫЕ", — ЗАЯВЛЯЕТ ПРОФЕССОР КАРФАКС».

Карфакс заставил себя дочитать озаглавленную подобным образом статью и с отвращением швырнул газету на пол, где их валялось уже несколько.

От этой желтой собаки из «Национального Обозревателя» подобного освещения его лекции следовало ожидать.

«И все же, — подумал он, вытягивая "Нью-Йорк Таймс" из кучи газет, сложенных на столе возле кресла, — статья, в сущности, верная».

Он был темой для передовиц. Даже «Таймс» поместила статью о нем на первой странице. В дни, предшествовавшие МЕДИУМу, его имя, будь оно вообще упомянуто, оказалось бы надежно похороненным где-то в глубине газеты.

«Нельзя отрицать, что мы получаем сообщения из другого мира, или, точнее говоря, из другой вселенной, — сказал Гордон Карфакс, профессор истории средних веков из Трэйбеллского университета (Бусирис, штат Иллинойс). — Тем не менее нам пока нет нужды обращаться за объяснением к сверхъестественному. Используя "бритву Оккама"...»

«Национальный Обозреватель» объяснял, что такое «бритва Оккама». Его издатели справедливо полагали, что большинство читателей подумают (если они вообще способны думать), что бритва Оккама — это какой-нибудь парикмахерский инструмент.

«Нью-Йорк Таймс» не дала себе труда объяснить термин, предоставляя читателям, если те восчувствуют необходимость, рыться в словарях самостоятельно.

Но даже «Таймс» классифицировала его теорию как «научную фантастику»

Карфакс был вне себя, но ему пришлось признать, что избежать этого слова было практически невозможно: искушение для журналистов слишком уж велико. Стоило заговорить о пятом измерении — которое «Национальный Обозреватель» обозвал более привычным четвертым, — как на ум приходила научная фантастика. А уж если завести речь о поляризованных вселенных, о мирах, перпендикулярных нашему, да о чуждых существах, возможно, строящих мрачные планы относительно Земли, — и упоминание о научной фантастике всеми репортерами обеспечено.

А заодно и основательный повод для насмешек оппонентов.

Но даже журнал-газета «Тайм» не стала, как ей почти всегда свойственно, жертвовать правдой ради остроумного сарказма. В конце серии статей, направленных на дискредитацию Вестерна и МЕДИУМа, «Тайм» признавала, что Вестерн может оказаться прав. Вскоре Карфакс выступил со своей теорией. Готовая ухватиться за любое объяснение, кроме сверхъестественного, «Тайм» в то время поддержала Карфакса, атакуя Вестерна.

Карфакс в своей лекции признал, что его теория в каком-то смысле у научной фантастики в долгу, но из нее не проистекает — не более, чем космические путешествия или телевидение. Их создали люди, а не книги и журналы. В свою защиту Карфакс говорил, что ради объективной оценки существ, с которыми контактирует МЕДИУМ, ученые готовы рассмотреть любую теорию. Придуманная первой будет и самой простой. Ею-то, по словам Карфакса, и оказалась теория о том, что «духи» на самом деле — негуманоидные обитатели вселенной, занимающей в пространстве то же место, что и наша, но «перпендикулярно» к ней. И эти существа — едва ли из добрых побуждений — притворялись людскими покойниками.

Вестерн при посредстве серии интервью в прессе поинтересовался, откуда у этих существ столь подробные и основательные познания о людях, которых они якобы изображают.

Карфакс ответил, также через средства массовой информации, что существа, очевидно, располагают возможностью шпионить за нами. Общаться с нами они не были способны, покуда МЕДИУМ не проторил дорожку, — а возможно, и были, причем в любой момент, но по каким-то своим соображениям предпочли, чтобы мы начали первыми.

Карфакс отложил «Тайм» и развернул местную утреннюю газету «Бусирис Джорнел Стар». Статья в ней в двадцатый уже раз смаковала и его лекцию, и последовавшие за ней «беспорядки». А на самом-то деле женщина вырубила мужчину, запустив в него громадным тяжеленным кошельком,

вслед за чем шестеро человек незамедлительно подрались на кулачках — вот вам и все «беспорядки».

Каша заварилась, когда Карфакс читал заключительную лекцию в мемориальном лекционном цикле Роберты Дж. Блу. Одно из условий мемориала гласило, что заключительную лекцию должен читать член преподавательского состава Трэйбелла. Более того, оратору следует избрать тему вне своей основной специальности.

Карфакс вызвался добровольцем. Он даже надавил на декана по учебной части, с которым по средам ежевечерне играл в покер, чтобы получить это назначение. Обычно он избегал подобных поручений, как заразы — особенно если учесть, что намечено оно было на вечер пятницы, а в следующий понедельник начинались выпускные экзамены.

Но он яростно верил, что у открытий Вестерна должно быть более простое и научное объяснение. Вот он и объявил в бусирийской прессе и по телевидению о теме своей лекции. Он ожидал только местной огласки. Но менеджер с телестудии поставил в известность «Чикаго Трибюн». Когда Карфакс вошел в аудиторию, он увидел там не пять десятков студентов и преподавателей, как обычно — нет, их было пять сотен, и университетских, и горожан, да вдобавок четверо чикагских репортеров и команда с телевидения Чикаго. Репортер из «Трибюн» обнаружил, что Карфакс приходится Вестерну двоюродным братом, и пресса обыграла его открытие. Отношения к делу оно не имело, но в печати появились намеки, что весь их диспут — попросту семейная свара.

Карфакс объяснял, что никогда не встречался со своим кузеном, но тщетно.

Лекцию Карфакса постоянно прерывали одобрительные и негодующие возгласы — с его точки зрения, они ее и вовсе почти загубили. После лекции он принялся отвечать на вопросы из зала.

Первой — и последней — вопрос задала миссис Ноултон, высокая угловатая пожилая женщина, обладательница громкого командирского голоса. Она приходилась сестрой издателю местной газеты и недавно утратила в кораблекрушении мужа, дочь и внука. Ей отчаянно хотелось верить, что они все еще живы и она может поговорить с ними. Тем не менее она не была истеричкой, и вопросы ее звучали разумно.

— Вы все продолжаете говорить о теории Вестерна, — заметила она после попыток Карфакса дать ей удовлетворительный ответ. — Но это не теория! Это факт! Как мистер Вестерн говорит, так МЕДИУМ и работает. И с ним согласны многие крупнейшие умы Соединенных Штатов. А ведь в самом

начале своих исследований они были готовы считать, что он морочит людям головы!

Так кто же все-таки головы морочит, профессор Карфакс? Вы или мистер Вестерн? Вы говорите, что ученым следует воспользоваться «бритвой Оккама»! По-моему, вам и самому пора пустить ее в ход!

— Перережь себе ею глотку! — взвыл огромный лохматый студент.

Поскольку смотрел он при этом на Карфакса, тот предположил, что совет предназначен именно ему, а не миссис Ноултон.

Голос миссис Ноултон звучал резко и отчетливо, перекрывая шум:

— Профессор Карфакс, вы говорите, что мы верим Вестерну только исходя из собственных эмоций! Предполагается, что мы субъективны! Но, доктор Карфакс, почему вы так эмоционально, так субъективно оспариваете нашу веру, когда все доказательства на нашей стороне? Разве вы не проявляете то, что сами назвали слепой эмоциональностью?

Вот тогда-то Карфакс и рассердился — несомненно, потому, что ее обвинения были хорошо обоснованы. Он не был вполне объективен; его теория возникла из чувства протеста. Само собой, чувство протеста зачастую порождало гипотезы, которые впоследствии превращались в отличные теории. Часто даже в верные. Но этого он публично признать не мог.

Как оказалось, ему вообще не представилось возможности признать что бы то ни было.

— Карфакс нас ненавидит! — завопил, вскакивая с места, какой-то мужчина. — Он отрицает величайшее событие после сотворения мира!

Мужчина цитировал знаменитую фразу Вестерна. Карфаксу было чем на нее ответить, но тут мужчину сбили с ног десятифунтовым кошельком (репортер поднял его и взвесил, прежде чем вернуть выпущенной под залог владелице).

Шум и свара не прекращались до прихода полиции и даже какое-то время спустя. Но скандал на том не окончился. Карфакс сделался фигурой национального значения, и ему названивали со всех концов страны. На данный момент его наиболее заинтересовали два звонка, оба из Лос-Анджелеса.

Первым позвонил Рэймонд Вестерн и пригласил его прилететь в Калифорнию и бесплатно воспользоваться МЕДИУМом.

Второй была Патриция Карфакс, дочь Рафтона Карфакса, приходившегося Вестерну и Гордону Карфаксу дядей.

Несмотря на некоторую истеричность, сообщение мисс Карфакс выглядело вполне серьезно. Она была уверена, что Вестерн убил ее отца, чтобы украсть чертежи МЕДИУМа

ГЛАВА 3

Гордон Карфакс сидел в шезлонге на застекленной веранде и потягивал кофе. Вкус кофе был восхитительным — смесь шести особых южноамериканских сортов, которую он собственноручно готовил каждые две недели. Он смотрел, как крохотные крапивники снуют взад-вперед возле маленького отверстия в их крошечном полукруглом домике, свисающем с ветки большого сикомора в саду. Он наслаждался красотой алых перьев птицы-кардинала, присевшей на край белой поилки.

Тихий у него дом и спокойный — хотя ему частенько бывает в нем одиноко. Дом располагался в округе Нолвуд вполне среднестатистического среднеиллинойсского городка Бусирис и предназначен был для жильцов, принадлежащих к среднему классу. Карфакс приобрел его, едва только нанялся на работу в Трэйбеллский университет. Дом нуждался в некотором ремонте и основательной смене внутренней обстановки. Ко времени женитьбы на Фрэнсис с ремонтом было уже покончено, но с обстановкой Карфакс еще не разобрался. Фрэнсис была счастлива оставить свою секретарскую должность у декана женского колледжа в Трэйбелле и с головой ушла в переделку дома в соответствии со своим великолепным вкусом. И как раз когда с обстановкой было почти покончено и Фрэнсис уже подыскивала себе новое занятие, она умерла.

Тем ранним вечером Карфакс обнаружил, что у него кончились сигареты. Фрэнсис удержалась от своего обычного ответа — дескать, бросил бы ты курить. Взамен она предложила съездить за сигаретами в универсальный магазин. Там она заодно заглянет в книжный отдел и купит себе дешевенький детектив. Карфакс разозлился. В доме полным-полно разнообразнейших книг, от занудных классиков до легкомысленных детективов. И по крайней мере дюжину из них Фрэнсис еще не прочла. Он высказался на сей счет, а она ответила, что читать именно эти книги у нее сейчас нет настроения. А потом спросила, не хочет ли и он прокатиться Ему, да и ей заодно, будет только лучше, если он оторвется от книги. Карфакс грубовато — возможно, из чувства вины — ответил, что книгу он изучает для завтрашней лекции по средневековой английской истории А если Фрэнсис опять

намекает, что разговаривает он с ней маловато, вспомнила бы лучше, что они только вчера вместе в кино ходили, а потом пропустили рюмочку-другую в баре.

Фрэнсис так хлопнула дверью, что он испугался. Потом он говорил себе, что сердилась она не без причин — ведь в кино они не разговаривали, а в баре к ним присоединились начальник английского отделения со своей женой, и они всего-то парой слов меж собой перекинулись.

Спустя несколько минут после ухода Фрэнсис была мертва. Старикан гнал свою тяжеленную колымагу со скоростью пятьдесят километров в час в зоне с ограничением скорости до тридцати километров, да еще под знак «стоп». Колымага протаранила дверцу импортной немецкой машины Фрэнсис вместе с ней самой.

Фрэнсис отправилась на тот свет. Мистер Линкс, горожанин весьма почтенный — и весьма богатый, — отправился в больницу на недельку. Для обследования. Он отделался шрамом на голове и штрафом за проезд под знак «стоп». Линкс утверждал, что не разглядел знака, потому что его заслонял куст.

Верно, что городские власти так и не распорядились подрезать куст, и человек приезжий мог бы не заметить знака. Но Карфакс мог доказать, что старикан ездил этой дорогой многократно. Единственным свидетелем был парень семнадцати лет. Как оказалось, он сел за руль в пьяном виде и с просроченными правами. Вдобавок он дважды привлекался — хотя и не был осужден — за угон машин. Последняя машина, в краже которой его подозревали, происходила из гаражей мистера Линкса. Именно показания мистера Линкса подоспевшему полисмену привели к тому, что дело кончилось штрафным талоном. Это юнец заявлял, что Линкс ехал со скоростью пятьдесят километров — а его показаниям верить никто и не собирался.

Две недели назад мистер Линкс слетал в Лос-Анджелес, где закупил трехчасовой сеанс МЕДИУМа. По возвращении в Бусирис он дал интервью миссис Ноултон из «Джорнел Стар». В ее статье было подробно расписано, какое ошеломляюще благоприятное впечатление произвели на мистера Линкса Вестерн и МЕДИУМ. Мистер Линкс и в самом деле беседовал со своей нежно любимой покойной женой и теперь ожидал встречи с ней в Великом Непознаваемом. О сообщенных ею подробностях загробной жизни он рассказывал скупо. Ему главным образом хотелось узнать, счастлива ли она, и заверить

ее, что уж он-то никогда не будет счастлив, пока не воссоединится с нею во Христе. А еще он угробил уйму времени (по пять тысяч долларов за полчаса), дабы поведать ей, как процветает его автомобильное агентство и как прибыльны его вложения. Собственно, время разговора не превышало тридцати минут. Два часа ушло на то, чтобы связаться с покойной, и еще полчаса — на установление ее личности, хотя он и был уверен с первой минуты контакта, что это его жена. Но на платных сеансах ФБР требовало получасового установления личности. Как сказал мистер Линкс, даже мертвые страдают от переизбытка правительственного вмешательства.

Но хотя федеральное правительство и наложило свою тяжкую длань на свободное предпринимательство, МЕДИУМ определенно «доказал ошибочность воззрений безбожных атеистов, именующих мистера Вестерна мошенником, и наглядно продемонстрировал вековечность и непреложность слова Божия».

Мистер Линкс проглядел тот факт, что большинство христианских сект отрицают способность МЕДИУМа общаться с мертвыми за недоказанностью.

Карфакс статью прочитал, и порыв ярости погнал его к телефону. Он позвонил мистеру Линксу в главную контору его «Автомобильного агентства с облегченным кредитом», назвался по имени, а потом спросил: «Почему вы не отыскали *мою* жену и не попросили у нее прощения за свою преступную езду?»

— Будь у нее американская машина, а не эта немецкая жестянка, ваша жена была бы и сейчас жива! — ответил мистер Линкс после минутного замешательства и повесил трубку.

Карфакс устыдился, сам не зная чего.

Сейчас, попивая кофе и созерцая птиц, он думал о Фрэнсис. Возможно, он оттого устыдился, что всегда чувствовал: вздумай он поехать с ней, это могло бы ее спасти. Он бы настаивал, что должен дочитать главу, время отъезда поменялось бы, и старикан миновал бы знак «стоп», ни с кем не столкнувшись.

Может быть, он оспаривал притязания Вестерна, не желая поверить в возможность разговора с Фрэнсис. Может быть, он страшился упреков.

Карфакс встал и отнес пустую чашку на кухню. Кухня сияла свежей краской. Фрэнсис покрасила ее всего три недели назад. Настенные часы показывали девять часов пять минут. Патриция Карфакс обещала перезвонить ему сегодня в одиннадцать по иллинойсскому времени. Звонить она будет из автомата, как и в прошлый раз, но кабинку автомата выберет

с видеоприставкой, чтобы он мог увидеть ее в лицо и удостовериться, что она действительно его кузина. Он может сравнить ее облик с фотографией в семейном альбоме. На самой последней ей всего двенадцать лет, но не настолько она изменилась, чтобы ее нельзя было узнать.

Это Карфакс предложил ей воспользоваться видеоприставкой. Ведь мог же Вестерн нанять какую-нибудь девицу, чтобы та представилась его двоюродной сестрой, а потом изыскала способ как-нибудь очернить его. Несмотря на всю свою известность, Вестерн был личностью крайне таинственной. Данные о его жизни были общедоступны, но подлинная суть этого человека оставалась скрытой даже от самых проницательных собеседников.

Когда Вестерн позвонил Карфаксу, впечатление он произвел хорошее. Голос у него был глубокий, звучный и дружелюбный. И большие темно-синие глаза Вестерна, и его нос с небольшой горбинкой, и выдающийся вперед подбородок создавали облик, дышавший силой и искренностью.

Карфакс слишком хорошо знал, как обманчива внешность. Это — да еще предубеждение против притязаний Вестерна — заставило его насторожиться. И все же под конец разговора он почувствовал, что ошибался в этом человеке. Или, по крайней мере, что ему следует постараться быть более объективным, чтобы не ошибиться.

Когда очарование поблекло, он вновь ощутил, что Вестерн, несмотря на свою кажущуюся откровенность, был с ним не до конца честен.

Вестерн не только предложил ему приехать на бесплатный сеанс в любое время. Он даже вызвался оплатить Карфаксу перелет в обе стороны. Карфакс поблагодарил его, обещал все обдумать и перезвонить не позднее субботы.

Почему Вестерн сделал подобные предложения? Он на пути к успеху и продвигается быстро, без каких-либо видимых препятствий. Недоброжелателей у него достаточно, но куда больше друзей. Даже если теория захолустного профессора-историка и получит огласку — о чем ему беспокоиться? Разве может Карфакс досадить Вестерну иначе, кроме как по мелочам?

А что, если Вестерн знал о звонке Патриции Карфакс и постарался обесценить ее слова?

Так или иначе, а отказывать Вестерну Карфакс не собирался. Слишком большое любопытство вызывал у него МЕДИУМ. Ему охота самому посмотреть, что это за штука. А денег, чтобы оплатить трехчасовой сеанс МЕДИУМа, ему вовек не заработать.

Но прежде чем перезвонить Вестерну, он все же дождется звонка Патриции. Возможно, он и вообще не станет звонить до позднего вечера. Ему бы не хотелось, чтобы у Вестерна сложилось впечатление, будто Гордону невтерпеж.

По правде говоря, сказал он себе, его пугает сама идея усесться перед МЕДИУМом.

Он услышал, как возле его дома притормозила машина. Минутой позже хлопнула дверца Спустя несколько секунд послышался дверной звонок.

Карфакс скорчил рожу и поплелся к входной двери. После лекции от звонков и посетителей отбою не было. Пришлось сменить номер телефона на незарегистрированный и повесить на двери объявление. «ПРОСЬБА НЕ ТРЕВОЖИТЬ. ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ОСТАВЬТЕ ПИСЬМЕННОЕ СООБЩЕНИЕ». Но люди большей частью не обращали на надпись никакого внимания.

Открывая дверной глазок, он внезапно вспомнил частного детектива, который заглянул в замочную скважину и получил струю азотной кислоты в глаз. Этот человек был приятелем Карфакса; им даже довелось расследовать несколько случаев совместно.

Но Карфакс-то в очках, так что никакая кислота его глазам не страшна. Он с усмешкой покачал головой, говоря себе, что год от года становится все большим параноиком, и приник к глазку.

Женщине было около тридцати. Хорошенькая женщина — хотя нос и длинноват немного и от его крыльев к уголкам рта протянулись морщинки. Ее рыжевато-каштановые волосы коротко подстрижены и вьются от природы — хотя с уверенностью, конечно, сказать трудно. Привлекательные округлости ее фигуры облекает слегка помятое белое платье.

И тут он понял, отчего решил, что волосы у нее от природы кудрявые. Он видел ее и раньше, хотя и не во плоти.

Он распахнул дверь и увидел рядом с женщиной два чемодана.

— Ты мне вроде позвонить собиралась, — сказал он. — Ладно уж, заходи.

ГЛАВА 4

Патриция Карфакс выглядела молодой копией своей матери Только волосы у нее были посветлее, нос покрупнее, синие глаза потемнее, а ноги гораздо длиннее, чем у матери. И на лице ее матери никогда не было такого загнанного выражения.

Карфакс шагнул к ее чемоданам

— Когда мы войдем в дом, — очень тихо произнесла Патриция, — пожалуй, лучше сначала радио включить, а уж потом разговаривать Возможно, твой дом прослушивается.

— Вот как? — сказал он, поднял чемоданы и последовал за ней в дом

Он поставил чемоданы и запихал в стереоустановку пять долгоиграющих Бетховенов Под грохот «Героической симфонии» он жестом пригласил Патрицию пройти за ним на веранду. Бетховен продолжал вносить в мир красоту и обезвреживать прослушивающие устройства — если таковые имелись.

— Я кофе принесу, — сказал он. — Сливки, сахар?

— Нет, спасибо, я предпочитаю черный, без примесей.

Вернувшись из кухни, Карфакс поставил на маленький столик рядом с Патрицией ее чашку и блюдечко, потом свой кофе — также черный — и пододвинул свой стул поближе.

— За тобой следили?

— Не думаю, что со мной кто-то был в самолете... я хочу сказать, никто не следил. Если бы он за мной следил, то расправился бы со мной раньше, чем я сюда добралась.

— Он?

— Ну, полагаю, чтобы остановить меня, могли послать и женщину Но я думала, что все профессиональные убийцы — мужчины.

— То, что ты здесь, доказывает, что убивать тебя никто не собирался, — заметил Гордон — Убить очень легко, особенно в толпе или на городских улицах Днем или ночью — безразлично.

Патриция вздохнула и откинулась назад. Внезапно она показалась Гордону совершенно бескостной.

— Пари держу, ты проголодалась! — воскликнул он. — Яичница с ветчиной тебя устроит?

— А можно гамбургер? Не люблю яичницу с ветчиной. Но я и вправду проголодалась! И вдобавок зверски устала!

Она села прямо, вновь делаясь существом из мяса и костей

— Но я не смогу уснуть, не облегчив душу.

Карфакс не мог глаз отвести от ее полной груди. Патриция перехватила его взгляд, опустила глаза, подняла их, увидела его улыбку и засмеялась Смех вышел невеселый — глаза чуть навыкате, чашечка в руке трясется

Патриция допила кофе, не расплескав, и чашечка лишь слегка звякнула, опускаясь на блюдечко

— Может, я слишком осторожничаю, — сказала она. — Может, я и перетрусила и зря не предупредила тебя о

приезде. Но, позвонив тебе, я поразмыслила, и мне показалось, что Вестерн может держать на прослушивании твой дом и телефонную линию.

— Почему?

— Потому что я ему сказала, что обращусь за помощью к тебе. Знаю, не стоило этого говорить. Это пришло мне на ум так внезапно. Я ведь только и знала о тебе, что ты мой кузен и бывший частный детектив. Просто я была в ярости. Но об этом потом.

На самом деле я хотела удрать из Лос-Анджелеса и поговорить с тобой с глазу на глаз. Телефонный разговор всегда такой обезличенный, даже по видео. А я до смерти устала от обезличенности. Оттого, что я прячусь и мне не с кем поговорить. И я знала, что этот тип околачивается у входа в здание напротив моего мотеля.

— В Лос-Анджелесе?

— Да, я переехала туда, чтобы быть поближе к Вестерну, но сначала в другой мотель. У меня была квартира в Беверли-Хиллз, но оттуда я выехала, когда обнаружила, что Вестерн за меня взялся. Срок найма еще не кончился, но я заплатила за три месяца вперед. И с тех пор еще дважды переезжала. Машину оставила у приятелей, чтоб Вестерн меня по ней не нашел. И так за ней и не послала, потому что он мог оставить кого-нибудь для наблюдения.

— Чтобы нанять человека месяцами где-то околачиваться в надежде, что ты там объявишься, нужны немалые деньги.

— Да у Вестерна куча денег! Он же мультимиллионер. А деньги-то по праву должны принадлежать мне. Он их заграбастал и все равно хочет меня убить. Совсем как отца!

— Пойми, я должен судить объективно, — заметил он. — Я, знаешь ли, не могу верить тебе на слово. Так что не обижайся на мои расспросы.

— Не буду, — ответила она. — Я знаю, что должна доказать свои обвинения.

— Дай мне хоть основание для подозрений. Сомневаюсь, что ты можешь что-то доказать.

— Ты прав. — Патриция улыбнулась и слегка выпрямилась. — Ты прав. Для начала я с тем же успехом могу объяснить тебе, почему я не пошла в полицию и не поделилась своими подозрениями. Не подозрениями — фактами. Вот только полиция потребует доказательств, а у меня нет ничего, что можно предъявить в суде. Чтоб завести на него дело, моих фактов недостаточно. Притом же он теперь до того знаменит и могуществен, что полиция против него ничего не предпримет — разве что застав на месте преступления.

— Сомневаюсь, — сказал Карфакс. — Полицейские могут и не хотеть его арестовывать, но если причина будет достаточно серьезной, им попросту придется.

— Но если бы я пошла в полицию, Вестерн узнал бы, где я, и мог настичь. Во всяком случае, я побывала у адвоката и изложила ему свое дело. Он сказал, что шансов у меня никаких. А вот если я оставлю ему свой номер телефона, он мне перезвонит: вдруг он передумает. Я ему ответила: «Нет, спасибо, мой номер вы узнаете, только когда будете моим адвокатом».

Я вышла, остановила такси и поехала прямиком в мотель. Это была ошибка. Я думаю, он послал кого-нибудь проследить за мной...

— Кто послал?

— Адвокат.

— Кто он таков?

— Роджер Хэмптон. Из «Хэмптон, Торбург, Рокстон и Роу».

— У них очень хорошая репутация. Зачем бы Хэмптону устанавливать за тобой слежку?

— Потому что он решил, что я ненормальная и доберусь до Вестерна, даже если мне придется и его пристрелить! Явившись к нему в контору, я была здорово на взводе! Но я уверена, что он позвонил Вестерну и сказал ему, где я.

— Дела твоего он не принял, это верно, но информация все равно должна оставаться конфиденциальной!

— Может, он решил, что Вестерна преследует опасный маньяк, и сказал ему только, где я, а не о чем мы с ним говорили.

— Или же он не имеет с этим ничего общего, — предположил Карфакс. — Если за тобой и был хвост, то еще до визита к Хэмптону.

— Если?! — возмутилась Патриция. — Я знала, что он следит за мной. Я видела, как он подходил к портье и расспрашивал обо мне. Когда этот тип убрался, я спросила портье, не обо мне ли его спрашивали, и он подтвердил.

— Продолжай, — сказал Карфакс, махнув рукой.

— Я упаковалась и снялась с места в четверть часа. Доехала на такси до ресторана в Шерман Оукс, потом другим такси добралась до Тарсаны. Взяла машину напрокат, уплатила наличными и поехала по шоссе номер один. Я собиралась остановиться у своих друзей в Кармеле. Не думала, что Вестерн может о них знать. А потом, спускаясь с одного из этих холмов...

— Знаю, — прервал он.

— Я чуть не погибла! Тормоза отказали. Я все ехала и ехала по серпантину и только потому ни в одну машину не врезалась, что ни одной не подвернулось.

В самый нижний поворот я вписалась неудачно, а тут еще шина лопнула, и автомобиль перевернулся. На мне не было ни единой царапины, но испугалась я ужасно. Машина просто всмятку. Полицейские подвезли меня к ресторану, возле которого я припарковывалась перекусить. Ясное дело — лужа тормозной жидкости на месте моей парковки.

От медицинской помощи я отказалась. Я и не нуждалась в помощи, кроме глотка-другого виски. Какой-то полицейский подошел и сказал, что в цилиндре, вне всяких сомнений, копались. И произошло это во время парковки — до того тормоза были в порядке, а потом впереди не было никакого движения, и я тормозами не пользовалась. Я нажала на тормоз в первый раз, съезжая с холма, а тогда было уже поздно.

— И кроме Вестерна, смерти твоей желать некому?

— Некому.

«Пятьдесят очков из ста в твою пользу», — подумал Карфакс.

— Расскажи все с самого начала, — предложил он. — Иначе мы запутаемся. Я перебивать не стану, а вопросы задавать начну потом.

— Годится. Ты знаешь, что мой отец преподавал физику в Калифорнийском университете?

— Читал в газетах. Кстати, все, что мне об этом известно, я вычитал из «Нью-Йорк Таймс». Местная газета едва ли о нем упоминала.

— А раньше он преподавал в Лос-Анджелесе. Должно быть, он работал над МЕДИУМом уже тогда. Дома он вечно засиживался над уравнениями, диаграммами, схемами, моделями какими-то. Я то и дело натыкалась на них, заходя в его кабинет, и однажды спросила, над чем это он работает. Он отшутился — дескать, это будет самая большая сенсация со времен сотворения мира.

— Предполагается, что эту фразу выдумал Вестерн.

— Он украл у отца не только МЕДИУМ. Папа всегда держал свои бумаги в сейфе. А когда мы переехали, он смастерил какое-то электронное устройство. Сравнительно с МЕДИУМом — маленькое. Но энергию оно пожирало неимоверно. Видел бы ты наши счета за электричество!

— Они не сгорели во время пожара? — спросил Карфакс и торопливо добавил: — Знаю, я обещал не перебивать, но это важно...

— Нет, они все сгорели Конечно, у компании хранились копии Именно хранились — когда я сделала запрос, они были уже уничтожены Я обратилась с запросом через полгода после пожара, а копии оплаченных счетов так долго не хранятся. Как бы то ни было, я знала, что энергия расходуется в немыслимых количествах Мы жили вместе, и я несла свою долю расходов Я, знаешь, была тогда секретаршей ректора.. хотя нет, откуда тебе знать? Зарабатывала я неплохо, но оплачивать такие счета мне было не по средствам. Отец сказал, что обо всем позаботится. Но я знала, что папа не может себе позволить таких расходов. А через несколько месяцев он сказал, что нашел человека, у которого можно одолжить денег под очень низкий процент Угадай, кто это был?

Карфакс предпочел промолчать.

— Его племянник Мой двоюродный брат. И твой заодно. Папа получил деньги, но ему пришлось, должно быть, рассказать Вестерну, над чем он работает. И все же — да кто даст денег на такое безумие, как МЕДИУМ! Все равно что постройку вечного двигателя финансировать.

«Что теперь теоретически вполне возможно, — подумал Карфакс. — МЕДИУМ не только к покойникам проторил дорожку».

— Папа, должно быть, отладил машину, чтобы ее можно было продемонстрировать. Не знаю. Я никогда не видела Вестерна у нас дома, да папа и не говорил, что он бывал у нас. Но он мог приходить, когда я была на работе или уезжала на лето в Европу.

Карфакс хотел спросить, знает ли она наверняка, что деньги ее отцу дал Вестерн

— Папа внезапно начал оплачивать счета за электричество, — сказала Патриция, словно прочитав его мысли, — и прикупать оборудование Я знаю, что он выложил двадцать тысяч долларов за один раз, а потом еще десять тысяч.

— Тридцать тысяч? — беззвучно произнесли губы Карфакса.

— Львиная их доля ушла на какую-то электронику. Папа не говорил мне, откуда берутся деньги и над чем он работает. Сказал, что все выяснится во благовремении, а мне не стоит беспокоиться. Платил он наличными Счета так и не отыскались. Если они и были, то сгорели Или украдены.

Не знаю, почему отец не сказал мне, над чем работает Я бы не стала насмехаться или называть его чокнутым По крайней мере вслух

Патриция замолчала и нахмурилась

— Нет, — сказала она, — не стоит себя обманывать. Скорее всего я решила бы, что он выжил из ума, и не смогла бы

промолчать. Я бы ему сказала, что думаю. Может, даже обратилась бы к психиатру Я не верила в загробную жизнь, да и вообще в явления сверхприродной природы. Тавтология, верно? Сверхприродная природа...

Но и папа не верил, насколько мне известно. Однако, когда четыре года назад умерла мама, для него это был ужасный удар. Поэтому я к нему и переехала. Я боялась, что он умрет с горя, а то и с собой покончит. Да ладно, я уже сказала, что не стоит заниматься самообманом. Папа был нужен мне почти так же, как и я ему. Я очень любила маму да вдобавок только что развелась. Я переехала к нему, чтобы он мог утешить меня, а я — его.

Она открыла сумочку, достала из нее изящный носовой платочек и утерла глаза.

— Может, это его желание убедиться, что она не умерла, что она жива, что он сможет когда-нибудь с ней встретиться, быть с ней... разве не занялся Конан-Дойль спиритизмом, когда его сын умер?

— Я думал, это был кто-то из его родственников.

— Но я уверена, что папа хотел подойти к проблеме с научной точки зрения. Он бы не обратился к медиуму. А может быть, мамина смерть имеет мало общего с этим проектом. Может, он случайно натолкнулся на принципы МЕДИУМА. Вот только открытие это оказалось не к добру.

Глядя на птиц и на траву, еще влажную от росы, Карфакс не ожидал никаких позывов к обретению бессмертия. Если он что и чувствовал, так только то, что жизнь продолжается на этом свете. Покойники есть покойники, и возвращаются они только в виде удобрения для почвы. А похоронные обряды зачастую сводят к нулю даже такую возможность. Теперь же Карфакс и в этом сомневался. Люди изо всех сил старались уничтожить всяческую жизнь, включая себя.

— Это случилось вечером семнадцатого марта, — произнесла Патриция. — Я уехала в Санта-Крус навестить приятелей по колледжу и в университет возвращалась около часа ночи, усталая, но довольная — время я провела неплохо. Бак почти опустел, а папе с утра была нужна машина: свою он отогнал в гараж. Он сказал, что должен быть утром на заседании кафедры, но не объяснил зачем. Вот я и решила сначала заправить машину, а на боковую идти уже потом. Вероятно, это и спасло мне жизнь. Как раз когда я отъезжала от заправочной.

Было слышно, как она сглотнула

— Я услышала взрыв, — сдавленно произнесла она. — Весь город услышал. Наш дом от заправочной в пяти кварталах, а

грохнуло, как под самым ухом. Знаешь, во всех домах вылетели стекла, соседи с постелей повскакали...

Мне... мне пришлось остановиться на пару минут. Я была просто потрясена. А потом я поехала домой... очень быстро Я знала, чей это дом горит.

Дом разнесло на куски, он полыхал — один сплошной костер. Пожарные прибыли спустя пять минут после меня и целый час только сдерживали огонь, чтоб на соседние дома не перекинулся. А я была не в силах ни говорить, ни двигаться, ни вообще что-то делать — просто сидела и смотрела на огонь, на полицейских, на пожарных, на толпу зевак. Потом одна из соседок указала на меня полицейскому — так она мне потом рассказывала, — и меня увезли на «скорой». Доктор дал мне успокоительное, и я проснулась назавтра вечером. Но мысли у меня в голове еще путались, и я очень ослабла.

О результатах поисков мне рассказали гораздо позже. Папино тело взрывом выбросило в сад, но на него упало горящее дерево, и его не просто раздавило, изуродовало... он обгорел до неузнаваемости. Его только по зубам и опознали — у нашего дантиста сохранилась карточка. И... и...

Она вытерла глаза уголком платка и высморкалась. Карфакс сходил на кухню за бумажными салфетками. У Патриции от слез косметика расплылась, и, поглядевшись в зеркальце, она поднялась в ванную — исправить нанесенный ущерб. По возвращении она не только выглядела лучше, но даже смогла улыбнуться.

— Стенной сейф был заперт, — продолжила рассказ Патриция, — но в нем ничего не было. Очевидно, его открыли, забрали бумаги, вообще все забрали, даже мои украшения, и опять закрыли. Тот, кто это сделал, должен был заставить папу открыть сейф.

Полиция считает, что взрыв был вызван газом. Горелки в искусственном камине были закрыты, но в полиции полагают, что их держали открытыми, пока весь дом не наполнился газом. Окна и двери были заперты наглухо и вроде даже заклеены клейкой лентой. Лента сгорела, конечно, но у них, в смысле, у полиции, есть способ определить, что она была использована.

Но папа не отравился газом. У него в легких газа не оказалось. Он умер от удара по голове. Во всяком случае удар был настолько силен, что папа от него умер. Но определить, нанесен ли удар человеком, невозможно. Может, при взрыве что-нибудь тяжелое свалилось ему на голову. Хотя едва ли: тогда он успел бы вдохнуть газ. Должно быть, его все-таки сначала ударили по голове, а уж потом включили газ.

Потом убийца — по всей вероятности, в респираторе — включил газ... подождал, пока весь дом им наполнится и установил зажигательное устройство, чтобы газ взорвался. Полиция не нашла ничего похожего на зажигательное устройство, но оно наверное — да наверняка! — было уничтожено взрывом.

Убийца выскользнул черным ходом, закрыл его и уехал прежде, чем взорвался газ. Две модели МЕДИУМа были уничтожены взрывом и пожаром. Эксперт по электронике обследовал их останки и сказал, что какие-то детали с них были сняты. Он не знает, для чего эти детали предназначались — он в жизни не видел ничего подобного. А без недостающих частей он не в силах разобраться.

Поскольку убийце пришлось заставить папу открыть сейф, чтобы забрать схемы МЕДИУМа, должно быть, папа его узнал.

Карфакс не смог удержаться:

— Но не в респираторе же, с измененным голосом!

— Я знаю. Но убийца понимал, что живых свидетелей не останется, так от кого таиться? В любом случае если это и не сам Вестерн, то Вестерн стоял за тем, кто это сделал. Только он и мог знать, над чем папа работал. И это не совпадение, что Вестерн объявил, что устанавливает контакт с миром мертвых через полгода после смерти моего отца.

Я знала, что Вестерн украл папины разработки, но где у меня доказательства? У меня не было ни одной улики, способной убедить суд. Но я не собиралась умыть руки и оставить убийцу моего отца безнаказанным, насколько это в моих силах. Так что я первым делом получила страховку, переехала в Лос-Анджелес и наняла детективов следить за Вестерном.

В прессе о нем многое сообщалось, так что в общих чертах сведения тебе знакомы. Он получил степень бакалавра по администрированию бизнеса и унаследовал от своего отца семь магазинов телерадиоэлектроники. Он посещал технические курсы в колледже, и у него первоклассная лицензия оператора по радиотелефонам. Но для изобретательства у него нет ни знаний, ни таланта.

— Извини, что опять перебиваю, — подал голос Карфакс, — но, чтобы совершить открытие, не обязательно иметь степень доктора философии.

— Да, — кивнула Патриция, гневно распахнув глаза, — но Вестерн никогда ничем таким после колледжа не занимался Он делал свой бизнес, играл на бирже и гонялся за юбками. Я же говорила тебе, что это за человек! Я только раз и была с ним наедине, после папиных похорон. Я согласилась пови-

даться с ним, чтобы выяснить, чем папа занимался. По сути дела я сама напросилась на приглашение. Позвонила ему и попросила поговорить со мной о папе. Он повел меня обедать в «Скандию», мы там выпили немного. Потом он сказал, что у него дома нам было бы удобнее беседовать — тише, знаете ли, — и я с ним согласилась. Я надеялась, что если его еще подпоить, то в обществе хорошенькой женщины — ложной скромностью я не страдаю — он может и проболтаться.

Ее глаза еще больше расширились. Голос уже не звучал горестно и приглушенно — он звенел от ярости.

— Он предложил мне переспать с ним! Собственной двоюродной сестре! Убийца моего отца! Боюсь, что я сваляла дурака, но я была вне себя! Я врезала ему по физиономии и заорала, что он убил папу, чтобы выкрасть его чертежи, и уж я позабочусь, чтобы с рук ему это не сошло. Если полиция до него не доберется, то я доберусь.

Никогда не видела, чтоб человек так переменился. В ту минуту мне казалось, что он меня на месте прикончит. Но нет, слишком он умен. Он так быстро взял себя в руки, словно его холодным душем окатило. Он велел мне убираться с глаз долой и больше не показываться. А если я другим людям стану говорить подобные вещи, он позаботится, чтобы я заткнулась.

Он не сказал, что убьет меня, — ничего подобного. Просто «чтобы я заткнулась». Уверена, что он не собирался проделать это, не нарушая закона. Я удрала со всех ног.

Потом от своих детективов я узнала, что Вестерн иногда позволяет женщинам воспользоваться МЕДИУМом, даже если у них не хватает денег. Если они хорошенькие, он принимает плату натурой. Грязная скотина!

Карфакс подумал, что для заключения подобной сделки нужны двое.

— Интересно, откуда такие сведения? — Он хмыкнул. — Вряд ли эти женщины охотно распространялись о своих похождениях.

— Мое детективное агентство подсадило к Вестерну своего человека. А тому рассказала одна из его секретарш. Персонал у Вестерна лояльный, но она проболталась агенту, потому что влюбилась в него и считала, что дальше его сведения не пойдут: он ведь всех заверяет в своей преданности Вестерну. Грязное это дело — работа детектива, верно?

— Да, но дела вообще редко делают чистыми руками.

— В любом случае агентство получило информацию от женщин, которые Вестерну отказали. Они-то были не прочь поговорить!

Я знаю, ты удивлен, что Вестерн не расправился со мной давным-давно, раз уж он за меня взялся. Я сказала ему о своих подозрениях восемь месяцев назад. Если он хотел меня убить, то давно уже мог это сделать. Но он наверняка знает, что я наняла профессионалов следить за ним. Тем двоим, что заправляют агентством, уже звонили неизвестные личности и велели отказать мне в услугах. Как раз после того, как обнаружилось, что мой дом и телефон прослушиваются. И в агентстве опознали кое-кого из моих соглядатаев. Они из другого агентства — и уж наверняка не признаются, кто их нанял.

— Как называется твое агентство? И то, второе?

— Мои люди — Форчун и Торндайк. Вестерн нанял службу безопасности и расследования «Магнум».

— Форчун и Торндайк из Западного Голливуда, — кивнул Карфакс. — «Магнум» обретается в Лос-Анджелесе, и заведует им Вальмон. Я неплохо знаю всех троих — работал с ними от случая к случаю.

— А почему ты решил преподавать историю? — спросила Патриция. — Могу еще понять, почему ты забросил детективную работу. Противное занятие, муторное, и интересного в нем мало. Конечно, твой нервный срыв...

Он пожал плечами.

— Ну, об этом было напечатано в «Тайм», — продолжила Патриция. — Там говорилось, что у тебя приключился нервный срыв во время расследования. И все осложнилось — то есть нервный срыв, а не расследование, — когда ты чуть не погиб в оползне во время этих жутких дождей, и...

— Я некоторое время пробыл в частной клинике, а потом в госпитале Горы Синай в Беверли-Хиллз. Мне посчастливилось — а может, наоборот — нарваться на отличного психотерапевта, истинного мастера своего дела.

— Наоборот?!

— Возможно. Доктор Слоко убедил меня — или позволил мне самому себя убедить, — что я и в самом деле спятил и что я пережил серию необычных и крайне реалистичных галлюцинаций. После чего я быстро пошел на поправку. Но я до сих пор не уверен, что...

— Ты просто должен как-нибудь мне об этом рассказать. Но я боюсь, что эти галлюцинации дают Вестерну преимущество перед тобой. Стоит ему захотеть, и он может сослаться на твой нервный срыв. И сказать — или хоть намекнуть, — что ты снова болен. И на твою научно-фантастическую теорию никто и внимания не обратит.

— Я отлично отдаю себе отчет, — скривился Карфакс, — какой это козырь в руках моих противников. Вестерн может так поступить, если его прижмет. Ты...

Он смолк. Ему не хотелось говорить, что двое, из которых у одного психика не в порядке, а другая скорее всего неуравновешенна, едва ли могут быть хорошими союзниками.

— Это мы обсудим позже, — возразила Патриция. — Я пришла к тебе, потому что ты мой двоюродный брат и решительно не сторонник Вестерна. И у тебя есть опыт расследований. И..

— Ладно, пусть так, — уступил Гордон. — Может, хватит кидать камни по кустам?

— Что?

— О чем ты хотела меня попросить в случае, если я поеду к Вестерну?

— Логично, правда? — спросила Патриция, наклонясь поближе. — Я понимаю, что не вправе просить, ведь тебе предоставят только один сеанс. Тебе, наверное, захочется поговорить с женой, с родителями, с кем-нибудь из близких. Или, раз уж ты преподаешь историю, тебя может заинтересовать... ну, скажем, не стоял ли за убийством Линкольна министр обороны Стентон?

— Ласалль из Чикагского университета уже разрабатывает эту тему. У него федеральная субсидия.

— Но выяснить, был ли твой отец убит и кем, — помолчав, добавил Гордон, — куда важнее, чем смерть Линкольна. Возможно, с тех пор и не было дела об убийстве большей важности.

— Ты это сделаешь! — вздохнула она.

— Подумаю.

Он сказал себе, что побочным эффектом беседы явилось противоречие его же собственной теории. Вместо того чтобы напомнить себе твердо, что речь идет о существах негуманоидных, но живых, он начал думать о них как о покойных людях. За помощью Патриция обратилась к нему, но заявлениям Вестерна она поверила.

ГЛАВА 5

Гордон Карфакс и не представлял, что когда-нибудь снова вернется в Лос-Анджелес.

И вот теперь он смотрит в иллюминатор самолета, идущего на посадку в международном аэропорту Риверсайд. Хотя пейзаж внизу скорее напоминает подводный: сквозь толщу серо-зеленого смога, окутавшего всю Западную Аризону, очертания

гор настолько размыты, словно видишь их не с борта самолета, а из субмарины. Где-то там, за его густой пеленой прячется заповедник «Кофа Гэйм», где, по слухам, еще сохранилось несколько последних североамериканских пум — со слезящимися глазами, задыхающихся от кашля и еле волочащих лапы.

Кроме них еще выжили только кактусы сагуаро, которые во всех остальных районах находились на грани вымирания. Но в том, что этот вид гигантского кактуса почти практически исчез с лица Земли, следовало винить, конечно, не только загрязненную атмосферу.

Президент Соединенных Штатов торжественно обещал, что уже через десять лет — чего бы это ни стоило! — степень загрязнения воздуха снизится до уровня 1973 года.

Самолет приземлился и подрулил бортом к телескопически выдвинувшемуся навстречу ему переходу, по которому Карфакс прошел внутрь куполообразного здания аэровокзала с кондиционированным воздухом. Он сразу узнал встречавшего его — с Эдвардом Турсом, высоким плосколицым худощавым мужчиной с коротко остриженными седыми волосами, он уже встречался по видео, когда договаривался о визите к Вестерну. Они пожали друг другу руки и перекинулись несколькими фразами о смоге — как бы он ни надоел, зато всегда мог послужить темой для начала разговора. Затем они вскользь коснулись растущих цен; пляжей, с которых разворачивают всех, кто не прошел теста на внешнюю привлекательность; резни в Филадельфии; Иранского кризиса и катастрофического снижения среднего уровня грамотности. Впрочем, разговаривать долго не пришлось: из щели багажного отделения две механические руки выдвинули чемоданы Карфакса, тут же подкатилась юркая четырехколесная «черепашка» и руки бережно установили вещи на ее плоской спине. «Черепашка» устремилась к Гордону и замерла в футе от него. Карфакс сунул в щель счетчика свою карточку, и тут же два юных носильщика подхватили его багаж, а «черепашка» развернулась вокруг своей оси и укатила.

Турс и двое сопровождающих были одеты в летние дневные деловые костюмы апельсинового цвета На шее у каждого на массивной серебряной цепочке висел большой серебряный анкх*, в центре которого в круге сверкала большая золотая «М», очевидно, означавшая «МЕДИУМ» Такие же медальоны

---

* Петельчатый крест, древнеегипетский символ жизни *(Здесь и далее примеч. пер.)*

красовались на шеях у большинства присутствующих в аэропорту.

— К сожалению, доктор Карфакс, нам придется поехать отсюда на экспрессе, — извиняясь, сказал Турс, — мы больше не пользуемся транспортом с двигателем внутреннего сгорания — ни в аэропорту, ни вообще нигде. Пресса выставила нас полными экологическими идиотами! Но вы-то знаете...

— Да я в общем-то и не рассчитывал, что мою персону будут встречать на лимузине! К тому же экспресс дает автомобилю огромную фору в скорости.

Они перешли в зал ожидания, и почти тут же к перрону со свистом и скрипом подлетел голливудский поезд. Уютно устроившись в одном из яйцеобразных вагонов, они уже через пару минут неслись со скоростью 250 километров в час. Карфакс, сидя у окна, любовался пейзажами, мелькавшими между громадными белыми арками, обрамляющими монорельс. Здесь смог не выглядел таким густым, каким казался с высоты в 20 000 километров. Да и какое Гордону дело до грязного воздуха, если в вагоне работает кондиционер!

Он смотрел на Лос-Анджелес — и узнавал, и не узнавал его одновременно: пригород расползся еще на тридцать километров к востоку — там, где раньше была полупустыня, выросли новые районы. В старейшей части города появилось множество высотных зданий, а улочки, по которым Гордон некогда бродил, были реконструированы в двухуровневые магистрали со множеством полос движения. Он заметил, что многие пешеходы носят респираторы и баллоны с кислородом.

Через пять минут после того, как они проехали Риверсайд, экспресс остановился у станции «Хайленд Сансет». Вот здесь изменилось очень многое: бульвары Сансет и Голливуд стали двухуровневыми, многие здания были снесены, а улицы перепланированы.

Выйдя из поезда, все четверо направились к пластиковому эскалатору, ведущему на верхний уровень, где в небольшом гараже их дожидалось одно из новых такси. Экипаж был оборудован электробатареями, электромотором для каждого колеса в отдельности и бритоголовым водителем, на котором были только шорты цвета электрик и ярко-алая шейная косынка.

Такси не спеша двинулось к выезду из города по новой трассе «Николс-Каньон», откуда они свернули на частную дорогу, ведущую к поместью Вестерна. Проехав с километр, шофер притормозил у разводного моста, рядом с которым находился сторожевой пост. Как только Турс предъявил

личную карточку с кодом и просунул большой палец в идентификатор, ворота отворились, мост опустился и они въехали на территорию поместья.

Дорога вилась у подножия высокой горы, и от нее ответвлялось множество боковых дорог, ведущих вниз к различным постройкам. Сам склон был тщательно обработан, вылизан и ухожен: покрыт террасами, кое-где укреплен пластиком, бетоном и металлоконструкциями и весь увит декоративным плющом.

Сквозь частую ограду вдоль дороги, перемежавшуюся высокими пилонами, Карфакс разглядел впереди большую автостоянку. По ее периметру стояло несколько полицейских машин, а все находящиеся на ней разбились на группы и размахивали различными лозунгами.

— Вестерниты и антивестерниты, — прокомментировал Турс. — Самая большая группа — это наши почитатели, а все остальные — те, кто против нас. Но в их лагере нет согласия, и все они недолюбливают друг друга. Тут и католики, и баптисты, и представители церкви сайентологии... И есть даже, с вашего позволения, «карфакситы». Прошу прощения за термин.

— Я не давал позволения называться моим именем ни одному обществу или группировке, — процедил Карфакс, — во всяком случае пока.

— Тогда скажите им об этом, — усмехнулся Турс.

Цитадель Вестерна находилась в самой высокой точке поместья. Это было трехэтажное здание из кирпича и дерева, явно довоенной постройки. На участке суетились пятеро чернокожих в ослепительно белой форме: они подстригали газоны и возились с цветущими кустами. Картина была столь идиллической, что Гордон не удивился бы, если бы на широкую веранду вдруг вышел какой-нибудь козлобородый полковник в сопровождении дам в кринолинах.

— На самом деле все эти садовники — агенты службы безопасности, — заметил Турс. — А зелень выглядит такой свежей, потому что она из пластика.

— Но как же тогда эти косилки и ножницы? Они разве ей не повредят?

— У косилок нет внутри лезвий, а ножницы тупые. Хоть мистеру Вестерну это все не очень-то по душе, но он вынужден держать охрану. Слишком много заблуждающихся — таких, как этот Филлипс, например. Ну, вы, наверное, читали о нем — он пытался убить мистера Вестерна. Некоторые фанатики считают, что подобным убийством они могут спасти основы своих религий от разрушения. Больные люди!

— Я так понял, что мистер Вестерн вызывал Филлипса на беседу всего через шесть часов после того, как тот умер.

— Да, Филлипса оказалось легко локализовать. Но контакт не получился, потому что он еще не отошел от шока после перехода в *вэмс* (так мы называем «тот» мир). Однако мистер Вестерн планирует с ним еще одну беседу. Он считает, что посмертная воля Филлипса сможет убедить других последователей его религии, что то, что мы делаем, — не шарлатанство.

Такси подъехало к воротам в частой металлической изгороди, и они почти сразу распахнулись. Машина обогнула дом и въехала в подземный гараж, пластиковые двери которого тут же автоматически закрылись. Пассажиры вышли, и Турс протянул водителю свою кредитную карточку. Тот на секунду сунул ее в щель счетчика, а затем вернул хозяину. Двери снова распахнулись; заработали ветродуи, отгоняющие смог, и такси умчалось.

Турс повел Карфакса по лестнице вверх, и через дюжину ступенек они оказались в огромной, элегантно обставленной комнате. В ней находилось четверо молодых людей, державшихся так, словно бесцельно слоняться из угла в угол было для них самым важным занятием на свете, а высшей целью в жизни — достаточно круто выглядеть. Гордон уже морально подготовился к обыску, но об этом никто даже и не заикнулся, и он решил, что где-то здесь спрятан металлоискатель.

Дальше они проследовали через холл, украшенный росписями, в которых он узнал копии этрусских фресок, и затем на небольшом эскалаторе поднялись на верхний этаж. Причем Карфакс обратил внимание, что, для того чтобы привести подъемник в действие, Турс не пользовался никакими кнопками или сигналами. Очевидно, здесь повсюду были расставлены скрытые камеры и за всеми их перемещениями велась слежка.

В офисе, в котором они очутились, шла бурная деловая жизнь: не менее чем за двадцатью столами многочисленные служащие говорили по телефонам, прослушивали записи, изучали документы, надиктовывали в диктофоны. Хозяйку всего этого столпотворения Карфаксу представили как миссис Моррис — личного секретаря Вестерна. Она проводила их, вежливо улыбаясь, по небольшому коридорчику в приемную, где стоял незанятый стол и компьютер. Наконец еще один очень длинный коридор привел их к небольшой дверце. Турс помахал рукой в объектив камеры, укрепленной под потолком, и дверь ушла в стену.

Комната, находившаяся за ней, казалась просто огромной, и в ней было довольно прохладно. На выбеленных стенах висели только несколько совершенно непонятных Гордону диаграмм. Мебели почти не было — за исключением маленького столика в углу и нескольких стульев, расставленных как попало.

В центре комнаты стоял Вестерн. А рядом с ним — МЕДИУМ.

ГЛАВА 6

Карфакс был вынужден отдать Вестерну должное: он не нагнетал мистическую атмосферу. Никаких экзотических драпировок, столь обычных для обиталища медиумов-людей. Комната пустая и светлая. Тускло-серый декаметровый куб покоится на изогнутом пульте. Все его многочисленные датчики, реостаты, панели, тумблеры, индикаторные лампочки и мониторы, все толстенные кабели, уходящие в пол, зримо воплощали собой НАУКУ. Вестерн не был облачен в развевающиеся одеяния, усеянные астрологическими символами. Не походил он и на лаборанта. Он выглядел так, словно явился прямиком с теннисного корта. На нем были белые теннисные туфли на босу ногу, светло-зеленые шорты и белая рубашка без рукавов. Густые черные волосы курчавились в ее глубоком V-образном вырезе; мускулистые ноги тоже поросли черным волосом.

Карфакс ожидал увидеть на нем анкх с буквой «М», но и того не было.

Вестерн улыбнулся, шагнул навстречу Гордону и протянул ему большую, сильную волосатую руку.

Улыбаясь, он весьма походил на Патрицию.

Несколько минут он беззаботно беседовал с Карфаксом — расспросил о перелете, отпустил обычные комментарии насчет смога и заметил, что жизнь в Лос-Анджелесе только тогда можно назвать терпимой, если не выходить на улицу по шесть месяцев в году и иметь уйму денег.

— Не то чтобы к слову, — сказал он, — но все же... наша двоюродная сестра с тобой уже виделась?

Карфакс не ожидал подобной прямоты. Весь план кампании рухнул в несколько секунд.

Лучше сказать правду — ну хотя бы столько правды, чтобы хватило убедить Вестерна, что он не лжет. Должно быть, Вестерну известно, что Патриция его навещала.

— Да, — ответил он, надеясь, что голос его звучит столь же непринужденно, как у Вестерна. — Вообще-то она заявилась без приглашения и прогостила у меня почти неделю.

Карфакс основательно обшарил свой дом в поисках «жучков». Он не нашел их, не нашел и прослушивающего устройства в телефоне. За Патрицией могли следить до самого Бусириса или разузнать, куда она направилась, в справочной авиакомпании. А если так, любому ясно, кого она собиралась навестить в Бусирисе.

— Я не слишком удивлен, Гордон, — сказал Вестерн. — Не знаю, какого ты о ней мнения, но мне сдается, что после смерти отца у нее не все в порядке с головой. Она его очень любила. Даже слишком. А обстоятельства его смерти могли бы потрясти и человека более уравновешенного.

Но она обвиняет меня в том, что я украл у ее отца чертежи МЕДИУМа. И разумеется — ведь одно из другого вытекает, — что это я его убил. Она тебе об этом говорила? Говорила, конечно.

Вестерн определенно знал, как обезоружить. Кто бы поверил, что за этой прямотой скрывается вор и убийца?

— Говорила, — признался Карфакс.

— И ты собирался — или хотя бы надеялся — использовать мое детище, мой МЕДИУМ, чтобы выяснить, правду ли она говорит?

— Ты очень проницателен, — ответил Карфакс. — Говоря по правде — а мы ведь оба говорим правду, — я не был уверен, что попрошу тебя отыскать моего... нашего... дядю. У меня, знаешь ли, есть и свои интересы.

— Я предоставлю тебе два сеанса, — рассмеялся Вестерн. — Конечно, влетит мне это в копеечку, но я и здесь преследую свою выгоду. У меня есть много причин предложить тебе два сеанса. Прежде всего, если ты удостоверишься, что я прав, твоим последователям будет нечем крыть. Твоя теория, как и многие с ней схожие, умрет, едва родившись. Я и другим своим противникам иной раз предлагаю бесплатные сеансы. Завтра у меня будет сущее столпотворение. Троица иезуитов: выдающийся физик, видный богослов и специалист по части экзорцизма. Я разрешил ему заниматься экзорцизмом сколько влезет.

А кроме иезуитов, будут еще видные англиканские и методистские священники. Придут двое раввинов, ортодокс и обновленец. Да еще последователь Христианской науки, потом мормон и один знаменитый атеист, который пишет научно-фантастические книги. И глава Африканской анимистской церкви — из Найроби, кажется.

— Не знаю, насколько эта комиссия окажется объективной, — добавил он, помолчав. — В конце концов, будут потрясены основы их религий, включая атеизм, ведь это тоже форма религии. А если это произойдет, они и сами будут потрясены. Религия зачастую лежит в самой сердцевине человеческой личности. Стоит ее уничтожить, и самосознание под угрозой. Мало у кого хватит сил это перенести.

Но на твою объективность я надеюсь. Уж не знаю, где ты откопал свою теорию — разве что научной фантастики начитался...

Карфакс поморщился.

— Извини, — улыбнулся Вестерн. — В самой твоей теории нет ничего смешного, но я считаю, что факты ее опровергают.

Голос его сделался громче, лицо слегка покраснело.

— Боже ты мой! Чего еще людям надо? Федеральная комиссия замучила нас своими проверками. Знаешь, каков их неофициальный отчет? Нравится вам или нет, МЕДИУМ — это средство общения со сверхъестественным. Я, по правде говоря, предпочитаю свой термин *вэмс* — вселенная электромагнитных существ. Официальный отчет еще не публиковался: любому ясно, что президент меж двух огней. Признает он отчет правдивым или нет — в обоих случаях недовольные найдутся. Но отчет все равно скоро опубликуют: слишком уж перестарались, пытаясь его похоронить.

— Знаю, — кивнул Карфакс.

— Еще бы! Пресса только об этом и толковала. Ладно, тебе ведь не терпится приступить к делу, а мне не терпится прояснить обстановку. Не то чтобы Патриция могла мне серьезно навредить, но неприятностей от нее хватает.

Он повернулся к монитору:

— Хармонс!

Секундой позже появился низенький толстый человечек в белых башмаках, белых брюках и длинном белом лабораторном халате.

— Хармонс — наш главный инженер по контактам, — объяснил Вестерн. — Он будет рядом на случай, если МЕДИУМ закапризничает или тебе понадобится помощь. МЕДИУМ — штука громоздкая, но он нежнее котенка. Даже масса наших тел воздействует на него. Во время работы мы ближе чем на метр больше троих человек к нему не подпускаем. А еще лучше — только одного.

То, что Карфакс считал пустой стеной, засветилось красными огоньками.

— Да? — откликнулся Вестерн, перегибаясь через пульт

— Мистер Вестерн, вам звонит миссис Шарп.

— Скажите, что я перезвоню ей позже.
— Да, сэр, но она говорит, что дело срочное.
— Позже!
— Да, сэр!

Вестерн выпрямился. Когда он вновь заговорил, резкие ноты исчезли из его голоса, и он улыбался.

— Эта старуха очень богата. Как ты думаешь, с кем она хочет поговорить? С покойным мужем? С покойными родителями? С покойными детьми? С покойным Иисусом? Как бы не так — со своей покойной собакой!

Он покачал головой:

— Она завещала все свое состояние ветеринарной лечебнице, а кругом дети голодают...

Он замолчал и прикусил губу.

— Ну что, начнем? — спросил он.

Гордон Карфакс уселся в указанное Вестерном кресло. Он знал, что теоретически все, что излучает — или излучало — электромагнитную энергию в нашей вселенной, также существует в виде электромагнитной энергии в другой вселенной. Так что Вестерн по праву именовал покойников *рэмсами* — разумными электромагнитными существами. Вестерн старался избегать таких эмоционально перегруженных и ненаучных понятий, как «дух», «призрак», «привидение», «потусторонние тени» и так далее. Он изобрел свою терминологию, которую игнорировали и простые люди, и средства массовой информации.

Он также многократно утверждал, что не может установить контакт с животными. И с людьми-то связаться трудно — зачастую даже невозможно, — а с животными невозможно и вовсе. И тем не менее он до сих пор получал многочисленные просьбы от владельцев домашних животных, а бывало, что и мольбы и даже угрозы.

Вестерн сел рядом с Карфаксом и нажал на панели справа от него кнопку «СТАРТ». Большая часть бесчисленных лампочек засветилась.

— Мы используем вакуумные трубки, — прокомментировал Вестерн. — Транзисторы и прочая мелочь не в силах управиться с гигантским потоком энергии. На самом деле перед тобой только верхушка айсберга. Большая часть оборудования находится этажом ниже. Оно питается от атомной электростанции «Фор Корнерс». Энергию калифорнийского производства мы используем только для освещения и телефонной связи.

Кондиционеры автоматически поддерживают температуру воздуха около семидесяти градусов по Фаренгейту — плюс-

минус один градус. Некоторые детали очень чувствительны. Шесть цепей погружены в жидкий ксенон или в жидкий водород. Все, больше о физических аспектах работы МЕДИУМа я распространяться не буду.

Над переключателем без обозначений замерцал красный огонек. Вестерн протянул руку и повернул переключатель против часовой стрелки на семьдесят шесть градусов. Он взял клавиатуру и быстро отстучал на ней последовательность из дюжины букв и цифр.

— Я сберег нам массу времени, поскольку уже определил координаты дяди Рафтона — не так давно у меня были на то причины. Но я бы все равно его отыскал — ведь я подозревал, что ты захочешь с ним связаться. У нас есть его координаты, и мы их сейчас введем, если не возражаешь.

Он извлек из внутреннего кармана рубашки восьмиугольную перфокарту и вставил ее в прорезь. Карточка скользнула быстро и бесшумно, словно мышь в норку.

— Ты сможешь посмотреть, как выглядит поиск, во время своего второго сеанса, — сказал Вестерн. — Он запланирован через два дня. Мы никогда не разрешаем клиентам больше трех сеансов в неделю. Есть в контакте с *вэмсом* нечто такое, чего мы не в состоянии определить и изучить, что тревожит клиентов. Операторов тоже. Мы работаем с МЕДИУМом поочередно. Кстати, сегодня моя первая очередь на этой неделе, так что во время второго сеанса я смогу быть с тобой. Свою вторую очередь я приберег на завтра для сеанса с богословско-экзорцистской комиссией.

Продолжая говорить, он наблюдал за сигналами: «ПРГ НАЧ», «ПОИСК», «ПОИСК ПОВТ», «ПОВТ КОМ».

Над «ПОИСК ФИН» зажглась желтая лампочка; раздалось жужжание.

Как только перед Карфаксом засветился монитор, Вестерн немедленно утопил кнопку с надписью «ФИКС». Казалось, молочно-белую поверхность монитора заполнили тысячи крохотных крутящихся искорок.

— Не забудь, — сказал Вестерн, — то, что ты видишь, не есть истинная форма этих... созданий. Ты видишь их электронное подобие. Так машина интерпретирует их реальный вид. Мы не знаем, как они выглядят на самом деле. Мы много чего не знаем, и я не все в той вселенной могу объяснить — не более, чем в этой.

Он отпустил кнопку фиксации Количество искорок сократилось, между ними появилось больше свободного пространства. Карфакс словно мчался в сверхсветовом космическом корабле навстречу далеким галактикам, и каждая из

них выглядела единой светлой искоркой, хотя и состояла из миллионов звезд. Конечно, доплеровское смещение отсутствовало, как не было и самого сверхсветового перелета. Устройство никуда не летело. Оно вливало дополнительную энергию в «мир иной», или *вэмс*, и придавало иному миру — теоретически по крайней мере — необходимую конфигурацию.

— Любое существо, любой неодушевленный предмет, излучающий электромагнитную энергию в нашей вселенной, конфигурируется в *вэмсе*. Когда источник излучения умирает или перестает излучать, он конфигурируется в *вэмсе* окончательно — я хочу сказать, принимает окончательную форму. Молния — объект неодушевленный. Во всяком случае, согласно моей теории. Конечно, энергия молнии и в нашей вселенной не исчезает. Она рассеивается или преобразуется, совсем как солнечный свет. Но в *вэмсе* молния, так сказать, живет вечно. Как и жаба, и человек.

— Солнечный свет слишком диффузен, чтобы быть объектом, даже неодушевленным, — запротестовал Карфакс. — Солнце светит непрерывно. Ночь ведь наступает только благодаря вращению Земли. И что же, каждая отдельная ночь оживает в *вэмсе*? И как это возможно — ведь отдельно взятой ночи не существует? Где ее границы? Или наши часовые пояса и для *вэмса* действительны?

— Не знаю, — ответил Вестерн с некоторым раздражением. — Королева Изабелла тоже просила Колумба описать ей весь Новый Свет — а он всего-то и высаживался пару раз на острова возле еще не открытого континента.

— Извини, — смутился Карфакс.

— Я полагаю, что энергия солнца как излучающей сферы и энергия, отраженная от космических объектов вроде нашей планеты, равным образом присутствуют в *вэмсе*. Но сейчас нас интересуют только люди, попадающие туда. Например, мы знаем, что после смерти каждый попадает в конфигурацию, или колонию, умерших прежде него. Колония состоит из строго определенного количества обитателей. Их восемьдесят один. Точнее, там только восемьдесят одна потенциальная орбита — ведь колония должна иметь ядро, вокруг которого группируются все остальные. Многие колонии еще только формируются, так что они еще не завершены.

Восемьдесят один — это девятью девять. Пусть над этим мистики головы ломают. А коммунисты могут накручивать идеологию вокруг системы потустороннего общежития — правда, они отрицают загробную жизнь в любом виде. Я предложил

бесплатные сеансы для комиссий из России и Китая. Но они отвергли мое предложение.

— Они воспользовались моей теорией, — хмыкнул Карфакс, — хотя я и не собирался предоставлять им помощь и утешение. Или поддерживать римских и ортодоксальных католиков и всяких протестантских фундаменталистов. Но не будь их, куча народу окрестила бы меня коммунистом безбожным.

Внезапно на экране осталась только одна искорка. Потом, еще более внезапно, она превратилась в целую их круговерть.

— Обрати внимание на центральную искру, в смысле *рэмса*, — произнес Вестерн. — Остальные вращаются вокруг него. Для неопытного наблюдателя орбиты произвольны и хаотичны. Но мы проанализировали несколько колоний. Орбиты сложны, но они повторяются, и разнообразие их ограниченно. Мы обнаружили, что новые *рэмсы*, недавно умершие, иногда вытесняют прежних с позиции ядра. *Рэмс* финализуется — терпеть не могу этого слова, но такой уж у нас жаргон, — а когда это происходит, финальная конфигурация иногда принимает на себя роль ядра. Не знаю, с чем это связано. Думаю, скорее всего с силой личности.

Вестерн повернул переключатель, и весь экран заполнила одна искорка. При таком увеличении она походила на светящийся шар. Она заскользила вправо по экрану, и Вестерн нажал на кнопку «ФИКС СТОП». Шар вернулся в центр экрана.

— Дядя Рафтон, — сказал Вестерн.

Карфакс промолчал.

— Принцип Гейзенберга работает в *вэмсе* примерно как и здесь. Чем ближе наблюдение, тем больше нужно энергии. Чем больше энергии, тем сильнее мы воздействуем на колонию и на отдельного *рэмса*. Энергия разрывает электромагнитные связи и нарушает орбиты. *Рэмсы* испытывают неприятные ощущения, а если контакт длится больше часа, они впадают в панику.

Карфаксу пришлось напомнить себе, что не следует думать о *рэмсах* как о покойниках. Это какие-то чуждые существа из «перпендикулярной» вселенной. Но отношение к ним Вестерна оказалось заразительным. Он и не заметил, как оно опрокинуло его защитные барьеры. Ему пришлось сделать усилие, чтобы вспомнить собственную теорию.

А теперь, лицом к лицу с созданием, которое Вестерн упорно именовал их дядей, Карфакс начинал испытывать страх. Сердце его колотилось. Несмотря на холод, он вспотел. Чувство нереальности вызывало оцепенение. Затылок словно превратился в кусок льда.

— Если ты похож на тех, кто сидел здесь до тебя, ты испытываешь воздействие непознанного,— заметил Вестерн. — Мы живем в просвещенный век, мы заявляем, что свободны от суеверий. Но даже самый что ни на есть «земной» человек, садясь сюда, испытывает страх и благоговение. Бывали у мёня клиенты, которые искали контакта со своими покойниками, как ищейка — дичь. А стоило им вступить в контакт, как они начинали заикаться. Или падали в обморок. Или цепенели. Старый каменный век все еще живет в нас.

Заговорить Карфакс опасался. Он был уверен, что голос его сорвется.

— При большем приближении можно увидеть, что этот световой шар состоит из более мелких субъединиц, — добавил Вестерн. — Но существует предел возможного приближения. Если, достигнув его, мы увеличим мощность, так называемое притяжение внезапно становится отталкиванием. *Рэмс* начинает уменьшаться, а колония ощущает воздействие.

Экран внезапно пересекли тонкие белые извивающиеся полосы. Шар за ними потускнел.

Вестерн повернул реостат с надписью «СТАТ КОНТР». Полоски почернели и уплыли с экрана.

— Статика. Во всяком случае так я называю этот феномен. Колония подобралась слишком близко к источнику дикой энергии. Обычно, если это случается, у колонии возникают проблемы. Дикая энергия угрожает электромагнитным связям, удерживающим колонию вместе, и ввергает *рэмсов* в депрессию. Колония не может покинуть статику достаточно быстро. А это значит, что мы можем утратить контакт. Поэтому цепь статического контроля в МЕДИУМе дает добавочную мощность для поддержания связи с колонией. Мы полагаем, что она снабжает колонию энергией, необходимой, чтобы оторваться от статики, и контакт, таким образом, сохраняется.

— О'кей, включаем звук,— бросил Вестерн, нажав на кнопку с надписью «КОН».

Рэмс, разумеется, на самом деле не говорит. Для разговора нужны голосовые связки, а *рэмс*, насколько всем известно, — это конфигурация чистой энергии. Но он может шевелить электронным подобием своих губ и языка, своих голосовых связок и легких, и электронное подобие его мышц и нервной системы функционирует точно так же, как и при жизни.

Голос, раздавшийся из динамика, походил на голос Рафтона Карфакса, хотя и не вполне. Он был жестким, с металлическим призвуком, словно робот пытается подражать человеческой речи.

Патриция привезла с собой маленький магнитофон и проигрывала Карфаксу ленту с записью отцовского голоса. Карфакс слышал запись неоднократно, и сейчас признал голос дяди, несмотря на его механическое звучание.

— Я... опять тебя ощущаю, — сказал он (или оно?). — Не покидай меня опять. Пожалуйста! Не покидай меня!

— Мы некоторое время побудем с тобой, дядя, — успокоил его Вестерн. — Сейчас говорит твой племянник Рэймонд. А потом ты услышишь голос твоего второго племянника, Гордона Карфакса. У него есть к тебе вопросы, дядя. Надеюсь на твое сотрудничество.

Прозвучала ли в голосе Вестерна угроза? Или Карфакс вообразил ее себе от избытка подозрительности? Да и чем Вестерн может угрожать своему дяде? Больше с ним не разговаривать?

Его поразило, что Вестерн назвал его новым именем. Это могло означать что-то — или не означать ничего. Возможно, дядя узнал, что он сменил имя, еще до смерти. А возможно, Вестерн сам сказал ему во время предыдущих контактов Карфакс решил расспросить об этом Вестерна позже.

— Начинай, — шепнул Вестерн.

У Карфакса сжалось горло. Ему предстояло говорить с покойником. Что можно сказать покойнику?

Но, согласно его же собственной теории, это не покойник.

Напоминание не помогло ему. Будь то покойник или существо из другой вселенной, это создание страшило его.

— Привет, дядя, — сказал Карфракс после подначки Вестерна.

— Привет, Хэл, — ответил полумеханический голос.

— Теперь меня зовут Гордон, дядя, — сказал Карфакс. Спазм начал отпускать его горло.

— Ах да, правильно, Гордон. Рэймонд мне только что напомнил, верно?

Карфаксу хотелось выйти из оцепенения. Он размышлял не так быстро и отчетливо, как должен бы.

— Я хотел бы спросить, дядя, — начал он.

— Все хотят, — произнес голос.

Карфакс моргнул и потряс головой. То ли восприятие обманывало его, то ли шар пульсировал, словно фотонные легкие, нагнетающие эктоплазматический воздух в призрачное горло.

(Вечно разум человеческий стремится всему придать антропоморфный вид!)

— Как дела, дядя? — спросил Карфакс, словно они просто встретились на улице.

— Чтобы точно описать, как здесь идут дела, нужно много времени, мой мальчик. Когда я говорю «время», я подразумеваю нечто совсем иное, чем вы. Но у меня нет слов, чтобы объяснить, чем здесь является время. На это ушло бы много времени, все мое время, Гордон, будь оно у тебя. Но у тебя его нет. Рэймонд говорит, что время — деньги. Во всяком случае применительно к МЕДИУМу.

Здесь одиноко, мой мальчик, хотя я и не лишен общества. Но это не то общество, которое я бы сам выбрал для себя. И здесь жутковато. Говорят, со временем ощущение чужеродности угасает и чужим начинает казаться покинутый нами мир. Но я не верю.

— Мне жаль, если ты несчастен, дядя, — сказал Карфакс.— Но у твоей вселенной есть свои преимущества, а где есть жизнь, всегда есть надежда.

Он замолчал. Спустя мгновение из динамика донесся плоский металлический грохочущий хохот. Наконец он смолк, хотя Карфакс опасался, что он будет звучать бесконечно.

— Говори, племянник, — произнес голос.

— Да, дядя. Во-первых, это ты изобрел машину для общения с... э-э-э... мертвыми?

Наступило долгое молчание.

— Я? Нет, конечно! — громко возразил голос из динамика. — Ее изобрел Рэймонд Вестерн, мой племянник! Он гений! Величайший из всех живущих! У нас не было надежды, а теперь есть, поско...

— Поскольку — что, дядя?— спросил Карфакс, выждав несколько секунд.

— Поскольку мы считали, что отрезаны от оставленного нами мира навсегда. Что же еще, простофиля ты этакий! Ты и не понимаешь, что для нас МЕДИУМ — такая же сенсация, как и для вас!

Карфакс не верил, что дядя намеревался сказать именно это, но доказательств у него не было. И ему следовало вести себя тактично, ведь дядю нельзя заставить говорить, если он сам не захочет

Дядю? Не следует забывать, что эта штука может быть и внеземного происхождения.

Следующий вопрос заставил Вестерна насторожиться. Карфакс видел его краешком глаза, пытаясь одновременно наблюдать и за ним, и за экраном.

— Скажи мне, дядя, а вы можете э-э-э общаться с этим миром через медиумов-людей? Или они все мошенники?

Снова наступило молчание. Вестерн опять откинулся назад, но его пальцы барабанили по пульту Карфакс взглянул на

часы. Если Патриция и позвонила, добраться до Вестерна ей не удалось.

Протянувшаяся невесть откуда рука заставила Карфакса подскочить от неожиданности. Но это был всего лишь какой-то человек с запиской для Вестерна. Вестерн развернул ее, прочел, нахмурился, спрятал ее в карман и встал.

— Я вернусь через пару минут, — шепнул он. — Хармонс о тебе позаботится.

Карфакс надеялся, что его отвлек звонок Патриции. Хармонс будет подслушивать, и разговор запишут на пленку, так что утаить от Вестерна ничего не удастся. Но тогда для него будет уже поздно что-либо предпринимать.

— Твой племянник Вестерн ушел, — сообщил Карфакс. — Ты можешь говорить прямо.

Хармонс сел на место Вестерна. Он не смотрел на Карфакса и как бы даже не прислушивался. Но Вестерн мог заранее приказать ему не вмешиваться.

— Что? — возмутился голос. — Что ты имеешь в виду? Почему я не могу говорить прямо в его присутствии?

— Твоя дочь...

— Моя дочь! Почему бы ей не поговорить со мной? Если я умер и не могу быть ей ничем полезен...

— Она боится прийти сюда. Боится Вестерна. Послушай, если тебя убили...

— Разве Рэймонд не говорил тебе, что я не знаю, как умер? — воскликнул голос. — Я уснул, а проснулся, если это можно так назвать, уже здесь. Я был потрясен...

— Да, Вестерн говорил мне, когда звонил. Но если не ты изобрел МЕДИУМ, что за изобретение пожирало у тебя столько электроэнергии, что тебе пришлось одалживать деньги у Вестерна?

Карфакс вновь потряс головой. Казалось, шар запульсировал еще быстрее.

— Спроси у Вестерна, — последовал ответ. — Я ему все детально рассказал. Не трать времени на подобные вопросы.

— Спрошу, — пообещал Карфакс. — Но скажи на милость, почему ты таился от дочери? Почему не мог ей рассказать?

— Ладно. Скажи я ей, что работаю над устройством для приема и интерпретации сигналов из космоса, она бы решила, что я спятил. Но мне показалось, что я нашел определенную закономерность в межзвездном «шуме», и если я был прав... но мне хотелось держать все в секрете, пока я не удостоверюсь, что ошибка исключена.

— Но зачем принимающему устройству столько энергии? — удивился Карфакс. — Я бы еще понял, будь это передатчик...

Карфакс силился вспомнить свой вопрос. Он спросил своего дядю... или чудище инопланетное... чем бы оно ни было... что-то насчет... насчет...

Шар сделался огромным, сияние внезапно обволокло Карфакса.

Он вскочил, крича и пытаясь оттолкнуть от себя свет. Почти ослепнув от сияния, он вскочил и спотыкаясь побежал к двери. Она открылась автоматически, и он оказался в холле.

Сияние вокруг него потускнело и угасло.

Он сидел, прислонясь к стене, и дышал так тяжело, словно взбежал опрометью на несколько лестничных пролетов. Сердце его колотилось, грудь болела. Он весь промерз, тепло ощущалось только в промежности. Позднее он поймет, что обмочился.

Откуда-то возник Вестерн и склонился над ним. Выглядел он очень странно.

— Что случилось?— спросил он.

Карфакс почувствовал себя очень слабым, одиноким и беспомощным. Он находился в здании, покинуть которое мог не иначе как с позволения Вестерна.

ГЛАВА 7

Карфакс поднялся на ноги и прислонился к стене. Поначалу это подействовало на него успокоительно. Но призраки могут проникать и сквозь твердые стены — или стены, которые принято считать твердыми. С точки зрения молекулярной физики твердых тел не существует. Пространства между атомами обширны, и между ними многое может проскользнуть.

Он отодвинулся от стены, словно светящееся щупальце могло протиснуться в щель между атомами и утянуть его за собой.

— Мне показалось, что это существо... дядя Рафтон... выскакивает из экрана и пытается обволочь меня.

Вестерн не засмеялся.

— Пойдем выпьем кофе, — предложил он.

Они пересекли унылый белый коридор, свернули за угол и вошли в маленькую комнатушку. Яркие фрески с сюжетами из морской жизни, украшавшие ее стены, несомненно, были скопированы с критских — голубые осьминоги, оранжевые дельфины. На ковре были вытканы черные быки, бросающиеся на смуглых юношей и девушек, а те отскакивали в сторону или хватали быков за рога, чтобы прыгнуть и приземлиться на

бычью спину. В углу комнаты серебристо поблескивала огромная кофеварка. Вестерн подошел к ней и взял большую глиняную кружку.

— Сливки, сахар? — спросил Вестерн.

— Спасибо, мне не хочется кофе.

Вестерн положил два кусочка сахара, щедро долил в кофе сливок и энергично размешал. Потом он подул на кофе, чтобы остудить.

— Теперь ты понимаешь, — сказал Вестерн, отпив несколько глотков, — почему мы предлагаем нашим клиентам подписать бумаги, снимающие с нас всякую ответственность. И зачем до начала сеанса требуем справку о врачебном осмотре.

— А как же все эти старики, побывавшие у МЕДИУМа? — удивился Карфакс. — Они ведь...

— Ни у одного из них не было ни сердечных болезней, ни психических отклонений.

— А старуха, которая хотела поговорить со своей собачкой?

— Ее не допустят.

— А как насчет моего случая?

— Сейчас перейдем к нему. — Вестерн приподнял густые брови. — Не ты первый видел, что световой шар бросился на тебя. Но это зрительная галлюцинация. Поверь мне. *Рэмс* никоим образом не может вырваться из колонии и преодолеть барьер между своей и нашей вселенной. Я не знаю, чем вызван этот феномен. У меня нет никакой теории, хотя я полагаю, что эффект чисто психологический.

— А были и другие подобные случаи? — поинтересовался Карфакс.

— Да. Иногда клиент испытывает противоположные ощущения: ему кажется, что его втягивает в экран.

— Почему я не читал об этом? — удивился Карфакс. — Я прочел о МЕДИУМе все, что смог достать.

— Не то чтобы у нас были мрачные секреты. И от наших клиентов мы молчания не требуем. Просто мы пока не обнародовали эти факты. Мы опасаемся, что такая информация навяжет людям мысль о подобных ощущениях и люди будут их испытывать. В свое время мы собираемся опубликовать эти факты. Но не раньше чем разработаем теорию, которая их объясняет. Таким образом мы сможем успокоить клиентов прежде, чем они сядут перед МЕДИУМом. Не забывай, что МЕДИУМ — новинка, что им пользовалось не больше шести сотен человек. Мы многое могли бы обнародовать, но предпочитаем сначала изучить данные.

Карфакс нашел объяснение неудовлетворительным, но ему нечего было возразить.

— Ты все твердишь «мы», — заметил он. — Я думал, здесь ты принимаешь решения.

— Да, капитан команды — я, — улыбнулся Вестерн. — МЕДИУМ принадлежит мне и, надеюсь, еще долго будет принадлежать. Я, знаешь ли, держу его конструкцию и принципы работы в секрете. Я даже патент брать не стал. Не хочу, чтобы чертежи стащили прямо из патентного бюро. Уверяю тебя, так бы оно и случилось. Ведь это, как ты наверняка успел наслушаться, самая большая сенсация со времен сотворения мира.

— Вот поэтому ты и не сможешь сохранить ее для себя, — возразил Карфакс.

— Там видно будет.

— Я думаю, мне пора, — сказал Карфакс.

— Конечно, — произнес Вестерн и поставил пустую чашку. — Я хотел бы переговорить с тобой позднее, когда у меня будет больше времени. И когда ты настолько придешь в себя, чтобы вспоминать этот случай спокойно. Знаешь, позвони-ка ты мне завтра и скажи, согласен ли на повторный сеанс.

Карфакс почувствовал, как кровь прихлынула к его щекам. Вестерн намекает, что он испугался. По правде говоря, так и есть. И все же упускать второй шанс он не намерен.

— Я и сейчас могу сказать, — заявил он. — Я с нетерпением жду второго сеанса. И на этот раз я не испугаюсь. По крайней мере я так думаю.

— Отлично, — кивнул Вестерн. Казалось, он как-то странно посмотрел на Карфакса, но Гордон счел этот взгляд лишь отражением собственной тревоги. — Хочешь снова связаться с дядей Рафтоном?

Карфакс сглотнул:

— Нет. Я бы хотел поговорить с Фрэнсис.

— Со своей женой?

— С существом, которое притворяется моей женой, — поправил его Карфакс.

— Ты все цепляешься за свою теорию, что *рэмсы* — негуманоидные чужие существа? — ухмыльнулся Вестерн. — Собственно, почему бы и нет? Доказательств-то у тебя никаких.

— Любезно подмечено, — скривился Карфакс.

— Я стараюсь рассуждать логично. Объективность дается нелегко, я ведь лицо заинтересованное. Но я понимаю, что нужны научные доказательства, а я мало что могу предложить. Я доказал, что феномен существует, что есть другая

вселенная, а в ней живут разумные существа. Нет никаких сомнений, что МЕДИУМ — не надувательство.

Но, с другой стороны, действительно ли эти существа — души, как их именуете вы, или *рэмсы*, как их предпочитаю называть я? А если нет, откуда они так много знают о людях, за которых себя выдают? Почему те из них, что говорят по-английски, имеют правильное произношение? Может ли чуждое разумное существо воспроизвести не только общие особенности произношения, но и частные? Все, кто говорили со знакомыми им покойниками, признали их голоса подлинными. Ты слышал дядю Рафтона. Конечно, определенные искажения есть, ведь наши электронные приборы несовершенны. Но ведь ты узнал дядин голос, верно? Я вот узнал.

— Свидетельства в основном на твоей стороне, — кивнул Карфакс. — Не могу этого отрицать. Но ведь возможно, что эти *рэмсы*, как ты их называешь, имеют средства следить за людьми, а потом притворяться ими. Каким образом, я и сам не знаю. Но ты не можешь отрицать такую возможность.

— Нет, но я по-прежнему нахожу ее крайне невероятной. Да и зачем им притворяться душами умерших? Чего они могут этим добиться? Они же ничего не могут нам сделать!

Карфакс испытывал раздражение, но его причина была ему понятна. Вестерн вел себя слишком разумно, слишком обаятельно. Он ни в коей мере не напоминал личность, описанную Патрицией. Конечно, он мог просто быть прекрасным актером. Он, несомненно, обладал тактом и знал, как заводить друзей. Или, во всяком случае, как выказывать дружелюбие. Карфаксу хотелось верить, что он лжет, хотелось верить словам Патриции. Оказалось, это нелегко. И в результате он чувствовал, что предает Патрицию и самого себя.

Вестерн проводил его до выхода и сдал с рук на руки миссис Моррис. У Карфакса оставался только один вопрос: покажут ли встречу со священниками по телевидению?

— Только если не будет никакой цензуры, — заверил его Вестерн. — Не хочу произвести ложное впечатление. Заметь, я сказал не «неблагоприятное», а «ложное». Я просто хочу, чтобы показали все как есть. Но против показа комиссии по телевидению существует, знаешь ли, мощное сопротивление. И это, обрати внимание, невзирая на то что результат заранее неизвестен. Или они подозревают правду и потому сопротивляются? Ладно, не стоит больше об этом. Увидимся во вторник в десять.

Вестерн повернулся было, но остановился, заколебался и вновь обернулся к Карфаксу. Он улыбался.

— Передай Патриции, что она тоже может прийти, если захочет.

Карфакс промолчал, чувствуя, что утратил контроль над ситуацией. Вестерн дознался, что Патриция прилетела другим самолетом из Бусириса. Когда Карфакс вернется в гостиницу, она должна ему позвонить.

Он не успел обдумать случившееся во время возвращения в отель: телевизор в такси был настроен на последние известия.

«...сегодня в пятнадцать часов тридцать пять минут Кроуфорд Гултон, проживающий по адресу Вестминстер Спирал 6748, квартира 6-И, был предположительно убит в то самое время, когда продавал набор для общения с душами умерших "Сделай сам" Анастасии Родригес по адресу Кройлз Касл Тауэрс 99653, квартира 347А4Д. Сообщают, что его предположительный убийца, Мауи Алеакала из Нью-Парадайз Кабаньяс 89Ф, бросился на Гултона с ножом. Сообщают, что он был в ярости, поскольку проданный ему Гултоном неделю назад набор не действовал, как ему было обещано...»

Каким образом, изумился Карфакс, человек может быть предположительно убит? Или он убит, или нет. Но нынешние средства массовой информации употребляли весьма осторожные обороты речи. Суды завалены делами о клевете и диффамации, совсем как десять лет назад их завалили делами курильщиков марихуаны. В результате пресса использовала несколько странные выражения. В то время когда полная нагота не являлась в дневном телеэфире чем-то исключительным, а учебные секс-фильмы демонстрировали все мыслимые позы и групповые сочетания после десяти часов вечера, когда дети уже спят, цензура неуклонно урезала свободу слова в остальных областях.

Население Соединенных Штатов так и не уяснило себе, что свобода предполагает ответственность, и, похоже, долго еще не уяснит. Никто людей этому не научит, кроме самих себя, но ни одна живая душа явно не знает, с чего начать обучение.

Остается выбирать между издержками демократии и издержками тоталитаризма.

Карфакс напомнил себе, что у него есть более неотложная тема для размышлений. Он ничего не может поделать с быстрыми или даже медленными изменениями в окружающем мире. Во всяком случае, не может добиться заметного результата. Но, возможно, ему под силу выяснить, прав или не прав Вестерн. Возможно, ему под силу выяснить, права или не права Патриция.

«...отныне индекс загрязнения воздуха будет отмечать постоянное уменьшение загрязняющих веществ. Каждый день не

меньше пятисот автомобилей с двигателями внутреннего сгорания отправляются на свалку Их заменяют автомобили с двигателями на аккумуляторах. Департамент экологического санирования убежден, что наихудшие дни уже позади и что рекордный пик...»

Известия отрадные, но не первые в этом роде. Два года назад обещали, что скоро электрогидрогенераторы займут место в каждом домашнем хозяйстве. Они должны были разом революционизировать общество и снизить загрязнение. Но генераторы так и не вышли из стадии разработки, и появились не учтенные ранее препятствия к их применению.

Отель «Ла Бреа» занимал два корпуса вместо прежних двенадцати, памятных Карфаксу с тех времен, когда он еще жил в Лос-Анджелесе. Располагался он напротив смоляных ям Ла Бреа. Карфакс решил вновь взглянуть на останки плейстоцена. Он прошел через переход Уилшир и спустился туда, где раньше был перекресток улиц Уилшир и Керзон. Улицу Керзон и дома соседнего с ней квартала снесли, присоединив к парку новый участок.

Он обошел проволочное заграждение и остановился в паре футов от двух бетонных мамонтов на краю смоляной ямы. Гигантский папа-мамонт и мамонтенок смотрели, как их мама погружается в вязкую черную жижу Детеныш протягивал к обреченной матери свой крохотный хобот, словно трубным звуком мог вызволить ее и вернуть на твердую землю. Огромная самка безуспешно пыталась высвободиться из объятий смолы, погубившей стольких животных, больших и маленьких.

Люди бывали удивлены и разочарованы малыми размерами ямы. Очевидно, они ожидали увидеть нечто, занимающее несколько акров. Но от огромного смоляного провала, занимавшего некогда большую часть Лос-Анджелеса, осталась лужа не шире футбольного поля. Позади музея было еще несколько лужиц, и зверьки вроде белок или гоферов до сих пор попадались в них, хотя им и нужно было преодолеть проволочное заграждение, чтобы угодить в лужу. Но если разочарованный турист продолжал прогулку по парку, он мог заметить, что меж травинок то и дело просачивается смола. Если он был одарен воображением, чувство он испытывал неприятное. Жидкий битум залегал под травой и бетоном совсем неглубоко, и он выжидал Его темные пятна словно говорили: «Когда-нибудь этот тоненький щит исчезнет и я вернусь. И все станет, как прежде Не будет мамонтов и пещерных волков, огромных львов и саблезубых тигров, верблюдов и гигантских ленивцев Но будут другие животные,

которых я смогу погубить. А возможно, иной раз мне попадется и человек — одетый в шкуры охотник на зверей, достаточно невнимательный, чтобы оступиться».

Карфакс недолго простоял возле ямы. Глаза его болели и слезились, слизистая оболочка носоглотки горела. Он поспешил вернуться в отель, пройти сквозь его тройные двери и оказаться в помещении со сравнительно чистым и прохладным воздухом. Возможно, к вечеру засеянные днем облака прольются дождем, и денька три воздухом метрополии можно будет дышать. Только эта технология, при всей своей дороговизне и малой результативности, делала жизнь в Лос-Анджелесе сносной. Это она внушала надежду и удерживала жителей города от переезда до тех пор, когда появятся электромобили и воздух станет таким, как в 1973 году*.

Мир загрязнен сильнее, чем десять лет назад, но еще через десять лет он станет гораздо чище Предсказатели конца света ошибались.

Карфакс поужинал в ресторане отеля. Через десять минут после того, как он вернулся в свой номер, зазвонил телефон. Карфакс включил его и увидел Патрицию в кабинке автомата возле аэропорта Риверсайда.

— Как долетела? — спросил он.

— Никак не успокоюсь, — пожаловалась она, а затем улыбнулась.

— Ты выглядишь вполне спокойной, — возразил он. — И даже милой.

— Спасибо. Ты узнал. хотя неважно. Я приеду в... к тебе. Или ты считаешь, что нам не стоит останавливаться в одном отеле?

— Линия наверняка не прослушивается, — сообщил он. — Пока во всяком случае. Конечно, приезжай, как и собиралась. Я не думаю, чтобы..

— Чтобы — что? — нахмурилась она.

— Неважно, — спохватился он.

Если сказать, что он не считает Вестерна опасным, она может и рассердиться Но хотя он и не опасен в ее понимании, он может быть опасен для всего человечества в целом. Впрочем, не стоит делать бездоказательных заявлений.

— Просто приезжай — Он выждал, чтобы удостовериться, не хочет ли она сообщить еще что-нибудь, но она только попрощалась, и экран погас

---

* Шутка довольно горькая в 1973 году в Лос-Анджелесе был отмечен крайне высокий уровень загрязнения воздуха

ГЛАВА 8

Добравшись до отеля, Патриция вновь позвонила Карфаксу. Он назвал ей кодовое слово, отпирающее его дверь. Ужин, заказанный для нее, до сих пор не доставили. Шеф-повар извинился: мол, ужин был погружен на механическую «черепашку» и добрался аж до лифта. Там «черепашка» сломалась, и ею занялись гостиничные техники. Свободных «черепашек» в его распоряжении нет, но ужин будет доставлен не позже чем через полчаса, даже если ему придется принести его лично.

Из динамика послышался голос Патриции, произносящей кодовое слово, и дверь открылась. Патриция очень мило выглядела в своей «нине» — наряде, состоявшем из очень короткой юбочки и жесткого треугольного щитка, свободно свисающего с шеи на грудь. Обе детали костюма выглядели словно сплетенные из травы, хотя в действительности были пластиковыми. Точно такой наряд носила Белая Богиня Изага, она же Нина Т., в телесериале «Торговец Хорн». Карфакс был одет в стиле «исследователь джунглей», только без пробкового шлема. Патриция села очень осторожно, поскольку под юбкой у нее ничего не было. Ей приходилось следить и за тем, чтобы не наклоняться низко и не поворачиваться слишком резко, иначе обнажились бы груди. Карфакс находил ее скромность смехотворной: ведь на пляже она загорала голышом. Но правила приличия в отношении одежды никогда не отличались разумностью, хотя каждое из них в отдельности вроде бы имело смысл.

Патриция не выглядела смущенной, хотя наверняка отдавала себе отчет, как мало на ней надето и как ненадежно застегнуто это немногое. Карфакс был не способен не думать об этом: он никогда не мог сдержать возбуждения при виде хорошенькой девушки в мини-юбке. Так что он прожил долгие годы в состоянии сплошного сексуального возбуждения.

Однако Патриция — его двоюродная сестра, и мысль об этом должна охладить его пыл. Должна, подумалось ему, однако не охлаждает. Особенно если учесть, что табу на инцест неуклонно отмирало в течение последних пятнадцати лет.

Лучше бы ему об этом не думать. С тем же успехом можно посоветовать морю не обращать внимания на притяжение луны.

Она закурила сигарету, затянулась несколько раз и посмотрела на Карфакса сквозь дымовую завесу.

— Не хочешь рассказать, что произошло у Вестерна?

Он рассказал ей все, что считал стоящим упоминания. По окончании рассказа он понял, что рассердил ее. Длинные медлительные затяжки сменились быстрыми, короткими. Но он ошибался. Ни Вестерн, ни он сам не были объектами ее гнева.

— Ну зачем он солгал о своем изобретении? — воскликнула она. — Зачем? Да что с ним стряслось? Неужели он даже мертвый не может постоять за себя?

— Не понимаю, — растерялся Карфакс.

— Да он всегда был мягкотелым! Попросту бесхребетным! Он был готов сделать что угодно, лишь бы на него не сердились. Не выносил чужого гнева. Стоило мне только скорчить зверскую рожу, и я тут же добивалась своего! Мне было легко заполучить желаемое — кроме одной вещи, которую я так хотела и все равно не могла добиться!

Книги полны описаний женщин, которых гнев делает только прекраснее. Патриция была определенно не из их числа. Стервоза в запале, подумалось Карфаксу.

— И чего же ты так хотела и не смогла добиться? — спросил он, ибо Патриция явно ожидала этого вопроса.

— А ты как думаешь?

— Ты хотела, чтобы он оказал сопротивление.

Она сперва удивилась, а потом обрадовалась:

— Ты очень проницателен. Мне это нравится.

— Чтобы понять такое, большого ума не нужно, — возразил он и наклонился вперед. — Честно говоря, Патриция, патологический страх твоего отца перед гневом не имеет значения. Теперь-то у него нет причин для лжи. Он мертв, и никто на свете не может причинить ему зло, и он, конечно, хотел бы прославить себя изобретением МЕДИУМа. Если только...

— Если только?..

— Вот я и опять говорю так, словно это создание и впрямь твой отец, — улыбнулся он. — Трудно, однако, удержаться от мысли, что это и в самом деле покойники.

— Гордон, я не желаю спорить с тобой об этом. Я знаю, что папа изобрел машину для разговора с умершими, и это *в самом деле* умершие! Мне противно соглашаться с Вестерном, ведь он убил моего отца. Но когда он говорит, для чего предназначен МЕДИУМ, он прав! И ты сам сказал, что голос был папин. Интересно, не обладает ли Вестерн большей властью, чем хочет признать. Я имею в виду, что он, возможно, не только говорит с мертвыми и встречается с ними, но и может каким-то образом их контролировать. Причинять боль тем, кто ему не подчиняется.

— Каким образом?

— Откуда я знаю? — сердито спросила она. — Ты мне говорил, что на них воздействует энергия. Может, он поливает их энергией, и им больно.

— А может быть...

— Да?

Она наклонилась, чтобы затушить сигарету, и треугольный щит отъехал в сторону. У нее были красивые полные груди, не слишком большие и не слишком маленькие — совсем как у незадачливой Эдвины Бут в первоначальной версии «Торговца Хорна».

— Мои рассуждения бездоказательны. Но, может быть, Вестерн пообещал что-то твоему отцу, и поэтому он солгал.

— Зачем ему лгать? — спросила она. Ее смягчившееся было лицо вновь исказилось.

— Не знаю, — пожал плечами Карфакс. — Может, Вестерн обманывает твоего отца — например, сулит возможность покинуть место, где он находится. Если это и есть загробная жизнь, на рай она не похожа. Да что я такое говорю! Опять я о них как о покойниках.

— А чем тебе эта мысль так не нравится?

— Только не играй со мной в психиатра, — предостерег он.

Она немного помолчала, потом открыла рот, но тут же закрыла: из дверного динамика раздались три коротких свистка. Карфакс встал, подошел к двери, посмотрел в глазок и произнес кодовое слово, отпирающее дверь. В комнату вкатилась куполообразная «черепашка». По приказу Карфакса она остановилась, и купол откинулся. Карфакс вынул поднос с кружками и тарелками и велел «черепашке» удалиться. Распахнулась дверь, и «черепашка» укатилась. Патриция так накинулась на еду, словно несколько дней не ела. У Карфакса от этого зрелища разыгрался аппетит, и он помог ей съесть все блюда и столовые приборы, кроме ложечки. Гостиничная прислуга позабыла наполнить заново бутылочку с растворителем, и на ложечку его не хватило.

— Все равно она вишневая, — заметил он, поворачивая ложечку, чтобы разглядеть на просвет буквы на ее черенке. — Никогда не любил синтетическую вишню. Хотя домашний вишневый пирог мне нравится.

Поднос был из молочного шоколада, и он с удовольствием съел бы его попозже. Но ему не хотелось снова вызывать «черепашку».

Он налил им обоим по унции «Драмбуи», и они подняли молчаливый тост.

— А знаешь, — сказал он, — может, я и не с твоим отцом разговаривал и это все подделка. Кто-нибудь мог имитировать его голос. А когда он как бы выпрыгнул из экрана и бросился на меня — простая голография.

— Но зачем Вестерну тебя морочить?

— Наверное, припугнуть меня хотел. Чтоб не задавал больше вопросов, — поколебавшись, произнес он. — Дядя Рафтон так и не ответил, когда я спросил его, могут ли люди-медиумы общаться с покойными. Я хочу сказать, с *рэмсами*.

— Ты можешь спросить у своей жены, — предложила Патриция.

— А если она не знает? Эти *рэмсы*... не обладают всезнанием. Никоим образом

— Я была у очень известного медиума, — призналась она. — У некоей миссис Холлис Вебстер Она вроде бы не мошенничает. По крайней мере, комиссия Сиракузского университета по психическим проявлениям сняла с нее подобные обвинения.

— Ты ходила к медиуму? Да не отвечай, сама только что сказала. Но зачем? Чтобы поговорить с. .

— Да, с отцом, — кивнула она.

— И каков результат?

— Я приходила дважды, и оба раза миссис Вебстер потерпела неудачу Но во второй раз она сказала, что связь была установлена; она ее ощущала

— *Ощущала*?

— Она утверждает, что люди-медиумы — те из них, кто не мошенничает, — вероятно, работают на сходных с МЕДИУМом принципах. Но у человека-медиума другие сенсоры и индикаторы. Взамен мониторов и измерителей она использует нейрокомплекс, который является ей в виде ощущений. Это почти так же надежно, как проградуированный прибор.

— Но она контактирует с мертвыми, а не с *рэмсами*, верно?

— К слову сказать, я ее об этом спрашивала, — призналась Патриция — Она не сомневается, что те существа, которых призывает *она*, действительно души умерших. Но она говорит, что твоя теория, возможно, справедлива. Во всяком случае, в ней может оказаться зерно истины. Она склонна считать, что Вестерн связан с миром демонов. Да не улыбайся ты! Речь же не идет о рогатых чертенятах с вилами и тому подобной ерунде! Она подразумевала злых духов. Или других каких-то злых существ Не души плохих людей, а что-то вроде... ну... падших ангелов Она утверждает, что они притворяются людьми, чтобы

Карфакс тяжело вздохнул, и она прервалась.

— В чем дело? Я знаю, это звучит забавно — для тебя, а иной раз и для меня, но...

— Теория миссис Вебстер — искажение моей, — объяснил он. — Она называет их злыми духами, или падшими ангелами. А я использую более научное название *рэмс*, хотя и в ином смысле, нежели Вестерн. По крайней мере, *рэмс* звучит более научно. Но анализа этот термин не выдерживает. Я лишен доказательств своей теории, как и миссис Вебстер. Но вселенная, с которой общается МЕДИУМ, никак уж не похожа ни на один из известных потусторонних миров. И если существа на экране МЕДИУМа — действительно души умерших, то они в аду!

— Но миссис Вебстер говорит, что мы видим только то, что показывает нам электронное устройство. А это не больше похоже на реальность, чем извилистая линия на кардиограмме — на само биение сердца.

— Вестерновская аналогия, только в другой интерпретации, — угрюмо возразил Карфакс.

Несколько минут они молчали. Патриция почти не двигалась, только подносила к губам руку с сигаретой.

— Ладно, — согласился он, — побываем у миссис Вебстер. Запишись к ней на прием на той неделе. Скажем, в понедельник.

— Ты настроен весьма скептически.

— Так оно и есть, но, если мертвые могут с нами общаться, я не понимаю, почему это нужно делать непременно через посредство машины. И я не настолько ограничен, чтобы отвергать гипотезу, даже не проверив ее

— Можно мне еще выпить?

— Конечно.

Он встал и налил ей две унции «Уайлд Терки» поверх трех кубиков льда. Когда он передавал ей напиток, его тряхнуло, словно между ними проскочила электрическая искра. Но искра была не электрической, а психической. Очевидно, какая-то ее мысль совпала с его собственной.

Он сел на место слегка ошарашенный. Она его двоюродная сестра. Да, но он ведь не собирается сделать ее беременной. Притом у него так давно не было женщины и она ему нравится. Может, даже больше, чем он готов себе признаться.

Тут-то к нему и вернулись прежние подозрения, что Вестерн мог подослать ее, а все ее поведение — хорошо разыгранный спектакль.

«Ты ублюдок, — сказал он себе — Ты слишком циничен. А еще ты боишься привязаться к женщине. Ты до смерти

боишься, что с ней опять что-нибудь случится и это заставит тебя страдать».

— Ты никогда не рассказывал мне про свой нервный срыв, — заметила Патриция, потягивая напиток.

Не пытается ли она вытянуть из него информацию, которая пригодится Вестерну?

— Странный у тебя вид, — сказала она. — Извини, если я любопытничаю. Не хочешь говорить — не надо.

— Я не люблю об этом говорить, потому что в пересказе даже мне самому эта история кажется еще более невероятной. Я все твержу себе, что есть только одно объяснение: я тогда спятил. Хотя и временно. Случались всякие странности, тому есть масса объективных доказательств. Но воспринимал я их через очень искаженный фильтр. А свидетели, на чью поддержку я рассчитывал, пошли на попятную. Даже те, кому я больше всех доверял. Но они тоже не хотели, чтобы их сочли психами.

— А что происходило? — с интересом спросила она, нагнувшись вперед.

— Вампиры приходили, — улыбнулся он, — и оборотни, призраки и привидения, и всякие ночные кошмары. И дневные тоже. Но мне наверняка подсунули ЛСД или что-то в этом роде. Тогда эти кошмары казались мне объективно существующими. До сих пор иногда кажутся. Но на самом деле такого не бывает, так что я находился под воздействием какого-то психоделика. Так я всем говорю.

Но я несмотря ни на что не уверен, что все на свете можно объяснить с помощью Науки — с заглавной буквы «Н», разумеется.

— Так в чем же дело?

— Меня объявили психически здоровым, и я намерен и дальше оставаться таковым. Хватит об этом.

Патриция казалась разочарованной.

— Извини, — сказал он, — но подробности могут убедить тебя, что я ненадежен. Возможно, так и есть. Во всяком случае я оставил работу детектива, переменил имя и исчез. И вот я снова в Лос-Анджелесе, и опять занимаюсь расследованием. Грош цена всем добрым намерениям.

— Еще один вопрос, и я умолкаю, — настаивала она. — Ты принимал ЛСД?

— Нет, мне его в питье подсыпали.

«Окажись она агентом Вестерна, — подумалось ему, — что ей помешает подсыпать мне наркотик и таким образом дискредитировать меня?»

Если она и собиралась это сделать, то не сегодня. Она не пробыла вне его поля зрения ни секунды.

Он устыдился своих подозрений, хотя логика и убеждала его, что он обязан подозревать каждого.

— Меня ждет ванна, — заявила она, вставая.

Нет ничего дурного в том, чтобы заглянуть в ее сумочку, заверил он себя. Дураком он будет, если не заглянет. И все же ему казалось, что он предает ее — особенно когда в сумочке не обнаружилось ничего сверх обычного. В том числе он нашел и бутылочку противозачаточных пилюль.

Тогда он и решился. Когда она вышла из ванной, он уже ждал. Патриция бросила на него быстрый взгляд и скользнула в его объятия.

Потом, уже засыпая, он спросил себя, могут ли мертвые видеть живых. Фрэнсис бы это не понравилось — ну так и нечего ей торчать рядом. К тому же мертвым нужна машина, даже чтобы пройти полпути до этого мира.

«Да что это я? — подумал он, прежде чем сон сморил его окончательно. — Я же не верю в загробную жизнь. *Рэмсы* — это существа из параллельного мира. Или еще что-нибудь».

ГЛАВА 9

— Ничего не доказано и не опровергнуто, — вздохнул Карфакс. — Епископ подверг МЕДИУМ экзорцизму и помер от сердечного приступа, вот и все.

— Но откуда Вестерну было знать, что епископ Шэлланд станет искать друга детства, умершего в возрасте одиннадцати лет? Что Вестерн мог знать об этом мальчике? К тому же состав комиссии был неизвестен Вестерну до самого последнего момента.

— Мы знаем, что он очень богат, и предполагаем, что не щепетилен, — возразил Гордон. — Возможно, он давно прознал, кто войдет в состав комиссии, даже если это и держалось в секрете. И он мог разослать своих шпионов покопаться в прошлом членов комиссии. Нет, комиссия только больше запутала дело. И усилила напряженность. Сторонники МЕДИУМа провозглашают, что покойники обиделись на комиссию и что Эвертс убил Шэлланда, потому что тот не поверил, что он и есть Эвертс. Точнее, он так напугал Шэлланда, что бедняга скончался от инфаркта.

И среди противников МЕДИУМа нет единства. Одни считают Вестерна мошенником; другие видят в нем колдуна — Фауста, призвавшего силы, которые лучше оставить в покое.

Так что мы не сдвинулись с места. Только страсти накалились.

— А как по-твоему, насколько достоверны заявления Вестерна?

— Я не передумал. Во всяком случае пока. Я признаю, что могу и ошибаться. Мое сопротивление самой идее загробной жизни может повлиять на мое суждение.

— Ты поговоришь сегодня с Фрэнсис. Как бы Вестерн ни копался в ее прошлом, всего ему не вызнать. Некоторые вещи о ней знаешь только ты.

— Да, но согласно моей теории это ничего не значит,— улыбнулся Карфакс. — Говорить со мной будет не Фрэнсис, а некое существо; создание, способное узнать о Фрэнсис все. Возможно, оно читает мысли. Или наблюдает за Фрэнсис с самого рождения и знает всю ее подноготную.

— Бога ради! — воскликнула Патриция. Он подумал, что тело у нее на самом деле красивое, но гневное выражение вкупе с отсутствием косметики сильно уродует ее лицо.

Он вылез из постели и облачился в пижаму и легкий халат.

— Выпей горячего кофе — может, поостынешь, — ухмыльнулся он. — И не сходи с ума, если я использую свою мужскую прерогативу.

— Это какую?

— Мне следовало сказать не «мужскую», а «человеческую». Гомо сапиенс — разумное животное. Если что-то нуждается в объяснении, он игнорирует факты или выворачивает их в соответствии с собственным разумением.

— Может, ты так и поступаешь, — возмутилась она, — а я — нет! Я знаю, что Вестерн убил моего отца, чтобы завладеть его изобретением, и я знаю, что это *и в самом деле* покойники! Я могу смотреть на вещи объективно!

— Еще как можешь, — сказал Карфакс. — Давай я сварю кофе, а ты тем временем накрасишься.

— Мое лицо внушает тебе такое отвращение? — разозлилась она. — Сам-то ты...

— ...похож спросонья черт знает на что, — продолжил он. — Знаю. И прошу прощения. Мне следовало научиться у Фрэнсис, что иногда стоит придержать язык за зубами.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась и заспешила в ванную Он вышел на кухню, мысленно пиная себя и дивясь, зачем он наговорил того, что наверняка ее рассердит Доктор Слоко предполагал в нем глубоко заложенную потребность сердить любимых женщин. Он согласился, что это вполне возможно, но сама-то потребность откуда взялась? Этого не знали ни он сам, ни доктор Слоко

Патриция вышла из ванной, улыбаясь. Волосы ее были уложены греческим узлом, но она так и не накрасилась. Опять она его испытывает. На сей раз он пообещал себе не говорить ничего, что способно ее рассердить. Он поцеловал ее и на этот раз не встретил отказа.

— Давай начнем сначала, — улыбнулась она. — Доброе утро, Гордон.

— И тебе доброе утро, — ответил он. — Я сейчас вернусь.

И он направился в ванную.

Когда он вышел, она сидела на диване перед телевизором и потягивала черный кофе. Он сел рядом с ней и отхлебнул горячую жидкость.

В новостях сообщалось в основном о событиях у Вестерна и их последствиях. Беспорядки на автостоянке возле его здания, вопли «за» и «против», лозунги, которыми противники лупят друг друга по головам. Полиция пустила в ход слезоточивый газ и залила цемент пеной так, что никто не мог подняться. Зачинщиков увезла полицейская машина, пострадавших — «скорая помощь». Потом показали демонстрации вестернитов в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Сенатор Грэй из Луизианы дал интервью. Он предложил строить МЕДИУМы за правительственный счет и устанавливать их во всех городах с населением свыше пятидесяти тысяч. Сенатор обладал глубоким, хорошо поставленным голосом и искренним выражением лица, словно созданным для телевидения. Общественности он стал известен благодаря речам в защиту МЕДИУМа. Но в этой речи он впервые предлагал сделать МЕДИУМ общедоступным. Он был на стороне простых людей, у которых не хватает денег купить себе сеанс и пообщаться со своими возлюбленными покойниками. Он был возмущен тем, что величайшее достижение со времен сотворения мира остается в распоряжении богачей.

— Он хочет стать президентом, — заметил Гордон, — и, пожалуй, станет. Он хитер: знает, сколько его избирателей — фундаменталисты и католики, для которых МЕДИУМ — орудие дьявола. Но он рискует охотно, поскольку большинство думает так же, как и он. Почему это богатые должны располагать не только всеми благами жизни, но и монополией на смерть? На одной уже этой платформе Грэй может быть избран президентом.

— Вестерн мог бы стать президентом, если бы захотел, — кивнула Патриция. — Странно, что он не выставил свою кандидатуру.

— Возможно, Грэй — его человек, — предположил Карфакс. — Лучше управлять из-за трона, чем самому на нем

восседать. Но я не уверен, что МЕДИУМ не должен оставаться игрушкой для богатых. Если он станет общедоступным, последствия могут оказаться чудовищными.

— Например? — полюбопытствовала Патриция.

— Мы уподобимся древним египтянам и сконцентрируем всю нашу жизнь вокруг смерти. Жизнь превратится в незначительный пролог перед настоящей пьесой.

— Разве так не было всегда?

— Теоретически — да. Практически — никогда.

— Ужас какой! — Патриция вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Это может произойти. А может обернуться и по-другому, если дверь в иной мир, открытая МЕДИУМом, приведет не туда, куда люди ожидают. Задумайся о легальной стороне вопроса. Многие юристы уже опубликовали статьи с предложением изменить судебную и полицейскую процедуру, если МЕДИУМ будет признан законом. Можно будет вызвать убитого как главного свидетеля обвинения. А как насчет собственности? Может ли покойник по закону управлять своей недвижимостью и своим бизнесом? Можно ли отказать ему в этом праве только оттого, что он ушел в мир иной? А с другой стороны, каковы права первоначального владельца этой собственности? Вернет ли себе Джон Д. Рокфеллер после долгих судебных препирательств контроль над «Стандард Ойл»? Будет ли Джордж Вашингтон переизбираться в президенты? А если будет, то кто сможет с ним соперничать, кроме разве что Эйба Линкольна? И как сможет Джордж Вашингтон компетентно управлять страной? Да никак, потому что мир изменился настолько глубоко и основательно, что ему просто не понять этих изменений...

— Да это просто смешно! — возразила Патриция.

— Я знаю. Но ты призадумайся обо всем, что может случиться, и поймешь, какая может выйти неразбериха. А возможно, и выйдет.

— Что бы там ни было, а владелец МЕДИУМа будет очень богат, — заметила Патриция. — Даже если правительство возьмет его под свой контроль, ему придется оплатить владельцу лицензию.

Карфакс хотел пройтись насчет сияния долларов в ее глазах, но воздержался. Если она думает о том, как могла бы разбогатеть, будь она признана законной владелицей, не ему ее упрекать. Она всего лишь человек. Да разве он сам не думал, что стоит ему жениться на Патриции, и половина этих миллиардов могла бы принадлежать ему? Может, поэтому он и занялся с Патрицией любовью? Но нет, сказал он себе,

алчность не имела с этим ничего общего. К тому же алчность, даже подсознательная, не позволила бы ему рассердить ее сегодня утром. Разве он не стал бы делать все что угодно, лишь бы ей понравиться?

Но эти мысли могли вынырнуть из еще одного подсознательного источника. Им могло двигать желание уверить себя, что деньги не были побудительной причиной.

Жизнь достаточно сложна и без вмешательства покойников. Но уж если они объявились, никуда от них не денешься.

Он вышел из отеля в девять утра. Воздух был чистым, и по синему небу плыли несколько облачков, не затронутых вчерашним посевом. Он увидел поблизости автобусную остановку, но предпочел пройтись до линии экспресса «Ла Бреа». Экспресс проходил неподалеку, а Карфаксу не помешает побольше двигаться. К тому же он собирался проверить, нет ли за ним слежки, и взглянуть, насколько изменились окрестности. Он шел по солнечной стороне бульвара Уилшир, то и дело останавливаясь поглазеть на витрины. Если кто и следил за ним, то делал это незаметно. Да он и не думал, что Вестерн считает его настолько серьезной угрозой для себя, чтобы держать под непрерывным наблюдением. Патриция осталась в его номере на всю ночь, но это не порочит ни Карфакса, ни Патрицию. Такими вещами теперь никого не удивишь.

Он обнаружил, что Миракл Майл не особенно и изменилась, только пешеходных мостиков стало больше. Улицы по южной стороне, Восьмая и соседние с ней, больше не состояли из сплошных особняков. Их снесли и заменили высокими многоэтажками и парковками. Меж ними торчала структура на восемьдесят этажей без единого окна, скрывающая нефтяные насосы.

На станции «Ла Бреа» он поднялся лифтом на платформу и через минуту уже садился в экспресс Экспресс доставил его прямиком до остановки «Сансет», где он пересел в автобус до Хайленда. Оттуда он добрался на такси Турс встретил его у ворот здания Вестерна.

— Вы, наверное, слышали вчерашние дебаты в телеэфире? — спросил он.

— А кто не слышал? — усмехнулся Карфакс.

— Возможно, вы не знаете, что племянница Шэлланда подает на нас в суд, — сообщил Турс. — У нее нет ни единого шанса, поскольку епископ подписал бумаги, освобождающие нас от ответственности. Но это чертовская канитель. Мистер Вестерн, конечно, даст показания в суде, чтоб избавиться от нее, но это создаст скверный прецедент Хотя во всем этом есть и одна хорошая сторона. Разумеется, с нашей точки

зрения, — добавил он, увидев, как поднялись брови Карфакса. — Мы собираемся через пару дней расспросить самого епископа. Чтобы не возникало сомнений относительно его личности, мы пригласили и его племянницу. Она отказалась, но у нас достаточно людей, близко с ним знакомых, которые смогут его опознать.

Карфакс следовал за Турсом ко входу в здание.

— Зачем вы это делаете?— поинтересовался он.

Турс уже открыл было перед Карфаксом дверь, но загородил собой вход.

— Что вы имеете в виду?

— Зачем вам говорить с епископом?

— Вот оно что! — усмехнулся Турс. — Ну, если епископ не в аду, не в раю и не в чистилище, и он сам это подтвердит, что тогда останется от его религии?

— Вы опубликовали около дюжины интервью с католиками и представителями прочих исповеданий, — ухмыльнулся Карфакс. — Если верующие отвергают свидетельства самих пап, вроде Иоанна XXIII или Пия XI, чем их потревожит свидетельство простого епископа?

— Они могли сомневаться в самой личности этих пап. Но Шэлланд только что умер, и...

Он умолк и уставился куда-то поверх головы Карфакса. Карфакс задрал голову и увидел самолет, летящий над горами с северной стороны. Моноплан с двойным двигателем так быстро пересек горы и преодолел полпути к долине, что Карфакс только тут догадался, что он делает. Или вернее, намеревается сделать.

— Кретин! — заорал Турс. — Он сейчас врежется!

— Не-е-е-ет! — завопил Карфакс и нырнул в пластиковую растительность. Он продрался сквозь жесткие листья, ударился о ствол, почувствовал, как тот сгибается от удара, и услышал рев двигателей. И тут что-то огромное и безжалостное подняло его и завертело в воздухе полубесчувственное тело, еще и еще, пока он окончательно не лишился сознания.

ГЛАВА 10

Очнулся он лежа навзничь. Боли он не испытывал — пока не испытывал — и не имел ни малейшего представления, что случилось и где он находится. Он не мог шевельнуть рукой или ногой и ничего не слышал. Мимо пробежала, воздев руки, какая-то женщина. Ее почерневшее тело было совершенно

обнаженным, если не считать изодранной блузки; волосы превратились в обугленный ком. Потом она исчезла, и, насколько Карфакс мог понять, он остался один. Синее небо заволокло черным дымом. Что-то ударило его в бок, но он был не в силах даже обернуться и посмотреть, что именно.

Спустя недолгое время над ним совсем низко проплыл вертолет. Он ощущал потоки горячего воздуха от его двигателей, хотя и не слышал их. Он попытался закричать. Рот его открылся. В голове взревело. Темнота накрыла его снова.

Когда Карфакс очнулся во второй раз, он лежал в постели, укрытый одеялами, с привязанными руками и ногами. На сей раз он мог двигать ими самую малость, хотя тут же пожалел о попытке. Они начали болеть, а собственная голова казалась ему сплошным сгустком крови. Ему представлялось, что именно так и чувствовал бы себя его мозг, если его раздавить в кровавую массу. Человек в белом халате собирался установить респиратор.

Когда он открыл глаза в третий раз, то увидел над собой плачущую Патрицию. Он был в больничной палате; медсестра писала что-то на листке бумаги, прикрепленном к стене. Он мог повернуть голову, хотя и ценой изрядных страданий, а сквозь руки и ноги словно были пропущены провода высокого напряжения, по которым пульсировала боль.

— Этот самолет, — сказал он Патриции. — Он нарочно врезался в дом.

Собственный голос эхом отдавался у него в голове.

Сестра прервала свое занятие и подошла к его постели.

— Не надо напрягаться, мистер Карфакс. Просто усните. С вами все будет в порядке. — Голос ее доносился как бы издалека.

— Спина не сломана? — спросил он.

— Нет, но сломана нога и два ребра. А в остальном все нормально.

— Я боялся, что барабанные перепонки лопнули, — сообщил он. — Который час?

— Пусть это вас не беспокоит, мистер Карфакс. Все равно сейчас вы никуда не пойдете.

— Почти двенадцать. — Патриция сквозь слезы взглянула на циферблат.

— Полночь?

— Гордон, делай, как сестра сказала. Когда ты проснешься, я буду здесь.

— Нет, я хочу знать, что произошло, — запротестовал он, но тут же отключился. Когда он вновь пришел в себя, ему

показалось, что прошло не больше нескольких минут. Он был один.

«Вот они, обещания Пат!» — подумал было он, но мгновением позже она вошла в палату и наклонилась, чтобы поцеловать его.

— И надо же тебе было очнуться именно сейчас! — вздохнула она. — Как раз когда мне понадобилось сходить в туалет.

— А я, по-моему, уже сходил, — сказал он. — Вызови сестру, ладно?

Около восьми утра он уже был способен сесть и выслушать, что произошло. Его правая нога ниже колена была раздроблена. Два левых ребра уже склеили. В левом ухе слух восстановился полностью, но в правом раздавалось легкое жужжание. Его лицо и тело покрывали сплошные синяки. Голова болела так, словно он не просыхал трое суток. А громкий или неожиданный звук заставлял его вздрагивать.

Патриция рассказала ему все, что знала о случившемся. Телевидение и газеты добавили деталей.

Вчера в девять часов двадцать минут некий мистер Кристиан Увелль, проживающий по адресу Суиторандж-лейн 13748, квартира 6Н, арендовал в аэропорту «Санта-Барбара Сисайд» четырехместный пассажирский «Лангер». Его объявленный маршрут пролегал через Тихий океан к Эврике, городку на дальнем побережье Калифорнии. Вместо того мистер Увелль направился на юг и, невзирая на все приказы диспетчеров аэропортов Сисайд и международного Риверсайда, продолжил свой незаконный полет. Через несколько минут он спустился настолько низко, что радары были бессильны его обнаружить. Свидетели подтверждают, что он держался на высоте ста метров над самыми высокими зданиями и горными вершинами.

Приблизившись к окрестностям Николс-Каньона, мистер Увелль поднялся на высоту трехсот метров, сделал два круга — по всей вероятности, чтобы точно определить здание Вестерна, — спустился и прицельно врезался в свою мишень. В самолете находился сам мистер Увелль и, по предварительным оценкам, около пятидесяти фунтов динамита, каковой мистер Увелль, будучи химиком, собственноручно изготовил в рабочее время. Аэроплан, пилот, динамит и здание исчезли в пламени.

А вместе с ними исчез и МЕДИУМ, и тридцать служащих Вестерна, включая Турса, миссис Моррис, Хармонса и двух клиентов, беседовавших с покойным Карлом Марксом

Вестерн и двое его телохранителей отделались легким испугом. Мистер Вестерн находился в подземном гараже в обществе некоего клиента. Что он там делал и кем был этот клиент, осталось неизвестным. Клиент в суматохе исчез, а мистер Вестерн не собирался называть его.

Миссия мистера Увелля потерпела крах, ибо отправить мистера Вестерна в великое ничто ему так и не удалось.

Карфакс, как и все прочие, предполагал, что Увелль был представителем какой-то религиозной группировки, ненавидевшей Вестерна за то, что он оскорбил их верования.

Ничего подобного. Мистер Увелль был фанатичным атеистом. Он высмеивал все религии и однажды даже был избит в баре «Силверсайд» за высказывание, что христианство представляет собой величайшее зло на этой планете.

И зачем мистеру Увеллю убивать человека, который собирался уничтожить все общепринятые религии и большинство необщепринятых?

Этого не знал никто, но телерепортеры полагали, что мистер Увелль возненавидел Вестерна, поскольку тот уничтожал заодно и атеизм.

Потом мельком показали вид на развалины с вертолета. На месте здания осталась только глубокая черная дыра, вокруг которой, словно лепестки гигантской незабудки, валялись обломки дерева и металла.

Мистер Вестерн, оба его телохранителя и неизвестный клиент выбрались из подземного гаража спустя несколько минут после взрыва и отделались легкими ожогами тела и головы.

Потом показали Вестерна. Его тело и голова были в нескольких местах обмотаны бинтами. Телевизионщики передали его заявление, что скоро будет выстроен новый дом и установлен новый МЕДИУМ. Мистер Вестерн утверждал также, что его смерть ничего не изменит, поскольку его последователи будут продолжать его дело.

— Мне хотелось бы знать, что он делал в этом гараже и кто его клиент, — высказался Гордон Карфакс.

— Хоть бы его убило! — вспыхнула Патриция. — Так ему и надо! Может, тогда бы он сознался, что убил папу и похитил МЕДИУМ!

— Чего ради? — не понял Карфакс.

— А какой ему смысл врать после смерти?

— Смерть еще не делает человека правдивым и доброжелательным, — возразил Карфакс

— Ну вот, опять, — вздохнула она — Ты твердишь, что это не покойники, а какие-то непонятные существа, которые

только притворяются покойниками. А сам говоришь так, словно веришь, что это покойники.

— Знаю. Не так-то легко отказаться от привычки думать о них как о живших прежде. Вечность покоряет тебя, даже если тебе и не хочется в нее верить. Вот умер человек, а ты с ним разговариваешь. И только жесткая дисциплина разума может помочь различить этих двоих — того, кто жил когда-то, и того, кто им притворяется. Если только...

— Если только это не одно и то же — ты ведь это хотел сказать?

— Боюсь, что да, — улыбнулся Карфакс. — В любом случае, люди это или нет, но они опасны. Я знаю, хотя и не могу доказать, что один из них пытался взять надо мной верх, завладеть мной, когда я разговаривал с твоим отцом.

— Но как они могут это сделать?

— Почем я знаю? Но если я хоть намекну об этом средствам массовой информации, Вестерн наверняка припомнит мой нервный срыв. И все решат, что я псих. Может, я и есть псих.

— Не думаю, — покачала головой Патриция. — Но сейчас нужно заняться тем, что мы можем сделать. Тебе придется на время позабыть о Фрэнсис — по крайней мере пока не будет построен новый МЕДИУМ. Ужасно так говорить, но... может, и хорошо, что дом взорван. Вестерн будет слишком занят его восстановлением, чтобы думать о нас. Пока он занят, мы сможем чего-нибудь добиться.

«Например?» — подумал Карфакс. Ах да, они ведь собираются на сеанс к миссис Вебстер, хоть он ничего и не ждет от этого сеанса. А потом он может разведать обстановку в университете.

Как раз перед тем как они выключили перед сном телевизор, телекомментатор сообщил, что на днях будет опубликовано официальное заключение правительственной комиссии. Очевидно, президент поддался на давление со стороны общественности. Решение не из добровольных: каким бы ни оказалось это заключение, кого-нибудь из избирателей оно оскорбит наверняка.

ГЛАВА 11

Торговцы призраками и раньше поживали неплохо, но теперь для них настал золотой век. Там, где до Вестерна был только один медиум, теперь их процветало двадцать. Иные работали по старинке, презирая электромеханические средства и

полагаясь исключительно на свои духовные силы. И, как полагал Карфакс, на легковерие клиентов. Прочие в погоне за современностью использовали самодельные установки, якобы копирующие машину Вестерна. (По мнению Карфакса, все до единой — подделки. Но чтобы приманивать клиентов и деньги, сгодятся отлично.)

В отношении денег миссис Вебстер не представляла исключения. Она проживала в шестикомнатном пентхаузе на крыше тридцатиэтажного здания в Санта-Монике всего в двух кварталах от Тихого океана. Один охранник обыскал Гордона и Патрицию возле главного входа, другой сопроводил их в частный лифт, третий проверил их документы, прежде чем допустить в прихожую. В комнату их проводила служанка, словно только что приехавшая из Аравии — откуда она и на самом деле приехала. В комнате не было декораций для сеанса, ожидаемых Карфаксом. Светлая комната, большая, просторная, по устрично-белым стенам до самых дверей тянутся фрески, напоминающие оригиналы Казетти — и то действительно были оригиналы Казетти. Единственные картины выглядят совсем как оригиналы Матисса и Ренуара— и ведь действительно оригиналы. Мебель была выдержана в столь популярном в последнее время хрупком неокритском стиле.

Миссис Вебстер казалась такой же хрупкой, как и ее мебель. Она встала с вертящегося диванчика и подошла к посетителям, протягивая руку и улыбаясь. Выглядела она лет на пятьдесят, ростом не более пяти футов. При худых руках и ногах она отличалась большой грудью, а ее тыльная часть просто восхитила Карфакса. Лицо у нее было овальное, с большими глазами и высокими скулами. Длинные угольно-черные волосы ниспадали свободно. Украшений она не носила, за исключением золотого колечка с синим камнем, распознать который Карфакс не сумел. Когда миссис Вебстер подняла руку, он увидел, что кольцо выполнено в форме змеи.

Голос у миссис Вебстер был слишком низким для такой маленькой женщины.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Скоро прибудут остальные. Можете курить, если хотите. На столике лежат «Кенийские», но вы можете курить свои, если предпочитаете. Простите, но я вас покину на пять минут: мне надо переодеться в рабочую одежду.

Пять минут растянулись до пятнадцати. Патриция выкурила несколько крепких «Кенийских». Гордон расхаживал по комнате туда-сюда, то и дело бросая взгляд на широкое и высокое окно с видом на океан. Он заметил тоненькие проволочки,

сбегающие по стене от нижнего края окна. Брови его приподнялись. Электронно поляризованные окна — штука дорогая.

Он как раз посмотрел было на часы, когда заслышал голоса. Вошла служанка, уже облаченная в развевающиеся белые одеяния, придававшие ей еще более арабский вид. За ней следовали трое мужчин и трое женщин, все разного возраста, но все без исключения хорошо одетые. Одна из них, блондинка лет двадцати, была, по мнению Карфакса, одета даже слишком хорошо. На ней была длинная юбка-колокол и вышитый жакетик. Наиболее смелые молоденькие девушки в больших городах носили подобный наряд в память своего недавно умершего кумира, певицы Сибелы Фидестес (урожденной Люси Шварц). На улице груди девушки были прикрыты тонкой газовой накидкой, но теперь она и ее сбросила. Карфакс подивился, как он сможет сосредоточиться на делах духовных при виде такого телесного великолепия. Или так оно и задумано, чтобы отвлечь его, не дать разглядеть мошеннические проделки?

Он заметил, что губы Патриции поджались, когда девушка вошла. Когда же она сбросила накидку, глаза Патриции сузились. Она взглянула на Карфакса — не пялится ли? — но он только ухмыльнулся и подмигнул в ответ.

Миссис Вебстер объяснила им по телефону, что гости придут высокодуховные и присутствовать будут исключительно для улучшения контакта. Вот чего она не сказала, но Карфакс тем не менее предположил, — что они подрабатывали у миссис Вебстер, а она им отстегивала часть своего немалого гонорара. Гостями оказались профессор психологии Калифорнийского университета, программист, офицер морской пехоты в отставке, жена профессионального художника и секретарша финского консульства в Лос-Анджелесе. Блондинка, которую звали Глориана Шегети, работала в службе социального обеспечения — но, конечно, не в этом наряде, подумал Карфакс.

Глориана подошла к Гордону вплотную и заговорила:

— Я думала, у вас была сломана нога, мистер Карфакс.

— Была и осталась, мисс Шегети, — ответил он. — Но шину сняли на другой же день. В место перелома впрыснули специальную смолу и оставили на ночь в лубке, чтоб затвердела. То же самое проделали с моими ребрами. Теоретически я сейчас могу пробежать стометровку. На самом деле у меня все мускулы болят, и если вдруг мое лицо передернется, то это от боли. Или, возможно, от восхищения вами.

Мисс Шегети засмеялась. Патриция издала придушенный звук.

— Я слышала, что на востоке лечат переломы с помощью смолы, но не знала, что и у нас ее используют,— сказала мисс Шегети.

— Я был одним из первых пациентов.

Вошла миссис Вебстер, и разговор утих. Теперь на миссис Вебстер был белый хитон, до того тонкий, что отсутствие белья было очевидным. Груди у нее выглядели такими крепкими, словно их накачали клинитом. Неужели она тоже оделась подобным образом, чтобы отвлечь Карфакса? Если так, то она преуспела.

— Присаживайтесь, будьте любезны, — произнесла она, указывая на большой стол черного дерева со столешницей, инкрустированной яркими изображениями рыб, дельфинов и осьминогов.

Все сразу направились к столу, кроме мисс Шегети, задержавшейся, чтобы нажать на скрытую в стене кнопку. Оконный свет померк. Когда мисс Шегети усаживалась, окно уже превратилось в темно-красный прямоугольник с темно-синим пятном солнца в центре. Комнату быстро заполнил густой красноватый полумрак. Мисс Шегети, сидящая напротив Карфакса, превратилась в темно-синюю статую с черными сосками. Он взглянул на Патрицию и увидел синий призрак. Его собственные руки тоже были синими.

Должно быть, кондиционер понизил температуру, самое малое, градусов на десять: Карфакса неожиданно пробрала дрожь.

Миссис Вебстер села справа от Гордона и взяла его кисть в свою прохладную маленькую руку

— Теперь составим живую цепь.

Карфакс взял за руку миссис Эпплчард, жену художника. Рука у нее оказалась гораздо теплее, чем у миссис Вебстер.

— Это нужно, чтобы установить между нами течение витального потока, — объяснила миссис Вебстер. — Просто сидите и медитируйте, Патриция и Гордон, размышляйте о чем угодно. О чем-нибудь хорошем, если можете. Предлагаю вам подумать о любви: для начала это самые лучшие мысли.

Задача нетрудная, подумалось Карфаксу. Мисс Шегети покачивалась на своем стуле взад-вперед, и синие осцилляции доказывали, что ее грудь не имеет ничего общего с клинитом. Интересно, о чем думает Патриция? Если и она смотрит на мисс Шегети, то никак уж не о любви.

Странноватая прелюдия перед контактом с покойными. Но психологи — во всяком случае некоторые — утверждают, что в уме многих американцев секс и смерть взаимосвязаны. Так

сказать, лицевая и оборотная сторона психической монеты. По мнению Карфакса, эта валюта изрядно обесценилась.

— Ощутите поток, — тихо произнесла миссис Вебстер. — Почувствуйте, как он течет от одного к другому, через всех нас, снова и снова, все сильнее с каждым кругом.

Внезапно Карфакс ощутил покалывание там, где его кожи касалась рука миссис Вебстер. Несколькими мгновениями позже покалывание возникло в месте прикосновения миссис Эпплчард.

Кто-то дернулся, проскочила крохотная голубая искорка, и Патриция вскрикнула.

Карфакс тоже испугался, но тут же стал прикидывать, не спрятан ли где включенный электрогенератор. Едва ли: в тонкую столешницу и ножки стола можно запрятать разве что небольшую батарейку. Конечно, скрытая проводка может вести к генератору, спрятанному под полом. Тоненькие такие проводочки. А контакт замыкает голый живот миссис Вебстер или мисс Шегети.

С другой стороны, искорка была обязана своим возникновением скорее статическому электричеству.

— Разомкните, пожалуйста, цепь, — попросила миссис Вебстер.

Миссис Эпплчард вздохнула и отняла руку. Шегети встала, распространяя вокруг себя вибрации, и отошла. Карфакс поднялся и приблизился к Патриции.

— Как ты?

— Неплохо бы выпить, — сказала она, вставая. — Но миссис Вебстер говорит, что во время сеанса нельзя пить даже воду. Хоть бы свет включили. Все так мрачно выглядят.

В темноте вспыхнула спичка. Ее огонек осветил бледное лицо мисс Шегети с сигаретой во рту. Мгновением позже Карфакс ощутил едкий запах.

Патриция вздрогнула, но испугала ее не Шегети: в комнату молча вошла совершенно синяя служанка. Она несла сосуд, от которого исходило слабое оранжевое мерцание.

— Можете курить табак или «травку», если хотите, — посоветовала миссис Вебстер. — «Травка» помогает лучше настроиться.

Карфакс предположил, что под «настройкой» она понимает достижение более сильных «вибраций», что бы там это слово ни означало.

Служанка поставила сосуд на стол перед миссис Вебстер и выскользнула из комнаты — или все равно что выскользнула. Карфакс обошел вокруг стола и заглянул в сосуд. Там лежали три копьевидных листа, почти черные при таком освещении.

— Листья лавра, Гордон, — произнесла миссис Вебстер у него за спиной. Она придвинулась так близко, что ее грудь уткнулась в сгиб его правой руки. — Laurus nobilis. Отвар сладостного лавра использовали в своих оргиастических ритуалах жрицы еще доэллинистических религий. Эти листья сорваны с лавра, растущего неподалеку от храма дельфийских оракулов. Я использую их только в самых крайних случаях.

— Вы добиваетесь лучших результатов, если жуете лавр?

— Намного. Но использовать лавр опасно. Я в большей степени утрачиваю контроль.

— А почему это опасно? — спросил он, обернувшись.

Миссис Вебстер отодвинулась не сразу, так что ее притиснуло к Карфаксу. Затем она отступила и взглянула на него. Лицо ее казалось синим, зубы совершенно черными, а язык был темно-красной вспышкой.

— Вам не стоит возбуждаться. Лучше не думать заранее о том, что может случиться.

— Я и так перевозбужден, — возразил он, не зная, заметила ли она двусмысленность.

— Хорошо, — произнесла она уже громче. — Погасите сигареты и возвращайтесь к столу. Патриция и Гордон, займите прежние места и соедините руки с остальными.

На сей раз руки Карфакса не ощущали покалывания. Электричество, казалось, наполняло воздух. Гордон недоумевал, как же миссис Вебстер возьмет лист и положит себе в рот, если ее держат за обе руки. Тут из-за плеча у нее протянулась чья-то рука, взяла лист и положила ей в открытый рот. Карфакс обернулся и увидел служанку, стоящую у миссис Вебстер за спиной.

Тишину нарушало только тихое жевание. Сидящие за столом казались еще более темно-синими. У Гордона разболелась голова. Рука миссис Эпплчард сделалась более влажной, но и более холодной. В воздухе тоже похолодало, и на сей раз Карфаксу показалось, что понижение температуры вызвано не кондиционером. Возможно, у него просто разыгралось воображение

Внезапно миссис Вебстер сплюнула, и он подскочил. Жеваная масса приземлилась на стол возле сосуда, и Карфакс ощутил ее приятный аромат. Уголком глаза он вновь заметил руку Она нырнула в сосуд, извлекла из него нечто туманное — второй лист — и положила его в разверстый рот миссис Вебстер Опять тишина и влажное пожевывание.

Спустя несколько минут, когда безмолвие сгустилось подобно облаку, миссис Вебстер выплюнула второй лист Рука вновь потянулась за очередным листом и ко рту медиума.

— Нет! Достаточно! — воскликнула миссис Вебстер, и рука, все еще сжимая лист, исчезла.

У него у самого сейчас руки как у мертвеца. Слева от Карфакса что-то буркнуло, и он вздрогнул. Он слегка расслабился и даже усмехнулся, лишь сообразив, что это желудок миссис Эпплчард. Ну и нервная особа, подумал он. Хотя не ему ее винить. Но почему она так нервничает, ведь она бывала здесь и прежде? А может, у нее есть на то серьезная причина?

— Не отпускайте руки, — резко приказала миссис Вебстер.

Снова тишина и тяжелое дыхание. Может, это Патриция?

— Рафтон Карфакс! — возопила у него под ухом миссис Вебстер.

Гордон застыл — превратился в кусок кварца — прозрачного насквозь, сконденсировавшегося из сгустившегося до жидкости страха. Что-то или кто-то вошло в комнату. А точнее, появилось в ней: воздух над столом уплотнился, утратил прозрачность и закрутился смерчем. Лица и рук Карфакса коснулось легкое дуновение воздуха, вызванное стремительным движением чего-то материального.

— Рафтон Карфакс!

И вдруг из сгустка плазмы над столом вытянулась и скользнула в сторону миссис Вебстер тонкая и длинная псевдоподия. От нее повеяло таким леденящим холодом, что, казалось, кожа сейчас покроется инеем, а камень треснет и расколется. Кто-то хихикнул — крутящийся вихрь над столом мешал увидеть — кто. Но кто бы он ни был, ему явно было не весело, это был скорее нервный смешок, в нем слышался трепет. И вместо того чтобы разрядить напряжение, он еще больше взвинтил Гордона.

— Рафтон Карфакс! Усмирись!

Голос миссис Вебстер звучал повелительно, но и в нем слышалась нервозность. Ее рука похолодела настолько, что Гордону смертельно захотелось ее отпустить, и лишь страх, что, разорвав цепь, он окажется во власти этого нечто, которое не преминет воспользоваться его слабостью, заставил его еще крепче сжать ее ледяные пальцы

— Рафтон Карфакс! Прими свой истинный вид!

Снова смешок. Похоже, женский И еще чье-то судорожное дыхание.

— Отпустите его! — простонал мужской голос.

— Держите себя в руках! — резко бросила миссис Вебстер. — Вы не должны поддаваться панике!

— Господи Иисусе! — пролепетала Патриция. — Это не папа! Что вы сотворили?

— Не смей выходить из пределов тебе дозволенных! — хрипло приказала миссис Вебстер, и голос ее слегка дрогнул. — Не смей выходить! И назови себя!

— Это не папа! — вдруг завизжала Патриция.

Тут же раздался грохот отъехавшего стула и звук падения тела. На секунду под столом создалась неразбериха из ног, потом раздался чей-то вопль и звук быстрых шагов в сторону дверей. Гордон тоже вскочил, резко дернув при этом обеих дам, пытаясь вырваться, — его больные мышцы ожгло как огнем, — но обе вцепились в него мертвой хваткой.

— Не бросайте нас! — прошептала миссис Вебстер, словно ей отказал голос.

В дверях шла какая-то возня: кто-то с кем-то боролся. Патриция со служанкой?

— Изыди! — Голос снова вернулся к миссис Вебстер. — Возвращайся к себе в преисподнюю, откуда ты вышел!

Псевдоподия сгустка поднялась, изогнулась как слоновий хобот и внезапно выстрелила прямо ей в лицо. Миссис Вебстер издала отчаянный вопль и рухнула на пол, увлекая за собой Гордона, — оба покатились по ковру, причем она не переставала истошно вопить, закрыв лицо руками. Заметив, что Шегети метнулась к окну, чтобы деполяризовать стекла, Гордон отважился подняться на ноги. Сгусток плазмы над столом продолжал бушевать вовсю: он выращивал все новые и новые псевдоподии и пытался дотянуться ими до края стола. Но в комнате становилось все светлее, и он начал постепенно таять, пока не исчез совсем, когда солнце засияло в полную силу.

Гордон обернулся и увидел сквозь распахнутую дверь улепетывающих по коридору Патрицию и служанку. Миссис Вебстер уже сидела на полу, но продолжала, не отрывая рук от лица, стонать.

— Я ослепла! Я ничего не вижу!

Гордон нагнулся к ней, с усилием оторвал ее ладони от лица и злобно бросил:

— Конечно же, вы ничего не можете видеть, идиотка! У вас же глаза закрыты!

Она подняла веки: в ее глазах застыл панический страх.

— Я ничего не вижу, говорю же вам! Я не могу видеть! «Это» коснулось моих глаз!

— Кем бы «это» ни было — оно уже исчезло, — уже мягче сказал Гордон. — Его здесь больше нет И сейчас вы в полной безопасности!

Он склонился и поднял медиума на руки. Какой легкой она оказалась! — словно была выжата до предела.

ГЛАВА 12

— Все это могло быть просто результатом внушения, — сказал Гордон. — И как итог — массовая истерия.

Он стоял у окна и смотрел на расстилавшийся внизу бульвар Уилшир. В окне третьего этажа в доме напротив он заметил мужчину, яростно трясущего пальцем перед носом женщины. Интересно, о чем они спорят? Если спорят вообще. О семейных делах? О супружеской измене? О политике? О МЕДИУМе? О своих детях? О сексе? Или, что вероятнее всего, о деньгах?

— Но тогда почему же мы все видели одно и то же? — недоверчиво спросила Патриция.

— Не знаю, Пат. Скорее всего нас просто изрядно подготовили книги, статьи и телефильмы к тому, что мы увидим какую-то аморфную массу, сгусток эктоплазмы, который потом примет определенную форму...

— Но «это» совершенно определенно не было моим папой, — возразила Патриция. — Папа был добрым! Да-да, слабохарактерным, но добрым! А «это» было ужас до чего злым!

— Мы знаем лишь то, что «это» было объективной реальностью, физическим феноменом, если хочешь. В этом мире возможно все! Но вовсе не обязательно называть «это» призраком. Да и к тому же оно могло прийти откуда угодно — вовсе не обязательно, что из мира *рэмсов*. В нашей вселенной могут существовать тысячи, миллионы, да что там! — бесконечное множество миров, есть вероятность, что при определенных обстоятельствах мы можем пробиться к ним, а они — к нам. Так что если обстоятельства благоприятствуют, то мы вполне можем вызвать (ненавижу это слово — от него попахивает ведьмовством!) — вызвать «нечто». Только я как-то больше не расположен этим заниматься с миссис Вебстер. Да и с любым другим медиумом. Все! Сыт по горло спиритизмом!

— Я тоже! — горячо воскликнула Патриция.

— Смотри, приезжает Ла Цинега, — сказал он, заметив на одной из машин большой рекламный плакат. — Знаешь, я думаю, нам пора прогуляться немножко. Мы весь день разминаем

мозги — пора подразмять ноги. К тому же физические упражнения полезны для мозговой деятельности.

— Ну, ты прямо философ! — фыркнула она и впервые за день улыбнулась.

— Доморощенный! — ответил он в тон, хотя на самом деле его мысли только наполовину были заняты беседой с Пат.

Он не переставал думать о МЕДИУМе. Раньше, до того как он лично убедился в его действии, он мог развлекаться любыми гипотезами — все равно впрямую это его не касалось. А теперь, когда он обещал Патриции рассеять или подтвердить ее подозрения, да еще после интервью с дядюшкой (или кем там, вместо него), у него голова пухла от проблем. Да и дело не только в поиске доказательств того, что Вестерн ограбил и убил своего дядю (если он это действительно сделал), но еще и в том, что даже если он все это докажет и Патриция станет законным владельцем МЕДИУМа, то он уже будет чувствовать личную ответственность, если она начнет его использовать. Да, впрочем, и откажись она — кто ей это позволит?! А ведь она к тому же и не захочет отказаться от его эксплуатации.

Впрочем, МЕДИУМ для них недосягаем. А это значит, что нужно заняться более насущными проблемами. И чем скорее — тем лучше.

— Прогулка отменяется, — заявил он. — Точнее, она состоится, но прогуливаться буду я один. И довольно далеко — в «Биг Сур Центр». Мне нужно там кое-что разнюхать, да поосновательнее. Поэтому я думаю, что, поскольку меня не будет довольно долго, тебе, чтобы не умереть от скуки, следует приискать что-нибудь для развлечения. Заметь: я сказал именно «что-нибудь», а не «кого-нибудь».

— Пожалуй, я приищу нам новое жилье. Пусть Вестерн помучается, разыскивая меня! Как долго тебя не будет?

— Дня четыре, не меньше.

На самом деле Гордон очень сомневался (особенно после разговора с дядей), что Вестерн будет тратить время на то, чтобы следить за Патрицией. После того как ее собственный отец опроверг все ее обвинения, она больше не представляет никакой опасности для своего кузена. Даже если с Гордоном говорил не Рафтон, а то существо, которое себя за него выдает, — в конечном итоге это в данной ситуации почти не играет никакой роли.

Он собрал чемодан, поцеловал Пат и через шесть часов зарегистрировался в небольшом мотеле студенческого городка университета «Биг Сур Центр». Звонить интересующим его людям было уже поздно, и, чтобы скоротать время перед сном,

он решил чего-нибудь почитать. Выбор книг был невелик: сборник фантастических рассказов Лео К. Тинкроудора*, эссе о наиновейших переводах с этрусского и «Одиссея» с пространными комментариями. Гордон предпочел книгу, написанную на базе интервью с этруском, умершим во втором веке до нашей эры, так как написана она была профессором Арчембодом из Беркли — близким другом Вестерна. Именно этим объяснялся тот факт, что он получил бесплатный доступ к МЕДИУМу. Правда, как было сказано в предисловии, профессору предоставили время для работы в самые ранние утренние часы, но он пожертвовал своим сном во славу науки! «А главное — во славу своей карьеры!» — съязвил про себя Гордон. Главные сложности были в том, чтобы локализовать человека, одновременно владеющего этрусским и латынью. Но, как только это было сделано, остальное пошло как по маслу.

И хотя Карфакса заинтересовали лингвистические и исторические подробности, почерпнутые из бесед с древним этруском Менле Арнзалом, он отложил их изучение до более подходящего времени. В этой книге его куда больше привлекало предисловие, в котором профессор Арчембод рассказывал о своем знакомстве с Вестерном. Оказывается, великий изобретатель рассказывал ему о своих первых опытах с МЕДИУМом. Он говорил, что сама идея сформировалась уже давно, но приступить к ее реализации он смог лишь за два года до того, как объявил о своем успехе.

Гордон подумал, что вполне могло быть и так. Но ведь слова Вестерна — еще не доказательство. Дядюшка Рафтон был вынужден довериться племяннику, потому что остро нуждался в деньгах. Но ведь Вестерн отнюдь не мечтатель — стал бы он вкладывать деньги в проект столь же осуществимый, как пресловутый «перпетуум мобиле»? Велика ли разница для трезво мыслящего человека между вечным двигателем и машиной для общения с покойниками? А Вестерн — человек очень практичный.

И это еще не все. В книге Арчембода Вестерн показан гениальным чудаком, фанатиком от науки, но подобное описание абсолютно не соответствует тому, что рассказывала о нем Патриция. Но ведь и ее мнение очень субъективно.

В десять часов вечера Карфакс включил телевизор. И главной новостью дня было то, что МЕДИУМ, оказывается, способен производить энергию, причем в безграничных количествах. По крайней мере Вестерн уверял, что это именно так.

---

* Лео Квикег Тинкроудор — персонаж некоторых рассказов самого Фармера.

А ведь всего каких-то несколько минут назад Гордон посмеивался над реальностью существования «перпетуум мобиле»!

Сообщение было кратким, но того, что сказал Вестерн, было достаточно: его последние эксперименты доказали, что энергию можно черпать из «мира иного». Оказывается, Вестерн возмещает все затраты электроэнергии на свой дом и работу МЕДИУМа за счет того, что научился вытягивать из *вэмса*. Энергии можно получить сколько угодно — однажды во время опыта у него за десять секунд расплавился трехметровый железный стержень. Так что теоретически, если его оснастить нужным оборудованием, МЕДИУМ сможет снабжать электроэнергией весь Лос-Анджелес. И всю Калифорнию. Да что там — весь мир!

И тут до Гордона дошло, что Вестерн, рассказывая о том, что весь дом питается от атомной станции «Фор-Корнерс», ему солгал.

И все же это заявление выглядело как-то сомнительно. Правда, Гордон не знал, как сейчас со стороны выглядит он сам — наверное, обескураженным. Он выключил телевизор, откинулся на спинку кресла с бокалом бурбона в руке. Ну хорошо, допустим, что, соответственно теории, вся энергия, производимая в нашем мире, в другом дублируется. А следовательно, если границу между мирами разрушить, то она хлынет снова в наш мир.

Но тогда логично предположить, что вся эта краденая энергия тут же сдублируется в «том мире». А сможет ли он вместить столько энергии? Не треснет ли по швам? А если так, то оттуда может вырваться вихрь свободной энергии, который разрушит и наш мир?

В этой вселенной ничего не получишь, не приложив определенных усилий, не заплатив. Так с какой стати в другой вселенной будет по-другому? В ней должны действовать те же физические законы, что и в нашей: за все нужно платить. И если наша вселенная берет что-то без отдачи, рано или поздно, но час расплаты наступит. Хочет она того или нет.

А может, все же не наступит? Ведь никто до сих пор ничего толком не знает о «мире ином». Известно лишь то, что в нем дублируется энергия и обитают разумные существа. Не много.

Так, может, стоит заняться интенсивными исследованиями баланса между этими двумя мирами? Но кто даст гарантию, что это не приведет к необратимым процессам, гибельным для обоих миров?

Карфакс налил себе еще бокал и стал размышлять, как это может повлиять на развитие дальнейших событий. Забудем об опасностях. Если то, что сказал Вестерн, — правда, то он с

МЕДИУМом обретет влияние, о котором никто и помыслить не смел! Безграничные запасы электроэнергии — уму непостижимо! Во-первых, уровень загрязнения воздуха резко упадет Во-вторых, придется строить всемирную систему энергоснабжения. Хотя, если в каждой стране поставить по МЕДИУМУ, общая система не понадобится. В каждой стране? А что, если Соединенные Штаты захотят иметь на него монополию? Что тогда? Ведь любое производство станет намного дешевле, чем в остальных странах.

Хотя это преимущество вряд ли сохранится надолго: как только станет известно, что такой аппарат принципиально возможен, за эту проблему возьмутся лучшие умы мира И однажды решат ее.

Мир изменится, причем так, как никто до сих пор не мог и вообразить. И, конечно же, обязательно найдутся те, кого это не устроит: производители энергии, например. Вряд ли они смогут смириться с потерей доходов и крушением своей империи. Без борьбы они не сдадутся. Но они уже проиграли.

Допив бокал до конца, он отправился в постель. Но в голове продолжали прокручиваться различные варианты будущего: они путались, переплетались, вытесняли друг друга, пока он наконец не заснул. Ему показалось, что он отключился только на секунду, когда звонок будильника буквально выдернул его из постели.

Налив себе чашку кофе, он включил телевизор. Однако ничего нового не узнал. Зрителям лишь пообещали специальную часовую программу на тему нового открытия Вестерна в вечернем выпуске.

Карфакс позавтракал в ресторане мотеля и, вернувшись в комнату, приступил к звонкам. В девять утра он уже был в компании по энергообеспечению «Биг Сур Центра». Служащий отдела учета мистер Вейссман вспомнил, что счета Рафтона Карфакса действительно были необычайно большими. Да, оборудование профессора требовало огромных затрат электроэнергии. В течение полугода, предшествовавших его смерти, он использовал восемь-девять мегаватт-часов в день. Оказывается, по просьбе компании было решено, что энергия будет подаваться ему после полуночи, так как днем удовлетворять его аппетиты им было затруднительно. Карфакс поблагодарил мистера Вейссмана и ушел.

Следующие два визита он нанес в компании по перевозкам, которые могли поставлять его дяде оборудование. Как оказалось, его заказы выполняли обе фирмы. Судя по записям, ему была доставлена большая панель и множество различных модулей. Панель пришлось везти из Лос-Анджелеса, а различные

детали и модули — из Окленда. Карфакс, поблагодарив за полученную информацию, посетил еще три магазина электротоваров, и в двух из них обнаружил записи о вакуумных трубках и других деталях, заказанных профессором. Однако ни одна из этих трубок не могла бы выдержать напряжение, необходимое дяде в его опытах.

Тогда Карфакс предположил, что трубку побольше он мог купить в Лос-Анджелесе или в Сан-Франциско. А еще мог получить ее из фирменного магазина Вестерна. И Гордон тут же заказал с ним междугородный разговор. Менеджер, прежде чем давать какие-либо справки, попросил его назваться, и Карфакс воспользовался первым пришедшим в голову именем — своего бывшего одноклассника.

Менеджер сказал, что, для того чтобы свериться с записями, ему понадобится некоторое время. Мистер Комас подождет у телефона или перезвонит? Карфакс сказал, что подождет. Однако прошло не меньше пяти минут, и, когда терпение Гордона почти истощилось, вновь раздался голос:

— Мистер Комас?

— Да, я все еще здесь, хотя и извелся весь.

— У нас нет ни одной записи о том, что наша фирма что-либо продавала Рафтону Карфаксу.

— Вы уверены?

— Да, конечно, — холодным тоном ответил менеджер. — Я осведомлен о том, что мистер Карфакс приходился мистеру Вестерну родным дядей, и поэтому мы бы запомнили любую его покупку.

Карфакс поблагодарил и повесил трубку. Этот тип с равным успехом мог говорить правду и лгать. Но как бы там ни было на самом деле — Гордону об этом не дознаться. Вламываться ночью в магазин, чтобы проверить все записи самому, ему как-то не улыбалось: он не частный сыщик из телесериала, заранее застрахованный от всех последствий. Да и Вестерн обладает такой властью, что запутать свои следы сумеет без особого труда.

Так что если раньше его надежда быстро установить весь комплект электродеталей, которые дядя использовал для построения МЕДИУМа, и так была слабой, то теперь она приказала долго жить. Что ж, остается собрать все, что удастся, может, что и получится.

Остаток дня он провел в беседах с бывшими соседями и коллегами Рафтона.

Но ни один из них ничего не знал, ни над чем тот в последнее время работал, ни о его планах. Все сходились на том, что это был очень обходительный человек, а его коллеги

отмечали, что он одновременно был хорошим педагогом и блистательным ученым — сочетание, крайне редко встречающееся в наше время.

На следующий день Гордон отправился на судне на воздушной подушке в Окленд, где получил список деталей, заказанных его дядей. Затем на экспрессе номер 101 помчался в Лос-Анджелес, где получил еще один список. Оттуда он позвонил миссис Вебстер. Ее секретарша ответила, что хозяйка сейчас на конференции, но оставила для него, на случай если тот позвонит, номер телефона. Карфакс записал его и поинтересовался, как здоровье миссис Вебстер. Восстановилось ли у нее зрение?

— Я даже и не знала, что у нее были неприятности с глазами, — удивилась секретарша.

Похоже, слепота миссис Вебстер была, как он и предполагал, чисто нервного порядка, и женщина быстро пришла в себя.

— Передайте ей мои поздравления, — сказал он и, опустив карточку в щель, набрал номер, который дала ему секретарша. На экране появилось лицо Патриции.

— Ты уже вернулся! — радостно воскликнула она.

— Сверхскоростной Карфакс! — гордо ответил он. — Но, как вижу, тебе тоже не понадобилось слишком много времени, чтобы найти новую квартиру.

— Нет, это тоже мотель. Я пока не нашла подходящего места. Я слышала, в Санта-Сусанне построен новый комплекс. Может, нам перебраться туда?

— Слишком далеко ехать, — возразил он. — Ну да ладно. А сейчас ты где?

Она дала ему адрес и спросила:

— Ты не говорил еще с миссис Вебстер?

— Нет. А о чем?

— Мне недавно позвонила ее секретарша и сказала, что ей надо немедленно с тобой связаться.

— Должно быть, мы с ней разминулись. Я сейчас ей перезвоню, а потом поеду прямиком к тебе.

Миссис Вебстер выглядела вполне здоровой, но была слишком возбуждена.

— Гордон, у меня сногсшибательные новости! Это ужасно, но, похоже, именно то, что вы ищете.

— Я ищу точку опоры, — вздохнул он, — Ну выкладывайте, что там у вас.

— Это не телефонный разговор. Лучше приезжайте ко мне.

Он сказал, что постарается добраться как можно скорее и, если не поймает такси, поедет экспрессом. Затем он перезвонил Патриции и сообщил, что его планы изменились. Через две минуты он сел в машину, а еще через пятнадцать его провели в приемную известного медиума. Гордон уселся за стол напротив нее и сказал

— Судя по величине ваших глаз, тайна, которую вы собираетесь мне открыть, поистине огромна.

Она закурила свою любимую кенийскую сигарету и несколько раз молча затянулась И лишь затем сказала:

— Я только что говорила с одним из своих клиентов — Робертом Миффлоном. Слышали о таком?

Карфакс помотал головой

— Неважно Это довольно своеобразный молодой человек. Он миллионер, довольно эксцентричен и в то же время довольно застенчив. Он с детства интересовался оккультными науками Поэтому, когда умерла его мать, он пришел ко мне.

Вы подняли брови? Вы были бы удивлены, узнав, что мы достигли в попытке ее вызвать некоторого успеха? Мы вызывали ее три раза, но она была не в состоянии придать плазме удовлетворительную форму, и те несколько слов, что она сумела произнести, были довольно бессвязными и глупыми Но ведь она и при жизни не блистала умом! Да и к тому же была порядочной эгоисткой.

Улыбаетесь? Зря. Вы же знаете, что я не шарлатанка. Короче говоря, когда Вестерн объявил, что обладает научным способом вызывать мертвых, Роберт пошел и к нему Но он был очень смущен, бедный мальчик, поскольку боялся, что я могу это расценить как предательство. Поэтому он сначала все же навестил меня и объяснил (по крайней мере постарался объяснить), почему туда идет Я сказала, что он может не волноваться на этот счет — я на него не в обиде Но предупредила его, чтобы он был очень осторожен: среди ученых встречаются свои шарлатаны

Потом он посетил пару сеансов у МЕДИУМа Он смог поговорить со своей матерью, но утешения это ему не принесло· она была на грани отчаяния, а он ничем не мог ей помочь Тогда он стал членом Панкосмической церкви Христа-*рэмса* Эта религия устраивала его тем, что считает *вэмс* своего рода чистилищем

Карфакс кивнул·

— Да, я слышал об этом. После того как умершие проходят «загробное очищение» в электромагнитном обличье, они следуют в новый мир, где получают новые физические тела,

причем много лучше тех, что имели при жизни здесь. Вот тогда-то они и обретают вечную благодать. Правда, нет ни одного приличного свидетельства, подтверждающего этот догмат, но разве отсутствие информации хоть когда-нибудь мешало людям создавать новые мифы?

— А даже и располагая какой-то информацией, допустят ли они к обсуждению тех, кто находится вне лона их церкви? — вставила миссис Вебстер. — Впрочем, мы отвлеклись, я позвала вас не для религиозных диспутов. К тому, что я хочу вам рассказать, это не относится. Так вот, о Роберте. Даже став последователем Панкосмической церкви, он не перестал посещать МЕДИУМ — наоборот, он зачастил туда, так как надеялся приобщить свою матушку к своей вере. Он надеялся таким образом дать ей утешение. И однажды (за несколько дней до того, как дом мистера Вестерна взлетел на воздух) тот обратился к молодому человеку с весьма неожиданным предложением. — Она выдержала паузу, несколько раз глубоко затянувшись, и лишь после этого продолжила: — Он предложил Роберту купить страховку.

— Страховку? — переспросил Гордон, — Вы имеете в виду: страхование жизни?

— Вот именно. Однако это вовсе не то, что предлагают обычные страховые агенты. Это своего рода истинное страхование жизни.

— Вы имеете в виду, что Вестерн предложил Миффлону жить вечно?

— Да, но несколько своеобразным способом. Вестерн назвал это «страхованием перевоплощения».

У Карфакса не было слов. Он был ошеломлен даже больше, чем вчера, когда услышал о том, что МЕДИУМ может стать кладезем даровой энергии.

— Короче говоря, Вестерн пообещал Роберту, что, когда тот умрет, он сумеет вернуть его к жизни в нашем мире. Он предложит ему тело, в которое тот сможет «переселиться». Или «одержать» его, если использовать освященный веками термин. Первый страховой взнос, который клиент обязан заплатить, пока еще жив, составляет двести тысяч долларов. Затем клиент назначает одного из агентов Вестерна своим наследником и, после того как он благополучно обретет новую жизнь в новом теле, законными путями получает назад половину своего состояния. Дальнейшие взносы составляют десять процентов от годового дохода клиента.

— Но... тела для переселения? — Гордон побледнел. — Откуда Вестерн собирался их брать?

— Он отказался обсуждать с Робертом этот вопрос и посоветовал не вдаваться в столь незначительные детали. Однако заклинал его держать свое предложение в секрете. И даже пытался запугать его, говоря, что, так как у него нет никаких доказательств, то, если Роберт проболтается, лучшее, что его может ждать, — приют для душевнобольных. А то и похуже, пригрозил он. Полагаю, он имел в виду, что тогда Роберта отправят в *вэмс* без всякой надежды на возвращение в наш мир.

Естественно, он все продумал — все денежные операции будут проводиться абсолютно законно и регистрироваться как плата за сеансы с МЕДИУМом. Таким путем он собирается избежать неприятностей при финансовых проверках.

После долгого молчания Гордон сказал:

— А действительно ли Вестерн может сделать то, что обещает? Насколько я знаю миллионеров, все они — люди чрезвычайно практичные и требуют гарантий того, что получат деньги обратно. Может, Вестерн предлагал это только Миффлону, зная его характер? По вашим словам, он не очень-то сообразителен.

— И очень совестлив. Именно это и мешает ему отважиться на подобный шаг И, к сожалению, тут не простое надувательство — Вестерн пообещал ему, что познакомит с человеком, уже вернувшимся «из мира иного».

— И как много таких уже ходит среди нас?

— Не знаю. Роберт пообещал, что обдумает предложение и не скажет никому не слова. Его очень беспокоит этот вопрос, потому что, с одной стороны, ему очень хочется жить вечно, но с другой — он не может примириться с мыслью, что будет жить в краденом теле. Несколько дней он боролся с собой и наконец не выдержал и пришел ко мне. Он сказал, что ненавидит себя за то, что нарушил данное Вестерну обещание, но ему необходим мой совет. Из двух зол он выбрал меньшее.

— И что же вы ему посоветовали?

— Потянуть с окончательным решением, пока я все как следует не обдумаю. Но в течение ближайших дней я должна буду ему что-то сказать.

Карфакс подумал, что Миффлон нашел в миссис Вебстер вторую мать, но воздержался от комментариев.

— Если все это правда, — тихо сказал он, — то Вестерн еще больше прогнил, чем мне о нем рассказывали. Но наконец-то мы получили первую зацепку. Остается вопрос: что нам со всем этим делать?

— Не знаю, — так же тихо ответила миссис Вебстер. — А как это все сочетается с вашей теорией о том, что *рэмсы* — это не наши умершие, а нечто иное?

— Я послал ее к черту. Если только если только это не существа, не являющиеся людьми, но способные на «одержание». И если они ведут себя как люди, то что им стоит обдурить Миффлона? Откуда ему знать, с кем он будет разговаривать: с человеком, вернувшимся «оттуда», или же с ловко прикидывающимся *рэмсом*, вселившимся в человеческое тело?

Он с содроганием вспомнил, как *рэмс*, называвший себя его дядей, словно попытался выскочить из машины и напасть на него. Неужели он действительно тогда посягал на его тело?

Он на секунду замер, уставившись в одну точку, и сказал:

— Вот оно!

— Что? — переспросила миссис Вебстер.

— Вот почему дядя Рафтон мне лгал. Он был вынужден это делать, потому что в противном случае Вестерн никогда не позволил бы ему вернуться «оттуда» Он вынужден идти на поводу у собственного убийцы! Если, конечно, это действительно мой дядя.

— И что вы теперь собираетесь делать?

— Пока не знаю. Сначала мне нужно все это переварить. Но думаю, первым делом нам нужно уговорить Миффлона, чтобы он дал согласие встретиться с этим... одержателем. Пусть он расскажет нам об этой встрече. Вот отсюда мы и будем плясать. Как вы думаете, он справится?

— Я поговорю с ним прямо сейчас. — Миссис Вебстер потянулась к телефону.

ГЛАВА 13

Миссис Вебстер положила трубку

— Его либо нет дома, либо он дал секретарше указание говорить, что его нет. Но ведь он же сам мне сказал, что от меня поедет прямо домой. С чего бы ему врать или уклоняться от разговора?

— Ну, если у него такая чувствительная совесть, он может сейчас терзаться ее угрызениями из-за того, что не сдержал слова, данного Вестерну, — предположил Карфакс. — Но, надеюсь, ему хватит ума не побежать каяться своему искусителю.

— О нет, конечно же, он этого не сделает! — заверила миссис Вебстер — Да и к тому же у него просто не было на это времени

— Для этого достаточно сделать один звонок. — Гордон поднялся. — У меня неприятные предчувствия. Думаю, нужно к нему съездить. Какой у него адрес?

Поместье Миффлона находилось в северной части Пасифик Палисейдс, примерно в полумиле от океана. Некогда там было множество других особняков, окруженных целыми акрами лесов, газонов и парков со скульптурами. Теперь же эти земли были проданы строительным компаниям. Те все снесли, построили с дюжину высотных зданий и собирались построить еще столько же Воздух в этом районе насквозь пропитался поднятой бульдозерами пылью. Она была везде — покрывала серым слоем деревья, траву и высокие каменные стены, окружавшие последний оплот сибаритства. Даже стоявший на холме особняк, некогда, очевидно, выкрашенный в белую краску, теперь был цвета хаки

Карфакс обнаружил на воротах селектор и решил попробовать связаться с хозяином В ответ раздался голос с явным акцентом банту и не менее явно выраженной подозрительностью:

— У меня нет никаких записей о том, что вам назначена встреча, сэр

— Он опять забыл, — вздохнул Карфакс

Возникла пауза, во время которой слуга, очевидно, решал, стоит ли доверять ссылке на столь хорошо известную рассеянность его хозяина (По крайней мере миссис Вебстер говорила, что о ней знают абсолютно все)

— Как только вы пропустите меня к мистеру Миффлону, он меня тут же вспомнит — Карфакс старался говорить как можно более убедительным тоном

— Сожалею, сэр, но его нет дома

— А мне он говорил, что будет дома, — продолжал настаивать Гордон — Ну хорошо, если он забыл, то проводите меня к его секретарше

— Ее тоже нет, сэр

— А где я могу их найти?

— Сожалею, сэр, но я не имею права никому сообщать конфиденциальную информацию, касающуюся дел моего хозяина

— Но если я не поговорю с ним, он может потерять кучу денег! — закричал Гордон

— Сожалею, сэр, но мне запрещено давать подобную информацию

— Но четыре миллиона долларов могут полететь в сточную канаву!

Снова долгая пауза.

— Четыре миллиона долларов, сэр? — переспросил слуга с благоговейным трепетом.

— Да! А может, и больше!

— Но я потеряю место, сэр.

— Некоторые правила, если того требует ситуация, просто необходимо нарушать, — добил его Гордон.

— Сожалею, сэр.

— Послушайте, если я не поговорю с ним в ближайшее время, вы точно потеряете работу, потому что у него просто не будет денег.

— Да, сэр. Но сейчас, как вы сами знаете, сэр, хорошие слуги — в дефиците.

— О да, подыскать новое место для вас было бы совершенно нетрудно, если бы только, — продолжал давить Карфакс, — вы остались здесь. Но мистер Миффлон нанял вас в Кении. Так что вам придется вернуться домой. И там сидеть и надеяться на то, что ваше кенийское агентство по найму поднесет вам на блюдечке еще одного богача из Америки или Европы!

Карфакс сам себя ненавидел за то, что снизошел до вульгарного запугивания, но его цель оправдывала почти любые средства.

— Все может быть, сэр. Но пока что я все еще работаю на мистера Миффлона и обязан подчиняться его приказам. Прощайте, сэр.

Селектор отключился. Карфакс был подавлен, но в то же время чувствовал невольное уважение к этому слуге: приятно встретить человека, которого не так-то легко запугать или подкупить.

Но дальше-то что делать? Позвонить миссис Вебстер? Ведь если Миффлон все-таки отсиживается дома, то, получается, Карфакс понапрасну мотался в такую даль. Даже если бы ему удалось как-то подкрасться к дому, и то он не смог бы наверняка удостовериться, там ли хозяин. Раньше он скорее всего предпринял бы подобную попытку, но теперь, когда годы дают о себе знать и былая ловкость утрачена, он не мог не скидывать со счетов вероятность, что его поймают.

Вздохнув, он вернулся в машину и поднял трубку. У миссис Вебстер было заведено на Миффлона (как и на любого из ее постоянных клиентов) обширное досье. В числе всего прочего Карфакс почерпнул оттуда, что у Миффлона есть личный

самолет, который находится постоянно в аэропорту «Санта-Сусанна». Следующим шагом было — позвонить туда.

Да, мистер Миффлон и его секретарша вылетели шесть минут назад в направлении Бонанца-Сиркуса, штат Невада.

«Как все, оказывается, просто», — сам себе сказал Гордон и отправился в публичную библиотеку в Беверли-Хиллз. На машине он проехал всего четыре квартала и оставил ее на стоянке на бульваре Санта-Моника. Уже через три минуты он сидел в вагоне экспресса, а через шесть — подходил к зданию библиотеки. Он дал запрос компьютеру, но в ответ получил карточку, в которой сообщалось, что все видеокабины заняты и в очереди перед ним — еще двадцать три человека. Время тратить попусту не хотелось, поэтому он решил взять огромный атлас США и том с дополнениями к нему. И тот и другой были настолько увесистыми, что к обоим даже прилагались пюпитры. В обеих книгах отсутствовало по нескольку страниц, выдранных вандалами или атласофилами, но, к счастью, карта Невады и дополнения к ней сохранились.

Из книг Гордон узнал, что Бонанца-Сиркус был построен в Северной Неваде всего четыре года назад. Его население сейчас составляет около полумиллиона человек и неуклонно растет в связи с развитием игорного бизнеса. Там уже есть свой колледж, который через четыре года собираются превратить в университет. И хотя мафия контролирует весь город и как хочет вертит игорными корпорациями, сами игральные автоматы находятся в ведении государства и федерального правительства. Местные представители власти, прежде чем их изберут, обязаны получить от обоих правительств билль о моральной чистоте. И хотя казино получают лишь сорок процентов от дохода, даже этого им с лихвой хватает на дальнейшее развитие бизнеса.

Карфакс нашел, что все это, конечно, очень интересно, но он-то ищет другое!

Выписав названия всех строительных компаний города, он направился в телефонную будку и, сделав четыре междугородных звонка, все-таки отыскал то, что ему было нужно: компания «Грейтер Акме Билдерз энд Девелоперс Инкорпорейтед» только что закончила в горах за двести километров к востоку от Бонанца-Сиркуса строительство нового комплекса, принадлежащего исследовательской корпорации «Мегистус». Человек, который дал Карфаксу эту информацию, не знал толком, что за исследования там ведутся, но предположил, что это как-то связано с электроникой. А может, и с химией.

Карфакс тут же позвонил в детективное агентство «Форчун и Торндайк» и попросил их собрать о «Мегистусе» все, что только возможно. После этого он на экспрессе добрался до своей машины и уже на ней поехал в Бербанк-мотель, где его ждала Патриция и свеженькое сообщение от Форчуна и Торндайка. Звонок в агентство занял не больше трех минут, но Патриция, взглянув на Гордона, расцвела:

— Давно я не видела тебя таким счастливым!

— Учитывая то, что я накопал, особенно радоваться нечему, — вздохнул он. — Агентство напрямую связалось с компьютером в Вашингтоне и за пятнадцать минут получило информацию, которую я бы раздобывал пятнадцать дней. Они обнаружили, что Вестерн является владельцем компании, которая, в свою очередь, владеет другой компанией, а та — еще одной, которой и принадлежит «Мегистус». Кроме того, они выяснили, что «Мегистус» ни разу не делал даже попыток заключать какие-либо контракты.

— И что же все это означает?

— Лучше ответь мне: что делать в Бонанца-Сиркусе Миффлону, который никогда в жизни не интересовался азартными играми? Легко догадаться, что он направился туда на встречу с Вестерном. Возможно, даже для того, чтобы воспользоваться новым МЕДИУМом, который уже вполне может быть восстановлен.

— Но в новостях об этом ничего не говорили!

— Вестерн может пока не сообщать об этом в прессу, и на то у него могут быть достаточно веские причины. Во-первых, он не хочет, чтобы еще один Увелль спалил его машину. Во-вторых, он, возможно, собирается использовать МЕДИУМ для целей, которые требуют соблюдения строжайшей секретности. Если все, что рассказал Миффлон, — правда, Вестерн в своей невадской цитадели может спокойненько заниматься вселением своих клиентов в чужие тела.

— Но почему же Миффлон после всего того, что ему сказала миссис Вебстер, отправился прямиком к нему в лапы?

— Ну, например, он мог внезапно решить, что бессмертие для него важнее больной совести, и захотел заключить сделку до того, как передумает. А может, поехал и не по доброй воле...

— Как это?

— Его сопровождали в поездке двое: Ролетти и Курт (если это, конечно, их настоящие имена).

Патриция без сил опустилась в кресло и прошептала: «Мне страшно».

— Это только мое предположение.

— Но если его везли насильно, то зачем было тащить еще и секретаршу? Разве бы это не осложнило их задачу?

— Ничуть, если секретарша подкуплена Вестерном. Миффлон никогда и никуда без нее не ездит, так что ее отсутствие выглядело бы подозрительно. К тому же ей пятьдесят пять, и она воплощает для Роберта вторую мать (как и миссис Вебстер, а точнее, уже третью).

— Мне как-то трудно поверить, что Миффлон изменил себе и доложил Вестерну, что открылся миссис Вебстер. Он, может, действительно немножечко того, но уж не настолько. Но как Вестерн смог об этом так быстро узнать?

— Ему достаточно было знать, что Миффлон находится в доверительных отношениях со спириткой, и он мог насажать у нее в кабинете «жучков». Вполне вероятно. Ладно, хватит разговоров — пора браться за дело. Мне нужно сделать несколько звонков в Бонанца-Сиркус.

Сорок пять отелей и мотелей спустя Карфакс полностью исчерпал свой список.

— Он не останавливался ни в одном из них. Если только не воспользовался чужим именем и фальшивой кредитной карточкой. Но это маловероятно.

— А как насчет миссис Бронски и тех двух типов?

— Никак. Можешь начинать собираться. А мне нужно сделать еще один звонок.

— Собираться? — испугалась она.

— Да. Если у миссис Вебстер завелись «жучки», Вестерну известно, что мы знаем о его аферах. И еще ему известно, где нас искать. Слушай, может, у тебя есть какой-нибудь друг, который спрятал бы нас на несколько дней? Вестерну не так уж трудно будет локализовать нас.

— Так почему бы нам прямо сейчас не смотаться далеко-далеко? — Патриция почти дрожала от испуга.

— Это было бы слишком просто. Ну так как? Вспомнила кого-нибудь?

Она покачала головой:

— Были двое, на которых я полностью могла положиться, но они эмигрировали в Канаду.

— Тогда нечего о них и думать, — сказал Карфакс преувеличенно бодро. — Ладно, у меня есть еще «Форчун и Торндайк», и я попрошу, чтобы всю мою корреспонденцию направляли туда. А нам пора двигать. Нужно поселиться в каком-нибудь огромном здании, где никто никого не знает и привратнику нет никакого дела до наших приходов-уходов. А когда станем пользоваться телефоном с видео, будем разворачивать его экраном к стенке. Я, кстати, так и делал в

нашем первом обиталище. Но тогда я и предположить не мог... — Он запнулся.

— Продолжай. «Предположить не мог» — чего?

— Что Вестерн действительно такой негодяй, каким ты его мне изобразила, — ухмыльнулся он. — Да и теперь я не могу сказать этого с полной уверенностью.

— Ах ублюдок! Так ты что, решил, что у меня паранойя?!

— Я допускал это Но не вынес окончательного решения, пока не получил множество доказательств противного Да поторапливайся же! Нам дорога каждая секунда!

Патриция быстро начала собираться, однако ее плотно сжатые губы говорили о том, что в данную минуту она злится на его приказной тон больше, чем на все фокусы Вестерна

Из соображений безопасности Гордон решил, что из мотеля звонить не стоит и все звонки нужно отложить, пока он не доберется до другого телефона, хотя бы в машине.

Он позвонил еще только портье и велел приготовить счет Тот ответил, что можно не волноваться — все будет сделано по высшему классу, как только они к нему подойдут... Гордон знал, что портье оставалось только приплюсовать к их счету последние телефонные звонки, так что вся эта суета скорее всего объяснялась тем, что бедолага скучает на посту и ему не с кем поболтать.

Спустя пять минут они уже мчались в сторону Гранд Викториума. На заднем сиденье стояли два больших чемодана, туго набитых кое-как запихнутой одеждой. Там они постояли у входа, пока такси не уехало, а затем тащили свои чемоданы три квартала до платной стоянки. Вся эта операция заняла десять минут, и дальше они отправились уже на машине с телефоном. Карфакс связался с Сандерсом из «Форчуна и Торндайка» и обсудил с ним план дальнейших действий, а потом попросил оператора соединить их с Бонанца-Сиркусом

Он узнал, что Миффлон и его сопровождающие приземлились именно там, а не полетели куда-то еще; но вот куда они направились дальше, никто сказать не мог.

Звонок во временную резиденцию Вестерна в Беверли-Уилшире не дал ничего нового, кроме того, что Вестерн обзавелся новой секретаршей с очень сексуальной хрипотцой в голосе Да, мистер Вестерн отсутствует, и его не будет по крайней мере еще несколько дней. Нет, она не может сказать, где он, без его разрешения. Но может записать для него любое сообщение

— Благодарю вас, но я лучше перезвоню потом, — любезно ответил Карфакс

— Я свяжусь с ним в ближайшие пару часов, — продолжала миссис Раппорт. — Может, вы оставите номер, по которому он может вам позвонить?

— Благодарю вас — нет, — усмехнулся Гордон.

ГЛАВА 14

Следующие пять дней они провели, почти не выходя из своей комнаты в мотеле: три раза были в кино, а остальное время томились скукой и ожиданием неизвестно чего, которое тщетно пытались разнообразить чтением, телевизором и различными физическими упражнениями. Причем Гордон переносил подобное времяпровождение намного легче, чем Патриция. Она же (по ее собственным словам) была не способна сидеть сиднем, как жаба на листе кувшинки и ждать, пока муха сама залетит в рот. Гордон пытался отвлечь ее тем, что забрасывал вопросами о ее жизни; о впечатлениях из детства — счастливых и, наоборот, трагических; о прежних любовниках; прежних работах; стремлениях и депрессиях; о том, что ее раздражает; о том, что приносит радость — короче, обо всех тех деталях, из которых и складывается уникальная человеческая сущность.

Патриции нравилось говорить о себе, к тому же ей была необходима психологическая разрядка. Но через несколько часов эмоционального сброса она начинала метаться по комнате, заявляя, что ей некуда девать энергию и поэтому необходимо срочно отправиться на прогулку или хотя бы в постель. Первое время Карфакс с радостью соглашался на второй вариант, сколько бы ей ни хотелось, но к концу пяти дней все чаще стал предпочитать прогулки. (Пятнадцать лет супружеского стажа начинали сказываться.) Он уже начал подумывать о том, что если они все-таки поженятся, то сейчас-то он, конечно, вполне может ее удовлетворить, но лет через двадцать ей будет только пятьдесят, и ее страстность вряд ли ослабеет, а ему-то будет уже шестьдесят пять, и он начнет потихоньку сдавать...

Патриция о свадьбе даже не заикалась и, вполне возможно, не думала вовсе. Гордон мог, конечно, спросить прямо, имеются ли у нее на его счет серьезные намерения, но каждый раз как-то не находил повода. Да он и сам не хотел давать никаких обязательств, пока все это не будет позади. Вот когда они вернутся к нормальной жизни от той, что вынуждены сейчас вести на грани нервного срыва, он сможет посмотреть на их отношения объективно, как бы со стороны.

Однако, хотя в их личной жизни событий было мало, в общественной их хватало с избытком.

Доктор Оренштейн из университета Иешива, член федеральной комиссии по обследованию МЕДИУМа, выступил в ток-шоу Джека Филлипса. Во время беседы он сделал сенсационное заявление, что *вэмс* относится к вселенным нерасширяющегося типа. Но если это так, то накапливающиеся в ней эоны могут привести к ее разрушению и тогда все так называемые «покойные», или, если хотите — *рэмсы,* тоже будут уничтожены. Это, конечно, печально, но не представляет для нашего мира никакой реальной опасности. И не будет представлять, если только в тот момент, когда их вселенная взорвется, канал между двумя мирами не будет открыт. А если он будет открыт, то никто не может предсказать, какой мощи энергия хлынет в эту брешь между мирами. Не окажется ли она разрушительной и для Земли?

Джек Филлипс побледнел, и по выражению его лица стало понятно, что он сам не рад, что затронул эту тему. Но он профессионально взял себя в руки и осведомился, так уж ли велика опасность: ведь если разрушительная энергия и прорвется, то в первую очередь уничтожит МЕДИУМ, и брешь сама по себе закроется.

Доктор Оренштейн:

— Да, такой вариант не исключен. Но многие из нас уже задаются вопросом: а не расшатывает ли интенсивная эксплуатация МЕДИУМа стену между нашими мирами, не истончает ли ее? Я мог бы сравнить данную ситуацию с первой тоненькой струйкой воды на монолите плотины. Но если эту безобидную трещинку не заделать сейчас, то однажды в плотине образуется пролом, и стихия прорвется, сметая все на своем пути.

Выкрики из зала:

— Вы — сумасшедший!

— Вы что, хотите испугать нас до обморока?

— О Боже! Мы обречены!

Джек Филлипс (успокаивая расходившуюся аудиторию жестами):

— Я думаю, доктор, что вам не следовало бы делать публичных заявлений такого типа — они могут вызвать панику. А можете вы нам предоставить хоть какие-нибудь доказательства? Все это не более чем теория, причем довольно дикая. Я бы даже назвал ваши умопостроения гипотезой, раз вам нечем их подкрепить. Повторяю: у вас нет ни одного доказательства! Ни одного!

Доктор Оренштейн:

— Да, у меня нет доказательств, но даже малейшее допущение того, что это возможно, должно нас безоговорочно заставить остановиться. Как мы можем беспечно продолжать пользоваться МЕДИУМом, не зная, чем это чревато в будущем? Я ученый, и знаю, что многими другими учеными сказанное мною может быть воспринято как ересь. Но есть и те (и их немало), кто полностью поддерживает меня. И надеюсь, что многие согласятся со мной в будущем. Один-единственный шанс, пусть даже очень маленький, что мы можем подвергнуться воздействию сил, способных в считанные секунды смести с лица Земли все живое, заставляет нас со всей серьезностью задуматься о цене дальнейшего бесконтрольного использования МЕДИУМа. И не надо обвинять меня в непродуманных заявлениях, я лишь на несколько дней опередил свой официальный доклад, в котором изложил все мои выводы и рекомендации. Очень скоро вы сможете с ним подробно ознакомиться, даже если его запретит сам президент!

Джек Филлипс:

— Так вы требуете, чтобы МЕДИУМ отключили?

Доктор Оренштейн:

— И немедленно! Прежде чем им пользоваться, мы должны тщательнейшим образом его исследовать и просчитать все возможные последствия.

Регина Каломела (гость программы):

— Но, доктор Оренштейн, как вы можете изучать машину и последствия ее работы, если не будете ее включать?

Доктор Оренштейн:

— Хороший вопрос. Тем не менее, базируясь на данных, которые уже получены, мы можем рассчитать все варианты методом математического анализа.

Джек Филлипс (уже более спокойно):

— А теперь мне нужно продать немножко мыла. Мы продолжим нашу интересную беседу после рекламной паузы.

Но телезрителей ожидало разочарование: после паузы Филлипс объявил, что доктор Оренштейн получил тревожный звонок и поэтому не сможет принять участие в дальнейшей передаче. Однако о том, что так встревожило доктора, что он бросил все и умчался, Филлипс не обмолвился ни словом.

А два дня спустя, уже в местном ток-шоу, миссис Вебстер заявила, что полностью согласна с доктором Оренштейном: МЕДИУМ действительно ослабляет преграду между мирами. Она обнаружила, что теперь ей гораздо легче входить в мир духов.

Известный комик Боб Джасперс, присутствовавший на программе в качестве гостя, тут же вставил, что горячо надеется на то, что до возвращения с «того света» покойных и горячо любимых родственников все-таки не дойдет. А то он так радовался вчера, что избавился наконец от общества своей тещи!

Газеты и телевидение пестрели сообщениями о том, что накал страстей по поводу МЕДИУМа бушует уже по всему миру.

Президент Соединенных Штатов, однако, стойко держался мнения, что время для опубликования официального сообщения еще не приспело. Но через три дня после выступления доктора Оренштейна по телевидению репортеры всех крупнейших газет и телепрограмм получили копии его отчета в три тысячи страниц.

В тот же день свое официальное заявление в отношении МЕДИУМа опубликовал Ватикан.

Отчет федеральной комиссии был наконец опубликован, и в нем недвусмысленно утверждалось, что МЕДИУМ действительно является средством общения с умершими. Было проинтервьюировано сорок пять обитателей «мира иного» из недавно умерших, и все они были идентифицированы по прижизненным записям голосов и знанию таких интимных подробностей, о которых не могла бы разнюхать самая совершенная разведка. Так что версия о шарлатанстве рассыпалась в прах.

В отчет в качестве примера были вставлены и выдержки бесед с Менле Арнзалом, французским королем Луи Четырнадцатым, отцом Ганнибала Гамилькаром Баркой и древним афинянином Периклом. Специалисты по лингвистике полностью подтвердили их подлинность: для современного человека, как бы широко он ни был образован, имитировать языковые особенности другой эпохи с такой достоверностью — практически невозможно.

Действительно, о пунических войнах и культуре древних этрусков известно очень мало, но Менле и Барка рассказали о них достаточно, притом с такими подробностями, что им невозможно было не поверить. Из-за скудости сведений, имевшихся в распоряжении мировой науки, ни один ученый не способен был построить такие грамматические конструкции и индивидуальный словарь, который использовался в те эпохи Равно как ни один ученый не был способен привести столько достоверных деталей быта, культуры и истории древних карфагенян, этрусков и латинян

В день опубликования отчета доктор Оренштейн выступил по нью-йоркскому радио. Его больше не приглашали на теле-

видение, но он нашел спонсора в лице владельца одной из радиовещательных компаний.

Разоблачения Оренштейна были достаточно серьезны: отчет комиссии далеко не полон — по указанию президента сокращены целые страницы. Он, конечно, не собирался их вечно хранить в тайне, но не хотел нести ответственность за их обнародование.

Оказывается, комиссия вышла на связь также и с Иисусом Христом и Джозефом Смитом*. Иисус был крайне удивлен и даже возмущен тем, что его своим богом сделали неевреи: его учение предназначалось исключительно для евреев.

Джозеф Смит признался в том, что знаменитых пластин из золота, на которых была запечатлена Книга Мормона, на самом деле никогда не существовало. Однако он настаивал, что книгу он писал под диктовку Господа Бога и что сам Господь потребовал от него пойти на святую ложь о золотых скрижалях во имя скорейшего распространения новой религии.

Как только доктор Оренштейн вышел из радиостанции, двое неизвестных открыли по нему огонь, буквально изрешетив его. Одна из девятимиллиметровых пуль рикошетом убила наповал десятилетнюю девочку, торопившуюся по этой улице в школу.

Убийцы вскочили в машину и, рванув на красный свет, на скорости в шестьдесят километров в час, столкнулись с большим грузовиком и разбились насмерть. На их похоронах присутствовало сорок тысяч человек и было собрано около восьмидесяти тысяч долларов пожертвований в пользу их родственников. (Правда, подоходный налог уменьшил эту сумму до двадцати тысяч.)

Заявление Ватикана было составлено с искусной неопровержимостью: если *рэмсы* существуют (что доказано), то они являются дубликатами людей (что тоже доказано). Но это не души умерших, находящиеся в аду, чистилище или раю, а скорее их электромагнитные «тени». Господь по своим неисповедимым резонам допустил их бытие. Истинно верующий да услышит.

Также Ватикан вспомнил теорию доктора Карфакса (которая, по их мнению, была достаточно обоснованна) о том, что *рэмсы* — разумные существа, лишь притворяющиеся людьми с несомненно дьявольскими намерениями. Но даже если это и не так, все равно — лучше остановить МЕДИУМ на веки вечные! А пока он не остановлен, римским католикам запрещается им пользоваться.

---

* Джозеф Смит — основатель религии мормонов

Энциклика папы, посвященная этому вопросу, будет готова примерно в будущем году.

— Это уже вопрос догмы, а не дисциплины, — прокомментировал Патриции заявление Ватикана Гордон. — Интересно, а что они скажут, когда будут локализованы Магомет и Моисей? Как они логически обоснуют их?

— Так ты уже отказался от своей теории? Ты считаешь ее нелогичной?

— Пока еще нет. Но уже начинаю сдаваться.

Так и шли эти дни: за дверями их комнаты бушевали великие шторма, а внутри тоже случались свои, маленькие, бури. Гордон, видите ли, раздражал Патрицию привычкой бурчать под нос и нежной привязанностью к хлебу с чесноком. А его злила ее привычка разбрасывать одежду как попало; то, что она предпочитает гамбургеры бифштексам; то, что она вообще не ест никакой зелени и — главное — считает президента США (этого носатого консерватора) великим человеком! К тому же они никак не могли договориться, что смотреть по телевизору. Ей нравились различные шоу и конкурсы, а также комедийные сериалы — все мало-мальски серьезное наводило на нее скуку. Он же любил Шекспира и смотрел вестерны взахлеб. Но как только он усаживался перед экраном, она начинала демонстративно зевать и вздыхать.

Все это, конечно, было мелочами, к которым вовсе нетрудно приспособиться, особенно учитывая обстоятельства. Но все же эти мелочи свидетельствовали о том, насколько велико различие между ними.

За это время Карфакс получил три отчета от «Форчуна и Торндайка». Рейнольдс, их агент в Бонанца-Сиркусе, так и не сумел разведать, живут ли Вестерн и Миффлон в «Мегистускомплексе». Компании принадлежало десятиэтажное здание с жилыми помещениями для служащих и их гостей. Но незадачливого агента не впустили даже за ограду. Тогда он подкупил почтового служащего, который проверил всю приходящую корреспонденцию. Но не было обнаружено ни одного письма, адресованного Вестерну или Миффлону. Правда, это почти ничего не доказывало: ведь Вестерн мог вести переговоры по телефону или пользоваться частной авиапочтой.

В одном Карфакс был уверен твердо: в том, что Вестерна нет в Беверли Уилшире. Это подтверждали и некоторые газеты.

В своем следующем сообщении Рейнольдс рассказал о результатах розысков в энергокомпании Бонанца-Сиркуса: расходы электроэнергии «Мегистуса» не превышали нормы. Это опровергало версию о новом МЕДИУМе. Хотя, с другой

стороны, Вестерн мог черпать энергию совершенно бесконтрольно в неограниченных количествах из мира *рэмсов*.

На пятый день Рейнольдс позвонил в 13.20 — Гордон с Патрицией как раз вернулись с ленча.

— Карфакс, мне сели на хвост. Мое расследование привлекло чье-то внимание. Со вчерашнего дня аж двое ходят за мной по пятам. И еще: кто-то рылся в моей комнате. Ну, что будем делать дальше? Мне остаться здесь или лучше свалить?

— Лучше свалить, — ответил Гордон. — В таких условиях ты не много нароешь, а эти ребята могут повести себя грубо: ставки слишком высоки

Хотя сам Карфакс предпочел бы сейчас находиться именно там — оно и дешевле, и есть чем себя занять. Хотя если Вестерн все-таки там, то он быстро догадается, по чью душу здесь бродит Гордон Карфакс, и надежно упрячет его за стены «Мегистуса» для более тесного общения.

С другой стороны: что, Вестерну больше нечем заниматься, как следить за Карфаксами? Ведь он наверняка знает, что Миффлон все рассказал миссис Вебстер, однако же та по-прежнему жива и здорова. Это потому, что достаточно Миффлону отказаться от своих слов — и Вестерн снова выходит сухим из воды.

А вот Карфакс загнан в угол. Все, что ему осталось, — это сидеть и ждать, пока Миффлон сам не выйдет из укрытия.

До самого обеда Гордон был резок и возбужден. Даже фильм, который они смотрели после, — захватывающая и пугающая драма по мотивам «Соляриса» Станислава Лема, не смогла отвлечь его мыслей от Миффлона. Вернувшись домой, они заметили, что на табло телефона горит чей-то номер. Вызванный портье разъяснил, что их просили позвонить по этому номеру в Бонанца-Сиркус.

Через три минуты Гордон улыбался до ушей:

— Я должен оператору полетов двести долларов. Он только что сообщил мне, что Миффлон и его секретарша вот-вот приземлятся в аэропорту «Санта-Сусанна»

ГЛАВА 15

Зал ожидания в аэропорту «Санта-Сусанна» в полвторого дня был абсолютно пуст Гордон и Патриция пристроились в буфете, попивая в ожидании кофе. Через двадцать минут они увидели огни заходящего на посадку самолета. А еще через десять минут, когда его заводили в ангар, Гордон сверил его номер с тем, что дал оператор Все сошлось. Это был самолет

Миффлона. Он швырнул чашку с недопитым кофе в утилизатор и сказал:

— Миффлон обязан пойти отметиться, а его секретарша скорее всего будет дожидаться его здесь.

— И что дальше?

— Она с нами не знакома. Я попытаюсь завязать с ней разговор... А, вот и она!

В дверях возникла женщина с более чем объемистой грудью, чрезвычайно тонкой талией, очень широкими бедрами и длинными ногами безупречной формы. Ее седые волосы были уложены в сложную прическу со множеством завитушек, однако косметикой она пренебрегала (если не считать фальшивых ресниц). Сейчас, буквально каждой клеточкой тела, она выглядела на свои пятьдесят пять, хотя в юности, наверное, была сногсшибательной красавицей. Она прошествовала к стойке буфета, оставив Гордону облачко сандалового запаха и столь волнующе покачивая бедрами, что он всерьез задумался: не была ли она когда-то стриптизершей? Выждав, пока она возьмет себе чашку кофе, он приблизился к ней:

— Миссис Бронски?

Она подпрыгнула от неожиданности, выплеснув несколько капель кофе на платье.

— О Господи! Как вы меня напугали!

— Прошу прощения. — Он предъявил ей удостоверение, оставшееся у него со времен работы в Лос-Анджелесе. — Мистер Вестерн позвонил мне и попросил сопроводить вас обоих домой.

Ее лицо прояснилось, но почти тут же она нахмурилась:

— Но он ничего не говорил нам о вас, мистер Чайлд.

— Мне он сказал, что ему только сейчас пришло в голову, что вам могут понадобиться телохранители Поэтому и отдал такое распоряжение.

— А он объяснил, чем это вызвано?

— Кто станет задавать вопросы мистеру Вестерну?

— Да самый распоследний сукин сын додумался бы позвонить нам на борт и предупредить, что нас встречают!

Гордон подумал, что, если сейчас не сболтнет ничего лишнего, ему, пожалуй, удастся убедить ее в том, что он — человек Вестерна.

— Позвольте представить вам мою коллегу: миссис Чайлд. — Карфакс решил поскорее сменить тему, пока секретарша не спросила чего-нибудь покаверзней, но тут же понял, что попал из огня да в полымя: с нее станется попросить Патрицию предъявить удостоверение!

Но миссис Бронски лишь сказала·

— У вас очаровательная жена. И очень молодо выглядит.

— Я выкрал ее из колыбели, — не сдержался Гордон и направился к Патриции, глядящей на него слегка обалдевшими глазами. — Дорогая, позволь представить тебе миссис Бронски — секретаря мистера Миффлона.

Миссис Бронски опустилась на диванчик рядом с Патрицией:

— Вы правда ничего не скрываете? Мистер Вестерн действительно не сказал вам, зачем нам понадобилась охрана? Ума не приложу, что могло случиться! Когда мы вылетали, все было в полном порядке. Роберт уже в прекрасной форме! Хотя... я догадываюсь, что...

Карфакс выждал несколько секунд и переспросил:

— О чем вы догадываетесь, миссис Бронски?

— О, ничего особенного. Так, пустяки!

— Возможно, мистер Вестерн опасался фанатиков, которые могли узнать, что мистер Миффлон — его клиент, — предположил Карфакс. — Последнее время вокруг столько насилия, особенно после того, как убили доктора Оренштейна.

— Да, похоже, вы правы. Но кто же мог прознать про нас? Ведь все было шито-крыто.

— За мистером Вестерном сейчас шпионят все, кому не лень: федералы, газетчики, просто сумасшедшие...

Из-за угла послышались шаги, и в двери шагнул, но тут же резко остановился, перебегая глазами с Карфакса на миссис Бронски и обратно, круглолицый высокий мужчина, лет тридцати пяти. Гордон сразу его узнал («Форчун и Торндайк» раздобыли ему фотографии клиента) и включил спрятанный в кармане магнитофон. Миффлон прижал к груди кейс, словно боясь, что его отнимут, и довольно грубым тоном спросил:

— В чем дело, миссис Бронски?

Она поднялась и с очаровательной улыбкой ответила:

— Мистер Вестерн позаботился о том, чтобы приставить к нам телохранителей, мистер Миффлон. Он прислал их на случай, если вдруг возникнут осложнения.

— Какие-такие «осложнения»? — всполошился Миффлон. — Вестерн обещал нам, что все пойдет как по маслу...

Гордон, заметив, что он начинает заводиться, сделал шаг вперед и, успокоив его жестом, перехватил инициативу:

— Будем знакомы: я — мистер Чайлд, а это — моя жена и партнер по агентству. Приношу свои извинения за то, что так разволновал вас, мистер Миффлон, но наш патрон, мистер Вестерн, вытащил нас буквально из постели, чтобы быть уверенным, что вы попадете домой в целости и сохранности. Нам велено оставаться с вами до его распоряжения. Вам

совершенно не о чем волноваться! Вот я уже говорил миссис Бронски — это всего лишь маленькая предосторожность. В стране беспорядки, слишком много убийств... Впрочем, вы сами об этом знаете.

— Ага, — сказал Миффлон, но таким голосом, словно слышал об этом впервые. — Ну хорошо. Сейчас слишком поздно, чтобы звонить Вестерну, он, наверное уже в постели, но завтра первое, что я сделаю, — это свяжусь с ним. Если он знает что-то важное, я хочу это знать тоже.

— У вас есть какой-нибудь багаж? — перешел к делу Карфакс. — Я помогу вам его донести.

— Он прибудет позже. — Миффлон, похоже, начал успокаиваться. — В доме есть все, что мне может понадобиться. Я прав, миссис Бронски?

— Как всегда, — улыбнулась она. — Как будто вы сами не знаете, мистер Миффлон.

Карфакс представлял себе Миффлона очень робким и застенчивым юношей, начинающим заикаться при разговоре с любым незнакомцем. Этот же человек был порывистым, как ветер, и к тому же прекрасно владел своей речью. Тут было над чем задуматься.

Гордон заранее взял напрокат машину, чтобы самому отвезти прибывших в Гранд Пасифик Палисэйд — он не хотел их оставлять одних ни на минуту. Проводив их до «загреуса», он пригласил их располагаться на заднем сиденье, а сам сел за руль. Патриция тоже села впереди.

— Вы знаете, куда ехать? — спросил Миффлон.

— Нет, сэр, — ответил Гордон. — Правда, у меня есть ваш адрес.

Повисла пауза. Карфакс, глядя в зеркальце, заметил, как Миффлон толкнул свою секретаршу локтем в бок.

— Я объясню вам, как ехать, — поспешно сказала она.

Но Карфакс не слушал ее пространных объяснений: он-то дорогу знал, а вот Миффлон (или кто бы там ни был в его теле) не знал. Даже Патриция, судя по напряженной позе, уже обо всем догадалась. Да и он сам чувствовал себя, словно попал в другую реальность. Что ж, значит, все правда.

Через двадцать пять минут они затормозили у ворот поместья. Миффлон поговорил со слугой по селектору, и ворота распахнулись. Карфакс подъехал к дому, откуда уже выбежал, чтобы встретить хозяина, чернокожий слуга в пижамных штанах и рубашке. Он бросил на Гордона подозрительный взгляд, но ничего не сказал и только кивнул в ответ, когда его представили. Гордон очень надеялся, что слуга не запомнил его голоса.

В сопровождении Йоханы Карфаксы пересекли огромный вестибюль, похожий на холл первоклассного отеля, и по широченной лестнице поднялись на второй этаж, где находилась предоставленная им комната. Когда дверь за слугой закрылась, Гордон усмехнулся:

— Отлично! Чем дальше, тем веселее! Однако, когда утром он позвонит Вестерну, в наших же собственных интересах будет находиться подальше отсюда. Надеюсь, он не предпримет попыток нас остановить.

— А что мы будем делать, если он все же попытается?

Карфакс открыл кейс и достал пистолет калибра 7,92 миллиметра.

— Ненавижу им пользоваться, но если нужда припрет, то колебаться не стану Тем более что и Миффлон (или кто он там) тоже вряд ли станет мешкать, чтобы убрать нежеланных свидетелей, как только все узнает. Ставки слишком высоки!

— А мы не можем смыться прямо сейчас? — спросила она. — Что за нужда торчать здесь до утра?

— Чем дольше мы здесь пробудем, тем больше узнаем. — Карфакс испытующе посмотрел на нее. — А у тебя что, уже поджилки затряслись? Пятки похолодели? Я же говорил тебе, что и один прекрасно справлюсь.

— У меня похолодели только пальцы на ногах, да и то их температура не ниже минус ста градусов, — жалобно попыталась пошутить она. — Не волнуйся, я тебя не подведу. Да, мне страшно. Но я рада, что не осталась дома. Это во сто раз лучше, чем закупориться в комнате и умирать там от скуки.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Когда идешь на дело, чувствуешь себя так, словно тебя выпустили из тюрьмы. О'кей. Пошли вниз, примем по стаканчику на сон грядущий.

Миффлон и миссис Бронски уже ждали в библиотеке — довольно большой комнате, в которой стены скрывались за книжными полками, стоял большой стол из тика, кресла и диваны были покрыты звериными шкурами и в углу горел огромный камин.

Миффлон был уже в пижаме, а миссис Бронски щеголяла в тончайшем розовом с табачными разводами пеньюаре, сквозь который просвечивала не менее тонкая ночная рубашка. В руках у обоих были бокалы. Когда Карфаксы вошли, во взгляде Миффлона отразилось недоумение, оттого, что гости не переоделись.

— Я подумал, что мне еще следует осмотреть участок, — объяснил Гордон

— Хорошая идея. Что предпочитаете? — Миффлон махнул рукой в сторону бара, в котором, казалось, можно разыскать любой спиртной напиток, какие только производятся в мире.

Карфакс порылся в нем и, найдя непочатую бутылку бренди, объявил:

— Мы с Пат предпочитаем это.

У него не было ни малейшего намерения пить из бутылки, в которую могли что-нибудь подсыпать.

— Но там есть много чего получше.

— Нам сгодится и это: оно и так получше всего, что мы когда-либо пили.

Миффлон, пожав плечами, откупорил бутылку, и, пока разливал по бокалам, Гордон пристально за ним следил. Но в его поведении не было ничего подозрительного. Он протянул им бокалы и затем торжественно поднял свой:

— Я пью за бессмертие! — И, осушив его до дна, торжествующе расхохотался, словно произнес отменную остроту.

— Присоединяюсь, но в чем тут соль? — спросил Гордон.

— Я радуюсь тому, что жив! Что могу дышать, есть, спать, ходить, заниматься любовью, наконец!

— Могу себе представить, как общение с этими несчастными действует на живых людей, — сочувственно заметил Гордон. — Но если посмотреть на это глобально, то становится еще тоскливее: потому что все мы там будем. Навечно. Всего лишь частица энергии, кружащая вокруг другой такой же частицы, скованная с ней в леденящем танце посреди холодной безразличной вселенной. И ничего впереди.

Миффлон отхлебнул из бокала и четко произнес:

— Это лишь временная остановка. Мы, прихожане Панкосмической церкви Христа-*рэмса*, как вы знаете, верим, что *вэмс* — это своего рода чистилище, не более.

— Нет, я этого не знал, но, без сомнений, это очень удобная религия.

Гордон изо всех сил разыгрывал полное неведение о делах Миффлона и при этом ломал голову, как выкачать из него побольше, не засветившись самому. Ему очень хотелось спросить, не собирается ли тот навестить миссис Вебстер, но он никак не мог придумать, как это подать. Наконец его осенило:

— У меня нет таких денег, чтобы пользоваться МЕДИУМом, но однажды я ходил к медиуму-человеку. Некоей миссис Вебстер. Меня затащила к ней сестра, которая без ума от ее способностей. Эта Вебстер попыталась вызвать нашу маму, и действительно что-то там появилось. Но такое тонкое, что сквозь него все было видно. И еще мы услышали что-то вроде шепота. Но этим все и кончилось. Так что больше я к

ней не пойду, тем более что стоит она недешево. Хотя, конечно, ее доходы и в сравнение не идут с доходами мистера Вестерна.

Миффлон бросил на Гордона подозрительный взгляд, но тут же успокоился и мягко улыбнулся:

— О, я долгое время был ее клиентом. Она очень славная женщина и довольно красива (для своих лет, конечно). И она не шарлатанка. Я хочу сказать, она искренне верит во все, что делает, и, кроме того, обладает-таки неким «даром». Вестерн говорит, что мы должны быть благодарны людям-медиумам за то, что именно они первыми наладили связь с *рэмсами*. Но результаты их работы столь ненаучны и ненадежны, что зачастую не оправдывают вложенных в них сил и денег. Так что я тоже больше к ней не пойду. И, к слову сказать, к МЕДИУМу тоже. Покойники меня больше не интересуют.

«Готов поклясться, что не пойдешь», — подумал Гордон. Он коснулся лежащего в кармане магнитофона, словно желая удостовериться, что он на месте. Завтра он отправит эту запись в лабораторию «Форчун и Торндайк», и там голос этого человека сравнят с прежними записями Миффлона. Конечно, звучать они будут одинаково, так как связки и гортань не изменились, но, если мозг Миффлона занимает *рэмс*, есть надежда обнаружить различия в манере говорить, ритмике речи и в словарном запасе.

Ну а дальше-то что, после того, как обнаружится подмена (если, конечно, обнаружится)? Полиции, чтобы арестовать Вестерна, таких доказательств явно недостаточно. Но даже если полиция все же найдет резон задержать его, прокурор округа его немедленно выпустит. А если даже прокурор попытается что-то сделать, то заартачатся судьи; так как подобное дело не имеет прецедентов и ни один из них не захочет взять на себя ответственность по созданию оного.

К тому же Миффлон ведь не единственный одержимый. А можно ли выследить остальных, чтобы сравнить их голоса с записями предполагаемых жертв? Но зато если это удастся и будет найдено несколько примеров одержания, то полиции уже будет труднее отвертеться от расследования.

И все же — все шансы против одного, что они откажутся соваться в это дело. Да мало кто способен поверить в то, что такое вообще возможно!

И хотя все пока что складывалось без надежды на какой-либо успех, Гордон вовсе не собирался сдаваться.

А что, если он найдет способ, благодаря которому даже самым большим скептикам можно будет доказать факт одержания? А может быть, одержателя можно изгонять и возвра-

щать истинного хозяина тела? И если для одержания научились применять научные методы, то неужели невозможно изобрести какого-нибудь механического экзорсиста?

Основная проблема заключалась в том, что Вестерн монопольно владел единственной машиной, способной на подобное (если, конечно, она способна).

— Ну, мистер Чайлд, — сказал Миффлон, ставя пустой бокал на стол, — если вы собираетесь осматривать участок, то лучше сделать это сейчас: уже довольно поздно. Когда вернетесь, заприте дверь и включите сигнальную систему (она у входа, за драпировкой). И можете не трудиться сообщать мне о результатах осмотра. Естественно, если не найдете ничего стоящего того, чтобы меня разбудить.

Карфакс поднялся и тоже поставил свой бокал:

— Думаю, это займет не больше десяти минут. Доброй ночи.

Патриция, потягиваясь, тоже встала, и Гордон заметил, что Миффлон следит за ней с откровенным вожделением.

— Я безумно устала, — сказала миссис Бронски, — Так что я опрокину еще стаканчик, если вы не против, мистер Миффлон.

— Когда это я был против? — удивился он.

— О, конечно же, никогда, — поспешно сказала она. — Но ведь я на все спрашиваю вашего разрешения, не так ли?

В ответ Миффлон пробурчал что-то неразборчивое, и миссис Бронски отважно плеснула себе в бокал сразу на десять пальцев «Дикого Индюка», добавив лишь один кубик льда, и выплыла из библиотеки, вихляя бедрами в ритме слышной лишь ей, довольно игривой мелодии.

— Долой одежды! — донеслось уже с лестницы.

Карфакс вышел через главную дверь и спустился с крыльца. Перед домом все было ярко освещено, а для осмотра темных мест он взял с собой фонарик. Он дошагал до ворот и затем пошел вдоль стены налево, обходя растущие к ней вплотную кусты и деревья. Обход занял у него не десять, как он предполагал, а пятнадцать минут· он задержался, чтобы обследовать гараж. Посветив фонариком в окно, он не увидел ничего необычного: две машины — «загреус», на котором они приехали, и хозяйский «бенц», да полки и верстаки с инструментами «Загреус» загнал сюда Йохана, который сейчас уже спит или по крайней мере лежит в постели в своей квартирке над гаражом

Карфакс проводил осмотр весьма поверхностно, так как сильно сомневался в том, что здесь вдруг откуда-то появятся взломщики и заставят его за собой гоняться Его целью было

на всякий случай получше запомнить, что где находится. При необходимости проникнуть на участок не так-то трудно: стена всего метра три высотой. Так что, если понадобится, ему вполне по силам подпрыгнуть, зацепиться за край и подтянуться. И хотя по ее краю была протянута колючая проволока в три ряда, по утверждению миссис Бронски, сигнальная система к ней подключена не была. Ею были оборудованы дом и гараж, что, однако, не испугало взломщиков, проникших в дом три года назад. Миффлон не захотел после этого возиться с установкой новой системы; более того, по словам миссис Бронски, он, обычно такой неуверенный в себе, после этого грабежа просто расцвел. В его скучную повседневную жизнь был привнесен элемент приключения: в течение нескольких недель после налета он вставал по нескольку раз за ночь и обходил дом с девятимиллиметровым револьвером в руке. Похоже, он мечтал встретить вора и подстрелить его, давая тем самым выход накопившейся агрессии.

Это был уже вывод Гордона, а не миссис Бронски. Он давно подозревал, что тирания матери Роберта могла вызвать в нем подсознательную (а может, и сознательную) агрессию: ему просто необходимо было кого-нибудь ранить, а то и убить, но обязательно — на законных основаниях.

Все это, конечно, только предположения, но, по крайней мере, это единственное правдоподобное объяснение поведения Миффлона после налета, какое Гордон способен измыслить. Вот у миссис Вебстер вообще не было никаких теорий и предположений; она просто считала, что Роберт немножко не в себе, и как-то даже сказала Карфаксу: «Роберт — очаровательное дитя. Очаровательное, но со странностями».

Он вернулся в дом, запер за собой дверь и включил сигнальную систему. Войдя в комнату, он обнаружил Патрицию, в бешенстве метавшуюся из угла в угол

— Что случилось?

— Этот ублюдок предложил мне улечься с ним в постель!

Гордон выдержал паузу и затем серьезным тоном спросил:

— И как? Ты приняла его предложение?

Она опешила на секунду, но тут же снова вскипела:

— Ах ты, остряк-самоучка! Так вот, к твоему сведению, я ответила: «Да».

Теперь опешил Гордон. Она, конечно же, попыталась ответить ему его же монетой, но как-то странно при этом запнулась.

— Ладушки, — ответил он как ни в чем не бывало — В таком случае ты обязана выкачать из него как можно больше. Я имею в виду — информации

— Ты что, всерьез поверил?.. — Она обвила его шею руками — Милый, скажи, что ты пошутил.

— Ну конечно же, — с облегчением сказал он. Будь Патриция профессиональным детективом, он бы не возражал, чтобы она приняла предложение Миффлона, но так как она им, слава Богу, не была, то разрешить ей это он никак не мог. И даже был рад, что не придется этого делать. Хотя где-то в глубине души он слегка сожалел о потерянных возможностях.

Патриция расцеловала его и задумчиво проговорила:

— Он ведет себя вовсе не так, как мне описывали Миффлона. Тот очень уравновешен, хорошо воспитан, и ему абсолютно не свойственно срываться и выходить из себя.

— То-то и оно. К тому же настоящий Миффлон — импотент, то есть был импотентом.

— Ого! А ты-то откуда знаешь?

— Я читал его досье у миссис Вебстер. Она была для него кем-то вроде матери, и поэтому он выболтал ей гораздо больше, чем сам того хотел. Естественно, не будь ситуация настолько серьезной, она не стала бы показывать мне эту часть досье. Но ведь мне нужно было знать о нем абсолютно все!

Более того, я попросил проверить это «Форчуна и Торндайка», и они подтвердили, что так и есть. То есть — было.

— Ничего, зато теперь «он» — в полном порядке, — мрачно заметила Патриция. — Я подглядывала за ним в дверную щелку Так вот: он времени даром не теряет! Через две минуты после того как я ему отказала, этот «импотент» уже стучался в дверь миссис Бронски. Она его впустила, и, насколько я знаю, он до сих пор не выходил.

Карфакс подмигнул Патриции и сказал:

— Я выйду на минутку в коридор — хочу сам удостовериться

Через пару минут он вернулся и, ухмыляясь, заметил:

— Ей бы надо смазать пружины. Расскажи-ка мне, как он это воспринял? Я имею в виду твое большое категорическое «нет»?

— Ты знаешь, ему это не понравилось. Сначала он вытаращился на меня так, словно хотел убить на месте, но потом опомнился, улыбнулся с очарованием горгульи и очень вежливо спросил, не изменю ли я своего мнения за приличную сумму Я велела ему катиться ко всем чертям в преисподнюю, после чего он поднял ставку выше тысячи.

Карфакс присвистнул и восхитился:

— Да, он более чем в порядке

— И ты тоже катись ко всем чертям!

— Да я уже бывал там, но мне не понравилось. Что, съела?

— Ну и что теперь?

— Если бы мы сумели извлечь что-нибудь из создавшейся ситуации! Ну, допустим, сейчас он полностью выложился, но после первого опыта может войти во вкус, и один взгляд на тебя — такую молодую и красивую — может влить в него новые силы...

— Так ты что, все-таки хочешь, чтобы я пошла с ним? — резко прервала его Патриция. — После того как он закончит шуры-муры с этой старой клячей?!

— Охолони. У меня и в мыслях этого нет. Я думал лишь о том, что я тут же могу ворваться в комнату и разыграть роль разгневанного мужа. И если я в приступе праведного гнева дам ему по зубам, то, возможно, придя в себя, он станет посговорчивей, и мы из него вытянем что-нибудь еще.

— А потом он засадит нас в тюрьму за разбой, оскорбление действием и Бог еще знает что!

— Знаю. Это я так. Размышляю вслух. Вот если бы мы смогли связаться с прежним Миффлоном! Но я абсолютно не уверен, находится ли он по-прежнему в этом теле. Ведь может быть и так, что *рэмс* не в состоянии проникнуть в тело, пока оно занято. И тогда происходит что-то вроде обмена: *рэмс* занимает тело, а его хозяин отправляется в *вэмс*.

— Боже, как все это жутко и опасно! И все же, — Патриция шмыгнула носом, — все же я против насилия.

— Я тоже не в восторге, но на карту поставлено слишком много, чтобы позволять себе миндальничать. Может, все-таки стоит попытаться. Миффлону как-то не улыбается сейчас привлекать внимание полиции.

Гордон встал и принялся расхаживать по комнате. Прогулявшись пару раз туда и обратно, он сказал:

— Я тут подумал про Бронски — может, ее удастся запугать? Она явно втянута в это дело. Однако у нее достаточно сильный характер, чтобы держать рот на замке в любых обстоятельствах. Я даже не уверен, что она заговорит под угрозой смерти, ведь она знает, что Вестерн вытащил кого-то из царства мертвых и засадил в тело Миффлона, так почему бы ему не проделать то же самое с ней? А к тому же дать ей еще молодое и красивое тело? Уж наверняка он ей пообещал что-то подобное. Нет, она не расколется.

Да и с Миффлоном, похоже, тоже ничего не получится: я не знаю, как пробиться к настоящему Роберту. Если он еще здесь. А если нет?

— Ну, так что мы делаем? — прервала Патриция его размышления.

— Уходим. Нет смысла сидеть и ждать, пока Миффлон переговорит с Вестерном и пристрелит нас. Хотя нет — он задержит нас здесь до тех пор, пока Вестерн не пришлет кого-нибудь, кто о нас позаботится. Так что, пока он не спохватился, нам нужно успеть удрать куда подальше. До сих пор Вестерн нас не трогал, но теперь он займется нами вплотную, так как поймет, что мы его раскусили. Самое главное мы уже установили: этот Миффлон — не настоящий. А детали можно обсасывать и в другом месте.

И тут только он осознал, что в одиночку ему уже не справиться. Необходимо найти сторонников, которые захотят остановить Вестерна. Причем таких, у которых достанет на это сил и власти. Это было не так уж сложно, но, как и все большие проекты, требовало времени и настойчивости.

Патриция еще не распаковывалась, так что им оставалось подхватить чемоданы и тихо убраться. Гордон, зная, что двери гаража заперты и воспользоваться «загреусом» им не удастся, позвонил в ближайшую таксомоторную компанию и договорился, что машина будет ждать их через пятнадцать минут. Но не у ворот, а на проспекте Виста-Гранж, так что им еще придется прогуляться пешком по Фаерберд-лейн.

Карфакс вышел из комнаты — Патриция следовала за ним по пятам. И вдруг дверь миссис Бронски распахнулась и оттуда вышел с сигарой в зубах абсолютно голый Миффлон. Гордон замер, Патриция врезалась в него.

Хорошо, что, выходя из комнаты, они выключили свет — коридор освещался лишь настольной лампой, стоящей на бюро в дальнем его конце, и светом, падающим из комнаты миссис Бронски. Да и Миффлон стоял к ним спиной. Но тут Патриция от волнения судорожно вздохнула, он повернул голову и увидел выходящего из комнаты Карфакса. Прятать чемоданы было уже поздно.

Миффлон открыл рот, закрыл его и нырнул в свою комнату.

— Он понял, что мы хотим уйти! Смываемся! И как можно скорее!

ГЛАВА 16

Гордон и Патриция стремглав понеслись по лестнице вниз, придерживаясь за перила, чтобы не споткнуться в темноте. Выходная дверь выделялась светлым прямоугольником в дальнем конце холла и казалась почти недостижимой. И, действительно, достичь ее так и не удалось: когда они пробежали уже с половину пути, сверху бухнул выстрел. Карфакс по звуку

определил, что стреляли из девятимиллиметрового револьвера, и, не услышав звука, свидетельствующего о том, что пуля попала куда-то рядом, решил, что Миффлон дал предупредительный выстрел в воздух. (Если только он случайно не нажал курок впопыхах.)

В любом случае было очевидно, что он останется пока наверху, так как, выделяясь на фоне стеклянной двери, беглецы представляют собой идеальную мишень: если Миффлон, не суетясь, возьмет пистолет обеими руками и как следует прицелится, то может уложить их обоих. То, что девятимиллиметровка хороша скорее для ближних расстояний, служило слабым утешением: они находились не настолько далеко, чтоб иметь хоть какой-то шанс на спасение.

Внезапно в холле и во всех выходящих в него комнатах вспыхнул свет. Оказывается, выключатель был и наверху.

Карфакс оглянулся и, заметив, что Миффлон целится в них с верхней ступеньки, окликнул Патрицию и тут же, схватив ее за руку, рванул в сторону. Рявкнул выстрел и пуля, царапнув паркет, разворотила притолоку ближайшей к ним двери. Патриция вырвала руку и с визгом бросилась на пол. Гордон упал рядом, и оба откатились за ближайший диван. Грохнул еще один выстрел, и в лицо Карфаксу брызнул веер щепок. А через секунду за ним последовал дождь из гипсовой крошки, выбитой из рамы висевшей рядом картины.

Карфакс наконец достал свой револьвер, прополз мимо истерично причитающей Патриции к другому концу дивана и выстрелил. В ответ в обшивку впились три пули, и его осыпало градом из клочков материи и обивки.

— Закрой рот и слушай меня, — зашептал он Патриции. — Как только я выстрелю еще раз, тут же беги в соседнюю комнату.

— Я... я... боюсь!

— Я тоже боюсь, — резко сказал он и, на секунду выглянув из-за изрешеченного пулями края дивана, выстрелил в Миффлона, который уже успел спуститься до середины лестницы. Тот упал и прокатился несколько ступенек, однако Карфакс не был полностью уверен, что попал. Патриция визжа вскочила на ноги и, прикрываясь кейсом, нырнула в ближайшую комнату Миффлон тоже вскочил и, пригибаясь, ссыпался по ступенькам почти до конца лестницы. Карфакс пальнул еще дважды и перезарядил револьвер.

— А что мне теперь делать? — закричала Патриция

— Уходи! — крикнул он в ответ — Встречаемся на нашем месте!

Послышались ее удаляющиеся шаги, и через секунду хлопнула дверь. Гордон от души надеялся, что она не встретится по дороге с Йоханой. Ведь если у этого Миффлона голова на плечах, он уже вызвал слугу из гаража по внутренней связи.

Единственное, на что оставалось надеяться, — что он еще не до конца пришел в себя после поездки. Ко всем неприятностям Карфаксу напомнил о себе его полный мочевой пузырь. Если Миффлон снова начнет стрелять (а он начнет-таки), то Гордон запросто может с перепугу обмочиться. (С ним такое уже пару раз случалось в Корее во время перестрелок, и с тех пор он панически боялся, когда в него стреляли.)

Сейчас же его положение было — хуже некуда: Миффлон спрятался за мраморным бордюром лестницы, и весь холл лежал перед ним как на ладони. Очевидно, он держал на мушке входную дверь, выжидая, когда Гордон отважится к ней прорваться. Карфакс пригнулся, рысью метнулся под прикрытие большого кресла и нырнул за него. По дороге, поскользнувшись на скользком мраморе, он ободрал ладони, и теперь их жгло, как огнем. Револьвер Миффлона грохнул четыре раза, и кресло разлетелось в щепы. Карфакс снова покатился по полу, потом вскочил на ноги и нырнул на сей раз за массивный сервант красного дерева. Как щит он не годился — пули прошьют его насквозь, зато Миффлон не мог видеть противника, и до ближайшей комнаты оставалось метров шестнадцать.

И все же Гордон не был уверен до конца, что его соперник ждет, что он собирается выходить именно через входную дверь.

— Отбрось пистолет и выходи с поднятыми руками! — закричал Миффлон. — Я не хочу тебя убивать!

— О'кей! — крикнул в ответ Гордон, соображая, настолько ли глуп Миффлон, чтобы поверить, что он, Карфакс, ему доверится. Нет, конечно, Миффлон не собирался его убивать. Во всяком случае пока. Сначала ему зададут пару вопросов. Гордон мог себе представить, как это будет происходить. Очень скоро сюда прибудет Вестерн со своей камарильей и коллекцией маленьких, очень острых ножичков и раскаленных игл, и если они получат Карфакса в руки живым, то он заговорит, да что там — запоет!

Оставался один выход: резко выскочить, пальнуть в Миффлона, чтобы не дать ему прицелиться, и перебежками рвануть прямиком к выходу Или прямо в противоположную сторону, чего Миффлон уж никак не ожидает! Но тут есть

один недостаток: придется преодолеть вдвое большее расстояние.

Он, конечно же, предпочел бы вообще никуда не дергаться и лежать под прикрытием серванта, но оставаться на месте значило распрощаться с жизнью. Гордон стиснул зубы, чтобы унять нервную дрожь, и выпрямился. Через спинку кресла, стоящего футах в десяти, он увидел, что Миффлон тоже встал в полный рост. Гордон резко поднял револьвер, держа его двумя руками, и прицелился. Его противник сделал то же самое.

Позже он гадал, кто бы кого подстрелил, если бы из-за его спины вдруг не загремели выстрелы. Чуть не подскочив от неожиданности, он тут же пальнул в Миффлона и, хотя заметил, что пуля прошла у того над головой, крутанулся на каблуках, ожидая увидеть в дверях Йохану. Но в дверях никого не было — значит, стреляли из одной из комнат.

Гордон слишком устал, чтобы считать выстрелы, но предполагал, что патроны у Миффлона скоро кончатся. Однако холл буквально взорвался от выстрелов — казалось, им не будет конца. Или ему это только показалось? Ведь на самом деле перестрелка длилась не больше нескольких секунд и прекратилась так же внезапно, как и началась. Наступила полная тишина. Затем он услышал всхлипывания Патриции.

Гордон огляделся: Миффлон лежал на спине — из-за бордюра были видны лишь его голые ноги. Три нижние ступеньки были изрешечены, пол вокруг был покрыт мраморной крошкой, а в стене над бордюром зияли три дыры.

Сверху раздался вопль миссис Бронски. Карфакс поднял голову и увидел ее: перегнувшись через перила, она с ужасом взирала на Миффлона. Она тоже была абсолютно голой, но зато без оружия.

— Патриция, не стреляй! — крикнул он. — Можешь выходить!

Она выбежала из комнаты, упала в его объятия и зашлась рыданиями. Гордон мягко отстранил ее от себя и оглядел: ее плащ спереди был залит кровью. И руки тоже в крови. Теперь и его плащ покрылся пятнами.

— Ты ранена?

— Нет... О Господи! — всхлипнула она. — Я-то нет! Это его кровь.

С минуту Карфакс пытался сообразить, о ком она говорит, пока не вспомнил об Йохане.

— Что произошло?

Она попыталась рассказать, но не смогла выдавить из себя ни звука.

— Подожди меня здесь. — Он взглянул наверх: миссис Бронски уже не было. — Хотя нет. Лучше пошли со мной. Леди могла отправиться за оружием.

Сжимая в правой руке револьвер, а левой бережно поддерживая Патрицию под локоть, он повел ее к лестнице, краем глаза следя за Миффлоном на тот случай, если тот жив. Тем более что его револьвера не было видно. Но они увидели его почти сразу — как только подошли поближе: он лежал рядом с оторванной рукой Миффлона.

— Йохана мертв?

Патриция кивнула и пробормотала:

— Меня сейчас вытошнит.

— Вот и займись этим. А я пока поднимусь наверх — посмотрю, чем занимается Бронски.

— Но я боюсь идти на кухню одна. — Патриция с трудом боролась с тошнотой, ее всю трясло.

— Он тебя уже не тронет, — попытался успокоить ее Гордон, но, увидев ее белое как мел лицо, поспешно сказал: — Ладно, оставайся здесь. Вон — ваза на серванте, можешь воспользоваться ею. А хочешь, так давай — прямо на пол. Не стесняйся, я за тебя извинюсь перед хозяином.

Она как-то странно посмотрела на него, а затем рванулась к вазе. Гордон направился к Миффлону, чтобы осмотреть его. Из двенадцати пуль, которые выпустила в него Патриция, в цель попала только одна. Но и этого хватило с излишком: она разворотила ему плечо и отбросила руку почти на три метра. На полу вокруг было месиво из обрывков мышц, осколков костей и крови. Кем бы он там ни был, Миффлон вернулся туда, откуда пришел. А Карфаксов теперь могут обвинить в убийстве. Кто поверит в их рассказы?

Гордон поднял револьвер убитого и проверил обойму — она была полной. Опустив оружие в карман, он взбежал по ступенькам, прислушался и осторожно, стараясь как можно дольше оставаться под прикрытием стены, заглянул в коридор. Там было пусто. Он прокрался дальше, заглянул в освещенную ночником комнату Миффлона, затем приложил ухо к дверям миссис Бронски и услышал, как она что-то возбужденно говорит, очевидно, по телефону. Правда, говорила она настолько тихо, что слов разобрать было невозможно.

Карфакс тихонько повернул дверную ручку, но дверь не поддалась. Похоже, Бронски это заметила, так как внезапно замолчала.

Выбивать дверной замок выстрелом хорошо и впечатляюще получается только на телеэкране — в жизни же пуля может срикошетить и заклинить механизм намертво. Столь же

эффективна попытка вышибить дверь плечом, особенно если та (как в данном случае) сделана из крепкого дуба и к тому же открывается наружу От такой двери отскакиваешь, как мячик, без малейшего ущерба для нее, зато с ощутимым ущербом для себя.

Гордон, не мудрствуя лукаво, несколько раз изо всех сил ударил в замок ногой. В результате — дверь и не шелохнулась, а вот нога заболела

Он отошел в сторонку, чтобы обдумать создавшееся положение И вовремя: из-за двери послышался выстрел, и в ней появилась дыра, как раз на уровне его желудка. По звуку выстрела он машинально определил калибр: 8,1 миллиметра.

Тогда он вернулся на лестницу и позвал Патрицию. Она с трудом оторвалась от вазы и, стараясь не смотреть на труп, лежащий за бордюром, поднялась по ступенькам Лицо ее было бледно-зеленого цвета Запах рвоты мешался с пороховой гарью.

— Поищи на кухне что-нибудь, что сгодится для взлома ну, там, топор какой-нибудь или хотя бы отвертку, — попросил он. — Если ничего не найдешь, сходи в гараж Для того чтобы попасть внутрь, разрешаю выбить окно — на хрен!

— Что ты собираешься делать? — слабым голосом спросила она.

— Собираюсь взломать дверь спальни миссис Бронски Мы не можем оставлять здесь свидетелей

— Ты что, намереваешься убить и ее тоже?! Ты этого не сделаешь!

— Нет, не сделаю, если она добровольно пойдет с нами, — согласился Гордон, прекрасно зная, что лжет: ее слишком трудно было бы доставить в надежное место. Тем более что времени на уговоры практически нет — люди Вестерна скорее всего летят сюда уже на всех парах

Он вернулся к дверям Бронски и снова приник к ним ухом она продолжала возбужденно говорить по телефону, но ему удалось разобрать лишь несколько отдельных слов Он отступил в сторону и крикнул

— Бронски, выходите наружу! Я не причиню вам вреда! Мне нужно лишь задать вам пару вопросов!

— Пошел вон! — раздалось в ответ

Нет, голова у нее явно варила, хоть леди и была изрядно напугана Да Гордон сам на ее месте был бы напуган не меньше В конце коридора показалась Патриция· она принесла две отвертки, топор и небольшой ломик Гордон приложил палец к губам и жестами попросил ее подойти поближе Забрав у нее инструменты, он прошептал ей на ухо

— А теперь смой кровь с плаща.

— А твой плащ?

— Ах да, я и забыл!

Он снял плащ, отдал ей, и она тут же исчезла в комнате Миффлона. А он, тяжело вздохнув, приступил к взлому.

Бронски стреляла шесть раз, но хуже от этого стало только двери. Подпрыгнув после первого выстрела, Карфакс перестал обращать на них внимание и углубился в работу. Винты на петлях хоть и поддавались, но довольно туго. Он пропихнул конец ломика в щель между стеной и дверью, в которой тут же появилось четыре новые дыры. Что ж, леди расстреляла всю обойму, и, если она соображает, что делает (а она явно соображает), ей необходимо перезарядить револьвер. А на это у нее уйдет несколько секунд. Он изо всех сил налег на ломик. Дверь поддалась, и вся ее правая половина вышла из проема. Но для того чтобы открыть ее пошире, ему нужно было еще какое-то время оставаться в опасной зоне.

Карфакс пригнулся как можно ниже, ухватился руками за свободный край и рванул его на себя — дверь со скрипом пошла, и тут же прогремели еще четыре выстрела.

Он отскочил в сторону и крикнул:

— Бронски, выбросьте пистолет в коридор и выходите с поднятыми руками! Иначе я подожгу дом и буду ждать вас снаружи!

Ему пришло в голову, что это в общем-то неплохая мысль. Вот только у него не хватает времени уничтожить все следы. А пожар привлечет полицию, они найдут пули калибра 7,92, и им не понадобится много времени, чтобы установить, кому принадлежит револьвер, из которого они выпущены. Конечно, люди Вестерна это тоже раскопают, а в придачу у них будут отпечатки пальцев Карфаксов и куча других улик, но уж они-то не станут уведомлять полицию о своем открытии.

Так что пусть здесь прибирают молодчики Вестерна. Теперь он будет преследовать Карфаксов, даже если у него не будет ни пуль, ни отпечатков их пальцев: хотя миссис Бронски и не знает их настоящих имен, зато она могла по телефону описать их внешность. Вестерну остается только отыскать этих опасных свидетелей, чтобы от них избавиться. А полиция только на то и сгодится, чтобы подобрать два трупа, изрешеченных пулями. Впрочем, тел могут вообще не найти. Вестерн запросто может сжечь их где-нибудь в пустыне. Он хорошо умеет прятать концы в воду

— О'кей, Бронски, — оторвался Карфакс от своих невеселых раздумий. — Я уже принес из гаража бензин и собираюсь

разлить его по коридору, облить двери, а канистру с оставшимся я зашвырну к тебе в комнату.

Он подождал немного, но из комнаты не донеслось ни звука. Или же она окончательно упала духом и не знает, на что решиться, или же держит какой-то сюрприз за пазухой. А может, надеется на то, что у него не хватит мужества выполнить свое обещание

И только тут до него дошло, что теперь, когда дверь открыта настежь, Патриция, появившаяся в дверях комнаты Миффлона, может стать для секретарши прекрасной мишенью. Он проклял себя, что в суматохе не подумал об этом. И тут же в комнате Миффлона погас свет. Очевидно, Пат сообразила, что, выходя, окажется как на ладони. Значит, теперь, пока Бронски не сдастся, она — в ловушке.

— Бронски, я уже держу в руке спичку! — решил поторопить события он. — Я не буду бросать канистру. Ограничусь тем, что подожгу коридор!

— Я что-то не чувствую запаха бензина! — хрипло отозвалась она.

Он беззвучно выругался, но все же не смог подавить в себе чувство уважения к этой тертой бабе, хоть она и загнала его в тупик.

— Сейчас почувствуешь! — заявил он. — Считаю до трех. Если после этого твой револьвер не будет здесь, я зажигаю спичку!

Теперь он мог слышать ее телефонные переговоры: похоже, она советовалась с Вестерном. Гордону оставалось только гадать, сколько у него осталось времени до прибытия его своры.

— Раз!

Бронски замолчала.

— Два!

Он подошел к дверям поближе.

— И...

Он прыгнул в комнату, паля в силуэт, четко вырисовывавшийся на фоне окна с тонкими шторами.

Ее револьвер ответил, полыхнуло пламя, и силуэт исчез. Во время полета Карфакс врезался в большое кресло, перевернул его, и теперь оно навалилось на него всей своей тяжестью. Он выполз из-под него, подсознательно отмечая, что брюки у него все-таки мокрые, и откатился в сторону. Патриция окликнула его из комнаты, но он не ответил, чтобы не дать Бронски возможность подстрелить его на голос.

Наступила полная тишина Он дышал так тяжело, что не мог расслышать дыхания своей противницы (если она вообще

дышала). Он не знал, попал он в нее или нет, — возможно, она затаилась и только ждет, чтобы он себя как-нибудь обнаружил.

Гордон посмотрел на наручные часы, но они не шли: наверное, разбились где-то во время этой заварухи. Он снял их и зашвырнул в другой конец комнаты, где они громко зазвенели, разбившись обо что-то уже окончательно Но ожидаемой реакции на это не последовало. Ну не могла же она быть настолько хладнокровна, чтобы не выстрелить на звук!

Время подгоняло: либо он немедленно на что-то решается, либо его схватят люди Вестерна.

Очень неохотно Гордон поднялся на ноги. Свет из коридора освещал только ножки кресла и край ковра. На улице было пасмурно, но сквозь шторы пробивался слабый свет фонарей с Фаерберд-лейн, находившейся примерно в километре. В комнате было довольно темно, но на полу у окна что-то светлело.

Это было обнаженное тело Бронски.

На предосторожности уже не было времени; он быстро подошел к ней, пощупал пульс и приложил ухо к груди, пытаясь понять, бьется ли сердце. Но ничего не услышал. Чему удивляться: пуля вошла ей прямо в солнечное сплетение.

И все же он был благодарен ей за то, что она стреляла в него. Ведь если бы она сдалась без сопротивления, в то время как ситуация требовала ни в коем случае не оставлять ее в живых, он вовсе не был уверен, хватило ли бы ему духу хладнокровно пристрелить женщину. По логике она должна была умереть. Но, как и большинство человеческих существ, он частенько не мог себя заставить подчиняться логике.

Он вышел в коридор и позвал:

— Пат, выходи. Нам нужно спешить.

Уже через пять минут они катили по Фаерберд-лейн на своем «загреусе» (ключи от гаража они нашли в квартире Йоханы). Правда, Гордон минутку поколебался, стоит ли им на машине по единственному шоссе спешить прямо навстречу банде Вестерна; может, попытаться перелезть через заднюю стену и уйти задворками? Но мобильность была важнее, поэтому он остановился на первом варианте, хотя им придется проехать, не сворачивая, всю северную часть Пасифик Палисэйдс, и если свора Вестерна прибудет на нескольких машинах, то они вполне смогут выслать погоню

Проехав мимо ожидавшего их такси, Карфакс нажал на акселератор. Машина рванула с максимальной — шестьдесят километров в час — скоростью и, не сбавляя ее, проскочила

несколько кварталов Затем Гордон слегка сбавил скорость, чтобы не привлекать внимания полиции. Прежде чем они доехали до конца проспекта Виста-Гранж, навстречу им пронеслись четыре машины И в каждой сидело по четыре человека.

Конечно, это могла быть и просто подгулявшая компания, переезжающая с одной вечеринки на другую, но Карфакс что-то сильно в этом сомневался Как только эти молодчики войдут в дом Миффлона, они тут же вспомнят о встреченной по пути одинокой машине и организуют погоню.

Но у Карфакса было время запутать следы Выехав на шоссе, он на допустимо максимальной скорости домчался до станции экспресса Там они оставили машину на стоянке, а сами на экспрессе отправились в сторону Вудлэнд-Хиллз и почти тут же пересели на направление Сьерра-Мадре Еще немного попрыгав по разным станциям, они наконец добрались до своей, а еще через пару минут были в мотеле

Карфакс налил себе и Патриции по изрядной порции бурбона.

— Хорошо для нервов, — сказал он, — и действует расслабляюще. Ну а теперь можешь рассказать мне, что там у тебя произошло на кухне

— Это было ужасно Отвратительно Я уже выходила из дома, как вдруг заметила Йохану, выбегающего из гаража с револьвером в руках! Я тут же нырнула назад в дом У него же был револьвер! Но почти сразу мне пришло в голову, что, если он зайдет к тебе со спины, ты окажешься в ловушке! Я схватила со стола большой нож и притаилась в коридорчике за кухней. Меня так трясло, что я всерьез боялась, что не смогу удержать нож или ударю слишком слабо и не смогу его остановить. Я стиснула ручку обеими руками и, как только он показался в дверях, со всего размаху пырнула его в живот Он выронил пистолет и попятился, цепляясь за нож Но я не отпускала И тогда он упал А нож остался у меня в руках Он умер, не издав ни звука Даже не застонав

— Умница, — сказал Гордон — Надеюсь, предохранитель был снят?

— Что было снято?

— Предохранительный механизм пистолета Если он не снят, жми на курок сколько влезет — ничего не получится

На ее лице отразился испуг

— Я что-то читала о таких вещах, но никогда над этим не задумывалась Я просто взяла револьвер двумя руками, прицелилась в Миффлона и нажала на курок Когда выстрелила в

первый раз, решила, что взяла слишком высоко, но потом сообразила, что просто ствол задрался от отдачи.

— Один удачный выстрел из двенадцати — вовсе неплохой результат в данной ситуации, — утешил ее Гордон. — Ему хватило и одного.

Он залпом осушил свой бокал, и только теперь едкий терпкий запах пороха, преследовавший его с начала перестрелки, окончательно выветрился из его ноздрей.

— А теперь я хочу сбросить все эти мокрые вонючие тряпки и залезть под душ. Отпустишь меня поплескаться?

— Иди, конечно, — ответила она полусонно. У нее наступила реакция после пережитого стресса — она еле двигалась от усталости. Глядя на нее, Гордон наконец ощутил, как безмерно устал сам.

Вернувшись из душа, он застал ее крепко спящей. До кровати она добралась, но раздеться уже не хватило сил. Рядом на полу стоял пустой бокал. Гордон налил себе еще и присел, обдумывая варианты грядущих событий. Но что бы там ни случилось, произойдет это очень скоро. И их не минует.

На рассвете Патриция разбудила его криком о помощи. Она стонала и металась на постели — ее мучили кошмары. Он разбудил ее и баюкал в объятиях, пока она рассказывала ему о том, что видела во сне.

Ей снилось, что она беззаботно играет в куклы в комнате, где жила совсем маленькой, и вдруг видит, как дверь чердака медленно начинает приоткрываться. Застыв от ужаса, она следит, как дверь открывается все шире и шире, и вот уже некто черный и бесформенный клубится в проеме, заползает в комнату... Она в отчаянии кричит, зовет маму и... просыпается.

— Но сейчас уже светло. А ты не маленькая девочка. А в моих объятиях ты в полной безопасности, — мягко уговаривал он ее.

— Я уже никогда не буду в полной безопасности, — пробормотала она и снова погрузилась в сон. Но он заснуть снова уже не смог и, провалявшись еще с полчаса, понял, что надо вставать.

В девять утра она резко села в кровати и посмотрела на Гордона так, словно не узнавала его и не понимала, где вообще находится. Он принес ей чашку кофе и, пока она просыпалась, вкратце поведал ей, что видел в утреннем выпуске новостей.

— Около половины седьмого утра в полиции раздался звонок, — рассказывал он. — Аноним сообщил, что в доме

Миффлона сегодня ночью убиты три человека. Копы тут же выехали и обнаружили там море крови, десятки дырок от пуль и... ни одного трупа.

— Но зачем Вестерну понадобилось вызывать полицию? — удивилась она. — Что это ему дало?

— А он и не вызывал, — ухмыльнулся Гордон. — Это я сходил к будке на углу и позвонил в полицейский участок северного Пасифик Палисэйдс. Я просчитал, что к тому времени мальчики Вестерна уже успеют все прибрать и вместись сами. Видишь ли, я умирал от любопытства. Мне хотелось как можно скорее узнать, что будет, когда все узнают, что Миффлон и иже с ним отдали концы. А ведь могло пройти немало дней, прежде чем этот кошмарный факт обнаружили бы какая-нибудь приходящая уборщица или не менее приходящий садовник!

Но теперь мы можем быть уверены, что Вестерн не сможет скинуть это на нас, не вляпавшись в это дело по уши сам. Но так же мы можем быть уверены и в том, что теперь он на нас начнет охоту.

Но есть и плюсы: мы наконец-то раздобыли веские улики и свидетельства, которые обрадуют врагов Вестерна. Самым сложным будет отыскать того, кому можно будет полностью довериться. К тому же это должен быть человек, обладающий реальной властью и железной волей.

— Ты хочешь начать тайную войну?

— Именно. Она уже началась. Будем собирать доказательства и факты, пока их не будет достаточно для самого прожженного скептика, и лишь тогда объявим ее в открытую.

— Мудрый план, если только Вестерн, прежде чем мы все это соберем, не размажет нас по стенке. И никто, поверь, этого даже не заметит.

— Слушай, а твое второе имя случайно не Кассандра? Лучше выпей еще чашечку кофе.

ГЛАВА 17

После завтрака Гордон снова сходил к телефонной будке на углу и позвонил в агентство. Опасаясь, что Вестерн может прослушивать линию «Форчун и Торндайк», он назвался условным именем и назначил встречу в кофейне, которую тоже не назвал, а обозначил кодовым словом. На эту встречу он взял с собой ленту с записью голоса лже-Миффлона и передал ее агенту вместе с запечатанным в конверт сообщением.

Через два часа официантка позвала его к телефону, и он услышал в трубке типичный английский акцент Торндайка:

— Алло, это Рамус?

— Слушаю.

— Так вот: совершенно определенно могу сказать — это не он.

— Я так и думал. Вы не могли бы мне выслать записи на условленный адрес?

— Сделаем. Жаль, что мы больше с тобой не работаем.

— Я бы не сказал, что это исключено. Но теперь я надолго ухожу на дно. Вы мне очень помогли. Куда посылать счета — вы знаете.

— Конечно. Удачи!

— Да, она мне сейчас очень понадобится! — И Гордон дал сигнал отбоя.

Сейчас для Карфаксов не было безопасного места во всем мире. Но самым опасным был Лос-Анджелес. Поэтому они ушли из мотеля, не отметившись (Гордон дал указание агентству заплатить за них и, забрав со стоянки «загреус», вернуть его в прокатную компанию). Потом они немного покатались на такси, а затем на экспрессах, пересаживаясь с линии на линию, чтобы окончательно запутать следы. И наконец из Сакраменто, пользуясь фальшивыми удостоверениями личности, которыми их снабдили те же «Форчун и Тордайк», вылетели в Сент-Луис. Карфакс отправил в агентство письмо, в котором благодарил их за неоценимую помощь и сообщал, что теперь, на время, предпочитает, чтобы его местонахождение не было известно абсолютно никому.

Свое путешествие они с Патрицией закончили в Бусирисе, где остановились в одном из мотелей, зарегистрировавшись под чужими именами. Чтобы не пользоваться кредитными карточками, они даже расплатились наличными, чем вызвали удивленный взгляд портье. Но, как подумал Гордон, от взглядов его не убудет. Первый день они обживали свою новую квартиру. Гордон решился наконец позвонить директору Трэйбеллского университета. Мистер Чамберс был весьма понятно возмущен, что Карфакс не вернулся на осенний семестр. Гордон извинился, объяснил свое отсутствие личными обстоятельствами и закончил разговор заявлением, что если Чамберс хочет его уволить, то пусть делает это хоть сейчас.

Проходя по городу мимо своего дома, Гордон ощутил непреодолимое желание туда зайти — он воплощал для него все прелести материнского чрева: тепло, уют, безопасность, полное расслабление и возможность ни о чем не думать. Однако даже если не было явных признаков слежки за домом, то это

вовсе не значило, что ее нет вообще. А он не хотел давать Вестерну ни единого шанса. Пришлось скрепя сердце, с безразличным лицом пройти мимо.

Затем они с Патрицией отправились в Дейтон, штат Огайо, откуда позвонили в Манхэттен Ричарду Эмерсону и Гилфорду — в Массачусетс. Мистер Эмерсон был известным миллионером римско-католического вероисповедания, и его негативное отношение к Вестерну стало притчей во языцах. Хотя Карфакс разговаривал с ним, не называя своего настоящего имени, его выслушали, так как паролем послужило магическое слово «МЕДИУМ». Он сообщил, что располагает информацией о том, что Вестерн — убийца и является угрозой всему миру. Нет, пока он не может назваться из опасения, что Вестерн убьет его, как только узнает, где он находится.

Эмерсон мог посчитать его за обычного сумасшедшего, однако согласился на встречу, которую назначил через четыре дня в отеле имени Питера Стьювесанта, и даже клятвенно заверил, что не расскажет об этом звонке никому, кроме своего доверенного лица.

— Его зять Роджер Лангер — сенатор в Нью-Йорке, — объяснил Гордон Патриции, — так что, если нам удастся его убедить, мы приобретем могущественного сторонника. Хоть они с президентом и не испытывают друг к другу симпатии, тот все же считается с мнением Лангера; и на этот раз, в виде исключения, им придется походить в одной упряжке. Но, для того чтобы это произошло, нам нужно раздобыть намного больше доказательств: чтобы убедить президента, одного случая с Миффлоном недостаточно.

— А этот Лангер не сдаст нас в полицию, когда услышит о том, что мы сделали с Миффлоном?

— Об этом не беспокойся — дело давно уже вышло за рамки закона.

Гордон не осмеливался признаться ей, что в нынешней ситуации у них почти нет шансов выжить. Вестерну теперь не составляет никакого труда найти сколько угодно убийц, которым безразлично — казнят их после выполнения задания или нет. Ведь плата за это — новая жизнь, под новым именем, в молодом здоровом теле! Он стал новым Искусителем, только в отличие от оригинала мог и исполнить свое обещание.

Вообще-то Карфаксу очень хотелось как-нибудь уговорить Патрицию отойти от дела и где-нибудь в укромном уголке переждать, пока все это не кончится. Но у него не хватало сил с ней расстаться. Он, оказывается, любил ее. Да и убеждать ее

бросить расследование было бесполезно: сколько ни говори — лишь напрасная трата нервов.

Он включил телевизор и успел услышать заключительные слова очередной речи Вестерна. Тот объявил, что час тому назад в «Мегистус-комплексе» завершены монтаж и наладка нового МЕДИУМа и он снова готов к работе.

Все заявление целиком Карфакс прослушал в вечерних новостях. Вестерн собирался, оказывается, установить МЕДИУМы во всех крупных городах Северной Америки. Да и за границей уже нашлись негоцианты, желавшие заняться этим за свой счет.

Вслед за выступлением Вестерна публике было предложено интервью с сенатором из Луизианы мистером Грэем

Интервьюер:

— Мы хотели бы выслушать ваше мнение по поводу того, что мистер Вестерн собирается наводнить Америку МЕДИ УМами.

Сенатор Грэй:

— Но ведь дело-то в том, что, даже если он так и сделает, пользоваться ими будет все та же кучка толстосумов, из-за ни с чем несоизмеримой цены его сеансов. Это вопиющая несправедливость! Все американцы имеют равные права в общении со своими ушедшими близкими, и нехватка денег не может быть к этому препятствием. Доступ к МЕДИУМу должен иметь каждый! Даже если придется субсидировать это из государственных средств! Однако у меня есть идея, как мы можем обойтись и без увеличения дефицита госбюджета Я предлагаю передать МЕДИУМ под государственный контроль и снизить плату за сеансы до доступной любому среднему американцу! Тем более что так завышать цену на эту насущную потребность нашего народа нет никаких объективных причин: Вестерн не может ссылаться больше на непомерные энергозатраты — по его же собственному заявлению, МЕДИУМ сам себя обеспечивает энергией. Остальные текущие расходы на оплату его персонала, поддержание его в рабочем состоянии и прочие технические нужды не так уж велики, если не сказать — незначительны.

Интервьюер·

— Если, как убеждает нас мистер Вестерн, его аппарат действительно является неиссякаемым источником энергии, то государство просто обязано взять его под контроль. Но как, по вашему мнению, может отразиться на экономике страны этот приток дармовой энергии?

Сенатор Грэй:

— Мистер Вестерн должен сначала доказать на практике свои утверждения о «дармовой энергии». В природе ничто не дается даром. Но если МЕДИУМ способен снабжать нас ею достаточно щедро, давайте назовем ее «дешевой энергией». Я верю, что правительство штатов сумеет урегулировать этот вопрос ко всеобщему удовольствию. Что же до влияния МЕДИУМа на нашу экономику, то я не готов дать вам исчерпывающие объяснения. У нас уже работает над этим вопросом целая комиссия, и через пару месяцев они представят вам полный отчет. Пока же беседы на эту тему могут быть только самого общего порядка.

Интервьюер:

— Однако уже прокатились слухи, что если Вестерн говорит правду, то федеральное правительство может поддержать идею национализации энергоиндустрии.

Сенатор Грэй:

— Вы слишком внимательны к слухам: большинство из них, мягко говоря, просто фантастичны. Однако в глобальном масштабе эффект может быть потрясающим. Для малоразвитых стран дешевая энергия сможет стать ключом для решения очень многих проблем. И если Америка будет по-прежнему добывать энергию по-старинке, сжигая топливо, то окажется позади них. А мы не можем себе этого позволить!

— А может, рассказать о Миффлоне и Грэю? — спросила Патриция.

— Он слишком много говорит, — отмахнулся Гордон. — Не иначе как метит в следующие президенты.

Два дня спустя Карфаксы посетили отель имени Питера Стьювесанта. Ровно в полночь два доверенных лица сопроводили их с шестнадцатого на пятнадцатый этаж, где передали на попечение охраны, которая препроводила их к Ричарду Эмерсону. На этаже вообще было полно вооруженных до зубов охранников, следивших за тем, чтобы в апартаменты не проник ни один человек без пропуска.

Эмерсон был представительным стариком с высоким лбом и тонкими губами. Рядом с ним стоял (Карфакс сразу его узнал) сенатор Лангер — мужчина лет тридцати семи, шести футов семи дюймов ростом, с идеальной для баскетболиста фигурой и огненно-рыжей, очень густой шевелюрой.

Хотя гости и были представлены под именем супругов Рамус, оба — и Эмерсон, и Лангер — уже знали их подлинные имена. Карфаксам предложили бурбона, сигар и тут же

перешли к делу. Пока Гордон рассказывал, они изучали документы.

Два человека, привыкшие, что обычно слушают их, на сей раз выслушали его долгий рассказ в глубоком молчании.

Первым заговорил сенатор Лангер:

— Я верю, что все рассказанное вами — правда. И ваши доказательства считаю достаточно вескими. Но, для того чтобы они имели вес в глазах общественного мнения, нам нужно добыть их во много раз больше. Это самая опасная угроза, какой когда-либо подвергалось человечество. Я приступаю к делу с данной минуты. Мы располагаем списком абсолютно всех клиентов Вестерна, то есть всех и каждого, кто когда-либо вступал в комнату, где стоит МЕДИУМ.

— Я считаю, что нужно начать с тех, у кого будет обнаружена разница между количеством реально проведенных сеансов и их оплатой, — сказал Карфакс. — Они-то и могут оказаться теми, кто уже заплатил страховку послежизни.

— Кроме того, нам нужно установить тех, кто наследует имущество уже умерших клиентов, — подхватил Эмерсон. — И если всплывет, что наследниками являются посторонние люди, не имеющие официальных прав, то мы можем считать, что напали на след.

— К тому же среди клиентов могут оказаться те, кто были одержаны, как Миффлон, — продолжал развивать свою мысль Карфакс. — Их не так просто вычислить, но если вы сможете достать старые записи их голосов и провести сравнительный анализ манеры речи и...

— Яйца курицу не учат, — перебил его Лангер.

— Я только хотел вам помочь, — извинился Гордон, пожав плечами; Лангер был человеком, которого лучше иметь на своей стороне — он обладал энергией смерча, но был маниакально эгоистичен.

— Все в порядке. — Лангер махнул рукой, давая понять, что у него нет времени на обиды. — Кстати, а губернатор Симмонс ведь тоже посещал МЕДИУМ?

Так как вопрос прозвучал риторически, Гордон не стал на него отвечать.

— А ведь он — возможный кандидат в президенты, — присовокупил Лангер.

Эмерсон побледнел.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что его тоже одержали?

— Не знаю, — задумчиво проговорил сенатор. — Я общался с ним последнее время, и он, похоже, не изменился. Ведь справиться с его работой (да так, чтобы никто ничего не

заподозрил), если не имеешь в ней опыта, практически невозможно.

— Если только одержатель не был прежде профессиональным политиком, — не удержался Гордон. — А если Вестерн собрался бы кого-то подселить в тело Симмонса, уж об этом-то он бы позаботился!

— А я вас понял так, что вы определяете *рэмсов* как созданий нечеловеческого типа, — протянул Эмерсон.

— В общем-то да, но загвоздка в том, что они ведут себя совсем как люди. Причем вполне конкретные.

— Кем бы они там ни были, — отрезал Лангер, — Вестерн предал всех ныне живущих! И я уж прослежу за тем, чтобы он понес наказание, положенное за предательство. Иуда!

— Но ведь пока нет законов, по которым его можно было бы судить.

— Да ради всего святого — сделаем мы эти законы! А потом по закону — вздернем!

Патрицию от этой вспышки ярости забила нервная дрожь, да и сам Гордон почувствовал себя неуютно. Хотя чему было удивляться: Лангер имел вполне заслуженную славу самого неистового и ярого борца за права человека во всем государственном аппарате. И в то же время сейчас он был не более чем просто человек, оказавшийся лицом к лицу с древним Страхом, уходящим корнями в каменный век. Он был обязан сражаться с ним по законам военного, а не мирного времени: если ты хочешь разделаться с врагом раз и навсегда, то чем скорее ты убьешь его, тем лучше. Тем более что его противник — Вестерн, придерживался той же философии.

Нравились подобные методы Лангеру или нет — уже не имело никакого значения.

— Вы оба должны пока оставаться в тени, — продолжил разговор Эмерсон. — Пока вас разыскивает Вестерн, у вас связаны руки. Я думаю, вам нужно уехать. И подальше: в Европу, например. Или хотя бы в Южную Америку.

Карфакс и Патриция переглянулись:

— Но у нас на это нет денег.

Эмерсон отмел это возражение одним движением сигары:

— Я принимаю вас к себе на службу: будете получать по тысяче на каждого в неделю плюс оплата всех дорожных расходов.

— Но как мы сможем отработать такие деньги?! — воскликнула Патриция.

— Когда придет время, вы отработаете все — до последнего пенни! — успокоил ее Эмерсон.

— Но мы хотели бы приступить к работе уже сейчас, — возразил Гордон. — Оба мы имеем в этом деле личный интерес. К тому же Патриция весьма обоснованно претендует на МЕДИУМ.

— Претензии — да, а вот как насчет прав? — скептически спросил миллионер. — Нет, вы не подумайте, что я сомневаюсь в том, что она является законной наследницей, но пока-то ее отец все отрицает! Как быть с этим?

— А я думаю, что он уже не *рэмс*, — раздельно произнес Карфакс.

Патриция охнула, а Эмерсон впился в него глазами:

— Что вы сказали?

— Единственный способ заставить моего дядю лгать — пообещать ему новое тело. Следовательно, вполне возможно, что уже сейчас он работает на Вестерна в какой-нибудь его тайной лаборатории.

— Так вы хотите, чтобы местоположение Патриции им стало известно? — медленно спросил Лангер. — Вы думаете, что ее отец попытается с ней связаться, и таким образом мы получим шанс на него выйти?

— Вы очень проницательны, — заметил Карфакс без оттенка лести. — Но мне очень не хотелось бы этого делать. Во всяком случае, пока нас окончательно не прижмут обстоятельства. Все это нужно еще как следует обдумать. Не будет ли риск превращать ее в живую мишень слишком велик?

— А саму Патрицию вы не желаете спросить? — вспылила она. — Вы, все трое, разговариваете так, словно меня здесь нет! Почему бы вам не поинтересоваться — так, для разнообразия — моим мнением?!

— Ладно, не кипятись. Мы тебя слушаем, — устало сказал Гордон.

— Да конечно же, я согласна! При одной мысли, что я снова увижу папу Хотя на самом деле я увижу не его Он будет в совсем чужом теле!

— А из этого может что-то получиться, Гордон, — Лангер потер руки. — Удивляюсь, как мне это самому не пришло в голову! Отец Патриции нужен был Вестерну, чтобы продолжать работу И Вестерн мог вернуть его снова в наш мир Но, думаю, после того, что тот сделал со своим дядей, Рафтон Карфакс должен ненавидеть племянника. И, конечно, должен делать все, чтобы попытаться вывести его на чистую воду

— Надеюсь, что это так, — сказал Карфакс. — Но, с другой стороны, Вестерн не может об этом не догадываться и следит за ним неотрывно Стоит ему сделать шаг в сторону — бабах! — и он снова мертв.

— А что, если наш Искуситель до сих пор не сдержал своего обещания? — остудил их Эмерсон.

— Увы, и это возможно, — вздохнул Гордон. — Но у нас нет другого способа это проверить. Хотя лично я полностью уверен, что Вестерн использует своего дядю в создании технических и научных разработок. Сам-то он не может разбираться в аппарате больше, чем его создатель. Да из всего, что мне известно, я могу сделать вывод, что предложение использовать МЕДИУМ как источник энергии — идея дяди, а не племянника!

— Уговорили, — сдался Эмерсон. — Вы не поедете за границу. И с этого момента оба получаете повышение: по три тысячи в неделю на каждого плюс оплата всех дорожных расходов. О'кей?

— Если Патрицию это устраивает, то меня и подавно, — сказал Гордон, испытующе взглянув на девушку.

— Я готова приступить к работе прямо сейчас, — ответила она.

— Тогда делаем вот что... — И Лангер стал излагать план действий.

Гордон слушал его с почтительным видом, думая про себя, что быть боссом намного приятнее, чем подчиненным.

ГЛАВА 18

В то же утро Карфаксы отправились в Гилфорд, где должны были поселиться недалеко от виллы Эмерсона. К ним сразу же были приставлены телохранители, сменявшие друг друга по трое каждые восемь часов. На следующий день они встретились с рекомендованным им (и, конечно, оплаченным) Эмерсоном адвокатом Артуром Смигли. Оказывается, Смигли получил заказ на сбор компрометирующих Вестерна документов уже неделю назад.

— Пока у нас нет ни одного шанса прищучить его, — откровенно сказал он Карфаксам, — но не в этом суть. Это, так сказать, предупредительный выстрел. Теперь мы привлекли его внимание к себе.

Но Смигли был посвящен в дела лишь частично и не знал о том, что Рафтон Карфакс может снова находиться среди живых. Об этом вообще не знал никто, кроме самого узкого круга людей. Если у Вестерна возникнет хоть малейшее сомнение в том, что о его намерениях просватать старому Карфаксу новое тело хоть кто-то пронюхал, он тут же снова их разведет.

Спустя еще несколько дней, когда Карфаксы встретились с Лангером на рауте на вилле Эмерсона, он рассказал им, что его агент в «Мегистусе» уже ведет проверку наиболее важных лиц в персонале.

— У него есть полное описание привычек и речевых особенностей вашего дяди. Кроме того, он уже записал их голоса и скоро мы сможем получить его записи для сравнительного анализа с голосом Рафтона Карфакса.

— И давно вы внедрили агента к Вестерну? — спросил Гордон.

— Наш первый агент погиб при взрыве, когда Увелль врезался в его прежний дом, — ответил Лангер с усмешкой. — Это была миссис Моррис — его личный секретарь. Следующего мы заслали к нему, как только узнали, что он обосновался в «Мегистусе». И сделать это было очень нелегко — у Вестерна такая служба безопасности, что даже мне завидно.

— А вы уверены, что в вашем окружении нет его агентов?

— Нет, не уверены. Именно поэтому самой важной информацией по-прежнему владеем только мы вчетвером.

— Так уж и вчетвером? Да с вашим агентом нас уже пятеро!

— Нет. Он сам не знает, кого именно ищет. У него есть лишь список примет.

— Да, пожалуй, это обеспечивает секретность, — немного успокоился Карфакс. — Ну а как насчет остальных жертв?

— У нас есть три кандидатуры под очень большим подозрением и один случай, в котором мы уже убеждены на все сто процентов.

Два месяца назад миллионер Гарольд Гребски (кстати, постоянный клиент Вестерна) во время сеанса упал в обморок. Мой человек видел, как его вынесли из зала на носилках и затем отправили в больницу «Мегистуса». Обследование длилось целую ночь, причем палата усиленно охранялась. В себя он пришел на следующий день. Однако не поспешил домой, а остался в комплексе еще на неделю. И в течение всей этой недели его никто не видел! Но моему человеку удалось узнать, что все это время он восстанавливал координацию движений; он как бы заново учился владеть своими руками и ногами. Кроме того, по выходе у него наблюдались нарушения речи.

Агент передал нам эту информацию, не придавая ей особого значения; он приставлен там следить за всем, что происходит, до малейших мелочей. Да и мы тоже не обратили на нее внимания, так как в то время даже не подозревали о том, что одержание возможно. Но как только я услышал ваш рассказ, то тут же вспомнил об этом рапорте и приставил к Гребски

своих людей, и они доложили мне, что он действительно вернулся домой после «лечения» в «Мегистусе» в очень хорошей форме — прямо не узнать!

— Миффлон тоже провел там с неделю! — вырвалось у Гордона.

Лангер нахмурился: он явно не любил, когда его перебивали. Но был вынужден согласиться:

— Да. И, думаю, это не просто совпадение. Должно быть, одержателю, для того чтобы снова научиться владеть физическим телом, требуется какое-то время. Мы сверили записи голоса и личностную характеристику прежнего Гребски с тем, что вернулся из «Мегистуса», и совершенно точно уверены, что вернулся не он. Что же до остальных троих — двух мужчин и одной женщины, — их проверка еще не закончена.

— А когда мы можем ожидать результатов поисков моего папы? — спросила Патриция.

— Как только мой агент сможет передать нам отчет. Его ведь выпускают наружу только по выходным и тщательно обыскивают на входе и выходе. Но не советую вам возлагать особенные надежды на то, что мы получим интересующую нас информацию в мгновение ока. Он может пронести за один раз очень мало. Да и сделать записи абсолютно всех находящихся в комплексе он просто не в состоянии.

— Я тебе советую вообще отказаться от всяких надежд, — поддержал Лангера Карфакс, — ведь мы даже не знаем наверняка, получил ли твой отец тело. А если даже и получил, то ведь вовсе необязательно, что он в «Мегистусе». Может, его прячут где-то еще.

«А вполне возможно, это и не твой отец, — продолжил Гордон уже про себя, — а некое существо, им только притворяющееся».

Было и еще кое-что, о чем Патриция не подумала. А может, просто не хотела говорить вслух. Когда все благополучно закончится (если только закончится благополучно), как прикажете поступать с Рафтоном Карфаксом? Ведь он будет обладателем тела, на которое у него нет никаких прав. Его что, придется выселять оттуда насильно? А это означает, что он снова будет убит. Но сделать это просто необходимо. А что, если выяснится, что хозяин тела во время одержания меняется местами с вытеснившим его *рэмсом*? И если это возможно сделать один раз, то не исключено, что во время повторной операции все вернется на круги своя. До сих пор они так ничего и не знают о механизме одержания! А единственный, кто знает — Вестерн, — явно не горит желанием поделиться информацией. А что, если подобную операцию

можно провести только один раз? Что тогда делать с *рэмсом* в чужом теле? Посадить в тюрьму? Лангер, правда, обещал, что подготовит новые законы. Но чего ждать от уголовного права, кроме пожизненного заключения преступника? А ведь институт тюрьмы существует (по крайней мере в теории) для перевоспитания, а не наказания.

Разговор с сенатором, по причине его чрезвычайной занятости, получился коротким. Гордон с Патрицией еще немножко побродили по саду, но скоро им стало скучно, так как они не были знакомы ни с кем из высокопоставленных гостей Лангера. Тем более что куда бы они ни пошли, три верных стража на некотором расстоянии повсюду следовали за ними. Карфаксы собрались домой и сели на заднее сиденье предоставленной им машины, тут же рядом уселся один из их охранников — Брехт, а двое других — Шентес и Жарден заняли места впереди. Под охраной еще одного автомобиля с тремя телохранителями (вторая машина сопровождала их во всех поездках) они не спеша поехали по узкой сельской дороге.

День был чудесным: светило солнце, колосья на полях вдоль дороги выстроились, словно армия зеленых пигмеев на параде. Две небольшие красные птички порхали впереди, словно указывая дорогу. В другой ситуации Гордон смотрел бы на них с умилением, но сегодня он был явно не в духе. Он маялся от безделья и тосковал по своим друзьям из Бусириса. Слишком долго уж они с Патрицией были отрезаны от нормальной жизни. Охранники были необщительными и не проявляли к ним никакого интереса, кроме профессионального. А они с Патрицией уже стали уставать друг от друга. Если бы они могли расставаться хотя бы на несколько часов в сутки, их отношения заметно бы улучшились. Если бы Гордон только смог выбить у Лангера какую-нибудь командировку!..

Машина шла со скоростью пятьдесят километров в час по грунтовке, сворачивавшей широкой дугой, когда они заметили впереди, примерно в четверти километра, большой грузовик с прицепом, стоящий поперек дороги и полностью перегораживающий ее. Рядом с ним стояли двое — очевидно, водитель со сменщиком. Шентес, выругавшись, надавил на тормоз, и пассажиры услышали, как завизжали покрышки шедшей сзади машины, резко сбавившей скорость, чтобы не врезаться в их бампер.

— Стоп! — резко сказал Гордон и достал револьвер. — Возможно, это ловушка.

В ответ Жарден поднял с пола автомат, а Брехт вытащил свою девятимиллиметровку. У Патриции в сумочке тоже был

пистолетик калибра в шесть миллиметров, но она даже не попыталась его вынуть, словно была парализована страхом.

Машина резко остановилась, при этом ее занесло так, что она почти наполовину выехала на соседнюю полосу. Карфакс оглянулся: вторая машина остановилась почти впритык к ним, а сзади издалека приближался еще один грузовик.

— Да это ловушка! — закричал он.

Он снова оглянулся и заметил, что водитель второго грузовика на ходу спрыгнул с подножки и убежал под прикрытие фургона, а машина застыла почти в дюйме от них, блокируя отступление. Двое, стоявшие у первого грузовика, теперь тоже скрылись за своей машиной.

«У них не так уж много людей, чтобы атаковать нас, — подумал Гордон, — если только они не спрятали нападающих в кустах или фургонах, наподобие троянского коня».

Шентес тем временем уже дозвонился в центральное полицейское управление, находившееся в десяти километрах. Жарден и Брехт вышли и теперь совещались с остальными охранниками. Карфакс тоже попытался вылезти из машины, но Шентес безапелляционно заявил:

— Вы останетесь здесь!

Карфакс не был уверен, что эта мысль особенно удачна: хотя их машины и были оборудованы пуленепробиваемой защитой, но ведь люди Вестерна наверняка на это рассчитывали, и поэтому не исключено, что уже сейчас кто-то в кустах наводит на них базуку.

Если в фургонах прятались люди, то они должны были появиться с секунды на секунду. Но их не было! В кабинах обоих грузовиков тоже не было заметно никакого движения.

Он открыл окно, высунулся наружу и крикнул:

— Эй, Шентес, вы видите кого-нибудь из водителей?

Шентес отошел на обочину и огляделся, затем покрутил головой и, смачно выругавшись, заявил:

— Удирают, словно черта увидели. Бегут со всех ног по дороге. Там, подальше, их поджидают на легковушках.

Гордон распахнул дверь и, жестами поторапливая Патрицию, заорал:

— Бегите! Прячьтесь в лесу! В фургонах может быть взрывчатка!

Остальные ошарашенно застыли, глядя на машины, но уже через секунду бросились врассыпную. Карфакс поймал Патрицию за руку и изо всех сил толкнул ее вперед. Он надеялся, что они успеют добраться до небольшой речушки, текущей метрах в сорока параллельно дороге, отделенной только аллеей сикоморов, посаженных еще дедом Эмерсона. Гордон с

Патрицией проскочили между ними, проломились сквозь кустарник и, упав на землю, откатились по пологому глинистому склону на мелководье и скорчились за выступавшим над водой не выше фута берегом. Несколько секунд они были заняты тем, что пытались отдышаться. Наконец Патриция, несколько придя в себя, открыла рот, но... Гордон так никогда и не узнал, что она собиралась сказать в тот момент.

ГЛАВА 19

Карфакс пришел в сознание только вечером следующего дня. Он полностью оглох, лицо все распухло, а голова болела так, словно в нее забили гвоздь. Потом, когда слух стал к нему постепенно возвращаться, каждый звук бил по барабанным перепонкам, как молотком. Наконец он кое-как приспособился спасаться от терзавших его децибелов, плотно прижав правое ухо к подушке (левое, контуженное еще при взрыве дома Вестерна, теперь полностью отказало, и врач сомневался, сможет ли больной вообще когда-либо им слышать).

Взрыв двух фургонов, в которых по приблизительным подсчетам было около сотни фунтов динамита, вырвал с корнем сикоморы и кусты и, подняв в воздух вместе с землей и частью берега, обрушил их на Карфаксов. В этой мешанине полиция могла вообще не найти пострадавших, если бы случайно не заметили торчащую из завала руку Патриции; и вовремя — женщина уже задыхалась.

Кроме них не спасся никто. Даже опознать удалось только Жардена. Он, так же как и Карфаксы, прятался под берегом речушки, но в момент взрыва зачем-то выглянул. Патологоанатомы обнаружили в его мозгу многочисленные разрывы сосудов.

— Если бы стенки фургонов не ослабили мощность взрыва, то и вам бы не уцелеть, — сказал доктор. Правда сейчас Карфакс его не слышал, но он неплохо умел читать по губам.

Позже он узнал из газет, что водители грузовиков так и не были найдены. Кроме того, он прочел о смерти Эмерсона и ранении Лангера. Это случилось через два дня после взрыва. Двое неизвестных открыли по ним стрельбу из девятимиллиметровых револьверов в холле отеля имени Питера Стьювесанта. Оба киллера даже не делали попыток скрыться с места преступления и стреляли до тех пор, пока сами не были в упор расстреляны охранниками. Имена убийц удалось установить: Лео Конгдон и Умберто Кориэлли. Оба были рецидивистами и по десять лет отсидели в тюрьмах за грабежи, сопровождавшиеся

насильственными действиями, нередко кончавшиеся смертельным исходом. Лангер, навестивший Карфакса спустя неделю, сказал, что пока доказательств их связи с Вестерном не обнаружено.

— Они действовали так, словно сознательно шли на дело, из которого им не выйти живыми, — заключил Карфакс. — Думаю, Вестерн пообещал им новые тела.

— Вне всякого сомнения, — согласился Лангер. — И они в них очень нуждались! У Конгдона после одного из ранений не сгибалась нога, а на лице был глубокий уродливый шрам от ножа. Кориэлли был сифилитиком и обладал такой внешностью, что его испугалось бы до полусмерти даже чудовище Франкенштейна. Вестерн умеет подбирать людей. Но зато теперь мы знаем, кто был его агентами в нашем окружении, — мрачно продолжал Лангер. — Джексон — один из моих телохранителей в тот день отсутствовал, а один из моих секретарей Винер — в тот же день исчез. Думаю, что они не могли все же полностью разнюхать наши планы, но оба видели нас с тестем в вашем обществе. На тот случай, если кроме них могли быть и другие агенты, я тщательно перетряхнул весь аппарат.

Лангер встал со стула, поморщившись от боли: очевидно, задел руку, которая до сих пор была перевязана. Пуля задела ее лишь рикошетом, но вырвала кусок кожи и мышц, так что до конца жизни он уже не сможет владеть ею, как прежде.

«И конец этот тоже может быть не за горами», — подумал Карфакс.

— Я не могу больше ждать у моря погоды, — заявил Лангер. — Завтра же мой отчет будет вручен президенту, его кабинету и каждому члену конгресса. Им будут представлены все доказательства, которые мы успели собрать. К тому же мы передадим его по радио и телевидению. Не знаю, каков будет резонанс, но то, что Вестерна вызовут на комиссию по расследованию, — это факт! И тогда все покушения на мою жизнь прекратятся.

— Не будьте в этом так уверены, — меланхолически заметил Гордон. — Если даже у Вестерна будут полностью связаны руки, всегда может найтись какой-нибудь религиозный фанатик, свихнувшийся на его персоне. Слишком многие молятся на него, как на Господа Бога...

— Ну да, а я для них — Антихрист! — угрюмо усмехнулся Лангер. — Но и он после нашего заявления не будет в безопасности. Я не удивлюсь, если его линчуют.

— А вот это уже бабушка надвое сказала. «Мегистус-комплекс» — настоящая крепость. У него даже есть регулярный

вооруженный до зубов воздушный патруль. Вестерн выговорил себе разрешение на него, апеллируя к тому, что если его уже раз таранил один маньяк, то всегда могут найтись и другие.

— Да знаю я все это, — вспылил Лангер. — Яйца курицу не учат!

Карфакс вздохнул. Он уже устал от этой присказки. И в то же время он признавал, что именно Лангер способен возглавить борьбу с Вестерном: он не знает жалости, как и его противник, и остановится разве что перед убийством. Хотя позже Гордон подумал, что, пожалуй, и это его не остановит.

В тот день когда коммюнике Лангера стало общественным достоянием, Карфакс и Патриция снова были вместе — в номере отеля «Пангея». «Нью-Йорк Таймс» выделила под «Обращение к людям всего мира» отдельную полосу, снабдив его своими комментариями. По телевидению все шоу и развлекательные программы периодически прерывались специальными бюллетенями, а программы новостей посвящали «Обращению» большую часть своего эфира. На следующее утро на Белый дом обрушился поток писем и телеграмм. Половина из них, как и ожидалось, содержала бурные протесты против клеветы в адрес Вестерна и поливала грязью его врагов, особенно Лангера. Во второй половине были требования немедленно заключить Вестерна в тюрьму, а то и пристрелить или повесить на месте, без суда и следствия. Причем приблизительно одна восьмая всей корреспонденции была написана в таких выражениях, что даже в век свободы печати ни одна из газет не отважилась их процитировать.

В вечерних новостях было показано в прямом эфире интервью с Вестерном, снятое в его цитадели в «Мегистус-комплексе».

Вестерн (с видом оскорбленного достоинства):

— Повторяю! Документы, предоставленные сенатором Лангером, — фальшивка! Он не может добраться до меня, вот и снизошел до грязного мошенничества! Трудно поверить, что такой здравомыслящий человек мог настолько погрязнуть в самой низкопробной лжи!

Гордон (Патриции):

— Смотри, да он от злости начал заговариваться: как можно снизойти до того, в чем ты уже погряз? У него сейчас пена пойдет изо рта!

Патриция:
— Заткнись, Гордон.

Вестерн:
— Я официально заявляю, и буду настаивать на этом: у сенатора, должно быть, совсем мозги отказали, если он осмелился опубликовать подобное «Обращение»! Он просто свихнулся, если надеется, что хоть кто-то поверит в эту чудовищную ложь! Конечно, я-то понимаю его позицию: он считает, что я дискредитировал, нет, скорее даже разрушил его религиозные убеждения. Повторяю: МЕДИУМ — это не более чем научный прибор. Его существование не может оскорбить ничьей религии! Он используется в чисто научных целях для общения с миром иным, каковой, без всякого сомнения, является пространством, в котором обращаются души умерших после того, как оставляют свои физические тела. Любая другая точка зрения заведомо ложна. Но...
Журналист (перебивает его):
— Но почему же тогда Гребски, Торранс, Свансон и Симба спешно уехали в Бразилию? Если они ни в чем не виноваты...
Вестерн:
— Конечно же, им пришлось уехать! Они-то знают, что невиновны, но опасаются за свои жизни! Да, они боятся, что могут стать жертвами новых религиозных фанатиков. Кто осмелится обвинить их в естественном инстинкте самосохранения?

Гордон:
— Если они наивно посчитали, что в Бразилии нет ни одного фанатика, то их ожидает оч-ч-чень неприятный сюрприз.
Патриция:
— Ты не мог бы обойтись без ерничества?
Гордон:
— Нет. Когда мне страшно, у меня начинается словесный понос.

Вестерн:
— ...и пусть возбуждает дело! Я отвечаю за свои слова!
Журналист (доставая из кармана листок бумаги и протягивая его Вестерну):
— Это повестка. Вам предлагается предстать перед комиссией Лангера, сэр.

Гордон:

— А я-то все думал, как они исхитрятся ее вручить! Репортер-то ненастоящий! Ну, Лангер — голова!

Внезапно изображение смещается, камера, словно ей наподдали, выдает сумасшедшую панораму стен и потолка и фокусируется на одном из охранников, избивающем журналиста. Крупный план Вестерна, побагровевшего от ярости:

— Вышвырните отсюда этих ублюдков!

Карфакс встал и направился к бару.

— Вот пусть теперь попробует проигнорировать комиссию! После трюка с повесткой судебные исполнители имеют полное право притащить его в суд за шкирку.

— Если до этого он не смоется в Южную Америку, — возразила Патриция. — Что ему мешает сесть в свой личный самолет прямо сейчас?

— Думаю, президент может приказать посадить его насильно, а если он не подчинится, его собьют. Но он, конечно, все же попытается удрать из страны как-нибудь иначе.

— И это расколет страну на два лагеря, — вздохнула Пат.

— Она уже расколота. Впрочем, какая разница? Как я уже говорил, куда бы он ни скрылся, теперь уже он нигде не сможет чувствовать себя в безопасности. На правительство Бразилии могут оказать давление, и Штаты могут потребовать его выдачи. А бразильцы намного решительнее нас по характеру. Тем более, как ты прекрасно знаешь, это полностью католическая страна.

— Ты думаешь, что я знаю все на свете?

— Извини. Ты забыла, что я учитель по профессии, — примирительно сказал он.

— Ты тоже извини меня, — ответила она в тон, — но у меня совсем сдали нервы.

— У кого не сдали!

— К тому же я очень беспокоюсь за папочку. Если Вестерн испугается, что все может полететь к чертям, в первую очередь он отделается от него.

Карфаксу такое уже приходило в голову, но обсуждать этот вопрос с ней он не собирался: и так хватает нервотрепки. Тем более что у них до сих пор нет никаких доказательств, что Рафтон в «Мегистусе». Только сеанс с МЕДИУМом мог реально удостоверить его местонахождение: еще в *вэмсе* или уже здесь.

Очевидно, Патриция думала о том же, потому что вдруг сказала:

— Похоже, теперь я все же смогу доказать свои права на МЕДИУМ. Как ты считаешь? И если мне это удастся, я наконец-то смогу узнать, где мой папочка, наверняка.

— Или где его нет. Надеюсь, что агенту Лангера все же удастся передать нам свои донесения. Вот тогда-то мы, может, и узнаем что-нибудь.

Но агент Лангера во время последнего выходного не вышел из «Мегистуса». Это в равной мере могло означать и то, что его раскрыли, и то, что он просто слишком занят на этой неделе: ему периодически давали там работу и требовали ее выполнения, невзирая на выходные. Проверить, что с ним случилось, не было никакой возможности.

Карфакс не смог усидеть на месте и принялся расхаживать из угла в угол.

— Я слишком долго сидел сиднем. Сейчас, когда Вестерн выведен из себя и не способен трезво рассуждать, самое время поторопить события. Вот этим я и займусь.

— Ты, похоже, собираешься поторопить нашу смерть.

— А ты разве не хочешь воспользоваться сложившимися обстоятельствами для того, чтобы спасти своего отца?

— Ну, что ты там придумал? Говори, ради Бога!

— Скажу. Но всему свое время.

Он нажал на кнопку вызова телефона с видеоприставкой и набрал номер Лангера. Ему пришлось прождать минут десять, прежде чем сенатор вышел на связь. Гордон мог бы просто оставить ему свой номер с просьбой позвонить, но он боялся оставлять малейшие следы, опасаясь новых покушений.

Лангер очень торопился, но стоило Гордону сказать несколько фраз, сенатор связался с секретаршей и приказал ей отложить следующий звонок. Когда Карфакс закончил, Лангер довольно потер руки:

— Теперь мы зажмем его с двух флангов. Я позабочусь о том, чтобы все было официально и законно. Начну прямо сейчас. А вы с Патрицией вылетайте первым же самолетом. Я присмотрю, чтобы его для вас придержали.

Через полчаса Карфаксы поднялись на борт самолета, задержавшего вылет ради них на пятнадцать минут. Кроме того, был задержан отлет еще десяти самолетов, чтобы дать им «зеленую улицу». Их проводили в первый класс, и самолет тут же поднялся в воздух. Вокруг важных пассажиров порхали, стараясь обеспечить их максимальным комфортом, улыбающиеся стюардессы. Но Карфакс заметил, что под этой вежливой суетливостью прячется крайняя неприязнь. Он сам

раньше, бывало, сидя во втором классе, часами ждал вылета, отложенного из-за каких-нибудь шишек на ровном месте.

Через два часа три минуты суперлайнер уже бежал по посадочной полосе в аэропорту Лас-Вегаса. Через пятнадцать минут Карфаксы спустились по трапу, а еще через пять пристегивали ремни в двухмоторном самолете, присланном Лангером. Еще тридцать пять минут — и они уже в Бонанца-Сиркусе.

В аэропорту их встретил государственный судебный исполнитель Джордж Чанг, и они вместе направились в самый большой на Земле крытый город. Внутри пользоваться автомобилями с двигателями внутреннего сгорания было запрещено: транспортную функцию исполняли движущиеся дорожки и бесплатные электротаксетки. Чанг проводил гостей к Башне Афины, где размещались городские власти. Там их представили еще одному судебному исполнителю, инспектору энергоконтроля и судье, который по требованию Лангера выписал ордер на арест Вестерна. Первыми двумя были соответственно Аманда Хиекка — белокурая валькирия, финка по происхождению, и Рикардо Лопес — низенький ярко-рыжий крепыш, постоянно жующий сигару. Он был родом с Кубы, откуда тридцать лет назад эмигрировали его родители. Все эти необходимые биографические данные Карфакс получил от судьи Каснера, и ему показалось, что судья просто тянет время. Когда Гордон уже начал терять терпение, судья так и сказал:

— Хотя сенатор и порет горячку, я считаю, что вам не следует торопиться. Даже лучше отложить все это до утра. Сенатор не понимает специфики создавшейся ситуации. Я пытался ему объяснить, что тут у нас происходит, но он оборвал меня и сказал, что это мои проблемы. Он требует немедленных действий, но...

— А что за ситуация здесь сложилась?

— Взрывоопасная! У ограды «Мегистуса» встали лагерем антивестерниты. Их там более трехсот хорошо вооруженных людей. Они уверяют, что собрались только для того, чтобы проследить, как бы Вестерн не удрал из страны. Шериф приказал им разойтись, но они не обратили на него ни малейшего внимания. А в это время провестерниты организовали митинг в Профацци-холле и тоже собираются отправиться к «Мегистусу», чтобы защитить его от «толпы линчевателей». Мэр города обратился к губернатору штата с просьбой прислать взвод ополчения, но тот отказал, мотивируя тем, что ситуация пока что этого не требует.

Карфакс понимающе кивнул. Он ожидал чего-нибудь подобного — губернатор был близким другом Лангера.

— Сейчас неподходящее время для политических игр, — продолжал судья. — Если здесь не будет ополченцев, может начаться резня. Может быть, она уже идет. Этот ордер я выписываю с большой неохотой, так как опасаюсь, что ваше появление там может только подлить масла в огонь.

— Я получил приказ, — сказал исполнитель Чанг, — и не собираюсь терять здесь больше ни секунды. Кто идет со мной?

— Мы специально прилетели сюда ради этого, — отозвался Карфакс. — Мы идем с вами.

— Я подчеркиваю, что отношусь к этому крайне отрицательно, — стоял на своем судья Каснер.

— Тогда не надо было выписывать ордер! — бросил Карфакс. Но в глубине души он посочувствовал судье: оба они находились под давлением Лангера, и обоих он использовал как марионеток в своих целях. Хотя, если бы судья имел более жесткий и решительный характер и осмелился бы встать открыто против Лангера, это могло бы стоить ему карьеры.

К тому же Карфакс не сомневался, что именно агенты Лангера объединили и взвинтили толпу антивестернитов, чтобы направить их под стены «Мегистуса». Конечно, здесь (как и в любом другом городе Штатов) страсти кипели вовсю и антивестернитов было достаточно. Оставалось только послать пару ораторов, чтобы те умело направили страсти в нужное русло и повели толпу за собой. И все это было сделано за то время, что прошло с момента его звонка сенатору!

Лидерами линчевателей была довольно пестрая смесь религиозных фанатиков и криминальных элементов: церковь и мафия объединились. Хотя это держалось в секрете (правда, это был секрет полишинеля), Бонанца-Сиркус построила мафия, как крупный центр игорного бизнеса. Большинство мафиози были истыми католиками (что, однако, не мешало им заниматься своими делишками), а потому непримиримыми врагами Вестерна. Кроме того, они боялись МЕДИУМа и были категорически против его использования: одна мысль о том, что благодаря машине можно будет получить сведения от уже умерших членов организации, бросала их в дрожь. Поговаривали, что мафия требует от своих членов клятвы хранить ее тайны даже после смерти. Так как же можно было теперь заставить ее соблюдать, если нет средств заставить замолчать мертвых?

Лангер был злейшим врагом организованной преступности, и ему, должно быть, очень нелегко оказалось переступить через свои принципы и обратиться за помощью к лидерам мафии. Но в политике целесообразность и компромисс являются основными движущими силами. О своих долгах перед мафией

Лангер побеспокоится потом, когда все будет кончено. Идет война, и не время рассуждать о моральном уровне твоих союзников (если вообще уместно во время войны говорить о морали).

Но зачем Лангеру понадобилась возбужденная толпа вокруг «Мегистуса»? Для того чтобы напугать Вестерна так, что он сам с радостью отдастся в руки шерифов и Лопеса? А может, сенатор планировал, что, когда ворота откроются для официальных представителей, толпе удастся прорваться внутрь? Карфакс подозревал, что более вероятен второй вариант. От этой мысли ему стало не по себе, и он почувствовал противную слабость. Значит, Лангер оказался способен послать людей на верную смерть.

По мере продвижения по городу Гордон убеждался, что самые его мрачные предположения полностью подтверждаются. Широкие проспекты Бонанца-Сиркуса были пусты, хотя в это время суток движение должно было быть оживленным. Они проезжали мимо фантастически раскрашенных зданий и видели в окнах множество лиц, провожавших их молчаливыми взглядами, и это свидетельствовало, что большая часть населения отсиживалась по домам. Вызов был брошен, и обыватели боялись оказаться замешанными в борьбу и попасть между двумя жерновами — анти- и провестернитами.

Но Чанг заметил, что если что-то и произойдет, то не в городе: основные события произойдут у ворот «Мегистуса».

— За полчаса до вашего приезда все улицы были забиты провестернитами, направлявшимися в Профацци-холл. Там их будут накручивать и возбуждать до тех пор, пока эти бедные идиоты не взвинтятся до массовой истерии. Надеюсь, мы успеем добраться до комплекса раньше, чем это произойдет.

— Но почему полиция не вмешивается? — искренне удивилась Патриция.

— Да потому, что половина их сегодня взяла отгул, чтобы присоединиться к толпе. Кто — «за», кто — «против», — усмехнулась Хиекка. — А остальные просто боятся встать кому бы то ни было поперек дороги: не хотят, чтобы их растоптали.

ГЛАВА 20

Они оставили электромобиль на окраине города у выхода номер двенадцать и пешком зашагали в ночную пустыню, где их уже ожидали два паровых автомобиля. В первый, с эмблемой штата, сели Лопес и сопровождающие его лица. Все остальные разместились во втором, на котором красовался

символический американский орел. Машины двинулись в сторону пустыни, оставив за спиной огромный купол города в мареве уличных огней. Вскоре они выехали на извивающуюся горную дорогу. Свет фар выхватывал из темноты растущие по обочинам ели и сосны, и иногда под ними мерцали красные глаза кроликов, лисиц, опоссумов и оленей.

Хиекка сообщила, что вся территория между городом и «Мегистусом» принадлежит заповеднику.

— Но раз в три года здесь открывают охотничий сезон на оленей. В прошлом году я уложила наповал огромного самца. Обожаю оленину. А вот четыре года назад не добыла ни одного: слишком была занята — охотилась за людьми. Помните эту историю? Она же освещалась телевидением! Тогда здесь объявилась парочка защитников фауны, которые стали отстреливать охотников. Двоих убили и еще троих ранили. Мы так и не поймали их тогда, и я очень надеялась, что они объявятся и в прошлом году. Но больше они не появлялись. — Она рассмеялась и добавила: — В прошлом году здесь вообще было мало охотников. Наверное, испугались, что олени начнут от них отстреливаться!

Она нежно погладила торчавшую из кобуры ручку коллекционной сорокапятки.

— Большинство из этих храбрецов с тем же успехом и радостью палили бы по коровам в стойле. Разве можно назвать таких охотниками?

У Карфакса создалось впечатление, что на людей ей нравится охотиться гораздо больше, чем на оленей.

Около двадцати километров дорога по большей части вилась по склонам гор. Затем они въехали в ущелье с высокими скалистыми стенами, на выезде из которого им открылся вид на широкое плато: «Мегистус-комплекс», сверкая множеством огней, лежал перед ними как на ладони. Он занимал площадь не больше квадратного километра. Четыре десятиэтажных здания и несколько построек пониже были огорожены высокой каменной стеной с бойницами и сторожевыми башнями через каждые сорок пять метров.

На подъездах к нему сгрудилось около сотни грузовиков и автомобилей (подсчитать точно было невозможно из-за множества постоянно перемещавшихся лучей карманных фонариков), а под самыми воротами бурлила темная масса на человеческой закваске.

В ночном небе над комплексом сверкали огоньки патрульных самолетов.

«Для бойни все готово», — подумал Карфакс. Но зато, если Вестерн будет сопротивляться и прольется кровь, его можно

будет арестовать на законных основаниях, предъявив ему обвинение в массовом убийстве. И он не может этого не понимать. Но ведь если толпа выйдет из-под контроля и пойдет на приступ, ему волей-неволей придется защищаться вряд ли он захочет добровольно отдаться суду Линча!

Через десять минут они выехали на равнину. Дальше дорога была перекрыта поставленными поперек машинами, и им пришлось остановиться. Тут же подошел лохматый верзила со шрамом на лице (повязка на рукаве говорила о том, что он здесь за старшего) и спросил, что им здесь нужно. Хиекка и Чанг предъявили удостоверения и объяснили цель своей миссии. Мужчина кивнул, сел к ним в машину, представился как Рекстер и приказал ехать прямо к воротам. От него прямотаки разило возбуждением и весьма ощутимо несло перегаром и потом. Метров за пятьдесят до стены Рекстер велел Чангу съехать на обочину. Выйдя из автомобиля, Карфакс огляделся и заметил только одну полицейскую машину. Рядом курили двое в форме окружной полиции.

Среди сновавших вокруг людей не было ни одного без винтовки или другого стрелкового оружия. Лица одних были бледны, других — пылали; не лица, а застывшие маски угрюмой решимости или яростного возбуждения. За внешней суетой все же чувствовалась какая-то организованность: за порядком следили люди с черными нарукавными повязками.

Метрах в семнадцати от машины Чанга стоял (единственный, со включенным мотором, кроме полицейской машины) большой грузовик с трейлером. Его водитель о чем-то шептался с человеком с черной повязкой.

Чанг, высокий брюнет с короткой стрижкой и светло-карими глазами, с сомнением оглядел толпу, потом взял мегафон и торжественно направился к воротам. За ним последовали Хиекка и Лопес. Карфакс на секунду задержался у машины, в которой сидела Патриция.

— Не выходи без крайней необходимости. И с первым же выстрелом ложись на пол и не поднимай головы, пока стрельба не прекратится, — шепнул он и быстрым шагом догнал делегацию. Патриция только молча кивнула ему вслед — у нее от страха перехватило горло.

Чанг, остановившись перед двумя стальными пластинами ворот, прошептал: «Положеньице! Как в аду на сковородке!» — и поднес мегафон к губам. При первом же далеко разнесшемся звуке толпа разом смолкла.

Чанг назвал свое имя и пост и затем объявил, что у него есть ордер на обыск в «Мегистус-комплексе»: он разыскивает

Рафтона Карфакса, которого, по сведениям правительства США, здесь удерживают против воли.

Охранники на стенах взяли оружие на изготовку, целясь в толпу. Ворота не шелохнулись.

Чанг еще раз повторил свои требования и передал мегафон Лопесу, который загрохотал на всю округу, назвавшись и объявив о том, что округ Белой Сосны требует впустить в комплекс своего генерального инспектора по энергоконтролю. Лопес должен лично убедиться, что система энергообеспечения, питающая МЕДИУМ, подключена в соответствии с законными инструкциями.

Чанг и Лопес и были теми двумя флангами, между которыми Лангер собирался зажать Вестерна.

На правой сторожевой башне появился охранник, одетый в зеленую форму внутренней полиции Вестерна, и представился, тоже в мегафон, как капитан Вестскотт.

— Ваши ордера — незаконны! — загремело над толпой. — Ни один, повторяю — ни один из вас сюда не войдет! Я приказываю вам разойтись и прекратить это незаконное сборище! Вы находитесь в частных владениях!

— Я представляю здесь правительство США! — проревел в ответ Чанг. — Открывайте немедленно, иначе мы будем вынуждены применить силу!

— На насилие мы ответим силой! — отрезал Вестскотт.

Чанг промокнул лоб, покрытый, несмотря на пронизывающий горный ветер, крупными каплями пота.

— Вот сукин сын! Придется вызывать подкрепление. Я и вообразить себе не мог, что он вздумает сопротивляться!

Вдруг Рекстер, до этого молча слушавший переговоры, заявил:

— Эй вы, уйдите с дороги! Все уходите! Pronto!*

Чанг резко обернулся:

— Все должно быть сделано по закону! А вы и ваша свора не имеете никакого права находиться здесь!

— Да неужели? — сощурился Рекстер. — Вот что: чешите с дороги! Ножками, ножками! Если не хотите, чтобы вас снесли.

Он развернулся и зашагал в сторону толпы, на ходу отдавая приказания. В ответ ему раздался рев десятка глоток и все пришло в движение. Судебные исполнители, Лопес и Карфакс на мгновение застыли в растерянности, но тут Гордон краем глаза заметил, что грузовик с трейлером пришел в

---

* Быстро! *(исп.)*

движение и едет прямо на них. Он развернулся и со всех ног помчался назад к машине Чанга.

— Пат, выбирайся скорее! — крикнул он в окошко. — Они собираются взрывать ворота!

Дверь распахнулась, и Патриция со смертельно белым в свете фонарей лицом выскочила наружу. Карфакс схватил ее за руку и потащил за собой. За ними по пятам, медленно разгоняясь, двигался грузовик. Гордон, заметив, что левая дверца его открылась и шофер спрыгнул с подножки, очертя голову рванул в сторону.

За спиной затрещали автоматы, забухали винтовки, а затем раздались грохот удара, пронзительный скрежет металла о металл и мощный взрыв. Гордон, увлекая за собой Патрицию, бросился на землю. Гул ударной волны заполнил его правое ухо, воздушный вихрь всколыхнул одежду, и резко запахло динамитом.

Он сел и посмотрел на ворота, точнее, на то, что от них осталось. Взрыв, практически уничтоживший грузовик, вырвал металлические створки из петель и отбросил их метров на двадцать внутрь комплекса. Две ближайшие сторожевые башни были наполовину разрушены. Метров на шестьдесят в обе стороны стена погрузилась в темноту — все прожектора были разбиты вдребезги. Охранники на остальных вышках словно превратились в статуи, но было ясно, что это лишь минутный шок после взрыва.

Из толпы вырвался общий победный рев, и она потекла вперед, словно две гигантские амебы, сливавшиеся в одну у пролома в стене. Тут и там загрохотали ружейные выстрелы: стреляли в охранников и просто в воздух. А еще через несколько секунд защитники стены открыли ответный огонь. И началась бойня.

Одна из сторожевых вышек вдруг взорвалась, словно в нее попал снаряд. Карфакс обернулся и увидел, что толпа расступилась, пропуская вперед спрятанные до сих пор базуки. Те трижды плюнули огнем, и еще три вышки исчезли в клубах дыма и пламени. Когда дым слегка рассеялся, стало видно, что им нанесен непоправимый ущерб. Ракетометчики бросились вперед: четверо тащили на плечах дула, за ними бежали стрелки и следом — около двадцати человек, несущих снаряды.

— Они разбиты в пух и прах, — подытожил свои наблюдения Гордон. Взглянув вверх, он заметил сквозь разрывы в дыму мечущиеся огоньки самолетов. Но, похоже, они не собирались атаковать. Во всяком случае пока.

Он наконец поднялся на ноги и помог встать Патриции.

— Все это было спровоцировано Лангером, — угрюмо сказал он. — Сенатор явно не рассчитывал на то, что Вестерн примет нас с распростертыми объятиями.

Патриция не ответила.

— Слушай, — решительно сказал он, — тебе надо взять машину и возвращаться в Бонанца-Сиркус. Хотя... нет, погоди: ты можешь столкнуться по дороге с провестернитами. Лучше я передам тебя под опеку копов. Уж они-то смогут довезти тебя в целости и сохранности.

И он повел ее к черно-серебряной полицейской машине, не обращая внимание на бой, кипевший внутри комплекса: оттуда доносились вопли, рев, выстрелы и частая дробь автоматов. Затем грохот еще трех взрывов — это снова заработала базука. В свете немногих оставшихся прожекторов были видны летящие во все стороны кирпичи и обломки досок.

Двое полицейских сидели на корточках, прячась за капотом машины. Один из них что-то быстро говорил в телефонную трубку.

— Вы можете отвезти ее обратно в город? — крикнул ему Гордон.

Молодой полицейский — тощий парень с белым, как сахар, лицом развел руками:

— Сейчас в город уже не вернуться. А мы к тому же только что получили приказ оставаться здесь. Тем более что сюда движется толпа провестернитов, и как-то очень не хочется попасть между ними и теми, кто их поджидает.

— А кто их поджидает?

— Да все горы вдоль трассы так и кишат антивестернитами, черт бы их драл! Вы что, их не видели по дороге?

Карфакс отрицательно покачал головой.

— Наверное, пока вы ехали, они сидели в засаде. Кошмар какой-то: ведь те парни шагают прямиком в мясорубку!

— А вы не можете их предупредить?

— Мы передали сообщение, да что толку? Эти идиоты полицейских и близко не подпускают! И сейчас они уже на марше.

Четыре мощных взрыва подряд — один за другим — заставили их снова броситься на землю. Через полминуты Карфакс рискнул выглянуть из-за капота, но стена полностью исчезла за пеленой дыма. Лишь выше, сквозь разрывы в дымовой завесе виднелось чистое ночное небо, откуда в эту секунду стремительно пикировал куда-то внутрь комплекса двухмоторный самолет с объятыми пламенем крыльями. Как только он исчез из виду, откуда-то вынырнул второй. Но то ли пилот допустил ошибку, то ли его подстрелили, — он тут же

врезался в крышу одной из десятиэтажек, превратив ее в огромный костер Патриция зашлась истерическим плачем и не замолчала, пока Гордон основательно не потряс ее за плечи. Она обмякла и, всхлипывая, прижалась к нему. Он бережно отвел ее к полицейской машине, усадил на заднее сиденье и сказал:

— Посиди пока здесь.

Потом подошел к полицейским. Тот, что говорил по телефону, замолчал и вопросительно поднял на него глаза.

— Вы сказали им, что теперь вмешательство ополченцев просто необходимо? — спросил Гордон.

— Они уже на пути сюда, — ответил коп. — Губернатор отдал приказ десять минут назад. Но пройдет еще не меньше часа, пока они доберутся. К тому же им придется пробиваться сквозь ту свалку в горах.

Гордон кивнул и вернулся к Патриции

— Все. Я пошел искать твоего отца.

— Тебя убьют!

— Все может быть. Но я обязан это сделать. Если даже Вестерну было не до него, его могут случайно убить эти маньяки. Сейчас они там режут всех подряд.

— Но ты же даже не знаешь, как он сейчас выглядит!

— Да. У меня очень мало шансов на успех. Ты должна подготовиться к самому худшему.

На дороге появились Чанг и Лопес. Гордон пошел им навстречу.

— А где Хиекка?

— Ушла туда, — ответил Лопес с нехорошей ухмылкой. — Она сказала, что ее долг — найти вашего дядю и что она никому не позволит себя запугать. Корчит из себя mucho hombre*. И еще она сказала, что у нас нет запала. На что я ей ответил, что есть, просто мы не любим стрелять.

— Она сумасшедшая, — пробормотал Карфакс. — Она просто хочет подстрелить еще парочку самцов. Однако и я тоже сошел с ума, потому что тоже собираюсь туда.

— Подождите еще немного, и я составлю вам компанию, — предложил Чанг. — Прямо сейчас идти туда нет никакого смысла: вас подстрелят если не «про-», так «анти-»... — Он подпрыгнул, потому что рядом грохнуло еще два взрыва.

— Убедительный довод, — скривился Карфакс.

— Они подожгли там все, что может гореть, — сказал Лопес.

---

* Mucho hombre *(исп.)* — здесь. «самый крутой мужик»

Он был прав: казалось, полыхают все верхние этажи. Зато вокруг стены дым уже начал рассеиваться, и стало видно, что охрана оставила посты.

И Гордон побежал к воротам, на ходу доставая выданный ему Лангером пистолет. У самого входа он остановился и осторожно заглянул внутрь: из двадцати лежавших в различных позах тел (большинство из них было в зеленом) двигались только двое: они пытались выползти наружу.

Из зданий продолжали доноситься стрельба и вопли. Карфакс скользнул вдоль стены к ближайшей десятиэтажке, но, услышав над головой рев двигателя самолета, бросился на тротуар. Самолет прожужжал, казалось, над самой головой, однако из него не раздалось ни единого выстрела: то ли Гордона приняли за своего, то ли пилот просто был плохим стрелком.

Карфакс поднялся и рванул к дверям, перед которыми лежали два скорчившихся тела. Внутри, в коридоре, лежали еще шестеро, но те, кто еще дышал, были ранены настолько тяжело, что, даже если бы Гордон наклонился к ним, они не смогли бы причинить ему вреда. Но он не стал задерживаться.

Карфакс пошел по длинному коридору, методично осматривая все комнаты подряд. Большинство из них были пусты, а в остальных он нашел только трупы. В конце коридора находилась химическая лаборатория. Там он нашел живого, но тоже ничего не узнал: мужчина в белом халате лежал без сознания; у него на лбу зияла глубокая рана. На полу, усыпанном осколками стекла и пластика, лежали еще два трупа. Разлившиеся химикаты и кислоты, капавшие из разбитых колб, создали такой невообразимый резкий коктейль из запахов, что Гордон пулей вылетел из комнаты и прислонился к стене, не в силах сдержать мучительный кашель и хлынувшие из глаз слезы. Несколько минут он приходил в себя, затем, отдышавшись, свернул в соседний коридор. Но и здесь в комнатах был тот же кошмар: разбитая техника и трупы.

Обойдя весь первый этаж, он уже поднялся по лестнице на один пролет, как вдруг его окликнули: в дальнем конце коридора показался вооруженный мужчина. Карфакс поднял пистолет и все то время, пока незнакомец осторожно приближался к нему, держал его на мушке. Но тот, подойдя поближе, сказал:

— Все в порядке. Я видел вас с Рекстером.

Карфакс опустил пистолет и спросил:

— Так ли уж необходимо было убивать всех подряд? Тем более что большинство даже не были вооружены.

— Чему быть, того не миновать, — последовал философский ответ. — Эти жалкие дилетанты (очевидно, он говорил об ополченцах из Бонанца-Сиркуса) готовы были растерзать на клочки каждого, кто работал с Вестерном. Но теперь, думаю, Рекстер уже привел их в чувство. Во всяком случае, здесь он уже навел порядок.

— Извините, но вы не могли бы составить мне компанию? Видите ли, мне необходимо обследовать все здание и очень не хотелось бы рисковать головой только потому, что кто-то может не знать, что я «наш».

Мужчина — грузный смуглый средиземноморец — бросил на него испытующий взгляд, но сказал: «О'кей».

Когда они заканчивали осмотр второго этажа, Карфакс обнаружил еще двоих живых: один из них держал второго на мушке.

— Вы не Рафтон Карфакс? — спросил Гордон пленника — высокого худого мужчину лет сорока, с кровоточащей царапиной на щеке.

Тот отрицательно помотал головой.

— А вы его не знаете?

— Никогда о таком не слышал.

— В каком здании находится Вестерн?

Пленный замялся, но сопровождающий Карфакса рыкнул на него:

— Выкладывай все как есть, мистер, не то худо будет!

— Он был в здании номер четыре, — выжал из себя пленный. — В своей квартире Она на два этажа выше зала с МЕДИУМом.

— Номер четыре, — задумчиво повторил добровольный помощник Карфакса. — Так это же как раз то, в которое врезался самолет!

Гордон развернулся и зашагал прочь, бросив через плечо:

— Догоняйте.

Они бегом спустились по лестнице и выскочили наружу. Навстречу им из здания номер четыре выбегали люди. Огонь добрался уже до пятого этажа, и, когда Гордон приблизился к зданию, он почувствовал такой сильный жар, что, как он подумал, на нем можно было бы запросто поджарить яичницу (хотя это все же было преувеличением). Люди в нерешительности толпились вокруг, но никто не рисковал войти в здание: на последнем, кто оттуда выскочил, уже тлела одежда.

И тут Карфакс заметил Рекстера: тот возглавлял группу, несущую тела Хиекки и человека, лицо которого настолько было залито кровью, что узнать его было невозможно. Рекстер крикнул Гордону, чтобы он шел за ними. За воротами тела

положили прямо на землю. Хиекка была мертва. Одним выстрелом ей почти оторвало одну из ее грудей амазонки, а второй разворотил ей правое колено.

— Прежде чем ее подстрелили, она успела уложить четверых, — сказал Рекстер.

— Надеюсь, она умерла счастливой, — вздохнул Карфакс, а затем спросил, указывая на лежащего рядом незнакомца: — А это кто?

— Вестерн, — просто ответил Рекстер.

— Так что же вы мне сразу не сказали?! — зарычал Гордон, опускаясь рядом с телом на колени и вытирая платком кровь с его лица. Он нащупал шейную артерию и почувствовал слабый пульс!

— Вестерн, ты меня слышишь? — закричал он.

Веки Вестерна затрепетали, и рот слегка приоткрылся. Карфакс приблизил свое здоровое ухо к самым его губам и расслышал что-то вроде: «Не долго. .»

— Вестерн, где Рафтон Карфакс? — снова закричал Гордон.

Изо рта умирающего так сильно хлынула кровь, что забрызгала Гордону ухо.

— Вестерн, это я, Гордон Карфакс! Где мой дядя?

— ...не Вестерн... — донесся неразборчивый шепот.

— Да соберитесь вы с силами! Продержитесь хотя бы чуть-чуть, чтобы успеть хоть напоследок сделать доброе дело! Скажите, где мой дядя Рафтон Карфакс? Да говорите же, Христа ради!

Вестерн закашлялся, и кровь потекла сильнее. Он судорожно вздохнул, и Карфаксу на секунду показалось, что все кончено.

А затем он услышал — очень тихо, но отчетливо:

— Я не Вестерн. Я — Рафтон Карфакс.

Гордон с трудом удержался от того, чтобы схватить его за плечи и встряхнуть.

— Что вы сказали?!

— Я твой дядя, Гордон.

И это были его последние слова.

ГЛАВА 21

Карфакса выпустили из тюрьмы только на следующий день, и то лишь потому, что за него поручился Чанг Тюрьма Бонанца-Сиркуса оказалась слишком мала, чтобы разместить всех арестованных за эту ночь (как про-, так и антивестернитов) Пришлось обратиться за помощью к коллегам из других

городов. Одна из газет даже утверждала, что во всей Неваде не найдется тюрьмы, не забитой под завязку, но это было, конечно, преувеличением.

Реакция общества на происшедшее была поистине истерической. Приверженцы Вестерна требовали для «циничных убийц» немедленного суда и виселицы, причем чтобы казнь обязательно транслировали по телевидению. А противники Вестерна ратовали за немедленное освобождение «мучеников» и «благодетелей человечества» с принесением им публичных извинений и столь же публичного выражения благодарности от лица всего американского народа. Дошло до того, что в некоторых письмах, пришедших в редакции крупнейших газет, содержались предложения наградить штурмовавших «Мегистус-комплекс» медалью Чести.

Тело Вестерна было затребовано главой Панкосмической церкви Христа-*рэмса* на основании того, что он якобы приходится ему дальним родственником. Публичные похороны в Лос-Анджелесе (на которых присутствовало более полумиллиона человек) послужили поводом для новых беспорядков, массовых драк и даже убийств.

Но, прежде чем выдать тело для похорон, его подвергли вскрытию и самому тщательному осмотру. Лангер показал Карфаксу отчет паталогоанатомов с грифом «строго секретно». Сенатор приказал уделить особое внимание мозгу и нервной системе, зафиксировав малейшие отклонения от нормы; не объясняя, впрочем, зачем ему это нужно. Но специалисты лишь отметили, что Вестерн имел абсолютно здоровый мозг, в котором не было обнаружено процессов старения, обычных для человека его возраста.

— А я надеялся, что они обнаружат какие-нибудь изменения, которые будут не в состоянии объяснить, — признался сенатор. — Что-либо, что могло бы свидетельствовать о том, что мозг оккупирован *рэмсом*. Зато теперь я знаю, что одержание не сказывается на физиологии.

О последних словах Вестерна Гордон рассказал только Лангеру, и тот решил до поры держать это в секрете.

— Но, по правде говоря, я ничего не понимаю. — рассуждал он. — Вестерн... или скорее ваш дядя, понимал, что умирает, и поэтому вряд ли стал бы лгать. Но тогда как Рафтону Карфаксу удалось одержать такого матерого волка, как Вестерн?

— Не знаю, — честно ответил Гордон. — Я не думаю, что это могло произойти случайно. Но, с другой стороны, такую возможность я тоже не могу исключить. Я слишком мало осведомлен о механизме работы МЕДИУМа, чтобы делать

какие-то выводы. Возможен и такой вариант, например: Вестерн подготовил кого-то, чтобы подселить в него дядю, но во время сеанса допустил ошибку, и Рафтон вместо намеченной жертвы вселился в него. Но если так, то почему же дядя молчал об этом? Что могло удержать его от публичного заявления? Не знаю.

Да и чего гадать! У нас же есть несколько человек (или, по крайней мере, хотя бы один), кто может знать, что произошло на самом деле!

Гордон имел в виду двадцать человек, обнаруженных в подземном убежище под зданием номер четыре. Им удалось выжить при пожаре, который практически уничтожил наземную часть строения. Затем они по специальному туннелю перешли в ангар, и им, возможно, удалось бы скрыться незамеченными, если бы их случайно не заметил один из полицейских. В тот день арестовывали всех без разбора, поэтому за ними тут же снарядили погоню и, не успели беглецы добраться до гор, как их, всех двадцать, взяли в окружение. Большинство из них были задержаны в качестве важных свидетелей до тех пор, пока не будет сформировано большое жюри.

— Конечно, — охладил сам себя Карфакс, — мы не можем быть уверены, что задержали абсолютно всех. Возможно, кому-то все-таки удалось сбежать. Те, кого мы задержали, клянутся, что больше там никого не было Но ведь они могут и лгать.

Правду было бы легко установить, если бы можно было воспользоваться МЕДИУМом. Но он сгорел при пожаре и все чертежи, необходимые для его восстановления, тоже погибли. Двое из тех, кто прятался в подвале, были физиками и, возможно, знали, как его построить заново. Знали или нет, но они сами утверждали, что не в состоянии это сделать, так как не знают основного принципа действия машины. Гордон не верил им, он считал, что они сразу же примутся за восстановление, как только выйдут на свободу

— Если они и сделают это, — сказал Лангер, — им придется очень и очень долго судиться. Вестерн не оставил завещания, так что официально все права на МЕДИУМ принадлежат Патриции

— Мне трудно поверить в то, что он не оставил завещания, — проворчал Карфакс — Вот увидите, когда все уляжется, оно где-нибудь да всплывет И на чье бы оно имя ни было, наследника нужно будет очень тщательно проверить.

— Мы сейчас как раз самым скрупулезным образом проверяем каждого из этой двадцатки. Но это требует еще очень много времени и денег.

Никто и не ожидал, что проблема решится быстро, хотя бы потому, что большое жюри не соберешь в пять минут. В стране, в которой каждый имел по отношению к МЕДИУМу свою четкую позицию, найти людей объективных было довольно сложно. Процесс отбора беспристрастных присяжных тянулся уже три недели и все еще был далек от завершения. Даже несмотря на давление со всех сторон. К тому времени арестованные уже были освобождены под залог. Рекстер прожил на свободе всего два дня: четверо в масках изрешетили его пулями посреди улицы и тут же скрылись. Джонс и Деннис (двое из тех двадцати) погибли при взрыве бомбы, подложенной в машину. Восемнадцать их товарищей по несчастью (как им объяснили, для их же блага) были снова заключены в тюрьму. Но они так яростно протестовали против нарушения гражданских прав, что пришлось их выпустить.

— А вы-то думали, что они так испугались, что сами запросятся под охрану! — сказал Гордон Лангеру. — Но что-то не похоже, чтобы они боялись.

— Вы кого-то подозреваете? — заинтересовался Лангер.

— Да. Во-первых, мы не знаем наверняка, что те двое, сгоревшие в машине, на самом деле были Джонсом и Деннисом. От них осталось так мало, что идентифицировать практически нечего — не сохранилось даже зубов!

— Так вы хотите сказать, что там погибли не Джонс и Деннис?

— Вероятность достаточно велика, чтобы отнестись к этому предположению всерьез.

— Но для чего им нужно, чтобы их считали мертвыми?

— Ну, например, для того, чтобы спрятаться от фанатиков. Хотя, сомневаюсь, что ради этого Джонс и Деннис пошли бы на двойное убийство ни в чем не повинных людей. Нет, ставки слишком высоки.

Какое-то время оба молчали. Наконец Лангер не выдержал и спросил:

— И что же из этого следует?

— То, что один из них — Джонс или Деннис — может оказаться Вестерном.

Лангер опустился на стул, словно у него подкосились колени.

— Вы что, серьезно? Простите за глупый вопрос. Конечно, серьезно. Но зачем он тогда отдал свое тело вашему дяде?

— Думаю, на эту крайность его толкнули обстоятельства. Он не был уверен в том, что сумеет спрятаться. И знал, что если его найдут, то убьют на месте. Может ли быть лучший способ запутать следы, как самому стать Деннисом или Джонсом, а дядюшке предоставить главную роль козла отпущения? Да еще так, чтобы дядя ничего не успел рассказать, а все бы поверили, что Вестерна больше нет в живых.

— Мне нужно это обдумать, — сказал Лангер, потирая лоб.

— Не перетруждайте мозги, — посоветовал Карфакс. — Ведь все могло быть и иначе.

— А что следует из этого? — резко спросил сенатор.

— Например, Вестерн как раз просчитал, что мы придем именно к таким выводам, и тогда гибель Джонса и Денниса — тактический ход для отвода глаз. А вдруг он совсем к ней непричастен? Вдруг он один из оставшихся восемнадцати? Или ушел в горы?

— Но ведь он уверен, что ваш дядя умер, так ничего и не успев рассказать! Кроме меня и вас никто не знает, что он успел-таки это сделать. А если так, то сейчас он должен быть спокоен; с его «смертью» поиски прекратились, и у него нет никакой необходимости прилагать столько усилий, чтобы запутать следы. Все это слишком заумно.

— Вестерн хоть и не гений в науке, зато достаточно тертый калач. Он знает подробности о своей «смерти» только из газет и вполне может сомневаться, насколько правдива информация, допущенная в прессу. Он не может не задаваться вопросами: не успел ли Рафтон перед смертью раскрыть его обман? Не ведем ли мы его тайные поиски уже сейчас? Вот потому он и ушел, как только смог. Я думаю, для очистки совести нам надо провести сравнительный анализ записей голосов Джонса, Денниса и Вестерна, если у нас есть материал. Нам следовало бы сделать это сразу, пока те двое были еще живы. Но кто же мог знать тогда? Ведь мы считали, что Вестерн умер.

Лангер немедленно приказал отыскать записи и провести их анализ. Спустя три часа он получил ответ.

Лангер выругался и швырнул папку с отчетом через всю комнату.

— Он был у нас в руках! А теперь — ушел, потому что мы ослы! Ослы, ослы, ослы!

— Мы не ослы, мы просто не могли до такого додуматься, — печально вздохнул Гордон. — Ну что ж, зато теперь мы можем быть полностью уверены, что в машине сгорели не Джонс и Деннис.

— Деннис-то уж точно не сгорел! Он, то есть Вестерн, мог убить Джонса, чтобы не оставить ни одного свидетеля. Джонс мог быть. А точнее, был тем единственным, кто знал всю подоплеку дела.

Взрыв произошел в 23.16 в гараже дома, принадлежавшего Джонсу, в небольшем поселке Минерва-Хиллз к северо-востоку от Альтадены в Калифорнии. Услышав грохот, все соседи высыпали на улицу, но не заметили ни отъезжающих машин, ни подозрительных незнакомцев. Что говорило о том, что Вестерн-Деннис и Джонс убрались до того, как бомба взорвалась. Лангер послал в поселок целую толпу детективов, которые в течение двух недель прочесывали всю округу, расспрашивая всех и каждого, в надежде найти хотя бы одного человека, который видел что-нибудь подозрительное. Но все было напрасно — никто ничего не видел, никто ничего не заметил.

Тогда Лангер запустил машину самой грандиозной по массовости в истории Соединенных Штатов охоты на человека. Каждый полицейский участок в стране располагал отпечатками пальцев, снимками сетчатки глаза и записями голосов Денниса и Джонса, а также подробными описаниями их внешности и манеры поведения. Их разыскивало даже ФБР, несмотря на то что официально они обвинялись не в преступлениях против государства, а шли по уголовному делу. ФБР действовало по приказу президента, единственного человека, которого Лангер информировал о своих подозрениях. Кроме официальных органов, сенатор задействовал еще тридцать два частных детективных агентства.

Но ориентировки, разосланные по всей стране, не содержали ни малейшего намека на то, что Деннис может оказаться Вестерном. Об этом знали только трое: Лангер, Карфакс и президент США.

К концу месяца поисков, когда результат их представлял большой и круглый ноль, Лангер заказал на телевидении получасовую передачу по всем десяти главным каналам, в которой были показаны фотографии Джонса и Денниса, даны описания их особых примет и была объявлена награда в миллион долларов за любую информацию об их местонахождении.

— На это клюнет самый фанатичный вестернит, — усмехнулся сенатор

— А я вот не так уверен, как вы, — возразил Гордон. — Вестерн может пообещать гораздо больше чем деньги — бессмертие.

— А как он это сделает без МЕДИУМа?

Карфакс замер, забыв, что зажег спичку, собираясь прикурить сигару, и вспомнил о ней только тогда, когда она обожгла ему пальцы. Он выругался и ошалело посмотрел на Лангера:

— И как я раньше об этом не подумал!

— О чем?

— Где бы он ни был, он не будет сидеть сложа руки и ждать, пока копы до него доберутся. Он понимает, что рано или поздно его вычислят. Но если он больше не будет к тому моменту Деннисом, то кто сможет его опознать? И как заставить нас поверить, что он вообще никогда не был Деннисом? Он построит другой МЕДИУМ и осуществит переселение!

— Звучит весьма правдоподобно, — кисло признал Лангер. — Но как знание этого может помочь нам в наших поисках?

— А вот как: мои прежние розыски в «Биг Сур Центр» дали мне список определенных электродеталей, типов микросхем и прочего оборудования. Да, МЕДИУМ из «Мегистуса» сгорел, и большинство его частей расплавилось до неузнаваемости, но по меньшей мере четверть из них можно идентифицировать. Сложите эти два списка вместе и вы получите представление (хотя бы частичное) о конструкции МЕДИУМа. Конечно, этого недостаточно, чтобы его воссоздать, но зато мы будем знать по крайней мере половину тех деталей, которые необходимы Вестерну. Да, ему же понадобятся большие вакуумные трубки, которые обычно не используются в быту!

Так вот: вам нужно затребовать информацию из магазинов электротоваров США и, пожалуй, Канады, о всех проданных ими товарах примерно где-то с момента исчезновения Вестерна. Пропустите их отчеты сквозь компьютер, и он даст вам ответ, где все интересующие нас детали пересеклись. А дальше — вы идете по этому адресу и находите там Денниса. То есть Вестерна.

— А вы подумали, сколько это потребует времени и денег?

— Я знаю, как уже пострадал ваш личный счет, — ответил Гордон. — Но ради такой цели вы можете обратиться за помощью к правительству. Президент, думаю, сумеет выбить под это хоть сколько-то.

— Надеюсь. Но провестернистски настроенные конгрессмены могут обратить на это внимание и начнут задавать вопросы. А если Вестерн каким-то образом узнает, что мы затеваем, он опять запутает следы.

— Но вы же не откажетесь от такого шанса наконец-то прижать его!

— Конечно, не откажусь, — улыбнулся сенатор и поднялся. — Мне срочно нужно позвонить президенту. Извините.

Он вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь. Так как он собирался говорить по прямой связи, Гордону ничто не мешало воспользоваться междугородной. И он набрал номер своей квартиры в Бусирисе. После третьего гудка Патриция подняла трубку.

— Извини меня, Пат, — начал он, — но я был слишком занят, чтобы перезвонить тебе утром. Мы с Лангером зачищали хвосты. Неофициально. Ты же знаешь, я у него вроде доверенного лица. Ну что там у тебя случилось?

— Ничего, кроме того, что я по тебе ужасно соскучилась. И я хочу еще раз от тебя услышать, что ты вернешься домой не позже чем через две недели.

— Теперь я уже в этом не так уверен, как раньше, — после секундной паузы признался он. — Ситуация может резко измениться в любую минуту.

— Ты имеешь в виду поиски этих двоих — Денниса и Джонса?

— Ты же знаешь, что я не могу обсуждать эти темы по телефону.

— Ах, извините! Мне очень жаль...

— Что-то я не слышу в твоем голосе раскаяния, — перебил он ее.

— Потому что я хотела сказать, что мне очень жаль себя. Я ужасно скучаю по тебе и чувствую себя брошенной и никому не нужной. Поэтому я вступила в женскую лигу борьбы за право голоса и записалась на лекции по искусству. Еще я много читаю, смотрю телевизор, завела себе несколько друзей... То есть я хотела сказать — подруг. Но мне всего этого мало. Когда подходит время ложиться в постель, мне слишком хорошо становится понятно...

— Что тебе не очень-то хорошо, — закончил за нее Карфакс. — А может, тебе лучше приехать сюда, в Вашингтон? Здесь мы, правда, будем видеться тоже не очень часто (я работаю по восемнадцать часов в день, а то и поболе), но ведь хоть иногда лучше, чем вообще не видеться! И много лучше, чем быть так далеко друг от друга.

— Нет, так будет еще хуже, — возразила она. — Тем более что Вашингтон мне не нравится.

— Не буду тебя уговаривать. Если все пойдет так, как задумано, то, возможно, мы уже очень скоро сможем встретиться, чтобы никогда больше не разлучаться. Мы заживем нормальной жизнью, как все нормальные люди. Особенно если мне удастся найти место учителя. Сейчас-то моя репутация,

после всех прогулов, слегка пострадала, но, думаю, уж на то, чтобы меня реабилитировать в этом плане, у Лангера хватит влияния!

— Надеюсь. Я не люблю жаловаться, но от всего от этого у меня уже едет крыша.

— Слушай, если все пойдет как надо, я не застряну тут больше чем еще на неделю. Я, конечно, не могу утверждать наверняка, но все же я не настолько здесь необходим, чтобы меня не могли отпустить хотя бы на выходные. Я жду не дождусь дня, когда смогу к тебе приехать. Честное слово, мне здесь так же одиноко, как и тебе.

— Но ты все же при деле и чувствуешь себя нужным. А я — нет. Для того чтобы мне почувствовать себя нужной, мне нужен ты. Я хочу наконец-то заняться важным и серьезным делом: заботиться о тебе, как всякая нормальная жена.

— Я знаю, — вздохнул он, — Но я действительно надеюсь, что не застряну здесь надолго... О, идет сенатор — мне пора отключаться.

— Я люблю тебя!

— Я тоже очень люблю тебя! До свидания! Надеюсь, до скорого!

Лангер застыл в дверях и с подозрением спросил:

— С кем вы говорили?

— С Патрицией. Ей необходимо периодически слышать мой голос.

— У нее какие-то проблемы?

— Нет. Она живет в довольно консервативном городе, набитом антимедиумистами. Но ей там почти не с кем общаться.

— Новости от центрального компьютера мы получим уже завтра, — перешел к делу Лангер. — Там содержится информация о каждой электродетальке, проданной за пять лет (за исключением последних сорока восьми часов). Как только специалисты получат наш список, они сразу же примутся за работу. И у меня есть способы их поторопить. Я сказал Харрисону, директору всей этой конторы, что хочу иметь результат уже к завтраку.

«Это означает, что вам принесут его на блюдечке вместе с утренней чашкой кофе, чего бы это ни стоило», — подумал Карфакс.

— Как только мы узнаем адрес, тут же возьмем его в кольцо, — потер руки Лангер. — И на этот раз ему не уйти! Я перекрою все дороги и заткну все щели. Но мы не пойдем напролом, как атакующая армия. Я хочу, чтобы он до последней секунды не догадывался, что кольцо сжимается. Хочу

сделать ему большой сюрприз! И хочу взять его живым! Я хочу посадить его под замок и наконец сделать достоянием общественности все его грязные дела! Я раздавлю его, да так, чтобы уже никто на Земле не решился пойти по его дорожке!

— Вы хотите предать гласности абсолютно все? — встревожился Карфакс. — Надеюсь, вы не намереваетесь опубликовать некоторые факты... Я имею в виду нашу с Патрицией роль в этой истории.

Лангер с любопытством взглянул на него и, не отвечая, отвернулся к бару, чтобы налить себе бренди. Гордон смотрел на его широкую спину и гадал, что будет, если история с Миффлоном и главное — степень их с Патрицией участия в ней, станут достоянием широкой общественности. И как отреагирует Лангер, если Карфакс, обороняясь, зайдет настолько далеко, что в ответ опубликует информацию о связи сенатора с резней в «Мегистусе»?

Лангер наконец повернулся к нему лицом и сказал:

— Гордон, не будьте идиотом! И мои некоторые действия в этой истории могут стоить мне карьеры, если я позволю им выплыть. Конечно, я все это делал ради общественного блага, во имя спасения человечества. И я ни капли их не стыжусь. Вестерн может обвинять меня сколько угодно — у него нет никаких доказательств. Зато я могу против него привести множество.

Карфакс взглянул на часы:

— Пора спать. Если у вас больше нет ничего важного, я, пожалуй, пойду лягу. Надеюсь, у нас будет короткий сон и длинный день. Да, так оно и будет, если мы на правильном пути.

— Так и будет, — подтвердил Лангер. — Спокойной ночи, Гордон.

Карфакс простился и спустился к себе в спальню. Он опасался, что не сможет заснуть, но провалился в сон почти мгновенно. И почти мгновенно, как ему показалось, раздался телефонный звонок. Он ошарашенно сел в постели и машинально нажал кнопку приема. На экране засветилось лицо Лангера с взлохмаченной шевелюрой и темными кругами вокруг глаз. Он выглядел дьявольски счастливым!

— Одевайтесь и выходите! Немедленно! Позавтракаем в самолете.

— Как его теперь зовут? И где он?

— Альберт Самсэл. Фермерский домик в предместьях Понтиака в Иллинойсе. Он купил эту ферму два года назад, но крайне редко на ней появлялся. Описание внешности Самсэла

полностью соответствует описанию Денниса. Все интересующие нас детали пересылались ему.

— Как-то это все слишком просто получается, — скептически пробормотал Карфакс. — Пока еще он не у нас в руках...

ГЛАВА 22

Лангер и Карфакс вылетели из Вашингтона на борту бомбардировщика, в сопровождении двух телохранителей и трех очень круто выглядящих молодых людей из некоего ведомства. Через час самолет приземлился в Бусирисе. Здесь их уже ожидали машины и эскорт мотоциклистов. Проехав город насквозь, они пересекли реку Иллинойс и проследовали сначала на восток по шестиполосной трассе 24, а затем свернули на север по трассе 66 с шестнадцатью полосами движения. Понтиак находился от Бусириса в 25 километрах, и все путешествие заняло не больше двадцати пяти минут.

Не доезжая до города, они свернули на трассу 23 и еще тринадцать километров ехали по сельской местности, пока за одним из поворотов не встретили полицейский кордон: дальше дорога была перекрыта. Кортеж замедлил ход и остановился в нескольких метрах от патрульной машины, из которой вышли двое в штатском. Их представили Карфаксу как судебного исполнителя Фреда Тернера и «просто мистера Селмза» (который, как подозревал Гордон, служил в том же ведомстве, что и три молодых анонима, сопровождавших их с начала пути; и эти трое явно находились у Селмза в подчинении).

— Ферма в трех километрах отсюда, сенатор, — доложил Селмз. — Второй кордон установлен также в трех километрах от нее дальше по трассе. В оцеплении задействовано шестьдесят человек. Им дан приказ не обнаруживать себя до начала операции. Ему не уйти — ни пешком, ни на машине.

— Хорошо, — только и сказал Лангер. Он посмотрел на часы и, кивнув в сторону нетерпеливо гудящей клаксонами очереди машин у заграждения, приказал: — Пора. Радируйте на второй кордон, чтобы не пропускали больше ни одной машины. Я хочу, чтобы на шесть километров трасса была абсолютно пустой: может случиться перестрелка.

— К тому времени когда вы доберетесь до объекта, на дороге уже не будет ни одного штатского, — заверил Тернер и подал сигнал. Солдаты открыли заграждение, и автомобиль сенатора, обогнув патрульную машину, двинулся по шоссе.

Через три минуты они остановились. Недалеко от дороги, справа, виднелся двухэтажный, довольно старый дом, явно нуждавшийся в свежей покраске. Рядом стояла большая конюшня, тоже требовавшая ремонта; а также трактор, комбайн и еще несколько сельскохозяйственных машин, по виду давно простоявших под открытым небом. Везде царило запустение: поля заросли сорняками, в стойлах не было ни одного животного.

Карфакс огляделся, но не заметил ни одного человека из тех шестидесяти солдат, окружавших дом, о которых говорил Селмз.

Мимо проехал трактор. Сидевший за рулем фермер с удивлением уставился на слишком шикарных для их захолустья гостей. Следующая за ним машина остановилась, и из нее вышел Тернер:

— Это последний. На шоссе — чисто.

План захвата был составлен в самолете: в течение всего полета Лангер обсуждал по радио мельчайшие детали операции со всеми ее участниками.

— Пошли! — сказал сенатор, однако сам не сделал ни шага. К дому направился Тернер. Утреннее солнышко ярко светило, легкий ветерок колыхал сорняки, в чистом небе с карканьем кружила ворона. Эту мирную картину портило лишь присутствие людей. Окна в доме были открыты нараспашку, но в них не замечалось никакого движения.

По отчетам (которые Лангер выслушал в самолете) «Альберта Самсэла» последний раз видели в Понтиаке две недели назад. Он закупил в тамошнем супермаркете запас продуктов, которого ему хватило бы на месяц. Ни продавец, ни управляющий не вспомнили о нем, пока им не показали фотографию Денниса; но и тогда они не могли утверждать с полной уверенностью, что это он: Деннис не носил усов. Он и был-то в магазине всего два раза, и его запомнили лишь потому, что он расплачивался наличными. Это было уже настолько редким явлением, что оно запечатлелось в памяти людей.

Карфакс был удивлен, что Вестерн не использовал свою расчетную карточку. Это было бы довольно безопасно: если у него имелся банковский счет (а счета обычно оплачиваются в течение тридцати дней), то это не вызвало бы никаких подозрений. Он, конечно же, должен был понимать, что, оплачивая наличными большой счет, не может не привлечь к себе внимания.

Еще Гордон подумал о том, что Патриция все это время находилась всего в шестидесяти километрах от своего заклятого врага. Но даже если бы Вестерн захотел ей отомстить,

откуда ему было знать, что она в Бусирисе?! Хотя Вестерн может многое... Но он должен понимать, что, убей он ее сейчас, расследование обязательно выведет на него.

Тернер в сопровождении Селмза и его свиты остановились на посыпанной гравием дорожке. Оглядевшись, он достал из кармана свисток и пронзительно свистнул. Из леса за дорогой и из рощицы на дальнем конце поля послышались ответные свистки, и в тени деревьев показались человеческие фигуры, приготовившиеся к атаке. Тернер сунул свисток обратно в карман и двинулся по заросшему сорняками газону к дорожке, ведущей к дому. Группа Селмза разделилась, а сам он осторожно подобрался к центральному входу и притаился под окном. Дом был окружен со всех сторон. Если бы Вестерн попытался прорваться сквозь задние двери, то на его пути визуально никого не было, но до конюшни он бы уже не дошел: люди Селмза были вооружены автоматами и имели приказ стрелять по ногам.

Тернер поднес к губам мегафон и загремел на всю округу:

— Рей Деннис! Говорит федеральный судебный исполнитель! У меня есть ордер на ваш арест! Руки за голову и выходите! Если вы не сдадитесь, мы уполномочены применить силу!

Солдаты, засевшие за дорогой, разделились на две группы. Половина из них бегом заняла позиции вокруг дома; а вторая залегла в кювете при дороге, готовая броситься в атаку, если из дома начнут стрелять. Группа, скрывавшаяся до этого за амбаром на другом конце поля, теперь перебежками приближалась к дому. Дула ружей и автоматов сверкали на солнце.

Карфакс шепотом сосчитал до десяти, и Тернер подал знак к началу атаки. Два шерифа нацелились в оба окна по бокам террасы ружьями со слезоточивым газом. Грянули выстрелы. Зазвенели разбитые стекла, и из дома повалил густой белый дым.

Тернер отдал еще один приказ, и в здание было выпущено еще четыре заряда. Группа, двигавшаяся с конца поля, теперь уже достигла конюшни, обыскала ее, заняла позиции за трактором и комбайном, и уже через секунду с той стороны дома тоже стали взрываться газовые гранаты и послышался звон стекла.

— У него может быть противогаз, — заметил Лангер в переговорное устройство на запястье. Тернер ему что-то ответил.

Две группы захвата в противогазах одновременно высадили топорами парадную дверь и двери черного хода и скрылись

внутри дома. Через несколько минут один из них выбежал из центрального входа, пересек задымленную веранду, подбежал к Тернеру и, сняв противогаз, о чем-то доложил. Тернер махнул рукой, приглашая Лангера подойти.

Сенатор почти бегом направился к дому; Карфакс не отставал от него ни на шаг.

— Что там? — нетерпеливо спросил Лангер.

— Все в порядке. Деннис внутри. Но он мертв. И уже по меньшей мере неделю. Джеффри говорит, что его скорее всего ударило током.

Лангер с трудом мог дождаться, пока рассеется вонючий дым и наконец можно будет войти в дом. Чтобы быстрее проветрилось, были разбиты все остальные окна, и уже минут через пять они с Карфаксом поднялись на крыльцо. Но внутри газа еще хватало, и у них защипало глаза и запершило в горле. На втором этаже, где газ уже рассеялся, они наконец смогли осмотреть комнату, в которой стоял полусобранный МЕДИУМ, а рядом с ним лежал человеческий труп. Вонь от него была настолько сильной, что им снова пришлось надеть противогазы.

Хотя лицо мертвеца сильно пострадало от разложения, все же сомнений, что это Деннис, ни у кого не было. Вокруг тела валялись мертвые мухи. Тернер указал на развороченные внутренности машины и след электрического разряда, темневший на обожженной руке. Карфакс все понял: Вестерн случайно коснулся работающего трансформатора и был убит на месте. Творение убило своего создателя!

«Еще один Франкенштейн и его монстр», — подумал Гордон.

Он поискал взглядом выключатель и увидел, что прибор все еще под напряжением. Он отключил его и знаками велел остальным не приближаться к машине. Вместе с Лангером и Тернером они спустились в холл и только там сняли маски. Несмотря на то что, выходя, они прикрыли за собой дверь, даже здесь запах разложения был настолько силен, что выворачивало желудок.

— Думаю, полностью восстановить машину будет нетрудно, — сказал Гордон Лангеру. — Вестерн мертв, и он — вне закона. Что вы собираетесь делать теперь?

— Вне закона? — переспросил Лангер. — Вы подумали о своей кузине, я прав? И, наверное, еще о том, что если вы с ней поженитесь, то вы сможете разделить права на ее имущество.

— Да, конечно. — Карфакс посмотрел ему прямо в глаза. — Но меня больше волнует область, в которой МЕДИУМ будет

применяться теперь. Откровенно говоря, если (а точнее сказать — когда) Пат будет введена в права наследницы и получит МЕДИУМ в свою собственность, я сделаю все от меня зависящее, чтобы проследить за его использованием в строго ограниченных областях. Общение с *рэмсами* будет разрешено только историкам и ученым. И то с максимальными предосторожностями.

— А как насчет его использования в качестве источника дешевой энергии? Мир не простит вам, если вы попробуете отказать ему в этом.

— Я знаю, — кивнул Карфакс. — Но буду настаивать на длительном и тщательном изучении всех реакций, прежде чем позволю использовать его с этой целью. Пока мы не имеем доказательств, что он не разрушит окончательно стену между нашим миром и *вэмсом*.

— Целиком и полностью с вами согласен, — ответил Лангер, — но в данный момент я конфискую машину со всеми относящимися к ней документами и всем, что находится в доме. Я делаю это от имени федерального правительства.

— Будем надеяться, что, пока все это будет находиться под замком, с ним ничего не случится, — с вызовом бросил Карфакс. — Например, пожара, который снова уничтожит МЕДИУМ со всеми чертежами.

— Вы слишком подозрительны, — рассмеялся Лангер.

— Но даже если что-то подобное и случится, — продолжал Карфакс, — это будет лишь отсрочкой. Теперь, когда мы знаем, что МЕДИУМ возможен, бьюсь об заклад, кто-нибудь сумеет изобрести его снова!

— Вы что, считаете, что у меня полностью отсутствует этика?

Гордон не ответил.

Селмз попросил Лангера отойти на минутку. В комнату вошли несколько человек в штатском, явно относящихся к ведомству Селмза. Они быстро, без суеты, расставили камеры, приборы для снятия отпечатков пальцев и кучу маленьких коробочек с другим оборудованием такого рода. Карфакс вслед за Лангером вышел на улицу. На дороге и во дворе было полно автомобилей — не меньше тридцати.

— После того как будет обследован весь дом, тело Вестерна перевезут в Вашингтон, — сказал Лангер. — Люди Селмза доставят туда же МЕДИУМ со всеми причиндалами. И там займутся их тщательным изучением.

— Вы собираетесь перевозить МЕДИУМ? — спросил Карфакс.

— Да. — Лангер протянул ему руку. — А вы можете отправляться домой. Мне вы больше не нужны. Но я очень признателен вам за помощь.

— Я уволен? — спросил Карфакс, слегка растерявшись.

— Скорее в почетной отставке. Вы получите выходное пособие в размере месячного оклада.

— Вы быстро принимаете решения, — взял себя в руки Гордон. — Могу ли я рассчитывать на вас, если у меня возникнут проблемы в дальнейшем?

— В Бонанца-Сиркусе? Естественно. Я не бросаю своих людей, даже если они больше не работают на меня. Фактически даже если вы официально не числитесь в моем штате, я все равно буду оплачивать ваши накладные расходы, пока вы продолжаете расследование. Можете оставаться там, сколько вам понадобится.

«Это означает, что в известном смысле я буду продолжать работать на вас», — подумал Карфакс.

К ним подошел Селмз. Он принес четыре коробки, набитые разрозненными листами бумаги.

— Записки Денниса, — объявил он, — и чертежи в микрофильмах.

Карфакс решил остаться еще ненадолго и послушать.

— Я покопался тут немножко и уже проглядел пару первых попавшихся под руку страниц. Вы ничего не имеете против, сенатор?

— А почему я должен иметь что-то против, если вам все равно придется их изучать, — сказал Лангер. — Но вот, кроме вас, их никто не должен читать без моего на то разрешения.

— Да он был просто сумасшедшим, — продолжал Селмз. — Представляете, я нашел у него финансовую разработку проекта выращивания из одной клетки целого организма! А другая его идея касалась создания искусственных человеческих тел. Нет, у него явно были не все дома.

— Как сказать... — задумчиво протянул Лангер, и только тут спохватился, что Карфакс еще здесь. — Всего вам доброго и удачи, Гордон, — торопливо добавил он, еще раз пожимая ему руку. — Не сомневаюсь, что мы еще встретимся.

— Я тоже не сомневаюсь, — сказал Карфакс, думая о том, что это скорее всего произойдет на судебном процессе «Карфакс против народа США», на слушании дела о правах на МЕДИУМ.

Он повернулся и пошел прочь и, только подойдя к дороге, вспомнил, что ему не на чем уехать. Он был так раздосадован

своей внезапной отставкой, что ему не хотелось возвращаться к Лангеру и клянчить у него транспорт. Он договорился с водителем притормозившего грузовика, заинтересовавшегося толпой у фермы, что тот подбросит его до автобусной станции. На все его расспросы Карфакс устало отвечал, что все это — дела правительства и он не уполномочен обсуждать их с кем бы то ни было. Фермер, если ему так интересно, вскоре сможет прочитать обо всем в газетах.

Со станции Гордон, прежде чем сесть в автобус, позвонил Патриции и рассказал, что произошло. Патриция была счастлива, но, дав ей пощебетать минуту, Карфакс остудил ее восторги:

— Пройдет еще немало времени, возможно, даже годы, прежде чем мы сможем получить права на МЕДИУМ. А может, и никогда не сможем.

— Что?! — взвизгнула Патриция. — Я же — законная наследница. Какого черта они там?..

— Не сходи с ума, — перебил ее Карфакс. — Так уж получилось, и теперь тебе надолго придется запастись терпением. Надеюсь, что в конце концов все образуется. А пока охолони. Можешь встретить меня через час на автовокзале? И приготовь побольше выпивки, пусть будет под рукой. Самое необходимое для меня сейчас — это как следует отдохнуть и расслабиться. Не говоря уже о сексе.

Патриция как-то странно замялась, но потом сказала:

— Хорошо, я тебя встречу. — И сразу отключилась.

Карфакс вздохнул: только сцен ему сейчас не хватало! И не только сейчас, но и вообще. Нет, он не винил ее, что она воспринимает все это так близко к сердцу; но они уже не раз говорили на эту тему, так что нечего так разоряться.

В автобусе он вспомнил бурную реакцию Селмза на записи Вестерна. Лангер хоть ничего и не сказал, но был достаточно образован, чтобы осознать их значение. Вестерн готовился к научной разработке выращивания организма из одной клетки и изготовления искусственных тел с весьма конкретной целью: создать физическую базу для *рэмсов*. Человек при жизни дает свои клетки, которые сохраняются в замороженном состоянии. Когда донор умирает, клетка инициируется, и в результате получается дубликат тела донора. Давно известно, что всю необходимую информацию для этого процесса содержит в себе любая клетка человеческого организма. Единственное, чего не хватало, чтобы добиться реальных результатов, — это знаний. А знания можно получить, имея достаточно денег, энтузиазма и времени. То, что проект может занять сто или

двести лет, — пустяки, главное — достичь цели! А *рэмсы* могут ждать бесконечно.

Как-то Карфакс уже читал в «Сайентифик Американ» о работах в этом направлении. Ученые ухитрились вырастить из одной клетки целого кролика, соответствующего в развитии новорожденному крольчонку.

Если из клетки вырастить человеческого младенца, то как, интересно, себя в нем будет чувствовать взрослый *рэмс*? Новорожденный беспомощен, его нервная система развивается медленно. Сможет ли *рэмс* приспособиться к его ограниченным возможностям? Хватит ли ему терпения выдержать период, пока его будут кормить с ложечки, купать и менять ему пеленки; период, когда тело ребенка будет для него тюрьмой? Не вступит ли привычка быть самому себе хозяином, вкусы и склонности зрелой личности в конфликт с темпами роста младенца? Не приведет ли это к неврозу или даже к психозу личности одержателя?

Также сомнителен и вариант, когда тело, которое готовится для одержания, будет выращено до полной физической зрелости, чтобы *рэмс* овладел им без особых проблем. Оставшееся неодержанным, тело «из пробирки» в процессе своего физического роста, имея мозг, разовьется в полноценную личность. А тогда уже одержание его станет уголовным преступлением, которое можно расценить как психическое насилие (именно это и сделал Вестерн с Деннисом).

Теперь, по рассмотрении вопроса, становится понятно, что «ребенок из пробирки» имеет свои гражданские права. И, конечно же, имеет своего собственного *рэмса*. Так что можно сделать вывод о том, что специальная подготовка тела для *рэмса* невозможна — ни с физиологической, ни с психологической, ни с этической, ни с законной точек зрения.

Возможно, Вестерн сам это понял и отказался от проекта.

Второй вариант с выращиванием тел из искусственных клеток гораздо менее уязвим: взрослый *рэмс* получает взрослое тело, причем более совершенное, чем то, которым он владел в прошлой жизни.

Но ведь вы не сможете, а точнее, не станете возвращать к жизни идиотов, неизлечимых сумасшедших и неисправимых рецидивистов. Или же сможете и станете? Идиотом человек становится из-за болезни — дисбаланса химии организма или же физической патологии мозга. Но если *рэмса*-идиота поместить в здоровое тело, то не придет ли он в норму? На этот вопрос можно ответить, лишь проведя ряд экспериментов.

Но ведь мир и так перенаселен. Где же расселять всех тех, кто вернется с того света?

Конечно же, Вестерн об этом тоже думал и, может, именно поэтому держал свои изыскания в этом направлении в полнейшем секрете. Скорее всего он собирался создать лишь несколько тел для избранных: себя самого и своей банды. А пока исследования находились в стадии экспериментов, он похищал людей, присваивая их тела. Может, он надеялся на то, что, когда искусственные тела будут доведены до совершенства, он сможет отказаться от похищений, слишком опасных для него с точки зрения уголовного кодекса.

В то же время Вестерн мог управлять самыми влиятельными людьми, завлекая их приманкой бессмертия, как осла привязанной перед его носом морковкой. И таким образом, в конце концов, он мог добиться, чтобы страхование послежизни стало легальным.

Карфакс не сомневался, что такими методами Вестерн лет за сто сумел бы приобрести негласный контроль над всей планетой. Он и его клика воплотили бы в жизнь сюжет, вдохновивший столь многих научных фантастов. Тайный хозяин всего мира, контролирующий использование всех МЕДИУМов, Вестерн стал бы богатейшим человеком на Земле. А затем, шаг за шагом, добился бы единовластия во всех ведущих отраслях мировой экономики. Если бы даже на кого-то из сильных мира сего приманка бессмертия не сработала, то их бы просто подменили на «своих». Все это для Вестерна вполне достижимо, потому что в его руках — все время вечности.

Точнее — было в руках. Минутная беспечность положила конец всем грандиозным планам. Электрический ток не делает различий ни в рангах, ни в настроениях, ни в намерениях: он выбирает путь наименьшего сопротивления.

Вестерна больше нет, но миру уже не быть прежним. И гарантия этому — МЕДИУМ. «Да, миру уже не быть прежним», — прошептал Гордон.

Первое, что он увидел, когда автобус подкатил к станции, была ослепительно улыбающаяся Патриция. И он подумал, что Пат никогда еще не выглядела такой красивой, как сегодня.

ГЛАВА 23

По дороге домой она замучила его вопросами, и он наконец взмолился, чтобы она не задавала новых, перебивая его, пока он не успел ответить на прежние. Она только смеялась, обещала, что будет молчать и слушать, но должен же он понять, что она просто умирает от любопытства!

— Отлично понимаю, только ты все же смотри, куда едешь. Знаешь, как-то ужасно не хочется, выйдя из этого кошмара живым, погибнуть в заурядной автокатастрофе.

— Я слишком возбуждена, — согласилась она. — Может, ты сядешь за руль?

— Нет. Просто не спеши так: у нас будет достаточно времени, чтобы просмаковать эту историю во всех подробностях.

Через пять минут они подъехали к дому. Карфакс вытащил из багажника чемодан и подождал, пока Патриция возилась с ключами.

— Я настолько возбуждена, что у меня сейчас обе руки левые! — расхохоталась она. — Ну вот наконец попала!

Войдя в дом, он бросил чемодан у лестницы и, не поднимаясь наверх, направился прямиком к бару. Открыв его, он увидел выстроившиеся в ряд ведерко со льдом, два бокала и пять бутылок: бурбон, скотч, водка, джин и темное «Лёвенбрау».

— Ты в самом деле решила устроить праздник, — присвистнул он, налив себе шесть унций «Спешл Вэллер Резерв» и бросив в бокал кубик льда. Обернувшись, он заметил, что Патриция застыла в центре комнаты и разглядывает его с каким-то непонятным возбуждением.

— Иди ко мне, — позвал он. — Надеюсь, ты не собиралась приглашать на сегодняшнюю вечеринку гостей?

— Нет, конечно, — ответила она, усаживаясь рядом. — Я всего лишь пополнила наши запасы спиртного. Сегодня вечером я не хочу видеть никого, кроме тебя. Но, честно говоря, я думала, что первое, за что ты схватишься, войдя в дом, это буду я, а не бутылка виски!

— Сначала реши для себя, — рассмеялся он, — что важнее сейчас: мой рассказ или постель?

— Конечно же, рассказ! — Она глубоко затянулась, выдохнула облачко дыма и улыбнулась ему: — А мне ты не собираешься налить, милый?

— Ни за что на свете! — ответил он, плеснув ей три унции бурбона, нагнулся и, подавая ей бокал, нежно поцеловал ее в губы. Она ответила с такой страстностью, что он даже на минуту заколебался, не отложить ли рассказ на потом. Но как ни изголодалась она по сексу, нетерпение узнать подробности о Вестерне все же было сильнее. Да и к тому же ему не хотелось, чтобы в постели она терзалась вопросами.

Он сел рядом с ней, вдохнул в себя аромат, струящийся из бокала, попробовал напиток кончиком языка, издал восторженное «Ах!» и отпил с пол-унции.

— А вот теперь, — сказал он, — я готов начать все с самого начала.

Когда он закончил свой рассказ, она сочувственно погладила его по плечу:

— Это, наверное, было отвратительно. Я говорю о том, что тебе пришлось смотреть на полуразложившееся тело. Мне даже стало его жалко, несмотря на то что он самый жуткий ублюдок в мире.

— Нюхать его было похуже, чем смотреть на него, — задумчиво отозвался Гордон, — Впрочем, он вонял и при жизни.

— Слава Богу, он ушел навсегда и уже не сможет вернуться. Что ж, выпьем за Вестерна, где бы он сейчас ни был!

— Выпьем с благим пожеланием оставаться ему навсегда там, где он сейчас! — поддержал ее тост Гордон и, подняв бокал, опрокинул в себя все его содержимое, закашлялся, утер слезу и поднялся. — Пойдем наверх. Я не хочу больше терпеть ни минуты.

— Я не могла бы придумать лучшего способа отпраздновать это, — сказала она и тоже встала. Он взял ее за руку и повел через комнату к лестнице.

После он сказал:

— Я вижу, ты действительно истосковалась: первый раз в жизни ты расцарапала мне спину. Когда ты это сделала, я как-то ничего не почувствовал, но уже сейчас чертовски саднит.

Он поднялся с кровати и, встав к зеркалу вполоборота, стал разглядывать царапины.

— Раз это твоя работа, так и займись починкой, — наконец проворчал он и пошел в ванную, где достал из аптечки бутылочку спирта и коробку с перевязочным материалом.

В дверях уже стояла Патриция с сигаретой в зубах. Судя по ее довольному виду, она ни капельки не раскаивалась в содеянном. Смазав царапины спиртом и наложив пластыри, она прильнула к нему всем обнаженным телом и прошептала:

— Я еще не до конца удовлетворена...

— Исцарапанный мальчик боится снова попасться тебе в коготки. Царапаться было вовсе не обязательно

— Что?

— Ничего Ты просто хочешь, чтобы я боялся заниматься любовью.

Через несколько минут он, уже одетый, спускался по лестнице в холл. Патриция, в халате на голое тело, тащилась

следом. Заметив, что она снова мостится на диване, он проворчал:

— Может, приготовишь мне чашечку кофе? Мне нужен стимулятор, а не депрессант.

— Конечно, милый. — Она вскочила с дивана. — Тебе растворимый или натуральный?

— Натуральный. И как насчет сандвича в довесок? Тогда я смогу продержаться, пока ты не приготовишь обед.

Она остановилась в дверях:

— А я-то надеялась, что мы пообедаем в городе. Сегодня мне ужасно не хочется возиться со стряпней!

— Ты же сама говорила, что ждешь не дождешься, когда сможешь заняться домашними хлопотами в качестве добропорядочной жены, — возразил он. — К тому же мне не хочется никуда выходить.

— Ну можно, только один-единственный разочек? Ради праздника?

— Нет. Мне осточертело питаться в ресторанах.

— А мне осточертело возиться у плиты!

— Хорошо, дорогая, я капитулирую. Но только сегодня. Но завтра ты приготовишь все мои любимые блюда.

«Ну вот мы и приплыли... — подумал Гордон. — И двух часов не провели вместе, а уже на ножах». Даже если принять во внимание, что Пат можно понять. Но ведь и его тоже можно понять!

Он услышал, что она наливает воду в кофейник. Затем раздался звон упавшей на пол крышки, сопровождаемый приглушенным чертыханием. Он улыбнулся всем этим таким домашним звукам и блаженно откинулся в кресле... Но тут же скривился от боли и сел прямо. Конечно, больше она ему спину так не распашет. Но им обоим немало придется потрудиться, чтобы устранить из совместной жизни все способы причинять друг другу боль, все разногласия и взаимораздражающие факторы. Они же любят друг друга и в разлуке всегда тоскуют! Он не видел причин, почему бы им не пожениться, причем в самом ближайшем будущем. Они уже прожили вместе достаточно долго, чтобы хорошо изучить характеры друг друга и знать, чего ждать друг от друга и в радости, и в горе. Вот сейчас она выйдет из кухни, и он в лоб огорошит ее предложением! Хотя нет — а то она сразу бросится его обнимать, а ведь спина у него горит даже от простого прикосновения одежды. Вот чертова баба! Изумительная женщина!

Появилась Пат, неся на подносе чашку с кофе, поставила его на стол и замерла, словно ожидая от Карфакса какой-то реакции.

— Ну, в чем дело? — спросил он.

— Ты о чем?

— У тебя такой вид, словно ты чего-то ждешь.

— Нет, это я так. Просто не могу перестать думать о Вестерне. Слишком трудно привыкнуть к мысли, что нам больше не нужно его бояться.

Она снова ушла на кухню. Гордон открыл было рот, чтобы попросить ее вернуться и сесть рядом. Но потом подумал, что лучше прежде спокойно выпить кофе: пороть горячку с предложением совершенно ни к чему. И сразу понял, что оттягивает этот момент, потому что подсознательно боится того, на что решился. Так, может, он просто ее не любит и боится сделать ошибку? Или его страх свидетельствует о том, что он боится, как бы она не погибла, как две его другие жены? Нет, не нужно быть суеверным! В супружестве нет ничего фатального, и Бог не всегда любит троицу!

Он услышал, как открылась дверца холодильника, и поднес чашку к губам. И в тот момент когда он отхлебнул первый глоток, до его слуха донесся странный хруст. Несколько секунд он слушал, пытаясь определить, что это такое. Чашка в его руке задрожала так сильно, что кофе выплеснулся на брюки. Он поставил ее на стол и крикнул:

— Пат, что ты там делаешь?

Хруст прекратился. Затем, после паузы, Патриция отозвалась:

— Я вдруг почувствовала дьявольский аппетит! А в чем дело?

Его сердце заколотилось так, что он испугался, что сейчас упадет в обморок, а в голове словно выбивали дробь барабанными палочками. Он медленно поднялся с кресла, пересек комнату, свернул за угол и, встав в дверях, заглянул в кухню. Патриция стояла за стойкой, перед ней дымилась чашка кофе, в руке она держала пучок сельдерея и с аппетитом жевала его.

Он еще медленнее стал приближаться к ней.

— Чего это с тобой? Ты весь белый!

Кофе в ее чашке был светло-коричневым, а рядом с чашкой стояли сахарница и сливочник.

— Ты... ты... — Он сделал шаг вперед.

— Да что случилось? — Она попятилась, глаза ее нервно забегали.

Он взревел и бросился на нее. Она заверещала и, схватив чашку, выплеснула кофе ему в лицо. Вопль боли слился с ее визгом, и Гордон на секунду ослеп. А потом он потерял сознание.

ГЛАВА 24

Очнулся Гордон привязанным к стулу в холле. Лицо у него горело, голова болела. Руки его были намертво примотаны веревкой к телу, еще одна веревка охватывала лодыжки. Две веревки через грудь и талию привязывали его к стулу, принесенному из гостиной. Шторы были опущены, три лампочки включены. Больше в холле никого не было.

Даже единственным здоровым ухом он мог различить шаги наверху. Там кто-то тяжко трудился, волок что-то по полу. Этот кто-то наверняка Патриция. И Гордон не мог ничего, ну совсем ничего поделать — только претерпеть то, что она ему предназначила.

Через минуту-другую по лестнице что-то простучало. Она появилась из-за угла спиной к Карфаксу. Одетая теперь уже в брючный костюм, она что-то волокла, согнувшись. Секундой позже он увидел, что это упаковочный ящик, куб шириной метра в два. Не обращая на пленника никакого внимания, она протащила куб у него за спиной через всю комнату к розетке возле французского окна* и выпрямилась.

— Вот почему трудно быть женщиной, — тяжело дыша, произнесла она. — Мускулов маловато. Но и в этом есть свои преимущества.

Хоть Гордон и ожидал чего угодно, но ее произношение его поразило. Оно было по-новоанглийски гнусавым, и слова «в этом есть» прозвучали как «в э-эт'м-е-эсть».

Должно быть, она намеренно произнесла эти слова на подобный манер, ибо в дальнейшем речь ее была стандартной для Среднего Запада. Но ритм ее был не совсем тот, что у Патриции, какой ее знал Гордон. Он должен был уловить это, сказал он себе, должен был расслышать. Но разве он мог ожидать такое?

Она удалилась на кухню и вернулась с большим разделочным ножом. Внутренности Гордона сжались при виде ножа, но Патриция собиралась использовать нож — по крайней мере пока, — чтобы вскрыть ящик. Она взрезала крышку, отогнула вниз боковины, потом уперлась ногой в металли-

---

* Французское окно — окно до пола, используется также как дверь

ческий ящик, оказавшийся под упаковкой, и вытащила из-под него картон. Когда она вновь ушла на кухню, Гордон рассмотрел на ящике пульт управления.

Она вновь появилась в поле зрения, толкая перед собой сервировочную тележку. Пихая, вздыхая и чертыхаясь время от времени, она взгромоздила металлический куб на тележку и размотала идущий из-под него длинный кабель. Все же длина кабеля показалась ей недостаточной. Она снова удалилась на кухню и вернулась с большим удлинителем. Подключив кабель, она воткнула удлинитель в стенную розетку.

Потом обошла машину сзади и что-то проверила. Подняв взгляд, она увидела, что Карфакс смотрит на нее.

— Старина Рафтон, — с улыбкой сказала она, — подсоединил к этой штуке устройство автоматического контроля, но нужно убедиться, что оба провода подключены. Модель склепана наспех, прототип — зато работает.

Она обошла машину спереди, поправила пульт и нажала на какие-то кнопки. Экран на мгновение засветился. Потом она выключила аппарат, и экран погас.

— Ну вот. Замечательно работает. Все замечательно — для всех, кроме тебя. А это не проблема.

Карфакс ничего не сказал. Он смотрел, как она садится на диван в другом конце холла напротив него и зажигает сигарету.

— Ладно, — сказала она. — Как ты дознался?

— Пат... Пат... — произнес он, задыхаясь. Слезы внезапно заструились по его щекам, и он разрыдался от горя.

«Она» — Карфакс не мог думать о ней как о мужчине — холодно смотрела на него и ждала, когда же он вновь будет способен заговорить.

— Хорошо поплакать никогда не вредно, — ухмыльнулась «она». — Хотя в конечном итоге тебе это мало что дает. Ну так как же ты узнал?

— Пат ненавидит... ненавидела сельдерей, — ответил Гордон. — А когда я вошел в кухню и увидел, как ты пьешь кофе со сливками и сахаром, я *знал*, что ты не Пат.

— Вот почему я вроде как ожидал чего-то, подавая тебе кофе, — пожала плечами «она». — Я не знал, пьешь ли ты черный кофе. У меня и извинение за внезапную забывчивость было наготове на случай, если ты что скажешь. Я не знал, какой кофе она любит, вот и ушел пить его на кухню. И все равно прокололся. Я люблю сельдерей. Мне и в голову не приходило, что кто-то может его не любить. Вот так кончаются все замечательно продуманные планы всех мышек и

людишек. Но все будет нормально. Мне придется пересмотреть свое расписание, только и всего.

— Чем ты меня ударил? — спросил Гордон.

— Молотком, который припрятал на всякий случай. Я уж испугался, что убил тебя. Это было бы скверно: мне бы пришлось чертовски трудно, объясняя твою внезапную насильственную кончину. По счастью, у меня силенок маловато, а у тебя крепкий череп. И мозги тоже.

— Не уверен, — возразил Карфакс. — Я еще могу ноги протянуть.

— Я тебя осмотрел. Могу сказать, что ты отделался легким сотрясением. Выживешь. Во всяком разе, тело твое выживет.

Карфакс знал, что у него нет никаких, ну просто никаких шансов спастись. Но он отчаянно хотел оттянуть неизбежное, а лучшим способом сделать это было разговорить «ее».

— Как ты узнал, что Патриция живет здесь?

— Без проблем. У меня, знаешь ли, все еще есть организация. Я все время знал, где вы находитесь — ты, сестрица твоя двоюродная, Лангер. Вот и отправился в дом возле Понтиака. Одно из почти двух дюжин подготовленных мной укрытий. Я знал, что, если закажу детали для МЕДИУМа, ты меня тут же выследишь. Вот я все и устроил так, будто меня случайно убило током, когда я чинил аппарат. Но сначала я построил этот мини-МЕДИУМ, чертежи которого сделал твой дядюшка, дурачина Рафтон. Гениальный ученый, но дурак. Он и впрямь полагал, что я собираюсь дать ему жить.

— Сомневаюсь, — заметил Карфакс. — Я уверен: он сотрудничал с тобой, потому что надеялся удрать.

— Ну и посмотри — где он теперь? Снова в своей колонии.

— В своей первоначальной колонии?

— О да. Если *рэмс* выдернут с помощью МЕДИУМа, другой *рэмс* его места не занимает. Похоже, оно остается открытым для первоначального обитателя, а нового отвергает. Почем мне знать? Схожу-ка я лучше за кофе.

«Будь я проклят, — подумал Карфакс, чувствуя, что в горле у него пересохло, — если попрошу у "нее" хоть что-нибудь».

Подходящее слово — проклят. Он направляется навстречу вечному проклятию.

«Она» возвратилась с чашкой кофе и стаканом воды.

— Нужно, знаешь ли, заботиться о твоем здоровье, — объяснила «она» при виде удивления Карфакса. — Ну-ка выпей, да не вытворяй ничего героического вроде плевка мне в лицо.

«Она» придерживала стакан у его губ, то и дело наклоняя. Вода была восхитительна на вкус, и в Карфаксе проснулась

надежда. Смешно надеяться в подобной ситуации, но ведь никогда не знаешь, что случится на этом свете. Хотя знать-то как раз можно. Ты будешь кружиться в строго выверенном танце вокруг прочих лишенных надежды созданий. Каково это — лишиться тела, стать существом из чистой энергии? Очень скоро он это узнает. Если только...

Даже если он сумеет освободиться от веревок, сможет ли потом хоть что-то сделать? Он ощущал слабость, и любое резкое движение головой вызывало приступ острой боли; лицо словно муравьями покусано...

— Как тебе удалось добраться до Патриции? — спросил он, глядя, как «она» усаживается на диван.

— Я приехал поздно ночью, — засмеялась «она». — Обошел дом сзади, алмазным стеклорезом вырезал из двери стекло, просунул руку, открыл замок, вырезал еще кусок из французского окна, дотянулся, открыл, отомкнул цепочку — раз-два, и я внутри. Потом поднялся наверх и нашел там твою кузину. Она дрыхла без задних ног — судя по запаху виски, крепко налакалась. Я вколол ей умеренную дозу морфина, чтоб не проснулась, обмотáл ее клейкой лентой и установил свой новехонький свежесклепанный — по большей части на транзисторах — портативный мини-МЕДИУМ, последнее создание твоего дядюшки. Когда она проснулась, я ее изнасиловал. Не мог видеть, как вся эта красота зазря пропадает. Кроме того, я хотел отплатить ей за то, что она отказала мне в Лос-Анджелесе. Признаю, я беспокоился, как бы мне от себя не забеременеть, но потом решил, что таблетку она приняла.

— Ах ты вшивый сукин сын!

— Ты и покруче способен загнуть, я уверен, — заметила «она». — Потом я установил МЕДИУМ и сделал переключение. Это был тот еще номер — не само переключение, а все меры, необходимые, чтоб я, оказавшись в ее теле, справился с ней в теле Денниса. Когда я еще был в теле Денниса, я обмотал себе лодыжки клейкой лентой и привязал их крепкой веревкой к постели. Потом привязал свою левую руку к левой ноге. Это было нелегко, но, как теперь говорят, у меня была сильнейшая мотивация.

Твоя кузина сидела на стуле напротив. Она была под дозой, чтоб не особенно сопротивлялась. Может, она даже не понимала, что происходит. Я не мог вкатить ей слишком большую дозу: не хотел после перехода оказаться в отключке. Я хотел прийти в себя, чтобы помешать ей — уже в теле Денниса — освободиться. Мне надо было учитывать и другой фактор: первоначальные неполадки с координацией. У *рэмса* по первому времени всегда затруднения, знаешь ли. Или не знаешь?

— Вычислил, — ответил Карфакс. — Когда мне сообщили о поведении Миффлона в первую неделю в «Мегистусе». А кстати, кто был в теле Миффлона?

— Тебе хочется, чтоб я говорил вечно? — хихикнула «она». — Что угодно, лишь бы задержать меня. Ну да я не против. Мне нравится восприимчивая публика. Нужно было найти *рэмса*, способного летать на самолете с двумя двигателями. Я бы мог отправить Миффлона с пилотом, так ведь все знают, что он за штурвал никого не пустит. Я не хотел, чтобы его поведение отличалось от нормального. Так что я нашел среди *рэмсов* бывшего генерала ВВС Треверса. Может, помнишь его гибель в автокатастрофе лет пять назад? Я связался с ним и обрисовал обстановочку. Он долго разорялся насчет этики, а потом согласился в лучшем виде. Все они соглашаются. Как ты раскусил Миффлона?

— Ты никогда не узнаешь,— произнес Карфакс.

— Ах как восхитительно, — улыбнулась «она». — Благородство до конца. Ты и не пискнешь про миссис Вебстер. Ох, да не гляди с таким обалдением. Должно быть, это она послужила источником информации. Она — единственная, кому Миффлон вообще доверился. Миффлон мне не говорил, что сказал Вебстерше, будто собирается признаться мне — ну да ведь додуматься было несложно. Я не дал себе труда убрать, как теперь принято выражаться, эту Вебстер. Она не представляла опасности. Да кто обратит внимание на помешанную спиритичку? Но я продолжал за ней присматривать. Вернее, подслушивать. Я установил «жучка» у нее в доме.

Вернемся к твоей кузине. После перехода я был наполовину под кайфом, у меня кружилась голова и была нарушена координация. Но ведь и твоя кузина страдала от тех же симптомов, и у нее не было моего опыта по части их преодоления. Так что, надев шлемы и все подключив, я нажал на кнопку автоматического режима. Все подготовлено заранее, установлены нужные координаты, и переход не нуждается в ручном управлении. Правда, я все равно несколько минут колебался. Я впервые работал в автоматическом режиме. Из-за атаки на «Мегистус» у меня не было времени его опробовать. А что, если Рафтон ошибся? А что, если особенно сильный *рэмс* ухватит за хвост удачу и одержит верх?

— А это может произойти? — спросил Карфакс.

— Это произошло. Я это сделал. Тебе бы следовало знать. Вестерн и Рафтон экспериментировали с прототипами — ну, знаешь, с теми двумя. Один был у дядюшки дома, а другой на квартире у Вестерна. Я думаю, Вестерн строил планы захватить МЕДИУМ для себя лично. Возможно, поэтому он и

настаивал на втором МЕДИУМе у себя дома. Может быть. Я толком не знаю. Как бы то ни было, я вошел с ними в контакт через машину Вестерна. Это была случайность. Они не искали именно меня. Просто тыкались наугад. Но я знал, что путь открыт, и воспользовался.

— Но как ты узнал?

— Узнал, и все тут. Английский язык, да и любой другой, я полагаю, не способен описать, что значит быть *рэмсом*. Ты не можешь видеть, слышать, осязать, обонять или чувствовать вкус. Нет вообще никаких сенсорных входов-выходов. Правда, можно общаться с собратьями по колонии. Между колониями, однако, никакого общения нет, так что ты ограничен компанией из восьмидесяти человек. И так во веки вечные — пока не был изобретен МЕДИУМ. Я не знаю, как мы общались, но мы разговаривали и слышали непроизнесенные слова. Мы общались посредством какого-то процесса, который мне непонятен. Возможно, это какая-то форма телепатии или модулированная передача энергии.

Так или иначе... понимал-то я только троих. Одна женщина из буров, немного говорящая по-английски, которая умерла через несколько секунд после меня...

— А когда это было? — спросил Карфакс.

— Седьмого января тысяча восемьсот семьдесят второго года. Пытаешься вызнать, кто я такой? Скажу в свое время — на сладенькое. Еще там был француз с беглым знанием английского, поэт. С ним, да и с женщиной, у меня было мало общего. А с третьим, который говорил по-английски, и того меньше. Этакий высокомерный британский лорд, ветеран крымской кампании, тупой невероятно. Остальные или несли околесицу на каком-нибудь там китайском, или это были и вовсе младенцы. Пожалуй, хуже не придумаешь — слушать, как эти детишки все вякают и вякают. Но я быстро научился заглушать их.

— Это подрывает мою теорию, — вздохнул Карфакс. — *Рэмсы* и в самом деле мертвые.

— Ох уж эта твоя дикая теория, что *рэмсы* просто притворяются покойниками! — засмеялась она. — Хотя и она может пригодиться. Я подумываю, не объявить ли мне, что она подтвердилась в конце концов. Хоть так избавлюсь от противодействия всех этих религиозных свиней. Конечно, я все равно буду иметь дело с *рэмсами*, но тайком. Основной доход МЕДИУМ будет давать как источник энергии.

— Не думаю, что тебе удастся убедить людей в этом теперь, — заметил Карфакс.

— Значит, придумаю что-нибудь другое, — пожала плечами «она». — Эй, а тебе не кажется, что мы отвлеклись от темы? Короче говоря, нажал я на кнопку автоматического режима и переключение произошло, как положено. Я оказался в разуме Патриции. Снулый, едва в сознании — ведь когда *рэмс* поглощается телом, на него воздействуют материальные факторы. Мое тело хотело спать, но сам я не хотел, так что мне удалось заставить себя действовать. У меня очень сильная воля. Я помыкался с узлом, которым я же затянул веревку, чтобы Патриция не упала со стула. Потом я развязал узел и попытался встать, но упал, срывая шлем с головы.

Тем временем твоя кузина боролась как сумасшедшая, но только и сумела опрокинуться вперед со стулом вместе. Она сама себя вырубила. Я прикрепил клейкой лентой вторую ее руку, а потом сорвал со своего рта пластырь и налепил на рот Патриции, чтоб не заорала — совсем как я заклеил собственный рот еще в теле Денниса, чтобы помешать ей орать при переключке. Я сумел сделать ей укол, чтоб до полудня не очнулась, а потом заполз в постель и уснул.

— Ты оставил ее лежать на полу, привязанной к стулу?

— Конечно, а почему бы и нет? Все равно жить ей оставалось до вечера. Да у меня ни сил, ни координации не было, чтобы поднять ее и усадить. Я проснулся около полудня и ходил по дому взад-вперед и по лестнице, пока не овладел новым телом. Странно было угодить в женское тело, но мне понравилось. Я поймал массу кайфа, лаская себя. И думая о том, как я себя недавно оттрахал.

Ты и не знаешь, — простонала «она», утирая слезы после долгого и громкого смеха, — как мне не терпелось затащить тебя в постель и опробовать мое новое женское тело. Признаюсь, поначалу я нашел это отвратительным. Я никогда раньше не целовался с мужчинами. Но я это преодолел. Должен тебе сказать, женщина получает от секса больше удовольствия, чем это возможно для мужчины. Раньше я не верил, что так бывает, но теперь я поимела живейшее доказательство. Я собираюсь остаться в этом теле надолго — во всяком разе пока не заполучу МЕДИУМ в свою законную собственность — и заведу себе такой гарем из молодых трахальщиков, что ты просто не поверишь!

— Я полагаю, голубому легче дался бы переход в женское тело, — съязвил Карфакс.

На мгновение «она» уставилась на него, а затем вновь разразилась хохотом:

— Это ты *мне* говоришь? Старому жеребцу Дэну? Эй, мужик, да я прославился своим шлейфом из бродвейских

красоток. Меня прозывали «Дэн-троих-за-ночь» и другими кличками, менее лестными. Я содержал великую Джози Мэнсфилд и еще троих цыпочек из шоу одновременно. И ни одна из них ни разу не пожаловалась. Ты не понимаешь, Карфакс. Я приспособленец. Я могу приспособиться к любой ситуации и взять верх, кроме...

«Она» нахмурилась.

— Кроме?.. — настаивал Карфакс.

— Ну, всегда найдется какой-нибудь слетевший с нарезки псих. Такое предвидеть невозможно. Старина Стокс пристрелил меня, а я и не ожидал. Да еще этот Увелль с полным самолетом динамита. Но я все равно возвращаюсь, верно?

— Стокс?

— Ага, Стокс. Мой деловой партнер, которого я надрал. Одним прекрасным вечером в Лос-Анджелесе я с ним поговорил немного. Рассказал, что произошло и чего он лишен. Грозился вернуть его обратно просто ради того, чтобы иметь возможность пытать его. Я и не собирался — зато он теперь целую вечность попотеет!

— А что случилось с Пат? В теле Денниса?

— Я смог сесть за руль только к вечеру, хотя и очень осторожно. Вывел машину из гаража и загнал туда собственную. Потом закрыл гараж и вытолкал машину через проход между кустами и гаражом. Я заставил Патрицию сесть в машину и усыпил ее по новой. Приехал назад на ферму, притащил ее в комнату, где стоял МЕДИУМ, и сказал, сколько вы с ней причинили мне неприятностей и как я собираюсь тебя обдурить. Потом я включил электричество и толкнул ее на голый трансформатор. Потом я сорвал с тела клейкую ленту, следы от ленты смыл водой со спиртом и поехал на мотоцикле на север, в Стреатор. Ясное дело, мне пришлось оставить машину на ферме, а возвращаться в Понтиак я не собирался. Я не хотел, чтобы в Понтиаке кто-нибудь вспомнил женщину, похожую на Патрицию Карфакс.

Мотоцикл был зарегистрирован на подложное имя. Я его бросил и вернулся в Бусирис экспрессом, а потом на автобусе. Из пригорода я проехался до остановки «Шеридан Виллидж», а оттуда пешком добрался до дому Дом, милый дом. Тут-то ты и дорвался.

«А заодно и нарвался», — подумал Карфакс.

— Ты помер в 1872 году? — вслух произнес он. — Тебе, должно быть, чертовски трудно было приспособиться. Тогда ведь не было машин, самолетов, телевизоров, электроники — да практически никакой сегодняшней техники. Все должно

было казаться таким странным, даже пугающим. Вряд ли ты понимал хоть наполовину, о чем вокруг тебя говорят.

— Я быстро приспосабливаюсь, кореш, — возразила «она». — Я две недели провалялся пластом, изображая больного, а сам тем временем обучался вещам, которые вам кажутся такими простыми — например, как пользоваться видеофоном. Отправился я в библиотеку. Вот это было приключение — мой первый выход из дома! Набрал там кучу книг для изучения. Ну и ошибок я натворил! Сперва выбрался в библиотеку и только там узнал, что мог прочитать все эти книги на своем домашнем мониторе, стоило мне только сделать библиотечный запрос. Но я учился — о, как же я учился!

— Одной из твоих ошибок было убийство дяди Рафтона, — позлорадствовал Карфакс. — Тебе следовало переключить его с каким-нибудь готовым сотрудничать *рэмсом*, и в жизни бы у тебя не возникло никаких неприятностей с Патрицией. Тут-то и появились проблемы.

— Это было ошибкой, — признала «она». — Но она обернулась наилучшим образом, верно? — Она встала. — Что ж, пора и за дело.

— Ты не сказал мне, кто ты.

— Тебе смерть как понравилось со мной разговаривать, верно? — ухмыльнулась «она». — Скажу через пару минут. Сначала я должен принести шлем.

— Шлем?

— Конечно, — кивнула «она». — Для улучшения контроля. *Рэмса* можно извлечь, или вызвать, или как уж там это назвать, и посредством самого аппарата. Это не просто устройство для визуализации, это отмычка. Стенобитное орудие. Но применять его опасно: никакой гарантии. *Рэмс* может захватить какого-нибудь ничего не подозревающего прохожего, а вовсе не предназначенного ему человека. Да и кое-кто из *рэмсов* не может пробиться. Могут только те, у кого сильная воля, — тигры! Твой дядюшка почти проделал это, когда ты с ним разговаривал, да пороху у него не хватило. Вот и пришлось моим ученым разработать туннельное устройство — шлем.

— Как, черт возьми, чья-то сила воли может определить поведение электронного существа? — не поверил Карфакс.

— Не знаю, — поморщилась «она», — но может. До известной степени. А что до электронной природы *рэмсов* — так это просто термин, за которым скрывается незнание их истинной сущности. Вспомни: на экране мы можем увидеть только электронный аналог. Ладно, хватит трепаться. Здесь тебе не тысяча и одна ночь, Карфакс, а ты не Шехерезада.

«Она» вновь остановилась

— Да, и не пытайся вопить. Все твои соседи в отъезде. Старая леди Аллен гостит у сестры в Оклахоме, а у Баттердонов отпуск. Да и шторы у нас опущены, так что вряд ли тебя услышат.

Карфакс не ответил Едва «она» вышла, как он быстро подогнул ноги под стул как можно дальше. Он встал, перегнувшись, и начал медленный и болезненный путь к устройству на сервировочной тележке, передвигаясь прыжками. Стул у него на спине был панцирем, а сам он — увечной черепахой, пытающейся стать кенгуру Кофейная тележка была всего в двух с половиной метрах от него, но при передвижении со скоростью десяти сантиметров за прыжок этот путь казался километровым. Каждая попытка наполовину лишала его сил. Как Ахиллес, догоняющий черепаху, он никогда не достигнет цели. Да, но парадокс Зенона в реальной жизни не срабатывает, да и ему только кажется, что он слабеет наполовину И все же от каждого прыжка голова взрывалась болью. Карфакс взмок, не сделав и трех подскоков.

Он даже подумал разок: а не ожидала ли «она» этой его попытки? Не затаилась ли за углом, чтобы броситься на него, когда он завершит свое дело? Какое дело? Он не был уверен, что сумеет осуществить задуманное. Хуже того, он не мог знать, чего этим достигнет, когда добьется своего.

Вряд ли «она» будет долго подыматься по четырнадцати ступенькам, идти по коридору в спальню, а оттуда на чердак. По крайней мере Гордон полагал, что шлем спрятан на чердаке. Должно быть, именно там «она» скрывала МЕДИУМ.

Гордон не верил, что ему хватит времени, но хоть попытаться он должен. Если только.. и тут зазвонил телефон. Ему была предоставлена отсрочка. Хоть бы звонили не по ошибке, хоть бы звонивший настаивал на личном разговоре с ним. нет, в этом случае «она» тут же вернется и будет стоять вне поля зрения аппарата, все время держа Гордона на мушке А вот тогда он завопит Он умрет, но кто бы ни был на другом конце линии, он увидит, что творится И «она» снова окажется в затруднительном положении

Он продолжил свои краткие перепрыжки, прошел сбоку от машины, медленно повернулся и допрыгал до ее задней стенки. Дрожа от страха, что ноги откажут, он наклонился над ней. Его лицо проехалось по холодной металлической пластине Затем губы коснулись ближайшего из двух проводов, тянувшихся от автоматического устройства к задней стенке МЕДИУМа. Гордон вытянул голову, стиснул провод зубами и

дернул вверх. Движение вновь отозвалось головной болью, и он едва не потерял сознание. Но провод был вырван из гнезда.

Он больше не слышал «ее» голоса. Через несколько секунд «она» вернется, если только ему опять не повезет, а рассчитывать на это не стоит.

Он запрыгал спиной вперед, пока не миновал сервировочную тележку, медленно развернулся и запрыгал обратно. Теперь он различил плеск воды, падающей в воду. Хорошо. Судьба предоставила ему еще одну отсрочку.

Вода в туалете зашумела как раз тогда, когда он вернулся на место. Но стул занял прежнюю позицию лишь приблизительно, а Гордону нужно было расположить его ножки в точности на прежнем месте. Их тяжесть оставила четыре вмятинки в ковре. «Она» их увидит и призадумается, как далеко ему удалось передвинуть стул.

Разглядеть вмятинки было трудно, и когда ему удавалось поставить ножку стула на одну из них, то оставались видны три другие. Дальние вмятинки от задних ножек стула было невозможно отыскать, и он ограничился попыткой прикрыть две передние. Потом он услышал шаги и был вынужден остановиться. Он не знал, все ли ему удалось полностью, но больше ничего нельзя было поделать.

«Она» вышла из-за угла, держа устройство, похожее на большой футбольный шлем. За ним тянулся двухметровый кабель.

— Ну и вспотели же мы, а? — заметила «она», минуя его. — Вот в чем единственное преимущество *рэмсов* — они не потеют. Во всяком случае, не в физическом смысле.

Гордон ничего не сказал. Он смотрел, как «она» втыкает кабель шлема в гнездо у основания передней панели. Все еще держа в руке шлем, другой рукой «она» подкатила столик примерно на метр поближе к нему. Потом положила шлем на пол, ушла на кухню и вернулась с куском широкой клейкой ленты.

— Последние слова для потомства? — улыбнулась «она».

— До встречи в аду!

— Возможно, я буду туда время от времени заглядывать, — сказала «она». — Но надолго не задержусь. В отличие от тебя.

— А как же твое обещание? — напомнил Гордон. — Ты собирался сказать, кто ты на самом деле.

— Меня звали Джеймс Фиск. Знаешь, кто я такой, или мне изложить свою биографию?

— Барнум Уолл-стрита, Принц Эри?! — воскликнул Гордон.

— Верно!

«Она» припечатала клейкую ленту поверх его рта, разгладила ее и напялила шлем ему на голову Шлем был очень тяжел, и головная боль усилилась. То была тяжесть проклятия, подумалось Гордону

— Вот и умница, — сказала «она» — Сопротивление ни к чему хорошему не приведет

Итак, ему предстояло стать еще одной жертвой более не покойного и никогда не оплакиваемого Джеймса Фиска. Рожденного в 1834 году, это Карфакс помнил точно. Уроженца Беннингтона, Вермонт Ах да, он родился первого апреля. Апрельский праздник дураков. Весьма подобающе. Фиск никак уж не был дураком, зато одурачил множество народу. Он начинал подсобным рабочим в цирке, потом был поочередно официантом, мелким торговцем, коммивояжером и биржевым маклером. Он основал брокерскую фирму Фиска и... Белдена, кажется? А потом круто взлетел вверх как биржевой маклер Дэниела Дрю. Дрю был таким крупным мошенником и бессердечным банкиром, что еще поискать. Стакнувшись с Фиском и столь же продажным Джеем Гулдом, он отобрал контроль над железной дорогой Эри у Корнелиуса Вандербильта. Никто по этому поводу слез не лил, кроме старого Корнелиуса, столь же порочного, как и взявшая над ним верх несвятая троица.

Фиск как вице-президент и контролер компании использовал ее фонды, чтобы подкупать государственных чиновников, оплачивать бродвейские шоу и соблазнять бродвейских актрис и хористок. Одной из его многочисленных любовниц была знаменитая Джози Мэнсфилд Фиск был также соучастником попытки Гулда поколебать золотой рынок. Она окончилась биржевым крахом, печально знаменитой «черной пятницей» когда же это было? Ах да, 24 сентября 1869 года.

А потом Фиск в возрасте тридцати семи или восьми лет был застрелен Стоксом и умер на следующий день. Карфакс запомнил точную дату, когда застрелили Фиска, ибо то было шестое января, день, когда члены «Регулярной гвардии с Бейкер-стрит» празднуют день рождения Шерлока Холмса.

Гордон смотрел на «ее» палец, опускающийся на кнопку автоматического режима Вот и все, подумалось ему Сердце его колотилось. Интересно, что станет делать Фиск, если Гордона кондрашка хватит раньше, чем МЕДИУМ будет задействован Вот бы замечательно Тогда у Фиска будут неприятности «Хотя нет, — подумал Карфакс — Не будут Вскрытие покажет, что я умер естественной смертью, и ни один человек не заподозрит Фиска»

Прощай, Патриция. Если бы мы умерли одновременно, то могли бы попасть по крайней мере в одну колонию.

Когда палец был всего в сантиметре от кнопки, Фиск повернул голову и ухмыльнулся.

«Да будь ты садистом в свое удовольствие, — подумал Карфакс. — Еще несколько секунд жизни — это драгоценность, даже при таких обстоятельствах. А вдруг снова зазвонит телефон? Вот о чем бы я хотел спросить — кто звонил? Приятель Пат? Один из соотечественников Фиска? Сенатор Лангер? Я никогда не узнаю, да это и неважно».

Палец шевельнулся, кнопка ушла вглубь. Карфаксу почудилось, что он уменьшается внутри самого себя, коллапсирует, падает в глубины собственного «я».

Но ничего не произошло, только возле кнопки автоматического режима зажегся индикатор.

Фиск выругался и снова нажал на кнопку. Огонек продолжал гореть.

Только бы Фиск решил не отыскивать неполадку, а перейти на ручное управление!

Фиск проверял соединение обоих проводков, едва принес машину вниз. У него нет причин проверять их заново. Не могли же контакты ослабнуть. Во всяком случае, насколько ему известно.

Карфакс застонал под клейкой лентой: Фиск уставился на заднюю панель.

— Как это, черт побери, могло случиться? — пробормотал Фиск.

Он наклонился и осмотрел болтающийся кабель.

— Мокрый!

Он посмотрел на Карфакса и ухмыльнулся:

— Ах ты, хитрый, пронырливый сукин сын!

Фиск вставил кабель на место и вернулся к передней панели. На сей раз индикатор не загорелся.

И Карфакс стал незрячим, глухим, безъязыким, лишенным всех ощущений, кроме мысли. И безмолвного вопля ужаса, отдающегося эхом из ничего в ничто.

Фиск был прав. Нет слов, способных описать, что такое быть *рэмсом*.

Он представлял себе неописуемое нечто, погруженное в ничто.

А затем он стал чем-то понятным.

Он снова мог видеть, слышать, обонять и осязать

Сидящая напротив него за столом миссис Вебстер кричала, и остальные тоже кричали или вскакивали со своих мест

Он посмотрел вниз. Его голые груди были большими и округлыми. Их соски толщиной с кончик большого пальца выкрашены в желтый цвет. Юбка колоколом на неокритский манер.

— Оно вошло в тебя, Шегети! — взвыл мужчина.

Карфакс был не настолько туп, чтобы не сообразить, что произошло.

Миссис Вебстер была права. Хватка ослабела — и он устремился прямиком в психическую конфигурацию ее сеанса, ментальный аналог МЕДИУМа. Словно поток электронов, он выбрал путь наименьшего сопротивления. Дыра в напряжении, как туннель, привела его на землю, в ее присутствии он совершил квантовый скачок из своего мира в *вэмс* и обратно в свой мир.

Миссис Вебстер уже не кричала. Она стояла и смотрела на него.

— Ты показался мне знакомым, — сказала она. — Ты злой дух?

— Не более, чем любой человек, — ответил он. — Принесите мне телефон и соедините с сенатором Лангером.

ПЛОТЬ

Мужественной и любящей жене Бетт

ПРЕЛЮДИЯ

Перед Белым Домом шумела, кричала и ржала толпа. Визжали женщины, гудели мужчины. Детских дискантов слышно не было. Детей оставили дома под присмотром не достигших полового созревания старших братьев и сестер. Не для детей было ожидаемое ночью зрелище. Они не поняли бы обрядов, самых священных, совершаемых во имя Великой Белой Матери.

Да и небезопасно было бы им сегодня. Столетия тому назад (считая от сегодня, 2860 года по старому стилю) детям разрешалось присутствовать. И многие погибали, в буквальном смысле разорванные на куски в час безумий.

Сегодня и взрослым было небезопасно. Всегда бывали серьезно изувечены и даже убиты многие женщины. Всегда много мужчин оказывалось жертвами толпы пускающих в ход ногти и зубы женщин, вырывающих мужские корни и бегающих потом по улицам, размахивая трофеями в воздухе или зажав их в зубах, неся на алтарь Великой Белой Матери в Храм Темной Земли.

На следующей неделе, в шабаш Пятницы, одетые в белое Уста Матери, жрецы и жрицы, упрекнут выживших за излишнее усердие. Но ничего страшнее суровых слов распекаемых не ждало, да и те на них не всегда обрушивались. Кто может обвинить человека, воистину одержимого Богиней? Да и чего могли ожидать Уста? Разве не каждый раз при рождении Солнце-героя, он же Царь-Лось, было одно и то же? Ну, разумеется; Уста знали, что надо успокоить почитателей, дабы те вернулись к нормальной жизни. Слушай, молись и забудь. И жди следующего раза.

Да и жертвам не на что было жаловаться. Их похоронят в гробнице, над ними скажут молитвы и принесут в жертву оленей. Духи убитых напьются крови жертв и будут трижды благословенны в веках.

Окровавленное солнце скользнуло за горизонт, внезапно в шепоте сумерек надвинулась ночь. В толпе стало тише — представители великих братств выстроились вдоль Пенсильвания-авеню. Началась страстная перепалка между вождем братства Северного Оленя и вождем Лосей. Каждый требовал, чтобы парад открыло его братство. Разве не были оба они пантоносцами? Разве не панты носил в этом году Солнце-герой?

Джон Ячменное Зерно, одетый по ритуалу с головы до ног в зеленое, багроволицый, попытался, шатаясь, решить их спор. Как всегда, он к ночи уже был слишком хорош, чтобы ясно говорить или хотя бы самому понимать, что говорит. Немногие удавшиеся ему членораздельные слова лишь подлили масла в огонь. Гнев вождей разгорался тем охотней, что каждый был не на шутку пьян. Они даже схватились за рукоятки ножей, хотя и отлично знали, что не посмеют их обнажить в этот час.

Чтобы уладить дело, покинул свои посты отряд Почетной Стражи Белого Дома. Высокие девушки в конических шлемах, сиявших в свете факелов, отошли от портика. До пояса спадали их волосы, и сияли белые одежды. У каждой был в одной руке лук, в другой — стрела. Они, в отличие от прочих девственниц Вашингтона, обнажали только одну грудь — левую. Другую — то есть отсутствие другой — скрывало платье. По традиции лучницы Белого Дома с радостью жертвовали одной грудью, чтобы ничто не мешало владению луком. Это увечье не мешало найти мужа после окончания службы. Сегодня, после того как Солнце-герой заронит в них божественное семя, они могут выбирать себе мужей. И человек, чья жена была одногрудой лучницей Почетной Стражи, будет гордиться всю жизнь.

Твердым голосом начальница лучниц спросила о причине беспорядка. Выслушав обе стороны, она с неудовольствием сказала:

— Впервые так плохо все организовано. Похоже, нужен новый Джон Ячменное Зерно.

И тут же рукой, державшей стрелу, показала на вождя братства Лося:

— Ты поведешь парад. И тебе с твоими братьями будет оказана честь вынести Солнце-героя.

Вождь Северных Оленей был либо храбр, либо глуп. Он стал протестовать:

— Мы вчера пили с Джоном Ячменное Зерно, и он мне сказал, что честь будет оказана Северному Оленю! Я требую ответа, почему нам предпочли Лосей!

Окинув дерзкого холодным взглядом, начальница отряда наложила стрелу на тетиву. Но слишком хорошо ее обучали политике, чтобы так просто пристрелить одного из вождей могущественного братства Северного Оленя.

— Должно быть, Ячменным Зерном владел не тот дух, которым наделяет его Богиня, — сказала она. — Эскорт Лосей для Солнце-героя уже давно планировался. Разве Солнце-герой — не Лось? Разве не зовут его Стэггом — «Лосем» на священном языке предков? Ты знаешь ли, что стэгом зовем мы самца Лося, и всего лишь быком — самца Северного Оленя!

— Это правда, — ответил глава Северных Оленей, все еще бледный с той самой минуты, как стрела легла на тетиву. — Не надо было мне слушать Джона Ячменное Зерно. Но вообще-то была очередь Северного Оленя. В прошлом году — Львы, в позапрошлом — Агнцы. Была наша очередь.

— И так бы оно и было — если бы не это.

Она показала на что-то за его спиной на Пенсильвания-авеню. Он обернулся.

Улица через шесть кварталов от Белого Дома неожиданно обрывалась башней бейсбольного стадиона. Но даже над этой башней возвышался сияющий стальной шпиль корабля, не виданного здесь уже семьсот шестьдесят лет. Лишь месяц назад, в конце ноября, в громе и пламени появился он в небе и приземлился в центре бейсбольного парка.

— Ты права, — ответил вождь Северных Оленей. — Никогда доселе не спускался к нам Солнце-герой с небес, посланный Самой Великой Белой Матерью. И это она выбрала, какому братству отдать честь называться его братьями, когда дала ему имя Стэгг.

Он отошел, чтобы встать во главе своих людей — и как раз вовремя.

От Капитолия, который был теперь всего в шести кварталах от Белого Дома, донесся крик. От крика затихла толпа как парализованная и побледнели лица мужчин. У женщин расширились глаза от желания, ожидания, возбуждения. Несколько их упали на землю в стонах и корчах. Донесся еще один крик, и теперь было видно, что ужасный вопль рвется из глоток толпы молодых девчонок, сбегающих по ступеням Конгресса.

Это были жрицы — недавние выпускницы богословского колледжа Вассар. Из-под высоких конических шляп с узкими полями до бедер свисали распущенные волосы, груди были обнажены, как у всех девственниц, но этим надо было служить на пять лет больше, чтобы заработать право на лифчик матроны. Не для них сегодня семя Солнце-героя — им выпало

лишь открыть церемонию. Они были одеты в белые юбки колоколом, растопыренные множеством нижних юбок, у некоторых юбки были подпоясаны живыми и шипящими гремучими змеями. У других смертоносные твари свешивались с плеч. У каждой в руках был десятифутовый бич из змеиной кожи.

Застучали барабаны, их звук перекрыли горны, загремели цимбалы, взвизгнули свирели.

Вопя и выкатив глаза, неслись молодые жрицы по Пенсильвания-авеню, расчищая путь бичами. Вскоре их вынесло к воротам в ограде двора Белого Дома. Началась невзаправдашняя схватка между ними и Почетной Стражей, которая изображала сопротивление вторжению. Зрелище не столь безобидное, поскольку и у лучниц, и у жриц была заслуженная репутация злобных сучек. И те и другие вырывали волосы, царапались, откручивали груди, но слишком горячих охладили по голым спинам бичи старших жриц. С воем девчонки разбежались и быстро вернулись к своей роли.

Вытащив из-за поясов золотые серпы, они потрясали ими в воздухе угрожающими, но в то же время явно ритуальными движениями. Неожиданно — будто подчеркивая драматический эффект своего появления, как оно, впрочем, и было, — в главных дверях Белого Дома появился Джон Ячменное Зерно, держа в одной руке полупустую бутылку виски. Куда девалась вторая половина содержимого — сомнений не было. Джон шатался, ловя шнурок у себя на шее, пока наконец не сумел поймать висящий на его конце свисток. Он поднес его ко рту и пронзительно свистнул.

Немедленно ему ответил вой с улицы, оттуда, где стояли Лоси.

Часть их бросилась мимо Стражи к портику. Эти люди были одеты в шапочки из лосиной кожи с искусственными рогами по обеим сторонам, кожаные же пелерины, а сзади на поясах болтались хвосты. Спереди к штанам были прицеплены воздушные шары фаллической формы. Они не шли и не бежали, а танцевали на цыпочках, как балерины, имитируя лосиный аллюр. Они сделали вид, что нападают на жриц, те с визгом, изображая испуг, столпились в сторонке, освобождая Лосям проход к Белому Дому.

Здесь, в просторном вестибюле, Джон Ячменное Зерно свистнул еще раз и выстроил их согласно рангу в братстве. Затем он поспешно направился вверх по широкой винтовой лестнице, ведущей на второй этаж.

Потеряв равновесие, он свалился спиной вперед в объятия вождя Лосей.

Вождь перехватил Ячменное Зерно и отшвырнул его в сторону. В обычных обстоятельствах он не решился бы так обращаться со Спикером Дома, но знание, что тот в немилости, придало ему духа. Ячменное Зерно свалился на край лестницы, перевалился через перила и упал головой на мраморный пол вестибюля. Там он и остался, странно изогнув шею. К нему подскочила молодая жрица, пощупала пульс, заглянула в гаснущие глаза и взмахнула золотым серпом.

И тут же по ее голым плечам и груди щелкнул бич, оставив набухшую кровью полосу.

— Ты что это вздумала? — крикнула жрица постарше.

Юная жрица низко склонилась, отвернув голову, но поднять руки, чтобы защититься от кнута, не посмела.

— Я реализую свое право, — всхлипнула она. — Великий Лорд Ячменное Зерно мертв. Я — воплощение Великой Белой Матери, и я хотела сжать его стебель.

— И я бы не остановила тебя, — ответила старшая. — И твое право было бы оскопить его — если бы не одно: он погиб случайно, а не в Ритуале Посева. И ты это знаешь.

— Да простит меня Колумбия, — хныкнула юная жрица. — Я не могла остановиться. Это все сегодняшняя ночь... Сын вновь достиг мужества, коронация Двурогого Царя, дефлорация маскоток...

Суровое лицо старшей жрицы потеплело в улыбке:

— Уверена, Колумбия тебя простит. В такую ночь сам воздух лишает нас разума. Это божественное присутствие Великой Белой Матери в ипостаси Виргинии, Солнце-героя и Великого Лося. Я это тоже чувствую...

В этот миг со второго этажа раздалось мычание, и обе подняли глаза. Толпа Лосей валила по ступеням вниз, неся на руках Солнце-героя.

Это был голый человек, сложенный во всех отношениях великолепно. Скрыть свой высокий рост он не мог, даже сидя на плечах двоих Лосей. Лицо с выдающимися надбровными дугами, длинным горбатым носом и массивным подбородком могло бы принадлежать богоподобному чемпиону в тяжелом весе. Но сейчас в лице его не было ничего, что относилось бы к терминам «красота» или «уродство». Единственное слово, применимое к такому лицу, — «одержимость». Только это слово мог бы сказать кто угодно из Вашингтона или всей Дисии. Волосы цвета красного золота спадали на плечи, а из их волнистой массы прямо над линией лба выступала пара ветвистых рогов.

Не искусственных, какими украсило себя братство Лося. Живых органов.

Они выдавались на двенадцать дюймов над головой, и размах их был шестнадцать дюймов от острия до острия. Покрыты они были бледной блестящей кожей, пронизанной голубыми сосудами. В основании каждого рога на каждый удар сердца Солнце-героя отзывалась пульсацией большая артерия. Было видно, что рога имплантированы недавно — на основаниях засохла свежая кровь.

Лицо человека с рогами в толпе горожан выделялось бы резко. У Лосей, у жриц лица были у каждого свои, но принадлежали людям этой эры, и их можно было бы назвать оленеподобными. Треугольные контуры с большими темными глазами и длинными ресницами, высокими скулами, небольшими пухлыми ртами и заостренными подбородками — лица, отлитые в форме своего времени. Но внимательный зритель сразу заметил бы, что человек на плечах оленеподобных — этот человек без всяких следов интеллекта на лице — принадлежит прошлой эре. Изучающий портреты человечества мог бы сказать по его лицу: «Он из древнего мира», или «Этот человек родился в эпоху Возрождения», или «Этот человек жил, когда индустриальный век только набирал скорость». А мог бы сказать: «Этот человек жил на Земле, когда на ней кишели люди как муравьи и в нем есть что-то от муравья. Но есть и разница. Он выглядит как оригинал той эпохи — человек, который смог быть личностью среди муравьев».

Сейчас толпа несла его вниз по широкой лестнице и прочь от огромного портика Белого Дома.

Он появился на улице, и в неслыханном крике зашлась толпа. Барабаны сходили с ума, горны трубили, как труба архангела, бешено визжали свирели. Жрицы замахивались серпами на одетых лосями мужчин, но не резали, разве что случайно. Лоси из толпы толкали жриц, и те падали на спину, задирая в воздух ноги, визжа и извиваясь.

Двурогого пронесли с тротуара через железные ворота на середину Пенсильвания-авеню. Там его посадили на кровавоглазого черного лося-самца. Лось попытался взбрыкнуть и встать на дыбы, но его держали за рога и за шерсть на боках, не давая ему рвануться с места. Человек на спине зверя ухватился за рога, чтобы не упасть. Спина его выгнулась луком, а огромные мускулы рук выступили узлами, когда он принудил зверя поднять голову на чудовищной шее. Лось замычал, сверкнув в свете факелов белками глаз. И когда казалось, что его шея вот-вот сломается в могучих руках человека, он сдался, перестал сопротивляться и стоял, дрожа. Изо рта потекла слюна, а в глазах, по-прежнему диких, появился страх. Хозяином стал всадник.

Люди-Лоси выстроились по двенадцать с каждой стороны от лося и его наездника. За ними встал оркестр, тоже из братства Лося. Сзади шли Северные Олени со своими музыкантами. Дальше — Львы с черепами пантер вместо шлемов и плащами из пантерьих шкур, длинные хвосты волочились по бетону. Они держали веревки, привязанные к плывшему в двенадцати футах над ними воздушному шару в форме длинной колбасы с тупым круглым носом. Под ним висели две гондолы, и в каждой беременная женщина, и они бросали в толпу цветы и рис. Далее шло братство Петуха, несущее свой тотем — длинный шест с огромной резной петушьей головой на конце, с высоким красным гребнем и длинным прямым клювом.

За ними шли вожди других братств нации: Слоны, Мулы, Кролики, Форели, Козероги и многие, многие другие. Еще дальше шли представительницы великих сестричеств: Дикие Утки, Пчелиные Царицы, Дикие Кошки, Львицы, Гиены.

Солнце-герой не знал, что у него за спиной. Он смотрел вдоль улицы. По обеим сторонам стояли толпы, явно не случайно собравшиеся, а построенные по определенным рангам. Ближайшие к улице группы составили девушки от четырнадцати до восемнадцати лет, одетые в блузы с высоким воротом и открывающим груди вырезом. Снизу на них были белые юбки колоколом, раздутые нижними юбками, а ноги с накрашенными красными ногтями обуты в белые сандалии. Распущенные длинные волосы спадали до талии. У каждой в правой руке был букет красных роз. С расширенными от возбуждения глазами они кричали и кричали: «Солнце-герой! Двурогий Царь! Могучий Лось! Великий Сын и Любовник!»

За ними стояли матроны — их матери, судя по советам, которые они выкрикивали. Они тоже были одеты в блузы с длинными рукавами и высоким воротом, но с закрытой грудью. У них юбки не стояли колоколом из-за отсутствия нижних юбок, а спадали до земли всюду, кроме переда, где были подложены пузыри, имитирующие беременность. Волосы были завязаны в узлы по числу рожденных женщиной детей, и в каждый был воткнут стебель красной розы.

За матронами стояли отцы в одеждах своих братств и держащие тотем братства в одной руке. В другой руке каждый держал бутыль и время от времени к ней прикладывался, частенько передавая ее своей жене.

Все орали и визжали, стремясь вперед, как будто желая запрудить улицу. Но это не было предусмотрено, поскольку нужно было оставить проход для процессии. Перед лосем и его всадником бежала Почетная Стража и выпускницы Вассара.

Стража тыкала стрелами каждого, кто переступал белую черту, отделявшую тротуар от мостовой, а жрицы работали кнутами. Девственницы в первом ряду не плакали и не вскрикивали, а вопили, как будто им нравился вид их собственной крови.

Настала тишина. Барабаны, горны и свирели на мгновение затихли.

Из Белого Дома появились Девы, неся на плечах кресло, в котором поникло тело Джона Ячменное Зерно. Девы были одеты в форму своего сестричества: длинные зеленые одежды, долженствующие выглядеть подобно кукурузным листьям, и высокие золотые короны в виде початков. Они принадлежали к сестричеству Кукурузы и несли единственного своего брата. Он был мертв, но толпа, очевидно, этого не поняла, поскольку смеялась при виде тела. Он не впервые появлялся на публике в таком виде, и лишь Девы Кукурузы знали разницу. Они заняли положенное им место за Стражей и сразу впереди Солнце-героя.

Снова ударили барабаны, взвыли горны, завизжали свирели, заорали мужчины, завопили женщины.

Лось подался вперед вместе со всадником.

Всадника приходилось удерживать, чтобы он не кинулся к девчонкам, стоявшим вдоль улицы. Они выкрикивали предложения, от которых покраснел бы матрос, и он им кричал то же самое. Пустое в момент выхода лицо приобрело дьявольское выражение. Он рвался спешиться. Когда Лоси не дали ему это сделать, он стал бить их кулаками. Пострадавшие отшатывались с переломанными и окровавленными носами, падая под ноги тем, кто шел сзади, не замедляя шага. На их место подбегали другие, и многие руки схватили Солнце-героя.

— Подожди, Великий Лось! — кричали они. — Подожди, пока доберемся до купола! Там мы тебя отпустим, и ты сделаешь, что хочешь! Там Великая Жрица Виргиния ждет тебя в ипостаси Великой Белой Матери в образе девы! И самые красивые маскотки Вашингтона, нежные девы, исполненные божественного присутствия Колумбии и Америки, дочери ее! Ждут счастья наполниться божественным семенем Сына!

Но человек с рогами, казалось, не слышал или не понимал, что частично можно было объяснить языком, на котором он говорил, — хотя и американским, но не таким, как у них. Вторая часть объяснения заключалась в том, что он был одержим. Он был глух ко всему, кроме рева крови в собственных жилах.

Участники процессии старались подойти к месту назначения медленно, но не могли удержаться и не увеличить скорость. Может быть, свою роль сыграли слышимые отовсюду от

молодых девушек оскорбления и угрозы разорвать их на части, если они не поторопятся. Бичи и стрелы пускали все больше крови. И все же девушки напирали, и одна вдруг фантастически высоко подпрыгнула и сбила с ног жрицу. Сама она тут же вскочила и прыгнула на плечи Лосю из процессии, но не удержала равновесие и упала головой вниз внутрь группы. Обошлись там с ней неласково: содрали одежду, пощипали и прижали как следует, пока не пошла кровь. Кто-то попытался предвосхитить Солнце-героя, но этому кощунству помешали другие. Ему дали по голове, а девчонку выкинули обратно в толпу.

— Подожди своей очереди, лапонька! — крикнули ей со смехом, а один завопил:

— Если Великого Лося будет мало, есть лоси и поменьше, детка!

Инцидент был исчерпан, и процессия остановилась у ступеней Капитолия. Наступило минутное замешательство, пока Стража и жрицы расталкивали девчонок. Лоси стащили Солнце-героя со спины животного и потащили к ступеням:

— Еще минута, Великий Лось! Подожди до верхних ступеней! Там мы отпустим тебя!

В полубреду Солнце-герой посмотрел на них, но позволил им висеть на себе. Он посмотрел вверх на статую Великой Белой Матери у входа в здание. Резного мрамора фигура высотой пятьдесят футов, с огромными грудями. Она кормила младенца-Сына. Под ногой у нее издыхал бородатый дракон.

— Виргиния! Виргиния! — взорвалась криком толпа.

Великая жрица Вашингтона вышла из теней колонн, окружавших Капитолий.

Сполохи факелов играли на голых плечах и груди жрицы и гасли в длинном платье. Медового цвета волосы, спадающие до пят, казались темными в свете огней. Темным стал и рот, в свете дня красный, как рана. Темными стали глаза, в свете дня голубые и глубокие.

Солнце-герой заревел, как лось, учуявший лосиху в период гона.

— Виргиния! — крикнул он. — Хватит ждать! Ничто меня теперь не остановит!

Открылся темный рот, и белой полосой сверкнули в свете факелов зубы. К рогатому протянулась тонкая белая рука. Он вырвался из держащих рук и взметнулся вверх по ступеням. Лишь краем сознания воспринимал он крещендо барабанов, горнов и свирелей и визжащий крик изнемогающей от похоти толпы молодых девушек. И это, и то, что его телохранители бешено сражаются за его жизнь, чтобы он не был затоптан

или разорван на части длинными острыми ногтями девственниц. Не видел он, что случалось там, где смешивались с упавшими телами мужчин отброшенные блузы и юбки девушек.

Только одно заставило его на секунду остановиться. Неожиданно он увидел девушку в железной клетке, поставленной рядом со статуей Великой Матери. Это тоже была молодая женщина, но одетая не так, как другие. Она была в шапочке с длинным козырьком, похожей на бейсболку, свободной рубашке с какой-то неразличимой надписью, в штанах до колен, грубых чулках и туфлях на толстой подошве.

Над клеткой висел большой плакат с надписью по-дисийски:

МАЕССТ ГАКАЭТИ РЕА КЕСИЛАЕ.

Перевод:

МАСКОТКА, ЗАХВАЧЕННАЯ В НАБЕГЕ НА КЕЙСИЛЕНД.

Девушка бросила на него полный ужаса взгляд, закрыла глаза рукой и повернулась к нему спиной.

Он опомнился и устремился к великой жрице. Она встречала его, протянув вперед руки, будто благословляя. Но спина ее выгнулась, и разверстые бедра говорили, что долгое ожидание кончилось. Она не воспротивится.

Он издал рычание, идущее из самой глубины тела, схватился за ее платье и дернул.

За его спиной тысячи голосов слились в истошный визг, и он, облепленный плотью, исчез из виду отцов и матерей, стоявших у подножия лестницы.

I

Звездолет все кружил и кружил вокруг Земли.

На границе атмосферы и космоса он скользил и скользил от Северного полюса к Южному.

И наконец капитан Питер Стэгг отвернулся от экрана:

— Земля здорово поменялась за те восемьсот лет, что нас тут не было. Кто что думает насчет того, что мы видим?

Доктор Калторп поскреб длинную белую бороду и повернул рычажок под обзорным экраном. Поля, реки и леса расступились, приближаясь, и открыли город, расположенный по двум берегам реки — Потомака, по всей видимости. Город был приблизительно квадратной формы, и увеличитель показывал его не хуже, чем с расстояния пятисот футов.

— Что я по этому поводу думаю? — переспросил Калторп. — Ваши догадки ничем не хуже моих. Я, как старейший антрополог планеты, должен был бы провести анализ представленных данных — и даже объяснить, откуда взялось то, что

мы видим. Но я не в состоянии этого сделать. Я даже не могу с уверенностью сказать, что это Вашингтон. Если это он, то его перестроили без видимого плана. Я этого не знаю, и вы тоже не знаете Так почему бы нам не сесть и не посмотреть?

— У нас нет особого выбора, — ответил Питер Стэгг. — Горючего почти не осталось.

Вдруг он с силой двинул кулаком по ладони:

— Ладно, мы сели, а дальше что? Я на всей Земле не заметил ни одного здания, хоть чуть похожего на корпус реактора. И ничего похожего на знакомые нам машины. Где вся техника? Она на уровне телеги с лошадью — только лошадей у них нет Лошади, похоже, вымерли, но они нашли замену. Что-то вроде безрогих оленей.

— Если быть точным, то у оленей не рога, а панты, — поправил Калторп. — Я бы сказал, что современные американцы разводят оленей или лосей, или тех и других, не только вместо лошадей, но и как крупный рогатый скот. Если вы заметили, то эти олени сильно различаются. Большие — тягловые, вьючные и мясные животные, а каких-то вывели явно вместо скаковых лошадей. Миллионы голов.

Он помедлил, потом продолжил:

— Вы знаете, я обеспокоен. Даже видимое отсутствие радиоактивного топлива не так меня беспокоит, как...

— Как что?

— Как то, как нас там примут. Большая часть Земли стала пустыней, и ее лицо изрезано эрозией — бритвой Господа Бога. Посмотрите на то место, где были добрые старые Соединенные Штаты Америки. На побережье Тихого океана — цепь вулканов, ,рыгающих огнем и пылью. Да и вообще все Тихоокеанское побережье — обе Америки, Азия, Австралия, острова — очаги вулканической деятельности. Выделяющаяся двуокись углерода и пыль радикально изменили земной климат. Тают шапки Арктики и Антарктики. Океан поднялся на шесть футов и поднимается дальше. В Пенсильвании растут пальмы. Когда-то окультуренные пустыни юго-запада Америки как будто солнцем сожжены. Средний Запад — пыльная котловина...

— Какое это имеет отношение к тому, как нас примут? — перебил Питер Стэгг

— Самое прямое Среднее Атлантическое побережье, кажется, на пути возрождения. И потому я рекомендовал бы приземлиться там. Однако там технология и социальные институты, судя по всему, сельскохозяйственного государства. Вы сами видели, как они там трудятся, подобно пчелам в улье. Сажают

деревья, копают оросительные каналы, строят дамбы и дороги. Почти все работы, о смысле которых мы могли догадаться, направлены на рекультивацию почвы. А церемонии, которые мы отсюда видели, — несомненно, обряды плодородия. Отсутствие развитой техники может иметь двоякий смысл. Первый: вся известная нам наука забыта. Второй: есть предубеждение против науки и ее адептов — поскольку наука, справедливо или нет, обвиняется в холокосте, спалившем Землю.

— И что?

— Значит, эти люди могли забыть, что Земля посылала звездолет на исследование межзвездного пространства и поиск неосвоенных планет. Они нас могут посчитать за дьяволов или чудовищ — тем более что мы представляем науку, которую их, быть может, учили ненавидеть как дух зла. Как вы понимаете, я строю гипотезы не на чистом воображении. По изображениям и статуям на храмах и карнавальным маскам можно с уверенностью судить о ненависти к прошлому. Если мы к ним придем из прошлого, они нас могут отвергнуть. И притом сурово.

Стэгг заходил взад и вперед по рубке:

— Восемьсот лет как оставили мы Землю. А был ли смысл? Наше поколение, друзья и враги, жены и возлюбленные, дети, внуки и правнуки легли в землю и стали травой. А трава стала пылью. И пыль десяти миллиардов наших современников носит вокруг Земли ветер. И Бог один лишь знает, скольких еще миллиардов. У меня была девушка, с которой мы не поженились, потому что я предпочел эту великую авантюру...

— Зато ты жив, — перебил Калторп. — И тебе восемьсот тридцать два года по земному счету.

— И всего тридцать два биологических года. Как объяснить этим простым людям, что мы спали, как замороженная рыба, пока корабль летел к звездам? Они что-нибудь знают об анабиозе? Вряд ли. Так как же им понять, что мы выходили из анабиоза только для исследования новых планет земного типа? Что мы их открыли десять и одна вполне пригодна для колонизации?

— Пока ты произносишь речи, мы могли бы уже дважды облететь вокруг Земли, — сказал Калторп. — Вылез бы ты из своей мыльницы и посадил нас на Землю, и посмотрим, наконец, что нас там ждет. А ты, быть может, найдешь женщину, которая заменит тебе оставленную.

— Женщины! — завопил Стэгг, выходя из апатии.

— Что? — спросил Калторп, удивленный неожиданным напором в голосе капитана.

— Бабы! Мы восемь сотен лет не видели ни одной самой завалящей, захудалой и занюханной бабы! За это время я съел тысячу девяносто пять успокоительных пилюль — это призового быка может сделать волом! Но их действие кончилось! И сколько бы пилюль я ни сожрал, теперь подавай мне бабу! Я бы сейчас трахнул собственную слепую и беззубую прабабушку! Понимаю Уолта Уитмена, который хвастался, что извергает будущую республику. Во мне сейчас десять республик!

— Рад видеть, что ты бросил лирически ностальгировать и стал самим собой, — заметил Калторп. — Но подожди рыть землю копытом. Тебе скоро придется иметь дело с целой толпой женщин. Как я понял из наблюдений, сейчас они на Земле главенствуют, а ты себя знаешь — с главенством женщины ты не сможешь примириться.

Стэгг стукнул себя в грудь, как горилла:

— Не завидую бабе, которая против меня попрет!

Тут он рассмеялся и сказал:

— Честно говоря, я побаиваюсь. Я так давно не общался с женщиной, что мог и забыть, как с ними поступать.

— Ты просто помни, что женщины не меняются. Что в древнем каменном веке, что в атомном веке — «знатная леди и Джуди О'Грэди во всем остальном равны».

Стэгг снова заржал и хлопнул Калторпа по тощей спине. Потом отдал приказ готовиться к посадке. Во время спуска он спросил:

— Так как ты думаешь, есть у нас шанс на достойный прием?

Калторп пожал плечами:

— Может быть, нас повесят. Может быть, сделают королями.

Через две недели после своего триумфального въезда в Вашингтон Стэгг был коронован.

II

— Питер, ты король с головы до пят, — сказал Калторп. — Да здравствует Петр Шестой!

Несмотря на прозвучавшую в голосе иронию, он имел в виду то, что сказал.

Стэгг был ростом в шесть футов шесть дюймов и вес имел двести тридцать пять фунтов, обхват груди сорок восемь дюймов, тридцать два дюйма в талии и тридцать шесть дюймов в бедрах. На голове длинные и волнистые волосы золотистого цвета. Лицо его было красиво, как красива голова орла.

И сейчас он больше всего напоминал орла в клетке — он ходил по комнате взад-вперед, сложив за спиной руки, как орел крылья, склонив набок голову и глядя сосредоточенным взглядом жестких голубых глаз. Время от времени он глядел, прищурившись, на Калторпа.

Антрополог свернулся в большом кресле с золотыми накладками, прикладываясь время от времени к длинному разукрашенному камнями сигарному чубуку Он, как и Стэгг, навеки лишился волос на лице На следующий после приземления день их отвели в баню и сделали массаж. Слуги их побрили: просто наложили на лицо какой-то крем и потом стерли его полотенцем. Они оба решили, что этот способ бритья будет легок и приятен, но потом узнали, что у них пропала возможность отрастить бакенбарды, если бы им того захотелось.

Калторп холил свою бороду, но не возражал, чтобы его побрили, поскольку туземцы ясно дали понять, что борода есть мерзость и вонь в ноздрях Великой Белой Матери. Теперь же ему было жаль. Он не только лишился своего патриаршего обличия, но и выставил на обозрение всего мира безвольный подбородок.

Стэгг вдруг остановился перед зеркалом, покрывающим целую стену огромной комнаты, пристально всматриваясь в свой новый облик и в корону на голове Она была золотая, с четырнадцатью остриями, каждое увенчано крупным бриллиантом. Он посмотрел на пышный воротник вокруг шеи, на обнаженную грудь, на которой было нарисовано пылающее солнце. С неудовольствием он осмотрел широкий пояс ягуаровой шкуры, алый килт, огромный фаллический символ, пришитый к нему спереди, блестящие ботинки до колен из белой кожи. Он увидел Царя Дисийского во всем величии его и заворчал. Сорвав с себя корону, он запустил ее через всю комнату. Ударившись о дальнюю стену, она подкатилась почти к его ногам.

— Итак, я коро́нован правителем Дисии! — выкрикнул он. — Царем Дочерей Колумбии. Как это на их дегенеративном американском — Кен-а дот ах К'лумпаха. Только что же это за царствование? У меня нет никакой власти или привилегий, положенных царю Я уже две недели правлю этой землей, где верховодят бабы, и в мою честь устроили кучу празднеств Мне поют хвалу — в буквальном смысле, — куда бы я ни пошел с этой моей одногрудой Почетной Стражей Меня посвятили в тотемное братство Лося, и позволь мне повторить — это самые странные обряды, о которых мне

доводилось хотя бы слышать. Меня выбрали Великим Лосем Года...

— Естественно, что с именем Стэгг ты попал к Лосям, — перебил Калторп. — Еще хорошо, что они не узнали твоего второго имени — Лео. Им бы пришлось ломать голову, куда тебя отнести — к Лосям или к Львам. Вот только...

Стэгг продолжал злиться:

— Мне сказали, что я — Отец Моей Страны. Если так, почему они мне не дадут шанса стать отцом взаправду? Ни одной женщине не разрешается остаться со мной наедине! Когда я стал возражать, эта милая сучка, Главная Жрица, мне говорит, что я не должен допускать дискриминацию в пользу одной женщины. Я есмь отец, любовник и сын каждой жены дисийской!

Калторп все мрачнел и мрачнел. Поднявшись из кресла, он подошел к большому створчатому окну Белого Дома. Туземцы считали, что королевские апартаменты названы так в честь Великой Белой Матери. У Калторпа были более точные сведения, но хватало ума не спорить. Он жестом подозвал Стэгга и предложил ему выглянуть наружу.

Стэгг так и сделал, но громко фыркнул и состроил гримасу.

Калторп показывал через окно на улицу. Там несколько человек грузили большую бочку в фургон через задний борт.

— Их в древности называли золотарями, — сказал Калторп. — Приезжают каждый день и собирают удобрения для полей. В этом мире каждый чих — для величия нации и утучнения почвы.

— И ты думаешь, что мы к этому привыкнем, — ответил Стэгг. — Но запах с каждым днем все сильнее.

— Что ж, этот запах для Вашингтона не нов. Хотя в старые времена было меньше человечьего и больше коровьего.

Стэгг усмехнулся:

— Можно ли было подумать, что Америка, страна домов с двумя ванными, вернется к строениям, источающим подобный аромат? Только строения без дверей. И притом не потому, что они не знают водопровода. Вода у нас в квартирах есть.

— Все, что исходит из земли, должно вернуться в землю. Они не грешат против Природы, спуская в океан по трубам миллионы тонн фосфатов и других химикалий, когда они так нужны земле. Они не похожи на нас — слепых и глупых идиотов, убивавших землю во имя санитарии.

— Ты меня для этой лекции и позвал к окну?

— Именно для нее. Я хотел объяснить корни этой культуры. Или хотя бы попытаться. У меня есть фора, поскольку я большую часть времени посвятил изучению языка.

Язык у них английский. Только он гораздо дальше от нашей ветви, чем она была от англосаксонского. Он выродился в лингвистическом смысле, но быстрее, чем ожидалось. Может быть, из-за изоляции малых групп после Опустошения. И еще потому, что народные массы неграмотны. Грамотность — почти исключительная привилегия служителей культа и дирадахов.

— Дирадахов?

— Аристократов. Я думаю, это слово восходит к «диир-райдер» — олений всадник. Ездить на оленях — привилегия избранных. Аналог испанского «кабальеро» или французского «шевалье». И то и другое означает «конник». Я тебе хотел показать еще несколько вещей, но давай опять посмотрим на эту фреску.

Они подошли к дальнему концу длинной комнаты и посмотрели на огромную яркую фреску.

— На этой картине, — стал объяснять Калторп, — изображен величайший из мифов Дисии. Как видишь, — он показал на фигуру Великой Белой Матери, наклонившейся, как башня, над миниатюрными горами и долинами и еще более миниатюрными людьми, — она весьма разгневана и помогает Солнцу, ее сыну, сжечь создания земные. Она сворачивает голубой плащ, обернутый ею когда-то вокруг Земли для защиты от ярости сына.

Человек, в слепоте, жадности и надменности своей, осквернил данную Богиней землю. Его города-термитники изливали грязь свою в реки и моря, превратив их в сточные канавы. Он отравил воздух смертоносным дымом. Я полагаю, что это не только промышленный дым, но и атомные грибы, хотя дисийцы, конечно, об атомных бомбах не знают.

И тогда Колумбия, не в силах более терпеть отравляющего землю и отвернувшегося от ее почитания человека, сорвала свой плащ, оберегавший Землю, и позволила Солнцу направить стрелы свои на всякую тварь живущую.

Стэгг ответил:

— Я вижу, как падают люди и животные по всей Земле. На улицах, в полях, на морях и в воздухе. Испепеляется трава, и сохнут деревья. Лишь укрытые от стрел Солнца выживают.

— Не совсем точно, — возразил Калторп. — Они не сожжены солнцем, но им нечего есть. Звери выходят ночью и едят падаль и друг друга. Человек, истребив консервы, ест животных. А потом человек ест человека.

К счастью, лучи смерти бушевали недолго — меньше недели. Потом Богиня сжалилась и вернула на место свой плащ.

— Но что же это было такое — Опустошение?

— Могу лишь предполагать. Помнишь ли ты, как перед самым нашим отлетом с Земли правительство поручило одной исследовательской фирме создать систему для передачи энергии по всей планете? Внутрь земли должен был быть погружен на достаточную глубину щуп, отбирающий тепло у ядра. Тепло преобразовывалось в электроэнергию, а та должна была передаваться по всей Земле через ионосферу.

Предполагалось, что любая электрическая система на планете сможет оттуда черпать. Например, Манхэттен мог бы брать из ионосферы всю энергию, необходимую для освещения, отопления, всех приемников и телевизоров и всего электрического транспорта.

Думаю, что идея была реализована где-то через двадцать пять лет после нашего отлета. И думаю, что оправдались опасения некоторых ученых, например Кардона, что такая передача частично разрушит озоновый слой.

— О Господи! — воскликнул Стэгг. — Если сильно разрушить озоновый слой...

— То коротковолновая часть ультрафиолетового спектра, более им не поглощаемая, обрушится на все живое, на что светит солнце. Животные — в том числе и люди — умерли от солнечных ожогов. Растения, кажется, оказались устойчивей. Но даже и при этом опустошение было настолько велико, что оставило по всей Земле виденные нами пустыни.

И, как будто этого было мало, Природа — или, если хочешь, Богиня — еще раз ударила по человеку, когда он попытался подняться. Нарушение озонового равновесия длилось очень недолго Его очень быстро восстановили естественные процессы Но еще через двадцать пять лет, когда люди стали соединяться в небольшие группы — население должно было уменьшиться с десяти миллиардов до миллиона, — начались извержения вулканов по всей земле. Может быть, это было откликом на сверхглубокое бурение — поскольку Земля реагирует медленно, но верно.

Затонула большая часть Японии Исчез Кракатау. Взорвались Гавайи Сицилия раскололась пополам. Манхэттен ушел на несколько метров под воду, затем вынырнул снова. Тихий океан окружила кайма извергающихся вулканов. Средиземноморье превратилось в маленький ад. Приливные волны захлестывали сушу, останавливаемые только горами. Горы сотрясались, и убежавшие от волн нашли покой под лавинами

Результат· человек отброшен к каменному веку, атмосфера насыщена пылью и углекислым газом, отчего в Нью-Йорке

наступил климат субтропиков и стало можно наблюдать великолепные закаты, начали таять ледяные шапки

Стэгг перебил:

— Тогда неудивительно, что нет преемственности между обществом переживших Опустошение и нашим Но при всем при том они могли бы вновь открыть порох.

— Почему?

— Ну как почему? Потому что черный порох сделать очень просто — это же очевидно!

— Разумеется, — ответил Калторп, — так просто и так очевидно, что человечество всего лишь за полмиллиона лет научилось смешивать уголь, серу и селитру в нужных для получения взрывчатого вещества пропорциях. Вот так.

Итак, этот двойной катаклизм мы и будем считать Опустошением. Исчезли почти все книги. Был период более ста лет, когда горстка выживших цеплялась за жизнь так, что не имела времени учить молодежь. Что в итоге: глубочайшее невежество, почти полное забвение истории. Для этих людей мир был создан заново в 2100 году от Р. Х., или в 1 году П. О. по их счету времени. П. О. — После Опустошения. Так гласят их мифы.

Вот тебе пример. Выращивание хлопка. Когда мы улетали с Земли, хлопок больше не выращивали, поскольку одежду из растительных волокон сменили пластики. Ты знаешь, что хлопкопрядильные фабрики открыли всего двести лет назад? Никогда не исчезали кукуруза и табак, но триста лет тому назад люди одевались в звериные шкуры или ходили голыми.

Калторп подвел Стэгга обратно к открытым створкам окна:

— Я отклонился от темы, хотя временем мы не ограничены. Посмотри, Пит. Ты видишь Вашингтон, или, как они теперь говорят, Важдин, но в нем ничего знакомого. Вашингтон был сровнен с землей дважды, и теперешний город был построен на развалинах. Его попытались сделать подобным прежней столице. Но у строителей был другой Zeitgeist*. Они строили, как диктуют мифы и поверья.

Он показал на Капитолий. В некоторых отношениях он был похож на тот, что они помнили. Но вместо одного купола было два, и каждый был увенчан красной башней.

— Построен как подобие грудей Великой Белой Матери, — сказал Калторп. Он показал на памятник Вашингтону, теперь стоящий в сотне ярдов влево от Капитолия. Он был триста футов высотой — башня из бетона и стали, раскрашенная, как

---

* Дух времени *(нем.)*

майский шест, красными, белыми и синими полосами, а наверху заканчивающаяся красным закруглением. — Не надо говорить, что это собой представляет. Согласно мифу, это принадлежит Отцу Своей Страны. Под ней, как считается, похоронен сам Вашингтон. Я это слышал вчера вечером в благоговейном изложении самого Джона Ячменное Зерно.

Через раскрытые створки окна Стэгг и Калторп вышли наружу на крышу портика. Портик окружал второй этаж по периметру, но Калторп зашел лишь за угол и облокотился на перила. Они были сделаны в виде широких полос, держащихся на головах миниатюрных кариатид. Калторп показал вдаль — поверх мясистых орхидей, росших во дворе Белого Дома:

— Видишь белое здание с огромной женской статуей? Это Колумбия, Великая Белая Мать, смотрит на свой народ и опекает его. Для нас она лишь персонаж языческой религии. Но для ее народа — наших потомков — она реальная жизненная сила, ведущая нацию к ее судьбе. И ведущая безжалостно. Всякий, кто встанет у нее на дороге, будет раздавлен — так или иначе.

— Я видел Храм, когда мы прибыли в Вашингтон, — ответил Стэгг. — Мы его миновали на пути к Белому Дому. Помнишь, как Сарвант сгорал от стыда, когда увидел скульптуры на стенах?

— А ты что о них думаешь?

Стэгг покраснел и буркнул:

— Я-то думал, меня ничем не смутить, но эти статуи! Мерзость, похабство и порнография! Да еще установленные в священном месте.

— Ничего подобного, — качнул головой Калторп. — Ты же был у них на двух службах. И видел, что они проходили с большим достоинством и — не боюсь этого слова — красотой. Государственной религией является культ плодородия, а эти фигуры представляют различные мифы. Они рассказывают историю с очевидной моралью — однажды человек почти разрушил землю из-за своей немыслимой гордыни. Он, со своей наукой и невежеством, нарушил равновесие Природы. И теперь, когда оно восстановлено, человек должен хранить смирение и работать с Природой рука об руку — а Природа, по их верованиям, есть живая Богиня, и дочери ее — подруги героев. Если ты заметил, изображенные на стене богини и герои своим поведением подчеркивают важность почитания Природы и плодородия.

— Да? Некоторые из них стоят в таких позах, что явно никого и ничего не собираются оплодотворять.

— Колумбия — еще и богиня эротической любви, — улыбнулся Калторп.

— У меня такое чувство, — задумчиво произнес Стэгг, — будто бы ты мне что-то хочешь сказать, а вместо того все ходишь вокруг да около. И еще у меня предчувствие, что твои слова мне не понравятся.

В этот момент до них вдруг донеслось какое-то лязганье из той комнаты, откуда они только что вышли. Они поспешили обратно.

Их встретил трубный аккорд и рокот барабанов. В комнату вступил отряд священников-музыкантов из ближнего Университета Джорджтауна. Это были жирненькие откормленные ребята, когда-то кастрировавшие себя в честь Богини — и при этом обеспечившие себе теплое и уважаемое место на всю оставшуюся жизнь. Они были одеты как женщины — в блузы с высоким воротом и длинными рукавами и в юбки до лодыжек. За ними шел человек, называемый Джон Ячменное Зерно. Имени его Стэгг не знал, а «Джон Ячменное Зерно» — это был явно титул. Какова была должность Джона Ячменное Зерно в правительстве Дисии, Стэгг тоже не знал. Жил этот человек на третьем этаже Белого Дома и имел какое-то серьезное отношение к управлению страной. Возможно, его функции были похожи на функции премьер-министра Великобритании.

Солнце-герои, как монархи упомянутой страны, были скорее представительными фигурами, олицетворением закона и обычая, нежели фактическими правителями. По крайней мере так казалось Стэггу, которому оставалось только гадать о значении всех явлений, пролетевших перед ним пестрой чередой за время его заключения.

Джон Ячменное Зерно был очень высоким и тощим мужчиной лет тридцати пяти. Свои длинные волосы он красил в зеленый цвет и носил зеленые очки. Длинный крючковатый нос и лицо были покрыты красной сеткой разбухших вен. Он был одет в высокую зеленую шляпу с тульей, на шее висело ожерелье из колосьев, а ниже не было ничего до зеленого килта, с пояса которого свисали лохмотья, сделанные из плотной ткани в форме кукурузных листьев. Сандалии были желтыми.

В правой руке он держал официальный символ своей должности — бутыль белой молнии.

— Привет тебе, человек и легенда! — обратился он к Стэггу. — Приветствие Солнце-герою! Приветствие необузданному фыркающему самцу тотема Лося! Приветствие Отцу Своей Страны и Сыну и Любовнику Великой Белой Матери!

Он сделал длинный глоток из своей бутыли и протянул ее Стэггу.

— Вот это кстати, — сказал капитан и глотнул. Через минуту, после кашля, судорожных вдохов и утирания выступивших слез, он вернул бутыль обратно.

Ячменное Зерно ликовал:

— Великолепное представление, Благородный Лось! Тебя сама Колумбия осенила, что ты смог так поразиться белой молнии. Воистину ты божественен! Даже я, бедный смертный, был поражен, впервые отведав белой молнии. И все же я должен сознаться, что, когда я юношей занял эту должность, я так же мог почувствовать присутствие Богини в бутыли и быть так же поражен, как и ты. Но даже к божественности привыкает человек, да простит Она мне такие слова. Поведал ли я тебе, как впервые Колумбия сделала жидкой молнию и посадила ее в бутыль? И что первый мужчина, которому она дала ее, был не кто иной, как сам Вашингтон? И как неблагодарно поступил он и тем навлек на себя гнев Богини?

Поведал? Ну, тогда к делу. Я — всего лишь предтеча Главной Жрицы, несущий к тебе ее слово. Великим и Малым! Завтра рождение Сына Великой Белой Матери. И ты, дитя Колумбии, будешь завтра рожден. И да будет то, что уже было.

Он глотнул еще раз, поклонился Стэггу, чуть не упал, выправился и вышел, шатаясь.

Стэгг вернул его:

— Минутку! Я хочу знать, что сталось с моим экипажем.

Ячменное Зерно заморгал:

— Я тебе говорил — им предоставили дом в кампусе Джорджтаунского Университета.

— Я хочу знать, где они сейчас — в эту минуту!

— С ними обращаются хорошо, и они могут получить все, что захотят — кроме свободы. Ее они получат послезавтра.

— Почему?

— Потому, что тогда отпустят и тебя. Конечно, ты их больше не увидишь, ибо ты будешь на Великом Пути.

— Что это такое?

— Тебе это откроется.

Ячменное Зерно повернулся, чтобы уйти, но Стэгг задержал его еще одним вопросом:

— Скажи, почему держат в клетке ту девушку? У которой написано: «Маскотка, захваченная в набеге на Кейсиленд».

— Откроется и это, Солнце-герой. Сейчас же, мне кажется, не пристало человеку твоего положения унижаться до вопросов. Все объяснит в свое время Великая Белая Мать.

Ячменное Зерно вышел, и Стэгг спросил Калторпа:

— Что это за чушь? Почему он так темнит?

— Хотел бы я знать, — поморщившись, ответил антрополог. — В конце концов у меня тоже ограниченная возможность задавать вопросы. Вот только одно...

— Только что? — с напором спросил Стэгг. У Калторпа был очень серьезный вид.

— Завтра зимнее солнцестояние. Середина зимы — когда солнце в Северном полушарии греет слабее всего и доходит до самой южной точки. По нашему календарю, это двадцать первое—двадцать второе декабря. Насколько я помню, в доисторические, да и в исторические времена это было очень важным событием. С ним связывали самые разные церемонии, например... ох ты!

Последние слова прозвучали не как восклицание внезапно вспомнившего что-то человека — скорее как вопль.

Стэгг еще больше встревожился. Он хотел уже спросить, что случилось, но его прервал новый аккорд оркестра. Музыканты и служители повернулись к дверям и пали на колени. Раздался их крик в один голос:

— Главная Жрица, живая плоть Виргинии, дочери Колумбии! Святая дева! Дева красоты! О Виргиния, отдающая дикому лосю — безумному, дикому, терзающему самцу — свою священную и нежную складку! Благословенная и обреченная Виргиния!

В зал гордо вошла высокая девушка восемнадцати лет. Она была красива, несмотря на высокую переносицу и слишком белое лицо. Но полные губы были красны как кровь. Голубые глаза смотрели неотрывно и немигающе, как у кошки. До бедер спадали волнистые волосы цвета меда. Это была Виргиния, выпускница факультета жриц-оракулов Вассарского колледжа, воплощение дочери Колумбии.

— Привет, смертные, — произнесла она высоким чистым голосом. Потом перевела взгляд на Стэгга и сказала:

— Привет, бессмертный.

— Привет, Виргиния, — ответил он. Кровь быстрее заструилась по телу, отдаваясь болью в груди и в паху. Каждый раз при виде ее его охватывало почти неодолимое желание. Он знал, что, если его оставят с ней наедине, он ею овладеет, невзирая на последствия.

Виргиния ничем не показывала, что знает о том, как на него действует. Она глядела на него взглядом не знающей сомнений львицы.

Как и все маскотки, Виргиния была одета в платье до щиколоток и с высоким воротом, но ее платье было покрыто

крупным жемчугом. Треугольный вырез обнажал большую, но упругую грудь. Каждый сосок был окружен двумя кругами синей и белой краски.

— Завтра, бессмертный, ты станешь и Сыном, и Любовником Матери. Тебе необходимо к этому приготовиться.

— Что же я должен для этого сделать? — спросил Стэгг. — И зачем?

Он взглянул на нее, и боль отдалась у него во всем теле.

Она махнула рукой. Немедленно появился ожидавший за углом Джон Ячменное Зерно. Он тащил две бутыли — с белой молнией и с чем-то темным. Евнух-жрец подставил ему чашу. Наполнив ее темной жидкостью, Джон подал ее жрице.

— Лишь ты, Отец Своей Страны, имеешь право это пить, — сказала она, протягивая чашу Стэггу — Это самая лучшая «драма стикса».

Стэгг принял чашу, неуверенно на нее глядя, но не желая показаться трусом:

— Мастика? Болгарская плодовая водка? Ну ладно, поехали! Никто никогда не скажет, что Питер Стэгг не смог перепить лучших из своих потомков! Аахх! .

Затрубили фанфары, ударили барабаны, завопили и забили в ладоши служители.

Лишь тогда он услышал, что кричит ему Калторп:

— Капитан, ты не понял! Не мастика, а Стикс! Она сказала: «Драма Стикса!» Понял?

Стэгг понял, но было поздно. Комната закружилась все быстрее и быстрее, огромной летучей мышью налетела тьма.

И под грохот фанфар он упал ничком головой к двери.

III

— Ну и похмелье! — простонал Стэгг.

— Боюсь, что очень сильное, — произнес чей-то голос, и он с трудом узнал Калторпа.

Стэгг сел на ложе и тут же завопил от боли и шока. Скатившись с кровати, он упал на колени, с трудом поднялся и подошел, шатаясь, к трем расположенным под углом друг к другу зеркалам во весь рост. Он был голым. Яички ему покрасили в синий цвет, член — в красный, ягодицы — в белый. Но он не обратил на это внимания. Он ни на что не обратил внимания, кроме двух каких-то ветвистых штук, торчащих у него из лба под углом сорок пять градусов.

— Рога? Как они туда попали? Кто их прицепил? Ну, попадись мне эти шутники. — с этими словами он попытался отодрать их с головы, но взвыл от боли и отдернул руки, не

отрывая взгляда от зеркала. У основания одного рога выступила кровь.

— Не рога, — сказал Калторп — Панты Люблю точность выражений. Не твердые, мертвые, ороговевшие, а мягкие, теплые и покрытые бархатистой кожей Если приложишь к ним палец, ощутишь пульсацию артерий Станут ли они впоследствии твердыми и мертвыми рогами зрелого — извини за каламбур — лося, мне неизвестно

Капитан был сбит с толку, но искал, на кого излить гнев.

— Ну ладно, Калторп, — прорычал он, — а ты в этой игре не замешан? Потому что иначе я тебе руки и ноги оторву!

— Ты не только похож на зверя, но и начинаешь вести себя соответственно! — буркнул Калторп

Стэгг собрался было врезать антропологу за несвоевременный юмор, но вдруг заметил, что тот бледен и руки у него трясутся. За его сдержанной иронией прятался настоящий страх.

— Ладно, — сказал Стэгг, немного успокоившись. — Что случилось?

Срывающимся голосом Калторп ему рассказал, что жрецы понесли его бесчувственное тело в спальню, но тут вбежала толпа жриц и на них набросилась. В какой-то страшный миг Калторпу казалось, что Стэгга вот-вот разорвут пополам, однако битва оказалась притворной, ритуальной, и телом, как и следовало по сценарию, овладели жрицы

Стэгга перенесли в спальню Калторп попытался проскользнуть туда же, но был буквально выброшен вон

— Вскоре я понял почему В комнате не должно было быть мужчин — кроме тебя Даже хирурги были женщинами. Скажу тебе, когда я увидел, как они туда направляются с пилами, сверлами и бинтами, я чуть с ума не сошел Особенно когда понял, что хирурги пьяны Да и все эти женщины были пьяны. Дикая стая! Но меня заставил уйти Джон Ячменное Зерно. Он мне объяснил, что в этот час женщины разорвут на части — буквально — любого мужчину, который им попадется. Он намекнул, что некоторые из музыкантов пошли в жрецы не добровольно, а просто не успели вовремя убраться с дороги у дам вечером накануне зимнего солнцестояния

Ячменное Зерно меня спросил, не из братства ли я Лося Ибо лишь братья Великого Лося могут в этот вечер чувствовать себя в относительной безопасности Я ответил, что я не Лось, но был когда-то членом клуба Львов, хотя и просрочил членские взносы примерно за восемьсот лет На это он сказал, что в прошлом году это бы мне помогло, когда Солнце-героем был Лев. Но сейчас я в великой опасности И настоял на моем

уходе из Белого Дома до тех пор, пока Сын — он имел в виду тебя — не будет рожден. Я счел за лучшее послушаться. На рассвете я вернулся и увидел, что здесь никого, кроме тебя, нет. Вот я и ждал, пока ты проснешься.

Он покачал головой и дружелюбно усмехнулся.

— А ты знаешь, — сказал Стэгг, — я что-то вспоминаю. Как-то смутно и вперемешку, но вспоминаю, что было после этой выпивки. Я был слаб и беспомощен, как младенец. Вокруг меня был дикий шум. Бабы орали, как будто рожают..

— А младенцем был ты, — перебил Калторп.

— Ага. А ты откуда знаешь?

— Что-то выстраивается по слегка знакомой схеме.

— Так не оставляй меня в темноте, когда сам видишь свет! — попросил Стэгг. — Как бы там ни было, но почти все время я только наполовину был в сознании. Я пытался как-то сопротивляться, когда они положили меня на стол и поставили на меня ягненка. Я понятия не имел, что они собираются с ним делать — пока они не перерезали ему горло. Меня с головы до ног измазали кровью.

Потом они его убрали, а меня проволокли через узкое треугольное отверстие. Оно, наверное, было на металлическом каркасе, но обтянуто какой-то розоватой губкой. Две жрицы взяли меня за плечи и потащили наружу. Остальные выли, как банши*. От этого воя у меня даже сквозь дурман в голове похолодела кровь. Ты в жизни не слыхал ничего подобного!

— Слыхал, — возразил Калторп. — Весь Вашингтон слыхал. Все его взрослое население, столпившееся у ворот Белого Дома.

— Я в этом отверстии застрял, — продолжал Стэгг, — и они меня стали тянуть остервенело. Плечи не пролезали. Вдруг я ощутил струю воды по спине — кто-то, наверное, направил на меня шланг. Помню, я подумал, что у них тут в доме насос, потому что вода била под жутким напором.

И наконец, я проскочил через отверстие, но на пол не упал. Две жрицы подхватили меня за ноги, потом подняли в воздух и перевернули вниз головой. А потом стали шлепать, и сильно. Я так удивился, что даже заорал.

— Это от тебя и требовалось.

— Тогда меня положили на другой стол. Прочистили нос, рот и глаза. Смешно, но я даже не заметил, что у меня рот и нос были забиты какой-то слизистой гадостью. Наверное,

---

* Банши — сверхъестественное существо ирландских и шотландских легенд, предвещающее несчастье ужасными стонами. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

было трудно дышать, хотя я этого и не помню. Потом... потом...

— Потом?

Стэгг покраснел:

— Потом меня поднесли к чудовищно толстой жрице, раскинувшейся на моей кровати на подушках. Я ее раньше не видел.

— Может быть, из Манхэттена, — заметил Калторп. — Мне говорил Ячменное Зерно, что там Главная Жрица неимоверно толста.

— Неимоверно — точное слово, — продолжал Стэгг. — Самая большая баба, которую мне случалось видеть. Спорить могу, если бы она встала, оказалась бы с меня ростом. А весит наверняка больше трехсот пятидесяти фунтов. У нее все тело было напудрено — небось, бочка пудры на это ушла. Огромная, круглая и белая. Как пчелиная матка в образе человека, будто у нее только и дела, что откладывать миллионы яиц.

— И что дальше? — спросил Калторп, когда молчание Стэгга затянулось.

— Они положили меня головой к ней на грудь. Самая большая грудь в мире, клянусь. Как сама круглая Земля. Она взяла меня за голову и повернула. Я пытался отбиваться, но был так слаб, что ничего не смог сделать.

И вдруг почувствовал себя младенцем. Я уже был не взрослым человеком, а новорожденным Питером Стэггом. Эффект наркотика. Или гипноз. Как бы там ни было, а я был.. был...

— Голоден? — спокойно спросил Калторп.

Стэгг кивнул. Затем, явно желая переменить тему, взялся рукой за один из пантов и произнес:

— Хм. Рога вставлены солидно.

— Панты, — поправил Калторп. — Но можешь их называть, как называл. Я заметил, что дисийцы сами иногда так говорят. Но даже если они в обыденной речи не различают рога и панты, ученые у них просто удивительные. Может быть, в физике и электронике они и не очень сильны, но с плотью творят чудеса. Кстати, эти панты не просто символ или украшение. Они работают. Ставлю тысячу к одному, что они качают тебе в кровь гормоны всех видов.

— Почему ты так думаешь? — прищурился Стэгг.

— Прежде всего потому, что на это бросил несколько намеков Ячменное Зерно. Далее, потому, что ты феноменально быстро оправляешься после серьезной операции. Ведь как бы там ни было, а тебе в черепе пришлось сверлить две

дырки, перерезать кровеносные сосуды, соединять кровоток пантов с твоим, и кто знает, что еще?

Стэгг набычился

— Кто-то об этом очень пожалеет Эта Виргиния все устроила! В следующий раз как она мне попадется, я ее пополам раздеру Надоело мне, что мной играют, как мячиком.

Калторп смотрел на него с тревогой, а после этих слов сказал:

— Ты сейчас себя нормально чувствуешь?

Стэгг раздул ноздри и стукнул себя в грудь.

— Раньше нет А теперь я весь мир могу снести щелчком Только вот я голоден, как медведь после спячки Сколько времени я был в отключке?

— Около тридцати часов Как видишь, уже темнеет — Калторп положил руку Стэггу на лоб. — Тебя лихорадит Не удивительно У тебя тело горит, как печка. Строит новые клетки направо и налево, бешено накачивая гормоны в кровь Для этой печки нужно топливо

Стэгг трахнул кулаком по столу·

— Я еще и пить хочу! Просто горю!

Он стал колотить кулаком по гонгу, и весь дворец наполнился звоном Как будто ожидая этого сигнала, в дверь вбежали слуги с подносами, уставленными блюдами и кубками

Стэгг, забыв о правилах поведения за столом, вырвал у кого-то из слуг поднос и стал закидывать мясо, картошку, кукурузу, помидоры, хлеб в бешено работающие челюсти, прерываясь только, чтобы залить еду водопадами пива. Соус и пиво текли ему на грудь и ноги, но он, хотя всегда был аккуратным человеком, не обращал внимания.

Только раз, мощной отрыжкой чуть не сбив с ног слугу, он зарычал·

— Я способен пережрать и перепить...

Но тут его прервала еще более мощная отрыжка, и он вернулся к жратве, как кабан к корыту.

Калторп, чувствуя тошноту, вызванную не только самим зрелищем, но и его причинами, отвернулся. Видно, гормоны смели все запреты и обнажили животную сущность человека Что будет дальше?

Наконец, набив брюхо, как самец гориллы, Стэгг поднялся Стукнув себя кулаком в грудь, он завопил·

— Класс! Класс! Эй, Калторп, завел бы и ты себе пару рогов! А, я забыл, у тебя же они уже есть! Ты же поэтому и удрал первый раз с Земли! Ха-ха-ха!

Маленький антрополог с пылающим и перекошенным от обиды лицом взвизгнул и бросился на Стэгга Тот заржал и,

схватив его за рубашку, поднял на вытянутой руке и держал, пока Калторп ругался и беспомощно размахивал руками. Вдруг Калторп почувствовал, что комната закружилась вокруг него, и он с силой врезался во что-то у себя за спиной. Раздался гулкий лязг, и, сидя, оглушенный, на полу, он понял, что его бросили в гонг.

Потом здоровенная лапа обхватила его за талию и помогла ему встать на ноги. В страхе, что Стэгг хочет с ним покончить, он сжал кулак для смелого, пусть безнадежного удара, но опустил руку.

Из глаз Стэгга бежали слезы:

— Господи, что же это со мной такое? Я совсем спятил, если так поступил с тобой, с моим лучшим другом! Что за чертовщина? Как я мог?

Он всхлипнул и притянул Калторпа к своей могучей груди, порывисто сжав в объятиях. Калторп вскрикнул от боли, когда у него чуть не сломались ребра. Стэгг его немедленно отпустил.

— Ничего, я тебя прощаю, — сказал Калторп, осторожно отступая. Он теперь понимал, что Стэгг не отвечает за свои действия. Он снова сделался в некотором смысле ребенком. Но даже ребенок не абсолютно эгоистичен и часто очень чувствителен. Стэгг действительно раскаивался от всего сердца.

Подойдя к створчатому окну, Калторп выглянул наружу:

— Улица кишит людьми с горящими факелами. Похоже, сегодня какая-то заварушка.

Он сам услышал, как фальшиво звучит его голос. Потому что он хорошо знал, что дисийцы собрались на церемонию, где главным действующим лицом будет капитан.

— Оргия, ты хочешь сказать, — ответил Стэгг. — Эти люди ни перед чем не останавливаются, когда хотят повеселиться. Сбрасывают все запреты, как змеи — кожу. И наплевать, если кого задавят.

Потом он сказал то, что удивило Калторпа:

— Надеюсь, все начнется скоро. Чем скорей, тем лучше.

— Зачем, ради Бога? — спросил Калторп. — Неужели то, что ты уже видел, не напугало тебя до смерти?

— Не знаю. Но во мне что-то есть такое, чего раньше не было. Во мне желание и мощь, мощь небывалая. Я... я чувствую себя богом! Я бог! Из меня вырывается мощь мира! Я взрываюсь! Ты не знаешь, что это такое! Этого никому не понять из смертных!

Снаружи завизжали бегущие по улице жрицы.

Двое прервали разговор и, замерев, как каменные истуканы, прислушивались к разыгрываемой битве между жрицами и Почетной Стражей, потом битве, в которой Лоси одолели жриц.

Затем в холле раздался топот бегущих ног, и Лоси рванулись в двери с такой силой, что снесли их с петель.

Стэгга подняли на плечи и понесли наружу.

На какую-то секунду он стал собой прежним. Повернувшись, он крикнул:

— Док, помоги! Док!

Калторп ничего не мог сделать — только заплакать.

IV

Их было восемь: Черчилль, Сарвант, Лин, Ястжембски, Аль-Масуини, Штейнборг, Гбью-хан и Чандра.

С отсутствующими Стэггом и Калторпом это и была десятка выживших из тридцати покинувших Землю восемь сотен лет назад. Они собрались в большой зале здания, где их держали пленниками уже шесть недель. Перед ними держал речь Том Табак.

Это не было его имя, а как его звали на самом деле, никто из них не знал. Они спрашивали, но Том Табак отвечал, что не имеет права его произносить и даже слышать, как его произносят другие. В тот день, когда он стал Томом Табаком, он перестал быть человеком и стал полбом. Как они легко догадались, «полб» — это было сокращение от «полубог».

— Если бы все прошло нормально, — говорил он, — то к вам обращался бы не я, а Джон Ячменное Зерно. Но пила Великой Белой Матери положила конец его жизни до начала Ритуала Посева. Мы провели выборы, и я, как вождь великого братства Табака, занял его место правителя Дисии. Им я останусь, пока не постарею и не ослабею — а тогда будет то, что будет.

За то время, что звездолетчики провели в Вашингтоне, они выучили фонетику, морфологию, синтаксис и базовый запас слов обычной дисийской речи. Машины в корабельной лаборатории «Терры» помогли им бегло заговорить по-дисийски, хотя некоторые звуки им не удавалось произносить так, как туземцам, и, наверное, никогда не удастся. Структура английского языка сильно изменилась: появились звуки, которых не было не только в английском, но и в его германских прародителях; много слов пришли неизвестно откуда; очень большую роль в определении значения слова стали играть ударение и интонация.

Кроме того, понимание тормозилось недостаточным знанием дисийской культуры Еще хуже было то, что сам Том Табак говорил на стандартном дисийском с трудом. Он родился и вырос в Норфолке, штат Виргиния, — самом южном городе Дисии. Нафекский, он же норфолкский, диалект отличался от важдинского — то есть вашингтонского — как французский язык от испанского или шведский от исландского.

Том Табак, как и его предшественник Джон Ячменное Зерно, был длинным и тощим Он носил коричневую шляпу с тульей, нагрудник из жесткой коричневой ткани в форме табачных листьев, коричневый плащ и зеленоватый килт, с которого свисала двухфутовая сигара, и коричневые ботинки до колен. Длинные каштановые волосы, чисто декоративные очки с коричневатыми стеклами, а из порченных табаком зубов торчала большая коричневая сигара. Во время разговора он вытащил из кармана килта сигары и раздал всем остальным. Все, кроме Сарванта, закурили и нашли сигары превосходными.

Том Табак выпустил толстое кольцо зеленого дыма и сказал:

— Вас отпустят, как только я уйду. Это будет скоро. Я человек занятой, и мое время принадлежит не мне, а Великой Белой Матери. Меня ждут неподписанные документы, неутвержденные решения и многое другое.

Черчилль затянулся и выпустил дым, выгадывая время подумать перед ответом. Остальные уже говорили вразнобой, но, когда заговорил Черчилль, они замолчали. Он был первым помощником на «Терре» и теперь, когда с ними не было Стэгга, сделался не только формальным лидером, но и настоящим — в силу своей личности

Был он приземистым мужиком с толстой шеей и толстыми ногами. Лицо его было каким-то детским и в то же время сильным. Рыжие волосы жестко курчавились, а на лице там и сям виднелись веснушки. Глаза круглые и ярко-голубые, как у младенца, короткий курносый нос На первый взгляд в нем замечалась какая-то детская беспомощность, но, подобно ребенку, он умел и командовать всеми вокруг А голос у него был неожиданно глубокий и басовитый.

— Вы, может быть, и занятой человек, мистер Табак, но не настолько, чтобы не могли нам сказать, что тут делается. Нас держали пленниками. Нам даже не дали связаться с нашим капитаном или доктором Калторпом. У нас есть причины подозревать, что с ними ведется нечестная игра. А когда мы о них спрашиваем, нам отвечают: «Что будет — будет». Весьма информативно! И весьма утешительно!

Теперь, мистер Табак, я требую ответов на наши вопросы. И не думайте, что ваша охрана за дверью помешает нам разорвать вас на части прямо сейчас. Нам нужны ответы — и немедленно!

— Возьми сигару и остынь, — ответил Том Табак. — Разумеется, вы заинтригованы и разъярены. Но не надо говорить о правах. Вы — не граждане Дисии и находитесь в крайне неопределенном положении.

Но я дам вам кое-какие ответы — за этим я и пришел. Первое: вас отпустят. Второе: вам дадут месяц, чтобы найти свое место в жизни Дисии. Если по прошествии этого срока не станет видно, что вы будете хорошими гражданами, вас умертвят. Выслать вас за границу — значит увеличить население враждебной страны, а это в наши планы абсолютно не входит.

— Ладно, теперь мы хоть знаем свое положение, — ответил Черчилль. — Хотя и приблизительно. Допустят ли нас на «Терру»? Там собраны результаты уникальных исследований за десять лет.

— Нет, не допустят. Но вам вернут ваше личное имущество.

— Спасибо, — сказал Черчилль. — Понимаете ли вы, что, кроме нескольких книг, ни у кого из нас нет личного имущества? На что нам жить, пока мы найдем работу? Да и работу нам вряд ли удастся получить в вашем довольно примитивном обществе.

— Честно говоря, не знаю, — ответил Том Табак. — В конце концов, жизнь вам сохранили. Были и другие предложения.

Он сунул два пальца в рот и свистнул. Появился человек с портфелем.

— Мне пора, джентльмены. Служебные обязанности. Но чтобы вы по незнанию не нарушали законов сей благословенной нации, а также чтобы устранить искушение совершить кражу, этот человек просветит вас насчет наших законов и одолжит вам на неделю денег на пропитание. Их вы вернете, когда найдете работу — если найдете. Да благословит вас Колумбия.

Через час всех восьмерых вывели из дома и оставили перед его входом.

Весьма далекие от ликования, они чувствовали себя несколько ошеломленными и более чем несколько беспомощными.

Черчилль посмотрел на остальных и, хоть и разделял их чувства, все же сказал:

— Бога ради, возьмите себя в руки! Что с вами такое? Мы выбирались из худших передряг. Помните, как на Вольфе-69-III

мы плыли на плоту через юрское болото? Когда на нас напали эти воздушные шары и мы потеряли оружие и безоружными добирались до корабля? Тогда было хуже, но такого унылого вида у вас не было. Что стряслось? Или вы уже не те, что были?

— Боюсь, что нет, — ответил Штейнборг — Не то чтобы мы потеряли храбрость. Просто мы ждали иного. Когда садишься на неисследованную планету, ожидаешь самых страшных неожиданностей, иногда даже предвкушаешь их. А здесь мы, на родной планете, ну, ждали слишком многого, а к тому же оказались беспомощны. Оружия у нас нет, и если попадем в переплет, даже не сможем проложить себе дорогу пулями и пробиться к кораблю.

— И потому ты собираешься стоять здесь и ждать, пока все как-то образуется? Господа Бога ради! Ребята, вы были солью Земли, выбранными из десятков тысяч кандидатов за интеллект, за находчивость, за физическую подготовку. А теперь вы высадились среди туземцев, у которых в голове меньше знаний, чем у вас в мизинце! Вы должны быть богами — а ведете себя как мыши.

— Не тарахти, — ответил Лин. — Мы еще не оклемались. Мы не знаем, что делать, и именно это нас пугает.

— Ну а я не собираюсь здесь торчать, пока меня не подберет какая-нибудь добрая душа! — заявил Черчилль. — Я буду действовать — и немедленно!

— А что конкретно ты собираешься делать? — спросил Ястжембски.

— Я пройдусь по Вашингтону, огляжусь, пока не найду чего-нибудь, что побудит к действию. Если вы, ребята, хотите пойти со мной — можете. Если хотите выбрать свой путь — тоже можно. Я согласен быть лидером, но не пастухом.

— Ты не понял, — сказал Ястжембски. — Шестеро из нас вообще не с этого континента. Я бы вернулся в Святую Сибирь. Гбью-хан хочет домой в Дагомею. Чандра — в Индию. Аль-Масуини — в Мекку, а Лин — в Шанхай. Но это, похоже, ни одному из нас не светит. Штейнборг хотел бы в Бразилию, но там его не ждет ничего, кроме пустыни, джунглей и воющих дикарей. И потому...

— ...и потому вам надо остаться здесь и поступить, как предложил Табак — вписаться. Вот это я и собираюсь сделать. Кто со мной?

Черчилль не стал задерживаться для продолжения спора. Он двинулся по улице, ни разу не оглянувшись. Завернув за угол, он, однако, остановился перед группой играющих в мяч голых детей — мальчиков и девочек.

Прождав, быть может, пять минут, он вздохнул. За ним явно никто не пошел.

Он ошибся. Как раз когда он собрался идти дальше, его кто-то окликнул:

— Черчилль, погоди минутку.

Это был Сарвант.

— Где остальные? — спросил Черчилль.

— Азиаты решили добираться каждый к себе на родину Когда я ушел, они еще обсуждали, украсть им лодку и переплыть Атлантику или украсть оленей и ехать к Берингову проливу, а оттуда — на лодке в Сибирь.

— Я бы сказал, что у них самые мужественные в мире сердца — или самые твердые в мире лбы. Неужто они всерьез рассчитывают на успех? Или что там окажется лучше, чем здесь?

— Они не знают, что там найдут, но настроены отчаянно.

— Я бы вернулся и пожелал им удачи, — сказал Черчилль, — но не хочу начать их отговаривать. Они смелые люди. Я это знал, когда обозвал их мышами, но тогда я просто хотел поднять их дух. Боюсь, у меня слишком хорошо получилось.

— Я дал им свое благословение, хотя большинство из них — агностики. Однако боюсь, что они сложат кости на этом континенте.

— А ты? Попытаешься добраться до Аризоны?

— Я видел ее сверху, пока мы кружили вокруг Земли, и могу сказать, что там нет не только организованного правительства, но и людей почти нет. Мог бы направиться в Юту, но и там не лучше И даже Соленое Озеро высохло. Возвращаться некуда. Да и не важно. Здесь работы хватит на всю жизнь.

— Какой работы? Проповедей? — Черчилль недоверчиво глянул на Сарванта, как будто впервые увидев его истинную сущность.

Нефи Сарвант был низеньким, темноволосым и костлявым, лет около сорока. Подбородок на его лице выдавался вперед настолько, что казался загнутым кверху. Рот с тонкими губами походил на щель. Огромный нос свешивался вниз, словно стремясь достать до подбородка. Товарищи по команде говорили, что он в профиль похож на щелкунчика.

Но большие, выразительные карие глаза горели внутренним огнем, как это часто случалось во время полета, когда он воспевал достоинства своей церкви как единственно истинной на Земле. Он принадлежал к секте, называвшей себя Последние Устои, — ядру строго ортодоксального течения, противостоявшего давлению субурбанизации, которому подверглись остальные

церкви по мере того, как частная жизнь горожан все больше переносилась в пригороды. Когда-то их считали странными; потом же христиане этого направления отличались от прочих христиан лишь тем, что по-прежнему посещали свою церковь, хотя огонь духовного подвига угас.

Но не в той группе, к которой принадлежал Сарвант Последние Устои отказывались перенимать так называемые недостатки своих соседей Они собирались в церкви Четвертого Июля в штате Аризона и оттуда рассылали миссионеров в равнодушный или любопытствующий мир.

Сарвант был включен в экипаж как крупнейший специалист в своей области геологии, но приняли его лишь после клятвенного обещания не заниматься проповедничеством. Он никогда не делал явных попыток обратить других в свою веру, только предлагал Книгу своей церкви, прося лишь ее прочитать. И спорил с другими, доказывая аутентичность Книги.

— Конечно, проповедь! — ответил он. — Эта страна открыта Евангелию, как во времена высадки Колумба. Говорю тебе, Ред, когда я увидел опустошение северо-запада, отчаяние наполнило меня. Казалось, что церковь моя исчезла с лица Земли. И если бы это было так, то церковь моя была бы ложной, ибо она должна была пребыть в веках. Но я молился, и мне открылась истина. Она в том, что я еще жив! И через меня вновь возрастет моя церковь — возрастет, как никогда раньше, и эти языческие умы, однажды убежденные Истиной, станут Первыми Учениками ее. И Книга распространится, как пожар. Среди христиан мы, Последние Устои, не имели успеха, поскольку те думали, что каждый принадлежит к Истинной Церкви, но для них она была лишь чуть больше, чем просто клубом. Она не была путем истины и жизни — единственным путем. Она...

— Я тебя понял, — перебил Черчилль. — Только одно хочу сказать: меня не припутывай. И без того достаточно туго придется. Ладно, пойдем.

— Куда?

— Куда-нибудь, где мы сможем обменять эти обезьяньи костюмы на туземную одежду.

Они стояли на улице под названием Конч. Она шла с севера на юг, и Черчилль решил пойти по ней на юг, сообразив, что так они придут к порту. А там, если мир не очень сильно изменился, будет не одна лавчонка, где они смогут обменять свои шмотки, да еще, быть может, с прибылью. В этом районе на улице Конч стояли дома зажиточных горожан и правительственные здания. Особняки находились в глубине ухоженных дворов и были сложены из кирпича или

мрамора. Эти одноэтажные здания тянулись вдоль всей улицы, и от большинства из них под прямым углом отходили два крыла. Перед каждым покрашенным в свой цвет и построенным на свой лад домом красовался тотемный шест, тоже, как правило, сделанный из резного камня; дерево шло на постройки, фургоны, оружие и топливо.

Правительственные здания, сложенные из кирпича и мрамора, стояли к улице вплотную. Стены были украшены резьбой и окружены открытой колоннадой. На куполообразных крышах домов стояло по статуе.

Черчилль и Сарвант прошли по асфальтовой мостовой (тротуаров не было) десять кварталов. Иногда им приходилось отступать к стене, давая дорогу всадникам на бешено скачущих оленях или повозкам. Всадники в богатой одежде явно считали, что пешеход сам должен убираться вовремя с дороги. Кучера повозок были скорее всего курьерами.

Внезапно богатый район кончился. Теперь дома стояли сплошной стеной, прерываемой иногда небольшими проездами. Это явно были когда-то правительственные здания, проданные в частное владение и переоборудованные под лавки или доходные дома. Перед домами играли голые дети.

Черчилль нашел лавку, которую искал, и вошел в нее; Сарвант держался позади. Внутри оказалась небольшая комната, заваленная всех видов одеждой. Лавку с грязным окном и не менее грязным цементным полом наполнял запах собачьих экскрементов. Два пса неопределимой породы подскочили к пришедшим и стали тыкаться в них носами, выпрашивая подачку.

Владельцем оказался толстый лысый коротышка с двойным подбородком и немыслимого размера медными кольцами в ушах. Он был очень похож на любого торговца той же породы любого столетия, если не считать некоторого сходства с оленем в чертах лица — дани времени.

— Мы хотим продать свою одежду, — сказал Черчилль.

— А она хоть что-то стоит?

— Как одежда — немного, — ответил Черчилль. — А как редкости ей цены нет. Мы — люди со звездолета.

Глаза лавочника полезли на лоб:

— Братья Солнце-героя!

Смысл этого высказывания был Черчиллю не вполне ясен. Том Табак лишь однажды упомянул, что капитан Стэгг стал Солнце-героем.

— Я уверен, что каждый предмет нашей одежды вы сможете продать за кругленькую сумму. Эти вещи летали к звездам, так далеко, что путь туда пешком без еды и отдыха

занял бы половину вечности. Эта одежда хранит на себе свет чужих солнц и пахнет далекими мирами. А на ботинках — почва, по которой ходят чудовища больше этого дома, от шага которых дрожит, как при землетрясении, сама планета.

Лавочник остался равнодушным:

— А Солнце-герой касался этой одежды?

— Много раз. А эту куртку он однажды надевал.

— А-ах!

Но тут лавочник понял, что выдал себя. Он опустил веки и сделал скорбное лицо:

— Все это хорошо, но я человек бедный. У моряков, что ко мне заглядывают, денег немного. Когда они доберутся сюда мимо всех таверн, они уже рады продать собственные шмотки.

— Может быть. Но я уверен, ты знаешь тех, кто может продать этот товар людям побогаче.

Лавочник вынул из кармана килта несколько монет:

— Могу дать за все четыре колумбии.

Черчилль повернулся к Сарванту, подмигнул ему и пошел к выходу, но лавочник загородил ему дорогу:

— Ладно, пять.

Черчилль показал на килт и сандалии:

— Сколько это стоит? То есть сколько ты за них берешь?

— Три рыбы.

Черчилль посчитал. Колумбия примерно равнялась пяти долларам его времени. Рыба равнялась четверти доллара.

— Ты не хуже меня знаешь, что хочешь нажить на нас тысячу процентов прибыли. Двадцать колумбий.

Лавочник отчаянным жестом воздел руки кверху.

— Пошли отсюда, — сказал Черчилль. — Я мог бы пройти по улице Миллионеров от дома к дому и предлагать им купить. Только времени нет. Даете двадцать или нет? В последний раз спрашиваю.

— Вы вырываете кусок хлеба изо рта моих голодных детей... Ладно, согласен на ваше предложение.

Через десять минут звездолетчики вышли из лавки, одетые в килты, сандалии и шляпы с мягкими полями. На широких поясах у них висели длинные стальные ножи в ножнах, на плече — сумки с водонепроницаемыми пончо, а в карманах у каждого звенело по восемь колумбий.

— Следующая остановка — причалы, — сказал Черчилль. — Мне случалось подрабатывать капитаном яхт для богатых людей на летних каникулах.

— Что ты умеешь водить суда, я знаю, — ответил Сарвант. — Я не забыл, что это ты командовал яхтой, которую мы украли, сбежав из тюрьмы на Виксе.

— А я забыл, — сказал Черчилль. — Я хочу попытать счастья и получить работу. Потом начнем разведывать обстановку. Может быть, сможем узнать, что случилось со Стэггом и Калторпом.

— Ред, — сказал Сарвант, — здесь что-то большее, чем поиски работы. Почему именно лодки? Я знаю, что у всех твоих действий есть подоплека.

— Ну ладно, я знаю, тебя не проведешь. Если я раздобуду подходящий корабль, мы возьмем ребят Ястжембского и поплывем в Азию через Европу.

— Очень рад это слышать, — ответил Сарвант. — А то я думал, что ты просто ушел и умыл руки. Но как ты их найдешь?

— Ты что, шутишь? — рассмеялся Черчилль. — Всего-то и делов — спросить в ближайшем храме.

— Храме?

— Ну конечно. Ведь здешнее правительство не собирается спускать с нас глаз. Да вот и за нами с тобой увязался хвост от самой тюрьмы.

— Где?

— Не оглядывайся, я тебе позже его покажу. Иди спокойно.

Вдруг Черчилль резко остановился. Посреди дороги оказались сидящие в кружок люди. Черчилль мог спокойно обойти их, но остановился и заглянул одному через плечо.

— Что они делают? — спросил Сарвант.

— Играют в кости по правилам двадцать девятого века.

— Мои убеждения не позволяют мне даже смотреть на азартные игры. Надеюсь, ты не собираешься с ними играть?

— Именно это я и собираюсь сделать.

— Не надо, Ред, — попросил Сарвант, кладя руку ему на плечо. — Ничего из этого хорошего не выйдет.

— Капеллан, я не твой прихожанин. Они играют по правилам, а это все, что мне нужно. — Черчилль достал из кармана три колумбии и громко спросил:

— Позволите поставить?

— Отчего же нет? — ответил здоровенный темноволосый малый с повязкой на глазу. — Играй, пока деньги есть. Ты с корабля?

— Недавно, — сказал Черчилль, опускаясь на колени и кладя на землю колумбию. — Моя очередь метать? Давайте, детки, папочке не хватает на ужин.

Через тридцать минут он подошел к Сарванту с пригоршней монет.

— Греховный заработок, — сказал он с улыбкой.

Улыбка оставила его лицо, когда он услышал громкий голос сзади. Обернувшись, он увидел, что к нему подходят игроки.

— Эй, друг, подожди. Есть к тебе пара вопросов.

— Ого, — сказал Черчилль углом рта. — Приготовься бежать. Эти парни не умеют проигрывать.

— Ты не жульничал? — с тревогой спросил Сарвант.

— Конечно, нет! Ты же меня знаешь. Да к тому же я не стал бы рисковать в такой компании.

— Эй, друг, — сказал одноглазый. — Ты как-то чудно́ говоришь. Ты откуда, из Альбани, что ли?

— Манитовок, в Висконсине, — ответил Черчилль.

— Никогда не слышал. Это что, маленький бург на севере?

— На северо-западе. А тебе зачем?

— А мы не любим чужих, которые даже по-дисийски толком не говорят. У них много всяких фокусов, особенно при игре в кости. Мы тут неделю назад поймали маримана из Норфолка, который над костями колдовал. Так ему выбили зубы и сбросили с причала с грузом на шее. С тех пор я его не видел.

— Если ты думал, что я мухлюю, надо было говорить во время игры.

Одноглазый моряк пропустил это мимо ушей и гнул свое:

— И знака братства я на тебе не вижу. Ты из какого братства?

— Бета ро ню*, — ответил Черчилль и положил руку на рукоять ножа.

— Ты это на какой тарабарщине говоришь? Братство Барана, что ли?

Черчилль понимал, что с ним и с Сарвантом действительно обойдутся как с баранами, если они не смогут доказать, что находятся под покровительством могущественного братства. Вообще-то он солгал бы не думая, чтобы выпутаться из подобного положения, но вдруг все напряжение последних полутора месяцев прорвалось вспышкой ярости.

— Я принадлежу к человеческой расе! — гаркнул он. — И это куда больше, чем ты о себе можешь сказать!

Одноглазый моряк побагровел:

— Клянусь грудями Колумбии, я тебе сердце вырву! Не будет вонючий иностранец со мной так разговаривать!

— Давай, ворюга! — зарычал Черчилль. Он выхватил из ножен кинжал, одновременно крикнув Сарванту: — Беги во весь дух!

---

* Студенческие братства в США обозначаются греческими буквами.

Одноглазый матрос вытащил свой нож и стал подступать к Черчиллю. Тот бросил ему в глаза пригоршню серебряных монет и рванулся вперед. Левой ладонью отбив руку противника с ножом так, что тот зазвенел по мостовой, Черчилль всадил свой нож в толстое брюхо врага.

Выдернув нож, он отскочил, поворачиваясь лицом к другим. Но те не хуже любых других моряков знали приемы драки без правил. Один поднял обломок кирпича и запустил Черчиллю в голову. Мир взорвался и затуманился, и сквозь туман он почувствовал, как заливает глаза кровь из рассеченного лба. Придя в себя, он обнаружил, что нож у него вырвали, а за руки крепко держат два здоровенных матроса.

Третий, костлявый коротышка, сделал шаг вперед и ткнул клинком прямо Черчиллю в живот.

V

Питер Стэгг проснулся. Он лежал на спине на чем-то мягком, под ветвями высокого дуба, а сквозь них просвечивало ясное небо. На ветках сидели птицы — воробей, дрозд и большая сойка, свесившая вниз босые человеческие ноги.

Ноги были загорелые, худые и отличной формы. Остальное тело было скрыто маскарадным костюмом гигантской сойки. Когда Стэгг проснулся, сойка сняла маску; открылось красивое лицо большеглазой и темноволосой девушки. У себя из-за спины она достала свисавший с дерева на веревке горн и, раньше чем Стэгг успел ее остановить, протрубила сигнал.

И тут же за его спиной началась суматоха.

Стэгг сел и обернулся посмотреть, в чем дело. Шумела толпа людей на другой стороне дороги — широкого бетонного шоссе, бегущего мимо ферм. Стэгг сидел на обочине на толстой стопке одеял, которую кто-то заботливо под него подложил.

Как и когда попал он в это место, он понятия не имел. Как и о том, где находится. Он живо помнил лишь то, что случилось до рассвета, а потом в его памяти был провал. По солнцу он понял, что сейчас около одиннадцати утра.

Девушка-сойка повисла на руках на ветке и спрыгнула на землю с высоты в пять футов. Поднялась и сказала:

— Доброе утро, Благородный Лось. Как ты чувствуешь себя?

Стэгг простонал:

— Болит и тянет в каждой мышце. И голова раскалывается.

— Тебе станет лучше после завтрака. Позволено ли мне будет сказать, что ночью ты был великолепен? Я никогда не

видала Солнце-героя, хоть сколько-нибудь на тебя похожего. Но я должна идти. Твой друг Калторп говорил, что ты, проснувшись, захочешь побыть с ним наедине.

— Калторп! — произнес Стэгг и снова застонал. — Вот уж последний человек, кого я хотел бы видеть.

Но девушка уже перебежала через дорогу и присоединилась к толпившейся там группе.

Из-за дерева высунулась белая голова Калторпа. Он шел, неся в руке большой накрытый поднос. На лице его была улыбка, но было видно, что он отчаянно пытается скрыть беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь? — крикнул он еще издали.

— Где мы? — спросил Стэгг.

— Я бы сказал, что на дороге, ранее называвшейся шоссе №1 США, а теперь — Копье Колумбии. В десяти милях от теперешних границ Вашингтона. Двумя милями дальше лежит сельскохозяйственный городок по имени Фэр-Грейс. Обычно в нем живут две тысячи человек, но сейчас там около пятнадцати тысяч. Съехались фермеры и фермерские дочки со всей округи. И весь Фэр-Грейс ждет тебя с нетерпением. Но ты не обязан бежать на их призыв. Ты — Солнце-герой, и можешь отдыхать и расслабляться. То есть до заката. А потом должен выступать, как вчера.

Стэгг поглядел вниз и впервые сообразил, что он до сих пор голый.

— Ты видел меня вчера ночью? — Он умоляюще взглянул на старика.

Пришла очередь Калторпа потупиться:

— С приставного сиденья — частично. Я прокрался в какой-то дом через толпу и смотрел на оргию с балкона.

— У тебя есть хотя бы какое-то понятие о приличиях? — гневно спросил Стэгг. — И без того плохо, что я не смог справиться с собой. И того хуже — ты был свидетелем моего унижения.

— Ничего себе унижение! Да, я тебя видел. Я же антрополог. И впервые я смог увидеть обряды плодородия вблизи. Ну а как твой друг, я за тебя волновался. Хотя нужды в этом не было: ты смог о себе позаботиться. Да и другие тоже.

— Ты надо мной смеешься? — вспыхнул Стэгг.

— Упаси Господь! Нет, это не насмешка, лишь любопытство. Может быть, зависть. Все дело, конечно, в пантах, которые дали тебе такое желание и такие возможности. Интересно, не вкололи бы они и мне немножко того, что вырабатывают эти органы?

Калторп поставил перед Стэггом поднос и снял с него покрывало:

— Тут такой завтрак, какого ты в жизни не видел.

Стэгг отвернулся:

— Убери. Меня тошнит. И желудок выворачивает, и с души воротит, как подумаю, что я ночью творил.

— А казалось, что тебе это нравится.

Стэгг зарычал в ярости, и Калторп выставил перед собой ладони:

— Я не хотел тебя оскорбить. Но я просто тебя видел, и это факт. Давай, парень, поешь. Посмотри, что мы тебе принесли! Свежий хлеб. Свежее масло. Варенье. Мед. Яйца, бекон, ветчина, форель, оленина — и кувшин холодного эля. И добавку любого блюда.

— Тошнит меня, я же тебе сказал! Есть не могу.

Несколько минут Стэгг молча сидел, глядя на яркие палатки на другой стороне дороги и снующих между ними людей. Калторп присел рядом и закурил большую зеленую сигару.

Вдруг Стэгг схватил кувшин и мощным глотком осушил его наполовину. Поставив кувшин, утер тыльной стороной ладони пену с губ, рыгнул и схватил нож и вилку.

Ел он как будто первый раз в жизни — или в последний.

— Приходится есть, — извиняющимся тоном вставил он между двумя кусками. — Я слаб, как новорожденный котенок. Посмотри, как руки дрожат.

— Тебе придется есть за сто человек, — ответил Калторп. — Да ты и поработал за сотню — даже за две!

Стэгг потрогал панты:

— Здесь они, никуда не делись. Эй! Гляди, они уже не стоят, как вчера вечером! Стали мягкими! Может, они скоро сморщатся и отсохнут?

— Нет. — Калторп покачал головой. — Когда к тебе вернется сила и кровяное давление повысится, они снова встанут. Это не настоящие панты. У оленя это костяные наросты, покрытые роговицей. У твоих, кажется, есть костное основание, но состоят они в основном из хряща, покрытого кожей и кровеносными сосудами. Потому не странно, что они повисли. Странно, как у тебя ни один сосуд не лопнул.

— Что бы эти рога в меня ни качали, — ответил Стэгг, — все выветрилось. Если не считать слабости и усталости, я чувствую себя нормально. Вот если бы от рогов избавиться! Док, ты не мог бы их убрать?

Калторп грустно качнул головой.

Стэгг побледнел:

— Так это повторится снова?

— Боюсь, что да, мой мальчик.

— Сегодня ночью, в Фэр-Грейсе? А следующей ночью в другом городе? И так до... до чего?

— Прости, Питер, но я понятия не имею, сколько это продлится.

Калторп вскрикнул от боли, когда могучие руки сжали оба его запястья. Стэгг ослабил хватку:

— Прости, док. Я завелся.

— Сейчас, — произнес Калторп, осторожно растирая запястья, — можно рассматривать только одну возможность. Мне кажется, что, поскольку все это началось в зимнее солнцестояние, закончиться оно должно в летнее солнцестояние. Где-то двадцать первого—двадцать второго июня. Ты — символ солнца. На самом деле эти люди считают, что ты — само солнце. Тем более что ты сошел с небес на пламенеющей стали.

Стэгг уронил голову в ладони. Между пальцами показались слезы, и Калторп потрепал его по золотистой голове, с трудом удерживая слезы сам. Он понимал, как глубоко горе капитана, если сквозь броню самообладания смогли прорваться слезы.

Наконец Стэгг встал и пошел через поля к текущему неподалеку ручью.

— Надо искупаться, — пробормотал он. — Уж если я должен быть Солнце-героем, то буду чистым Солнце-героем.

— Вот они идут, — сказал Калторп, показывая на толпу людей, ожидающих ярдах в пятидесяти. — Твои верные поклонники и телохранители.

— Сейчас я сам себе противен, — Стэгг состроил гримасу, — но вчера мне нравилось. У меня не было запретов. Сбылась тайная мечта любого мужчины — неограниченные возможности и неистощимая потенция. Я был богом! — Он остановился и снова схватил Калторпа за руку: — Возвращайся на корабль! Укради пистолет, если тебе его не дадут добром. Приходи сюда и застрели меня, чтобы мне снова через это не проходить!

— Извини, но прежде всего я не знаю, где взять пистолет. Том Табак сказал, что все оружие с корабля снято и заперто в тайном месте. Во-вторых, я не могу тебя убить. Пока есть жизнь — есть надежда. Мы выберемся.

— Скажи как? — горько сказал Стэгг.

Но продолжить разговор им уже не дали. Толпа пересекла поле и окружила их. Трудно было продолжать разговор под гудение рогов и грохот барабанов. Визжали свирели, что-то

кричали во весь голос мужчины и женщины, и группа красивых девушек настаивала на своем праве искупать Солнце-героя, обтереть его полотенцами и надушить. Очень быстро толпа разлучила их.

Стэггу стало получше.

Под искусными массирующими руками девушек уходила боль в мышцах, солнце поднималось к зениту, и сила Стэгга восстанавливалась. К двум часам в нем звенела сила жизни. Он рвался к действиям.

К несчастью, это был час сиесты. Толпа расселась в поисках тени для отдыха.

Возле Стэгга осталась горсточка верных. По их сонному виду Стэгг догадался, что они бы тоже не прочь прилечь. Но не имеют права: они были его охраной — высокие и сильные мужчины с копьями и ножами. Неподалеку стояло несколько лучников. Их странного вида стрелы вместо широких острых стальных наконечников имели длинные иглы. Несомненно, острия игл были смазаны средством, временно парализующим любого Солнце-героя, который осмелится удрать.

Стэгг подумал, что выставлять охрану глупо. Почувствовав себя лучше, он перестал думать о бегстве. Он даже удивлялся, как могла прийти ему в голову столь несуразная мысль.

Зачем убегать и рисковать жизнью, когда еще столько надо сделать?

Он пошел через поле обратно, сопровождаемый держащимися на почтительном расстоянии стражниками. На лугу раскинулось около сорока палаток, и втрое больше растянулось на траве спящих. Стэгга они в тот момент не заинтересовали.

Он хотел поговорить с девушкой в клетке.

С того самого времени как его поместили в Белый Дом, он все думал, кто она такая и за что ее держат в плену. На все вопросы он получал лишь доводящий до бешенства ответ: «Что будет — будет». Он вспомнил, как видел ее на пути к Виргинии, Главной Жрице. Воспоминание вызвало прилив стыда, испытанного ранее, но он быстро прошел.

Клетка на колесах стояла в тени дерева с широкой кроной, неподалеку бродил выпряженный олень. В пределах слышимости стражников не было.

Девушка сидела на встроенном в пол стульчаке. Рядом стоял, покуривая сигару, крестьянин и поджидал, покуда она закончит. Он вытащил горшок из углубления в стульчаке и понес к своему полю — удобрить почву.

Девушка была одета в жокейскую шапочку, серую рубаху и штаны до колен, хотя сейчас штаны были спущены на

лодыжки. Голову она низко склонила, хотя Стэгг не думал, что это из-за необходимости справлять нужду публично. Он много видел случаев естественного — по его мнению, просто животного — отношения людей к этому процессу. Они могли стыдиться многого, но публичное извержение в этот список не входило.

К потолку был туго притянут гамак. В одном углу клетки стоял веник, а в другом — прибитый к полу ящик, очевидно с туалетными принадлежностями, поскольку на стойке сбоку от него висели умывальник и полотенца.

Стэгг взглянул на табличку, возвышавшуюся над клеткой, как акулий плавник. «Маскотка, захваченная в набеге на Кейсиленд». Что это могло значить?

Он знал уже, что слово «маскотка» обозначало девственницу. Термин «девственница» сохранился для обозначения девбогинь. Но многого он все равно не понимал.

— Привет, — сказал он.

Девушка встрепенулась, будто ее пробудили от дремоты. Вскинув голову, она глянула на него. С лица с довольно мелкими чертами глядели большие темные глаза. Белая кожа побелела еще сильнее, когда она увидела его. Она отвернулась.

— Я сказал «привет». Ты что, говорить не умеешь? Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Я с тобой, скотиной, и разговаривать не хочу, — ответила она дрожащим голосом. — Убирайся!

Он сделал было шаг в сторону клетки, но остановился.

Она, конечно, была свидетельницей предыдущей ночи. Даже если бы она отвернулась или закрыла глаза, слышать ей все равно бы пришлось. И любопытство заставило бы ее открывать глаза. Хотя бы на секундочку время от времени.

— Я не был властен в том, что происходило, — сказал он. — Это делали они, а не я. — Он показал на свои панты. — Они что-то со мной сделали. Я не был собой.

— Убирайся, — повторила она. — Я не буду с тобой говорить. Ты — дьявол языческий.

— Это потому, что я без одежды? Так я надену килт.

— Убирайся!

К нему подошел охранник:

— Великий Лось, ты хочешь эту девчонку? Ты ее в конце концов получишь, только не сейчас. Когда кончится дорога. Тогда Великая Белая Мать отдаст ее тебе.

— Я просто хотел с ней поговорить.

Охранник усмехнулся:

— Чуть прижечь ее соблазнительную задницу — и она в лучшем виде заговорит. К сожалению, нам не разрешено ее пытать — пока что.

Стэгг отвернулся:

— Я найду способ заставить ее говорить. Потом. А сейчас я бы выпил еще холодного эля.

— Сию минуту, сир.

И охранник, нимало не думая о том, что перебудит весь лагерь, свистнул что есть силы в свисток. Из-за угла палатки выбежала девушка.

— Холодного эля! — гаркнул охранник.

Девушка убежала в палатку и немедленно примчалась обратно с подносом, на котором стоял медный кувшин с запотевшими боками.

Без слов благодарности Стэгг схватил кувшин и поднес ко рту. Опустил он его уже пустым.

— Хорошо пошло, — громко сказал он. — Но от эля распухаешь. У вас белая молния на льду есть?

— Разумеется, сир.

Она вернулась из палатки с серебряным кувшином, набитым осколками льда, и другим, полным чистого виски. Вылив молнию в кувшин со льдом, она подала его Стэггу.

Он поставил его обратно на поднос, лишь выпив половину.

Стражник встревожился:

— Великий Лось, если ты продолжишь в таком темпе, нам придется в Фэр-Грейс вносить тебя на руках!

— Солнце-герой может пить за десятерых, — ответила девушка, — и потом еще за одну ночь сотню маскоток уложить!

Стэгг громогласно рассмеялся:

— А ты что, смертный, этого не знаешь? А к тому же какой смысл быть Великим Лосем, если нельзя делать того, что хочешь?

— Прости меня, сир, — сказал стражник. — Я просто подумал, с каким нетерпением ждут тебя люди из Фэр-Грейса. Дело в том, что в прошлом году, когда Солнце-героем был Лев, он пошел из Вашингтона другой дорогой, и люди Фэр-Грейса не смогли прийти на церемонию. И потому они будут очень расстроены, если ты не покажешься.

— Не будь дураком, — ответила девушка. — Нельзя так говорить с Солнце-героем. Что, если он взбесится и захочет тебя убить? Такое бывало.

Охранник побледнел:

— С твоего разрешения, сир, я уйду к своим друзьям.

— Иди! — расхохотался Стэгг

Страж затрусил к стоящей в пятидесяти ярдах группе.

— Я опять есть хочу, — сказал Стэгг — Достань мне еды Мяса побольше

— Да, сир.

Стэгг пошел бродить по лагерю Набредя на толстого седого мужчину, храпящего в растянутом на двух треножниках гамаке, он перевернул гамак, вывалив толстяка на землю Рыча от смеха, он пошел по лагерю, крича в уши спящим. Те вскакивали, дико озираясь испуганными глазами Он хохотал, а потом, поймав какую-то девушку за ногу, стал щекотать ей подошву. Она визжала от смеха и плакала, умоляя ее отпустить. Рядом стоял молодой парень, ее жених, но не делал ни одного движения, чтобы ее освободить Костяшки на его сжатых кулаках побелели, но помешать Солнце-герою было бы святотатством.

Стэгг оглянулся и заметил его Поморщившись, он отпустил девушку и поднялся на ноги Тут появилась с подносом девушка, которую он послал за едой. На подносе стояли два кувшина эля. Взяв один, Стэгг спокойно вылил его молодому человеку на голову Засмеялись обе девушки, и будто по сигналу смех охватил весь лагерь. Ржал каждый

Девушка с подносом взяла второй кувшин и вылила его на выброшенного из гамака толстяка. От холодной струи тот вскочил на ноги. Вбежав в палатку, он выскочил оттуда с пивной кружкой и перевернул ее у девушки над головой.

Весь лагерь бросился поливать друг друга пивом. На всем лугу не оставалось ни одного человека, не забрызганного элем, пивом или виски, кроме девушки в клетке Даже Солнце-героя полили. Почуяв холодную жидкость, он засмеялся и побежал доставать еще, чтобы брызнуть в ответ, но по пути его настигла новая идея. Он стал крушить палатки, обрушивая их на головы жильцов. Из заваленных палаток раздавались сердитые вопли. Другие стали повторять действия Стэгга, и вскоре на лугу трудно было бы найти стоящую палатку

Стэгг схватил девушку, которая ему подавала, и ту, которую он щекотал.

— Вы наверняка маскотки, — сказал он — Иначе не бегали бы полуголые. Как это я вас ночью пропустил?

— Мы оказались недостаточно красивы для первой ночи

— Судьи у вас слепые, — зарычал Стэгг — Да вы самая красивая и желанная пара девиц, которую я в жизни видел!

— Спасибо тебе. Но одной красоты мало, чтобы попасть в невесты Солнце-героя, сир, хотя я говорю это со страхом, потому что, если услышит жрица, мне не позавидуешь. Однако известно, что, если у тебя папаша богат и со связями, шансов быть выбранной больше.

— Так почему вас двоих выбрали для того, чтобы прислуживать мне?

— Мы заняли второе место на конкурсе Мисс Америка, сир. Быть в твоей свите — это меньше, чем попасть на дебют в Вашингтон. Но все же это великая честь. И мы надеемся, что сегодня в Фэр-Грейсе...

Они глядели на него расширенными глазами, тяжело дыша, а губы и соски их вздулись.

— А чего ждать до вечера? — замычал он.

— Не в обычае что-нибудь делать, пока не начнутся обряды, сир. И притом большинство Солнце-героев до вечера в себя не приходят...

Стэгг пропустил еще один глоток. Подбросив кувшин высоко в воздух, он захохотал:

— Такого Солнце-героя, как я, вы еще не видали. Я — настоящий Лось!

Обхватив девушек за талии — по одной под каждую руку, — он поволок их в палатку.

VI

Черчилль отпрянул назад и попытался выбить еще пару зубов из гнилой пасти матроса. Но удар кирпичом обошелся ему дороже, чем он сам думал. Он едва смог поднять ногу.

— А, ты будешь, да? — квакнул гнилозубый.

При угрожающем движении Черчилля он отскочил назад. Теперь он уверенно двинулся вперед, направив нож Черчиллю в солнечное сплетение.

Раздался писк, маленький человечек прыгнул вперед и рукой загородил путь ножу. Острие прошло через ладонь и вышло, обагренное кровью, с другой стороны.

Это Сарвант предпринял неуклюжую, но эффективную попытку спасти жизнь другу.

Нож остановился лишь на секунду. Другой моряк отпихнул Сарванта с такой силой, что тот упал на спину с торчащим из ладони ножом, и матрос выдернул нож с явным намерением всадить его в прежнюю цель.

Свисток прогремел почти ему в ухо. Он застыл. Свистевший протянул пастуший посох и зацепил гнилозубого за шею его закругленным концом.

Свистевший был одет в светло-голубое, и глаза его тоже были светло-голубые для полного соответствия. И были холодны, насколько могут быть холодны человеческие глаза.

— Эти люди под защитой самой Колумбии, — сказал он. — Вы, ребята, тотчас же разбежитесь, если не хотите через

десять минут висеть. И потом никаких попыток сквитаться с этими двумя. Вам ясно?

Моряки побледнели под своим темным загаром. Кто-то судорожно сглотнул, кто-то кивнул, и они обратились в бегство.

— Мы обязаны вам жизнью, — сказал потрясенный Черчилль.

— Вы обязаны жизнью Великой Белой Матери, — ответил человек в голубой одежде. — И Она получит с вас, что захочет. Я же всего лишь Ее слуга. Ближайшие четыре недели вы под Ее защитой. Я надеюсь, вы покажете себя достойными Ее забот.

Он взглянул на кровоточащую руку Сарванта:

— И этому человеку ты тоже обязан жизнью. Хотя он был всего лишь орудием Колумбии, он послужил ей хорошо. Идемте со мной. Залечим руку.

Они пошли вниз по улице; Сарвант стонал от боли, Черчилль его поддерживал.

— Это тот, кто за нами следил, — сказал Черчилль. — К нашему счастью. И... спасибо тебе за то, что ты сделал.

На лице Сарванта выражение боли сменилось экстазом:

— Я был рад это для тебя сделать, Ред. И я бы сделал это снова, даже зная теперь, как будет больно. Это мое оправдание.

Черчилль не знал, как отвечать на такие речи, и потому не сказал ничего.

Оба молчали до тех пор, пока не вышли из портовой зоны к храму далеко на задворках улицы. Их проводник ввел их в прохладный зал. Он обратился к жрице в длинном белом платье, и та провела их в комнату поменьше. Черчилля попросили подождать, а Сарванта увели.

Черчилль не возражал, понимая, что у них нет намерения причинить зло Сарванту — по крайней мере сейчас.

Он бродил туда-сюда по комнате час — судя по показаниям песочных часов на столе. В ней было тихо, темно и прохладно.

Он собрался уже было перевернуть большие песочные часы, как появился Сарвант.

— Как рука?

Сарвант показал руку Черчиллю. Бинта не было. Рану заклеили, и она была покрыта слоем какого-то прозрачного вещества.

— Они сказали, что она с этого момента годится для любой работы, — удивленно объявил Сарвант. — Ред, во многих отношениях эти люди регрессировали, но в биологии они себе равных не знают. Жрица сказала, что эта тонкая ткань — псевдоплоть и она разрастется и даже места, где была рана, видно не будет. Они перелили мне кровь, дали какую-то еду, и

я сразу зарядился энергией. Но они сказали, что это не бесплатно, — добавил он с иронией, — и обещали выслать счет

— В этой культуре, у меня такое впечатление, не терпят дармоедов, — ответил Черчилль. — Нам бы лучше подыскать работу, да побыстрее

Они вышли из храма и продолжили прерванный путь в портовый район На этот раз они без инцидентов добрались до реки Потомак

Причалы тянулись вдоль берега по крайней мере на два километра. У пристаней вплотную теснились суда, и еще многие стояли на якоре посередине реки.

— Выглядит как изображение порта начала девятнадцатого столетия, — сказал Черчилль. — Парусные корабли всех типов и размеров. Пароходов я не ожидал увидеть, хотя глупо считать, что эти люди не смогли бы их построить.

— Запасы угля и нефти кончились намного раньше, чем мы покинули Землю, — сказал Сарвант. — Они могли бы жечь лес, но у меня создалось впечатление, что они, не обожествляя деревья, все же не рубят их без крайней необходимости. А ядерного горючего они или не знают, или соответствующие знания под запретом.

— Ветряная тяга может быть медленной, — заметил Черчилль, — зато она бесплатна и всегда под рукой. Смотри, какой красивый корабль!

Он показал на одномачтовую яхту с белым форштевнем и алым парусом. Она шла к слипу сразу за той пристанью, на которой они стояли

Черчилль, махнув Сарванту, направился вниз по широким ступеням, идущим вдоль берега. Он хотел поговорить с моряками, а люди на яхте были похожи на тех, на которых он когда-то работал в студенческие каникулы.

На руле стоял седой, крепко сбитый мужчина лет пятидесяти пяти Двое других казались его сыном и дочерью. Сын был высоким, хорошо сложенным, красивым парнем лет двадцати, его сестра — миниатюрной девушкой с хорошо развитым бюстом, тонкой талией, длинными ногами, потрясающе красивым лицом и длинными волосами цвета меда. Лет ей могло быть от шестнадцати до восемнадцати. Одета она была в свободные шаровары и короткую синюю куртку; ноги ее были босы

Она стояла на носу яхты и, увидев двух ждущих на слипе людей, сверкнула белыми зубами и крикнула:

— Держи конец, моряк!

Черчилль поймал конец и зачалил яхту. Девушка выпрыгнула на доски причала и улыбнулась:

— Спасибо, моряк!

Юноша сунул руку в карман килта и кинул Черчиллю монету:

— Это тебе за хлопоты.

Черчилль глянул на монету — это оказалась колумбия. Раз эти люди столь щедро раздают чаевые за такие мелкие услуги, с ними стоит познакомиться.

Он бросил монету обратно, и юноша, хотя и не ожидавший этого, ловко поймал ее одной рукой.

— Благодарю, — сказал Черчилль. — Но я не лакей.

У девушки расширились глаза, и Черчилль увидел, что они темного серо-голубого цвета.

— Мы не хотели вас обидеть.

Голос был глубокий и грудной.

— Я не обиделся, — ответил Черчилль.

— По вашему акценту я могу судить, что вы не дисиец. Не будет ли оскорблением спросить, какой ваш родной город?

— Нисколько. Я родился в Манитовоке — городе, которого больше нет. Зовут меня Редьярд Черчилль, а моего спутника — Нефи Сарвант. Он родился в городе Маса в штате Аризона. Нам по восемьсот лет, и для этого почтенного возраста мы замечательно хорошо сохранились.

У девушки перехватило дыхание.

— Ох! Братья Солнце-героя!

— Да, спутники капитана Стэгга.

Черчиллю было приятно произвести столь сильное впечатление.

Отец девушки протянул руку, и Черчилль заключил, что их принимают как равных, по крайней мере пока.

— Я Рес Витроу. Это мой сын Боб и моя дочь Робин.

— У вас красивый корабль, — сказал Черчилль, зная, как лучше всего вызвать владельца на разговор.

Рес Витроу тут же пустился в славословия достоинствам своего судна, время от времени перебиваемый восторженными комментариями детей. Когда в разговоре наступила пауза, Робин, затаив дыхание, сказала:

— Вы так много видели, столько чудес, если правда, что вы летали к звездам. Я бы так хотела вас послушать!

— Да, — подтвердил Витроу. — Я также горю желанием услышать ваш рассказ. Не согласились бы вы стать сегодня вечером моими гостями? Если, конечно, вы не заняты сегодня.

— Это честь для нас, — ответил Черчилль. — Но боюсь, мы не так одеты, чтобы сесть за ваш стол.

— О, не беспокойтесь! — от всего сердца сказал Витроу. — Я позабочусь, чтобы вас одели, как пристало братьям Солнцегероя!

— Может быть, вы знаете, что случилось со Стэггом?

— Как, вам не рассказали? Ах да, конечно, нет. Мы поговорим сегодня вечером. Очевидно, что вам неизвестно многое, ибо вы покинули Землю так фантастически давно. Неужто это правда? Восемьсот лет! Да хранит нас Колумбия!

Робин сняла куртку и осталась обнаженной до пояса. У нее был великолепный бюст, но она обращала на это не больше внимания, чем на все прочие свои стати. То есть она знала, что на нее стоит посмотреть, но никак не позволяла этому знанию влиять на грациозную и лишенную кокетства непринужденность своих движений.

На Сарванта это явно произвело впечатление, хотя он не позволял себе остановить на ней взгляд больше чем на краткое мгновение. «Странно, — подумал Черчилль. — Сарвант, как ни осуждал одежду дисийских девственниц, оставался равнодушным, видя, как они ходят по улицам, выставив груди. Может быть, он глядел на них безлично, как на диких туземок чужой страны, но знакомая девушка — это дело другое?»

Они поднялись по ступеням на набережную, где ждал экипаж. Он был запряжен парой красно-рыжих оленей, и, кроме кучера, при нем были еще двое вооруженных людей на запятках.

Витроу с сыном сели и пригласили Сарванта занять место рядом с ними. Робин без колебаний села рядом с Черчиллем почти вплотную. Одна ее грудь уперлась ему в плечо. Он почувствовал, как от плеча к лицу поднимается горячая волна, и про себя выругался, что не может скрыть волнение.

Они промчались по улицам, причем кучер принимал как должное, что пешеходы должны сами убираться с дороги, а не успеют — тем хуже для них. За пятнадцать минут они миновали район правительственных зданий и въехали туда, где располагались резиденции богатых и влиятельных. Завернув на длинную усыпанную гравием аллею, они остановились перед большим белым домом.

Черчилль спрыгнул и протянул руку, чтобы помочь сойти Робин. Она, улыбнувшись, сказала «спасибо», но Черчилль в этот момент рассматривал стоящий во дворе тотемный шест. На нем были изображены стилизованные головы животных, среди которых чаще всего попадалась кошка.

Витроу перехватил его взгляд и сказал:

— Я — Лев, а мои жена и дочери принадлежат к сестричеству Дикой Кошки.

— Я просто смотрел, — ответил Черчилль. — Мне известно, что в вашем обществе тотем играет важную роль, хотя сама идея для меня несколько странна.

— Я заметил, что у вас на одежде нет знаков никакого братства, — сказал Витроу. — Думаю, что мне, быть может, удастся помочь вам вступить в мое. Лучше быть членом братства. На самом деле я даже не знаю никого, кроме вас двоих, кто бы не имел своего братства.

Их прервали пятеро детей, вылетевшие из дверей и бросившиеся на шею к отцу. Витроу представил голых мальчиков и девочек, а когда они подошли к портику, он представил свою жену — Анджелу — толстую женщину средних лет, которая, вероятно, была когда-то красавицей.

Они вошли в небольшую переднюю, а оттуда — в комнату, тянувшуюся вдоль всего дома. Это была гостиная, комната отдыха и столовая одновременно.

Витроу поручил Бобу проводить гостей умыться. Они прошли внутрь дома, где приняли душ и надели одежду, которая, как настоятельно повторил несколько раз Боб, теперь принадлежала им.

Потом все вернулись в большую комнату, и Робин поднесла гостям два бокала вина. Черчилль предупредил отказ Сарванта:

— Я знаю, что это против твоих принципов, — прошипел он, — но отказ может их оскорбить. Пригуби по крайней мере.

— Если я уступлю в малом, я потом могу уступить и в главном, — ответил Сарвант.

— Ладно, будь упрямым ослом, — прошипел Черчилль. — Но ты ведь не напьешься пьян с одного бокала.

— Я коснусь бокала губами, — сказал Сарвант. — На большее я не пойду.

Черчилль разозлился, но не настолько, чтобы не оценить исключительный букет вина. Когда он допил свой бокал, их позвали к столу. Здесь Витроу показал им места справа от себя — для почетных гостей. Черчилля он усадил рядом с собой.

Робин сидела напротив, и ему это было приятно: глядеть на нее было одно удовольствие.

Анджела сидела на другом конце стола. Витроу произнес молитвы, разрезал мясо и раздал его гостям и своей семье. Анджела говорила много, но своего мужа не перебивала. Дети, хотя хихикали и шептались между собой, следили за тем, чтобы не вызвать у отца неудовольствия. И даже двадцать с лишним домашних кошек, шнырявших вокруг, вели себя как следует.

Судя по угощению, в стране отсутствовала карточная система. Помимо обычных фруктов и овощей, здесь были оленина и козлятина, цыплята и индейка, ветчина, жареные кузнечики и термиты. Слуги все время подливали в бокалы вино или пиво.

— Мне хотелось бы послушать о вашем путешествии среди звезд, — гудел Витроу. — Но это потом. За едой у нас принято просто болтать. Я вам расскажу про нас, чтобы вы нас знали и держались свободно.

Витроу засовывал в рот большие куски еды и во время разговора жевал. По его словам, он родился на маленькой ферме в Южной Виргинии, недалеко от Норфолка. Отец его был почтенным человеком, поскольку разводил свиней, а каждый, кроме, быть может, звездолетчиков, знает, что свиновод в Дисии — личность весьма почитаемая.

Но Витроу со свиньями не поладил. У него была склонность к кораблям, и, окончив школу, он бросил ферму и направился в Норфолк. Школьное образование соответствовало восьми классам во времена Черчилля. Витроу подразумевал, что образование не было обязательным и что его отцу оно обошлось в солидную сумму. Большинство населения было неграмотным.

Витроу уплыл на рыбацком судне учеником матроса. За несколько лет он накопил достаточно денег для поступления в школу навигации в Норфолке. По рассказанным им историям Черчилль понял, что компас и секстант все еще в ходу.

Витроу, хотя и был моряком, не был посвящен ни в одно из моряцких братств. Даже в юном возрасте он рассчитывал далеко вперед. Ему было известно, что самое сильное братство в Вашингтоне — Львы. Для сравнительно бедного юноши туда попасть было непросто, но ему улыбнулась удача.

— Сама Колумбия приняла меня под Свое крыло, — сказал он и, три раза стукнув по крышке стола, добавил: — Я не хвастаюсь, о Колумбия, я лишь извещаю людей о Твоей доброте.

Да, я был всего лишь простой моряк, несмотря даже на Математический Колледж Норфолка. Чтобы получить место офицера-на-обучении, нужно было покровительство богатого человека. И я нашел своего патрона. Я тогда плавал на торговой бригантине «Петрел», приписанной к Майами во Флориде. Флоридиане как раз только что проиграли большое морское сражение и искали мира. Наш корабль был первым за десять лет дисийским судном с грузом для Флориды, и мы рассчитывали на колоссальную прибыль. Флоридиане обрадовались бы нашим товарам, даже если бы им не понравились

наши рожи. Только по дороге на нас напали карельские пираты.

Черчилль было подумал, что ослышался и имелись в виду жители Каролины, но по некоторым деталям рассказа Витроу понял, что ошибся. Скорее всего это были люди из-за океана. Если так, то Америка не была так изолирована, как он думал.

Карельский корабль протаранил бригантину, и пираты пошли на абордаж. В схватке Витроу спас богатого пассажира от удара карельского меча, грозившего разрубить его пополам. Карелы были отбиты, хотя и с большими потерями. Убиты были все офицеры, и Витроу принял командование. Он не повернул обратно, а привел корабль в Майами, где продал груз с прибылью.

С этого дня он быстро пошел вверх.

Он получил собственный корабль. У капитана всегда есть возможности увеличить свое состояние. К тому же спасенный им человек хорошо знал мир бизнеса Вашингтона и Манхэттена и не раз указывал Витроу на выгодные сделки.

— Я часто бывал гостем в его доме, — продолжал Витроу, — и там я встретил Анджелу. Когда мы поженились, я стал компаньоном ее отца. И вот я перед вами, владелец пятнадцати торговых кораблей и многих ферм и счастливый отец этих здоровых и красивых детей, да не оставит нас Колумбия своим попечением.

— Выпьем за это! — провозгласил Черчилль, поднимая бокал, уже десятый. Он пытался было проявить умеренность, чтобы не утратить ясность мысли, но Витроу настаивал, чтобы гости пили, когда пил он. Сарвант отказался. Витроу ничего не сказал, но более с Сарвантом не разговаривал, кроме тех случаев, когда Сарвант обращался прямо к нему.

За столом стало шумно. Дети пили вино и пиво, даже младший — шестилетний мальчик. Они уже не хихикали, а смеялись в голос, особенно когда Витроу отпускал шутки, которые пришлись бы по нраву Рабле. Стоявшие за креслами слуги смеялись до слез и хватались за бока.

По-видимому, запретов у этих людей было мало. Жевали они шумно и не стеснялись говорить с полным ртом. Отец громко рыгнул, и дети тут же постарались его превзойти.

Поначалу от вида прекрасной Робин, жрущей, как свинья, Черчилля затошнило. Он понял, какая их разделяет пропасть, пропасть, состоящая не только из лет. После пятого бокала его отвращение растаяло. Он сказал себе, что их отношение к еде естественнее, чем в его время. Кроме того, застольные манеры не бывают хороши или плохи сами по себе. Что приемлемо, а что нет, определяется обычаем страны.

Сарвант, похоже, так не думал. За время застолья он стал еще молчаливее, а в конце не поднимал глаз от своей тарелки.

Витроу все больше расходился. Когда жена проходила мимо него, распоряжаясь слугами, он отвесил ей любовный, но тяжелый шлепок по широкому заду, расхохотался и сказал, что это напомнило ему ночь, когда была зачата Робин. И тут же пустился в подробные воспоминания об этой ночи.

Вдруг в середине рассказа Сарвант встал и вышел из дома. Воцарилось полное молчание.

Наконец Витроу спросил:

— Ваш друг болен?

— В некотором смысле, — ответил Черчилль. — Он родом из такого места, где разговоры о половой жизни — табу.

Витроу изумился:

— Как... как может такое быть? Что за нелепый обычай!

— У вас, наверное, есть свои табу, — сказал Черчилль, — и ему они могли бы показаться столь же странными. Если вы извините меня, я бы пошел спросить его, что он собирается делать. Но я вернусь.

— Попросите его вернуться. Хотелось бы еще раз взглянуть на человека с таким искривленным образом мыслей.

Черчилль застал Сарванта в очень пикантной ситуации. Тот сидел на середине тотемного столба, вцепившись изо всех сил в голову какого-то зверя, чтобы не свалиться.

Черчилль бросил взгляд на залитую лунным светом сцену и бросился в дом:

— Там львица! Она загнала Сарванта на столб!

— А, это Алиса, — ответил Витроу. — Мы ее выпускаем после заката для отпугивания грабителей. Я попрошу Робин — она и ее мать куда лучше меня обращаются с большими кошками. Робин, ты не отвела бы Алису на место?

— Я лучше возьму ее с собой, — ответила Робин.

Она посмотрела на отца:

— Ты не против, если мистер Черчилль повезет меня на концерт? Ты с ним можешь поговорить позже — я уверена, что он примет твое приглашение быть нашим гостем.

Что-то промелькнуло во взглядах, которыми обменялись отец и дочь. Витроу улыбнулся и сказал:

— Разумеется. Мистер Черчилль, не согласитесь ли вы быть гостем в моем доме? Мы просим вас жить у нас, сколько вам захочется.

— Это честь для меня, — ответил Черчилль. — Касается ли это приглашение и Сарванта?

— Если он захочет его принять. Но я не уверен, что он будет с нами чувствовать себя свободно.

Черчилль открыл дверь и пропустил Робин вперед. Она без колебаний вышла и взяла львицу за ошейник. Черчилль крикнул:

— Слазь, Сарвант! Еще не пришло время бросать христиан львам.

Сарвант неохотно спустился·

— Я не должен был поддаваться панике Но это было совершенно внезапно Такого я ожидал меньше всего

— Никто тебе не ставит в вину, что ты забрался туда, где тебя не достанут, — заверил его Черчилль. — Я бы так же поступил. Горный лев — это не то, к чему можно отнестись наплевательски.

— Погодите минутку, — попросила Робин — Я возьму Алисин поводок.

Она погладила львицу по голове и почесала под подбородком. Большая кошка замурлыкала, как отдаленный гром, а потом по команде своей хозяйки пошла за ней за угол дома.

— Ладно, Сарвант, — начал Черчилль, — чего ты сорвался, как птица из поговорки? Ты знаешь, как ты серьезно оскорбил хозяев? Счастье, что Витроу не взбесился Ты мог испортить самую большую удачу, что нам пока попалась.

Сарвант принял гневный вид.

— Ты же не думаешь, что я мог вытерпеть подобное скотское поведение? И его нецензурные описания соитий с собственной женой?

— Мне кажется, что в этом ничего нет неправильного с точки зрения обычаев этого времени и места, — ответил Черчилль. — Эти люди, они просто, что ли, земные Они радуются хорошей возне в койке, и им приятно это вспомнить в разговоре.

— Господь Всемогущий, ты их защищаешь?

— Сарвант, я тебя не понимаю Ты видел куда более отвратительные обычаи, просто тошнотворные, когда мы были на Виксе. И я ни разу не видел, чтобы ты покраснел

— Это было другое Виксанцы не люди

— Они гуманоиды Нельзя судить этих людей по нашим стандартам

— По-твоему, я должен с удовольствием слушать истории из его сексуальной жизни?

— Мне стало слегка не по себе, когда он рассказывал о зачатии Робин. Но лишь потому, что сама Робин была тут же А ей не было неприятно — у нее самой от смеха чуть живот не лопнул

— Эти люди — выродки! Бич Божий на их головы!

— Я думал, что ты — служитель Князя Милосердия

— Как? — переспросил Сарвант. Он на минуту замолчал, потом заговорил спокойнее: — Ты прав. Я ненавидел там, где должен был любить. Но я, в конце концов, всего лишь человек. И даже такой язычник, как ты, имеет право упрекнуть меня, если я призываю бич.

— Витроу просил передать тебе просьбу вернуться.

Сарвант покачал головой:

— Нет, мне этого не выдержать. Бог знает, что будет, если я проведу ночь под этой крышей. Не удивлюсь, если он предложит мне свою жену.

Черчилль рассмеялся:

— Не думаю. Витроу — не эскимос. И не стоит думать, что свобода в разговоре обязательно означает отсутствие строгой половой морали, подобной той, что была в наше время. Ну ладно, а что ты будешь делать?

— Пойду в какой-нибудь мотель и там переночую. А ты что собираешься делать?

— Сейчас Робин везет меня в город. Потом я собираюсь здесь ночевать. Такими возможностями я бросаться не буду. Витроу может оказаться нашим шансом занять приличное положение в дисийском обществе. В некоторых смыслах Вашингтон не изменился — здесь по-прежнему выгодно быть знакомым с влиятельными лицами.

Сарвант протянул руку. Физиономия-щелкунчик стала серьезной.

— Да пребудет с тобой Бог, — произнес он, повернулся и ушел в темноту улицы.

Из-за угла дома вышла Робин. В одной руке она держала поводок, а в другой — большую кожаную сумку. Очевидно, она успела не только прицепить поводок к ошейнику львицы. Даже при свете луны Черчилль мог заметить, что она переоделась и накрасилась. Еще она сменила сандалии на туфли с высокими каблуками.

— А куда ушел ваш друг?

— Куда-нибудь переночевать.

— Отлично! Мне он не очень понравился. И я боялась, что мне придется быть грубой и не пригласить его с нами.

— Не могу себе представить вас грубой — и не надо тратить на него слишком много сочувствия. По-моему, он любит страдать. Куда мы идем?

— Я думала пойти на концерт в парк. Но там так долго придется сидеть... Может быть, пойдем в парк развлечений? В ваше время такое было?

— Да. Интересно было бы посмотреть. Только мне все равно, куда мы идем. Лишь бы с вами.

— Я так и думала, что вам понравилась, — улыбнулась она.

— А кому бы вы не понравились? Только, должен признать, я удивлен, что и я вам настолько понравился. Я не очень привлекателен — просто рыжеволосый борец с лицом младенца.

— Младенцев я люблю, — ответила она со смехом. — Только не надо изображать удивление Спорить могу, что вы не одну девицу уложили в койку.

Черчилль вздрогнул. Он оказался не настолько нечувствительным к прямым выражениям дисийцев, как думал Сарвант

Но ему хватило ума не хвастаться. Он ответил:

— Я могу честно поклясться, что вы — первая женщина, которой я коснулся за последние восемьсот лет.

— Великая Колумбия, диво еще, как это ты на месте не лопнул и всех не забрызгал!

Она весело расхохоталась, но Черчилль вспыхнул. Хорошо еще, что они были в темноте.

— У меня есть мысль, — сказала она. — А почему бы нам сегодня ночью не походить под парусом? Луна полная, и Потомак будет красив. Заодно и от жары спасемся — над водой всегда бриз.

— Хорошо, но только далеко идти.

— Да хранит нас Виргиния! Ты что, думаешь, мы пойдем пешком? Вон там наш экипаж стоит и ждет.

Она сунула руку в карман юбки-колокола и достала маленький свисток. В ответ на пронзительный свист тут же раздался стук копыт и хруст колес по гравию. Черчилль помог ей подняться в коляску. За ними вспрыгнула львица и улеглась в ногах. Кучер крикнул «Гей-йя!», и коляска понеслась по залитой лунным светом улице. Черчилль подумал: зачем было брать с собой львицу, если на запятках стояли двое вооруженных слуг? Наверное, для лучшей охраны. В драке она стоила бы десятерых.

Они втроем вышли из экипажа. Робин приказала слугам подождать, пока они вернутся с прогулки. Спускаясь по широким ступеням к судну, Черчилль спросил:

— А они не заскучают, ожидая нас?

— Не думаю. У них с собой бутылка молнии и кости.

На борт яхты Алиса вспрыгнула первой и устроилась в маленькой каюте, по всей видимости надеясь, что там вода ее не достанет. Черчилль отвязал судно, оттолкнул от причала и вспрыгнул на борт Там они с Робин занялись парусами и прочей работой.

Прогулка была восхитительна Света полной луны было более чем достаточно, а бриз был настолько силен, яхта скользила по воде на приятной скорости Город смотрел черным чудовищем с тысячей мигающих огненных глаз — факе-

лов в руках прохожих Держа в руках румпель, Черчилль рассказывал сидящей рядом с ним Робин, как выглядел в его времена Вашингтон

— Множество стоящих вплотную башен, соединяющих их мостов и подземка с кучей туннелей. Башни уходили на милю в небо и еще на милю в землю Ночи не было — так ярко горели огни

— И все это умерло, рассыпалось и покрылось прахом, — сказала Робин

Она поежилась, как будто подумав о блеске и величии камня и стали и миллионах людей, более не живущих, и от этой мысли похолодев Черчилль обнял ее за плечи, она не противилась, и он ее поцеловал

Он подумал, что самое время было бы спустить парус и встать на якорь Интересно, не будет ли возражать львица, но он решил, что Робин лучше знает, как та будет действовать в подобных обстоятельствах Может быть, они с Робин спустятся в каютку, хотя он предпочел бы остаться на палубе Может быть, львица не возразит, чтобы ее заперли в каюте

Но этому не суждено было случиться. Когда он ей прямо сказал, зачем он хочет спустить парус, то получил ответ, что это невозможно По крайней мере сейчас

Робин говорила спокойно и улыбалась. Она даже сказала, что ей жаль

— Ты даже не представляешь себе, что ты со мной делаешь, Ред, — говорила она — Я думаю, что я в тебя влюбилась. Только я пока не понимаю, влюбилась я в тебя или в брата Солнце-героя Ты для меня более чем мужчина, ты во многом — полубог Ты родился восемьсот лет назад и побывал так далеко, что у меня голова кружится, как попытаюсь себе представить Мне чудится вокруг тебя сияние, светящее даже днем Но я порядочная девушка. Я не могу позволить себе — хотя видит Колумбия, как я хочу, — сейчас это с тобой. Пока я не буду точно знать Но я понимаю твои чувства. Почему бы тебе не сходить завтра в Храм Готии?

Черчилль не знал, о чем она говорит Его занимало единственное — не оскорбил ли он ее так сильно, что она не захочет больше его видеть Не одно желание влекло его к ней Он точно знал Он любил эту красивую девушку и хотел бы ее, даже если бы только что обработал дюжину баб.

— Вернемся, — сказала она. — Боюсь, я тебе испортила хороший вечер Это я виновата Не надо было мне тебя целовать Но так хотелось!

— Так ты на меня не сердишься?

— За что бы это?

— Ни за что. Но я снова счастлив.

Когда они, привязав судно, поднимались по ступеням, он остановил ее:

— Робин, а через сколько времени ты будешь знать?

— Завтра я иду в храм. Когда вернусь, смогу тебе сказать.

— Ты будешь молиться о вразумлении? Или что-то вроде этого?

— Молиться? Буду. Но это не главное. Я хочу, чтобы жрица провела со мной тест.

— А после этого теста ты будешь знать, хочешь ты или нет пойти за меня замуж?

— О Боже, нет, конечно! — ответила она. — Чтобы даже подумать о браке с тобой, я должна тебя куда лучше узнать. Нет, я хочу пройти через этот тест и узнать, должна ли я лечь с тобой в постель.

— Что за тест?

— Если ты не знаешь, то и волноваться не будешь. Но завтра я буду знать точно.

— Что знать?

— Имею ли я право перестать вести себя как девственница.

Ее лицо озарилось экстазом:

— Я буду знать, понесла ли я дитя от Солнце-героя!

VII

В то утро, когда Стэгг должен был вести парад в Балтимору, шел дождь. Стэгг и Калторп сидели в палатке с поднятыми стенками и пили для согрева горячую белую молнию. Стэгг сидел неподвижно как манекен во время ежеутренней процедуры окраски гениталий, ягодиц, необходимой, поскольку за ночь краска стиралась. Он молчал и не обращал внимания на смешки и комплименты трех девиц, чьей единственной работой было раскрашивать Солнце-героя каждое утро. Калторп, который обычно говорил как заведенный, пытаясь поднять настроение Стэгга, был тоже мрачен.

Наконец Стэгг сказал:

— Док, ты знаешь, что мы уже десять дней как вышли из Фэр-Грейса? Десять дней и десять городов. За это время мы с тобой уже должны были бы придумать, как нам сбежать. На самом деле если бы мы были те, что раньше, так уже давно бы ушли за холмы и подальше отсюда. Но об этом я могу думать только утром, когда настолько разбит и выдохся, что ни на что конструктивное не способен. А в полдень мне на все наплевать. Мне начинает нравиться, каким я стал.

— А от меня тебе немного помощи, так? — спросил Калторп. — Я напиваюсь, как и ты, и наутро меня тоже тошнит, и единственное, на что я способен, — съесть волосок укусившей меня собаки.

— Что, черт побери, стряслось? — сказал Стэгг. — Ты понимаешь, что я даже не знаю, куда иду или что со мной будет, когда я туда попаду? Я даже не знаю, что такое на самом деле Солнце-герой!

— Тут в основном я виноват, — ответил Калторп. Он вздохнул и отпил из своего стакана. — Похоже, просто не могу собраться.

Стэгг посмотрел на одного из сторожей, стоящего у входа соседней палатки:

— Как ты думаешь, если я пообещаю свернуть ему шею, он мне расскажет, что я хочу знать?

— Можешь попробовать.

Стэгг поднялся со стула.

— Дай-ка мне вон тот плащ. Думаю, они не будут возражать, если я его надену в дождливый день.

Он намекал на инцидент, случившийся накануне, когда он, перед тем как пойти поговорить с девушкой в клетке, надел килт. Служанки были шокированы, а потом позвали сторожей. Те окружили Стэгга, и, раньше чем он понял, в чем дело, стоящий сзади сорвал с него килт и убежал с ним в лес.

Весь день он не появлялся, боясь, очевидно, гнева Стэгга, но урок был ясен. Солнце-герой должен был выставлять свою обнаженную славу напоказ своему обожающему народу.

Теперь Стэгг набросил плащ и пошел босиком по мокрой траве. Охранники вышли из своей палатки и следовали за ним, но не приближались.

Стэгг остановился перед клеткой. Сидящая в ней пленница взглянула и отвернулась снова.

— Тебе нечего стесняться на меня смотреть, — сказал он. — Я же одет.

Молчание.

— Да говори ж ты, Бога ради! Я ведь тоже пленник, понимаешь. Точно так же в клетке, как и ты.

Девушка схватилась за решетку и прижалась к ней лицом:

— Ты сказал: «Бога ради!» Что это значит? Ты тоже кейсилендер? Не может быть. Мои соотечественники говорят не так. Но ты говоришь и не так, как дисийцы, и вообще никто, кого я слыхала. Скажи, ты веришь в Колумбию?

— Если на секунду остановишься, я тебе все объясню, — вставил слово Стэгг — Слава Богу, ты все-таки заговорила.

— Вот опять, — сказала она. — Нет, ты не почитатель этой презренной суки-Богини Но если так, то почему ты — Двурогий Царь?

— Я думал, ты мне это расскажешь. Если не можешь, расскажешь мне кое-что другое, чего я не знаю.

Он протянул ей бутылку·

— Выпьешь?

— Я бы выпила, но не из рук врага А я не уверена, что ты не враг.

Стэгг с трудом понимал ее речь. В ней было много слов, похожих на дисийские, так что общий смысл был понятен. Но она по-другому произносила гласные, и интонации были совсем не дисийские.

— Ты не могла бы говорить по-дисийски? — спросил он. — По-кейсилендски я не все понимаю.

— Я отлично говорю по-дисийски, — ответила она. — А какой язык для тебя родной?

— Американский двадцать первого века.

Она замерла, забыв выдохнуть воздух, и глаза у нее стали еще больше:

— Но как это может быть?

— Я родился в двадцать первом столетии. Тридцатого января 2030 года от Р. Х... это будет..

— Мне не надо говорить, — перебила она на его родном языке. — Это... э-э... 1 год П. О это 2100 год от Р. Х... значит, ты родился в 70 году Д. О. — до Опустошения. Но это неважно — у нас, кейсилендеров, принят старый стиль.

Стэгг усилием воли заставил себя перестать на нее пялиться и сказал:

— Но ты говоришь на американском двадцать первого столетия! Или очень на него похожем.

— Да. Вообще на нем говорят только священники, но у меня богатый отец. Он послал меня в Бостонский Университет, и там я выучила церковно-американский.

— Это что, язык богослужения?

— Да. После Опустошения латынь была забыта.

— Похоже, мне нужно выпить, — пробормотал Стэгг. — Ты первая?

Она улыбнулась и сказала

— Я мало что поняла из того, что ты сказал, но выпить не откажусь.

Стэгг просунул через прутья бутылку·

— По крайней мере я знаю твое имя. Мэри Рай-Моя-Судьба Маленькая Кейси. Но это и все, что я вытянул из моих сторожей.

Мэри вернула бутылку:

— Это было прекрасно. Так давно уже живу всухую. Ты говоришь — сторожа? А зачем? Разве Солнце-герои — не добровольцы?

Стэгг начал рассказывать. У него не было времени пускаться в подробности, хотя он и видел по выражению лица Мэри, что она понимает только половину слов. И время от времени ему приходилось переходить на дисийский, поскольку было видно, что Мэри, хотя и изучала в колледже церковно-американский, свободно им не владела.

— Так что видишь, — заключил он, — я просто жертва этих рогов. Я не отвечаю за свои действия.

Мэри покраснела:

— Я не хочу об этом говорить. У меня от этого с души воротит.

— У меня тоже, — ответил Стэгг. — По утрам. А позже...

— А убежать ты не можешь?

— Очень даже просто. А потом еще быстрее прибежать обратно.

— О, эти дисийские слуги зла! Они заколдовали тебя, и только дьявол в твоих чреслах, которым ты одержим, может тебя заставить творить такие мерзости! Если бы мы смогли сбежать в Кейсиленд, священник бы изгнал его.

Стэгг огляделся:

— Начинают снимать лагерь. Скоро выступим. В Балтимору. Послушай! Я тебе рассказал о себе. Но я ничего не знаю о тебе. Откуда ты, как попала в плен. И еще — ты могла бы мне рассказать обо мне самом, что значит вся эта суета вокруг Солнце-героя.

— Но я не понимаю, почему Кал... — Она прижала ладонь к губам.

— Калторп? Ты его имела в виду? А при чем здесь он? Ты только не говори, что с ним разговаривала! Он мне сказал, что ничего не знает!

— Мы с ним говорили. Я думала, он тебе рассказал.

— Он мне ни слова не сказал! Говорил только, что знает обо всем об этом не больше моего. Значит, он...

Лишившись дара речи, Стэгг повернулся и побежал прочь от клетки.

Посреди поля он снова обрел возможность произносить слова и взревел, выкрикивая имя маленького антрополога.

Люди разбегались с его пути, решив, что Великий Лось снова охвачен амоком. Калторп вышел из палатки. Увидев, что на него летит Стэгг, он шмыгнул через дорогу. Не останавливаясь перед каменной оградой, он схватился за нее рукой и

перескочил. Оказавшись на другой стороне, он со всей быстротой, на которую были способны его коротенькие ножки, перебежал через поле и свернул за угол фермы.

— Я тебя поймаю, Калторп, и все кости тебе переломаю! — орал вслед ему Стэгг. — Как ты мог такое сделать!

На секунду он остановился, тяжело дыша от ярости. Потом отвернулся, бормоча:

— А что? А что?

Тут дождь перестал. Еще через минуту разошлись облака и яростно засияло полуденное солнце.

Стэгг сорвал с себя плащ и швырнул его на землю:

— К чертовой матери Калторпа! Ни на хрен он мне не нужен и никогда не был! Предатель! Пропади он пропадом!

Он приказал Сильвии, прислужнице, принести еду и питье. Сначала он бросился жадно есть и пить, как всегда после полудня, а потом, насытившись, огляделся диким взглядом. Болтавшиеся при каждом движении головы панты встали и затвердели.

— Сколько до Балтиморы? — зарычал он.

— Два с половиной километра, сир. Прикажете подать экипаж?

— К чертям экипаж! Не желаю тащиться на колесах! Я пойду в Балтимору бегом! Возьму город внезапно! И окажусь там раньше, чем они узнают! Им покажется, что сам Прадед Всех Лосей обрушился на них! Я их всех размету, всех положу! Теперь мне не только маскоток подавай! Хватит с меня Мисс Америк! Сегодня — весь город!

Сильвия пришла в ужас:

— Но, сир, так... так просто не делают! С незапамятных времен...

— Солнце-герой я или нет? Я Двурогий Царь или нет? Я поступлю так, как пожелаю!

Он схватил у нее с подноса бутыль и побежал по дороге.

Сначала он бежал по бетону, но даже для его подошв, теперь твердых как железо, мостовая оказалась слишком шершавой, и он побежал по мягкой траве на обочине.

— Так-то оно лучше, — сказал он сам себе. — Чем ближе к Матери Земле, тем мне лучше и тем мне это больше нравится. Может быть, это суеверная чушь, что человека освежает прямое прикосновение к земле. Но я склонен верить дисийцам. Я чувствую, как вливается в меня сила из сердца Матери Земли, течет, как электрический ток, и заряжает мое тело. И силы этой столько, столько переполняющей меня силы, что уже тело мое не может ее вместить. И она проры-

вается через мою корону и возносится к небу языками пламени. Я чувствую

Он на секунду остановился открыть бутылку и глотнуть. Оглянувшись, он увидел, что охранники бегут за ним, но отстают ярдов на двести. У них не было его силы и скорости. Ведь, кроме природной мускулатуры, ему дополнительную силу придавали панты. Он, быть может, был самым сильным и самым быстрым человеком за всю историю Земли.

Он глотнул еще. Охранники приближались, но замедляли ход, и по их лицам было видно, что они выдыхаются. Они наложили стрелы на тетиву, но он думал, что они не будут стрелять, пока он держится дороги в Балтимору. Отклоняться от нее у него не было желания. Он хотел все так же бежать по закругленной груди Земли и чувствовать, как вливается в него ее сила и возносятся мысли.

Он побежал быстрее, время от времени подскакивая в воздух и издавая странные крики. Это было острое наслаждение, избыток не имеющих названия стремлений и их исполнения. Их можно было назвать лишь на языке первого человека Земли — обрывками бормочущих слов, которыми встающие на задние ноги обезьяны пытались, произнося своим неповоротливым языком, назвать окружающие предметы. Он пытался дать названия чувствам. И преуспел так же мало, как его древние предки сотни тысяч лет назад.

Но он, как и они, ощущал радость в усилиях. И осознавал нечто, что никогда никто до того не испытывал, новое не только для его вида, но, быть может, для любой живой твари в мире.

Он нагонял идущих по дороге мужчину и женщину с ребенком. Они, увидев его, остановились, а потом, узнав, кто это, пали на колени.

Стэгг не остановился

— Вы думаете, я один! — крикнул он на бегу. — Но я не один! Со мной Земля, ваша мать и моя! Она — невеста моя, и пойдет за мной, куда я пойду! Мне не уйти от Нее, и даже когда я летел среди звезд, таких далеких, что свет идет от них годами, со мною была Она И вот — я вернулся, и держу свое брачное обещание через восемьсот лет!

Когда он кончил говорить, они были уже далеко позади. Но ему было все равно, слышат его или нет. Он хотел говорить, говорить, говорить. Орать, орать, орать. Легкие разорвать, но выкрикнуть истину

И вдруг он остановился Взгляд его упал на большого рыжего лося, что пасся в загородке на лугу Это был единственный самец в стаде одной масти. Как и у оленей, выращиваемых на мясо и

молоко, у него была бычья стать — толстое тело, короткие ноги, мощная шея, тупые, но похотливые глаза. Да, явно высокопородный был самец, весьма ценимый как производитель.

Стэгг перелетел через изгородь, не касаясь ее, хотя она была сложена из гладкого камня высотой пять футов. Приземлившись на ноги, он побежал к лосю. Тот заревел и уперся в землю ногами. Лосихи кинулись к дальнему углу поля и там остановились посмотреть, что будет. Они лаяли, как переполошенные собаки, так что сам хозяин вышел из расположенного поблизости сарая посмотреть.

Стэгг подлетел к огромному самцу. Зверь ждал, пока человек не приблизился на двадцать ярдов. Тут он склонил рога, проревел вызов и бросился.

Стэгг радостно засмеялся и побежал навстречу. Четко рассчитав шаги, он взлетел в воздух как раз тогда, когда огромные ветвистые рога пронзили место, где он только что был. Подобрав ноги, чтобы рога их не зацепили, он тут же их вытянул и уселся как раз за основанием рогов на затылок зверя. Секундой позже лось махнул головой назад, рассчитывая зацепить человека рогами и сбросить со спины. Но он лишь сработал как трамплин, сбросив всадника себе на широкий круп.

И там Стэгг не спрыгнул на землю, а сделал обратное сальто, стараясь сесть лосю на шею. Но ноги соскользнули, и он скатился на землю возле лосиного бока.

Лось круто повернул, затрубил и снова, склонив рога, бросился. Но Стэгг уже был на ногах. Пропуская мчащуюся тушу, Стэгг отскочил в сторону и тут же, схватив лося за ухо, одним прыжком взлетел к нему на спину.

Следующие пять минут озадаченный фермер смотрел, как голый человек сидит верхом на встающем на дыбы, бьющем задом, хрипящем, мычащем, крутящемся на месте лосе, и тот никак не может его сбросить. Вдруг лось остановился. Глаза его были налиты кровью, слюна капала из открытой пасти, тяжело вздувались и опадали бока в такт хриплым звукам судорожных вдохов и выдохов.

— Открой ворота! — крикнул Стэгг фермеру. — Я въеду на этой твари в Балтимору, как подобает Двурогому Царю!

Фермер молча распахнул ворота. Он не собирался мешать Солнце-герою реквизировать своего призового производителя. Он отдал бы ему свой дом, жену, дочерей, самую свою жизнь без единого возражения.

Стэгг тронул зверя по дороге к Балтиморе. Далеко впереди в сторону города ехал экипаж. Даже отсюда он разглядел, что

в нем сидит Сильвия, спеша предупредить жителей Балтиморы о преждевременном прибытии Двурогого Царя — и, конечно, передать его похвальбу изнасиловать весь город.

Стэгг хотел бы влететь в город по пятам за ней, но лось дышал все еще тяжело, и он пустил его шагом, давая отдохнуть.

За полкилометра до Балтиморы Стэгг ударил его пятками по ребрам и гаркнул в ухо. Тот двинулся рысью, а затем, подчиняясь понуждению всадника, перешел в галоп. Проскакав между двумя низкими холмами, Стэгг вдруг оказался на главной улице Балтиморы. Она шла прямо двенадцать кварталов и вела на центральную площадь, где в спешке собиралась толпа. Как только Стэгг пересек черту города, оркестр грянул «Колумбия, жемчужина океана», и в сторону Солнце-героя направилась группа жриц.

За ними по ранжиру плотно построились маскотки, удостоенные выбора в невесты Солнце-героя на эту ночь. Им очень шли белые юбки колоколом и белые же кружевные вуали; а на кончиках грудей у них поместились белые кружевные оборочки. Каждая маскотка держала букет белых роз.

Стэгг позволил большому лосю замедлить бег до рыси, экономя его силы для финального рывка. Стэгг помахал рукой толпе и поклонился, а потом крикнул девочке-подростку, спрятавшейся за спиной родителей — ей не удалось занять первое место на конкурсе «Мисс Америка»:

— Не плачь, сегодня и на твою долю хватит!

Звуки фанфар, грохот барабанов, визг свирелей ударили в уши и наполнили улицы. Жрицы шли к нему. Они были облачены в светло-голубые платья — цвет богини Марии, божественной покровительницы Мериленда. Согласно мифу, Мария была внучкой Колумбии и дочерью Виргинии. Это она сжалилась над туземцами этих мест и взяла их под свою защиту.

Жрицы, пятьдесят сильнейших, шли к нему. Они пели, бросали цветы бархатца и время от времени испускали возбужденные крики.

Стэгг подпустил их примерно на пятьдесят метров. Тут он сдавил лося ногами и стукнул его кулаком по голове. Тот взревел и попятился, а потом пошел галопом прямо на жриц. Те прекратили петь и остановились в удивленном молчании. Вдруг, поняв, что Солнце-герой не собирается останавливать своего скакуна, что он не тормозит, а разгоняется, они завизжали и попытались отскочить в сторону. Но там уже непроницаемой массой стояла толпа. Тогда они повернулись и

попытались удрать от галопирующего лося, сбивая друг друга, спотыкаясь об упавшие тела, загораживая друг другу дорогу.

И только одна жрица не стала убегать. Это была главная жрица, женщина пятидесяти лет, сохранившая девственность в честь своей патронессы-Богини. И она осталась на месте, будто пригвожденная к земле собственной храбростью. Одной рукой она бросила Стэггу навстречу букет ноготков, а другой, держащей золотой серп, начертила символ веры.

Букет упал под ноги лося, был растоптан, а вслед за ним была повержена наземь жрица, и летящее копыто раскроило ей череп.

Столкновение с телом жрицы ни на волос не уменьшило напор лося, весящего не меньше тонны. Он летел прямо на толпу мечущихся и извивающихся женщин.

Лось остановился, будто наехав на каменную стену, но Стэгг полетел дальше.

Он сорвался с наклоненной шеи и взлетел в воздух поверх рогов. Минуту казалось, что он повис. Под ним разлетелась в разные стороны от удара лосиной туши группа жриц в голубом — одни стонали, лежа на спине, другие ползли на четвереньках, третьи катились колесом. Перед ним вертелась на земле оторванная голова — ее зацепило кончиком лосиного рога и сорвало с шеи.

Он пролетел над голубыми ошметками и обрушился на поле белых вуалей, за которыми прятались красные губы, белых разлетающихся юбок и обнаженных девственных грудей.

Потом он упал в западню кружева и плоти и скрылся с глаз.

VIII

До вечера следующего дня Питер Стэгг не просыпался. И все же из своей компании он поднялся первым, если не считать Калторпа, который уже сидел рядом с постелью своего капитана.

— Ты давно здесь? — спросил Стэгг.

— В Балтиморе? Сразу вслед за тобой. Я видел, как ты направил лося на жриц — и все, что было потом.

Стэгг сел и застонал:

— У меня все мышцы болят, будто я горы перетаскивал.

— Так и было. Ты не хотел остановиться до десяти утра. Но у тебя не только мышцы должны болеть. Как спина?

— Болит немножко. Жжет слегка справа внизу.

— И все? — Белые брови Калторпа поползли вверх. — Единственное, что я могу сказать, — эти твои панты не просто

гонят в кровь филопрогенетивные гормоны. Они еще помогают восстановлению клеток.

— К чему ты это все?

— Тебе прошлой ночью один человек всадил в спину нож. Тебя это, впрочем, ни от чего не удержало, а рана почти зажила. Конечно, нож вошел не глубже дюйма. У тебя на редкость твердые мышцы.

— Что-то такое смутно помню, — сказал Стэгг. Он вздрогнул. — А что с ним потом сталось?

— Женщины разорвали его на куски.

— А за что это он меня?

— Похоже, умственно неуравновешенный. Он позавидовал твоему интенсивному интересу к жизни и ткнул тебя ножом. Он, конечно, совершил страшное кощунство. Женщины его разорвали зубами и ногтями.

— А почему ты говоришь, что он был умственно неуравновешенный?

— Потому что так это и было — по крайней мере с точки зрения местной культуры. Никто в здравом уме и твердой памяти не возразит, чтобы его жена совокупилась с Солнце-героем. Это на самом деле была бы великая честь, поскольку обычно все время Солнце-героя посвящено девственницам. Ты, впрочем, вчера ночью сделал исключение. Для всего города. Или, по крайней мере, постарался.

Стэгг вздохнул:

— Прошлая ночь была хуже всех. Правда, что я вчера откатал больше обычного?

— По крайней мере балтиморцы в этом не виноваты. Ты сразу взял высокий тон, растоптав этих жриц. Кстати, в чем был смысл этого?

— Не знаю. В тот момент показалось, что так будет хорошо. Может быть, подсознательное желание отомстить тем, кто все это устроил. — Он показал на свои панты. И тут же вспомнил о предательстве Калторпа:

— Ты, Иуда! Ты почему от меня все скрываешь?

— Кто тебе сказал? Та девушка?

— Да. Неважно. Давай, док, колись. Если это больно, все равно выкладывай. Я тебя не трону. По пантам видно, в своем я уме или нет. Видишь, они болтаются.

— Смысл событий я стал подозревать, как только чуть освоил язык, — начал Калторп. — Но не был уверен, пока они не навесили на тебя эти панты. Потом я не хотел тебе говорить, пока не придумал способа удрать. Я боялся, что ты можешь сломаться. Вскоре я увидел, что ты, даже если убежишь утром, вернешься к вечеру — если не раньше. Этот

биологический прибор у тебя на лбу дает тебе более чем практически беспредельную возможность разбрасывать свое семя: он еще дает тебе непреодолимый порыв поступать именно так. Он тебя полностью захватывает — завладевает тобой. Ты — самый выдающийся случай сатириаза за всю историю человечества.

— Как это на меня действует, я знаю, — нетерпеливо перебил Стэгг. — Я хочу знать, что это за роль я играю? Какова цель? И зачем нужен весь этот солнцегеройный антураж?

— Не хочешь сначала выпить?

— Нет! Я не хочу топить горе в вине. Сегодня я хочу что-нибудь сделать. А потому дай-ка мне большой глоток холодной воды. А еще я до смерти хочу помыться, смыть весь пот и слизь. Но это подождет. Прошу вас, рассказывайте, сэр. И покороче, черт тебя возьми.

— У меня нет времени углубляться в мифы и историю Дисии, — сказал Калторп. — Это может подождать до завтра. Но я могу очень точно тебе описать, что за сомнительной чести пост тебе достался.

Коротко говоря, в тебе сошлись несколько религиозных ролей, в частности Солнце-героя и Царя-Лося. Солнце-герой — это человек, которого каждый год выбирают для изображения в символической форме обхода Солнца вокруг Земли. Да-да, я знаю, что это Земля обходит вокруг Солнца, и дисийские жрицы тоже знают, равно как и неграмотные массы. Но с практической точки зрения Солнце обходит вокруг Земли, и так об этом мыслят даже ученые, когда не мыслят научно.

Итак, Солнце-герой выбирается, и он символически рождается в церемонии, происходящей около 21 декабря. Почему тогда? Потому что это день зимнего солнцестояния. Солнце слабее всего и достигает самой южной точки.

Поэтому тебе пришлось пройти через сцену имитации родов.

И поэтому ты теперь идешь по дороге на север. Тебе предназначено пройти путь, который проходит Солнце после зимнего солнцестояния. И ты, как Солнце, будешь все сильнее и сильнее. Ты заметил, как растет действие пантов? Доказательство — тот сумасшедший номер, который ты отколол, когда оседлал лося и переехал жриц.

— А что случится, когда я доеду до самой северной точки? — спросил Стэгг. Он говорил спокойно и владел собой, но кожа под бронзовым загаром побледнела.

— Это будет город Альбани, который мы знали как Олбэни, штат Нью-Йорк. Самая северная точка государства Дисия. И там живет Альба, Богиня-Свинья. Альба — это Колумбия в ипостаси Богини Смерти. Ей посвящена свинья, потому что

она, как и смерть, всеядна. Еще она Богиня Белой Луны — другого символа смерти.

Калторп замолчал. Он, казалось, не может продолжать разговор, глаза его затуманились.

— Давай, — подбодрил его Стэгг. — Я выдержу.

Калторп сделал глубокий вдох и продолжал:

— Согласно дисийскому мифу, на севере Богиня Луны берет Солнце-героя в плен. Иносказание, обозначающее, что он...

— Погибает, — закончил Стэгг.

Калторп сглотнул слюну:

— Да. Солнце-герой оканчивает Великий Путь в летнее солнцестояние — 22 июня.

— А что же ипостась Великого Лося, Двурогий Царь?

— Дисийцы — всякие, но прежде всего экономные. Они объединили роли Солнце-героя и Царя-Лося. Он — символ мужчины. Он рождается слабым и беспомощным младенцем, вырастает сильным и мужественным самцом, любовником и отцом. Но и он заканчивает Великий Путь и волей-неволей должен взглянуть в лицо смерти. Когда он с ней встречается, он слеп, лыс, слаб и лишен пола. И... он борется за последний вздох, но Альба безжалостно выжимает из него дыхание.

— Давай без символики, док, — попросил Стэгг. — Сообщай факты на простом английском языке.

— В Альбани будет колоссальная церемония — финальная. Там ты овладеешь не нежными юными девственницами, но седовласыми, с отвислыми грудями старухами — жрицами Богини-Свиньи. Твое естественное отвращение к старухам не устоит после долгого воздержания, которому тебя подвергнут, содержа в клетке, пока похоть не достигнет таких пределов, что ты бросишься на любую столетнюю прабабку. А потом...

— Потом?

— Потом тебя ослепят, скальпируют и оскопят, потом повесят. На неделю воцарится национальный траур. Потом тебя похоронят в позе эмбриона под дольменом, аркой из огромных каменных плит. Над гробом твоим скажут молитвы и принесут в жертву лосей.

— Да, это утешает, — задумчиво произнес Стэгг. — А скажи, док, почему на эту роль выбрали меня? Разве Солнце-герои — не добровольцы?

— Мужчины соревнуются за эту честь, как соревнуются девственницы за право стать Невестой Лося. Избранный мужчина обычно самый сильный, самый красивый, самый мужественный юноша нации. Тебе не повезло не только в этом, но еще и в том, что ты оказался капитаном людей, достигших

неба на огненном скакуне и вернувшихся на землю. Мифы гласят, что это сделал Солнце-герой. Я думаю, дисийское правительство решило, что, убрав тебя, они дезорганизуют весь экипаж. И уменьшат опасность, что мы оживим прежнее богомерзкое знание.

Вон Мэри Кейси тебе машет. Я думаю, она хочет с тобой поговорить.

IX

— А почему ты, когда говоришь со мной, в сторону смотришь? — спросил Питер Стэгг.

— Потому, что мне трудно вас двоих разделить, — ответила Мэри Кейси.

— Кого — двоих?

— Питера, которого я знаю по утрам, и Питера, которого я вижу вечером. Прости, но ничего не могу с собой поделать. Закрываю глаза и пытаюсь думать о другом, но уши закрыть не могу. И хотя я знаю, что ты ничего не можешь с собой поделать, я тебя проклинаю. Прости. Я тоже ничего не могу поделать.

— Так зачем же ты меня позвала на разговор?

— Потому что я знаю, что поступаю не по правилам милосердия. Потому что знаю, что ты хотел бы выбраться из своей клетки из плоти не меньше, чем я — из своей клетки из стали. Потому что я надеюсь, что мы найдем способ удрать.

— Мы с Калторпом несколько планов проработали, но ни один из них не предотвратит моего возвращения назад. Как только рога начинают действовать, я бегу обратно к бабам.

— А если ты соберешь всю свою силу воли?

— Эти рога собьют с пути святого.

— Тогда это безнадежно, — унылым голосом сказала она.

— Не совсем. Я не собираюсь пройти всю дорогу до Альбани. Где-то между Манхэттеном и Альбани я сбегу в леса. Лучше попытаться и погибнуть, чем идти, как бык на бойню.

Сменим тему. Расскажи о себе и своем народе. Мне сильно связывает руки невежество. Я слишком мало знаю, чтобы найти выход.

Мэри Кейси ответила:

— Я была бы рада. Мне нужно с кем-то говорить, даже с... Ой, прости.

Весь следующий час Стэгг стоял около клетки, а она, не поднимая глаз от пола, рассказывала ему о себе и Кейсиленде. Он время от времени задавал вопросы, поскольку она считала знание основ само собой разумеющимся.

Кейсиленд расположился на территории, которая когда-то звалась Новой Англией. Он не был ни так густо населен, ни так богат, как Дисия. Его обитатели занимались земледелием, но их благосостояние больше зависело от свиноводства и оленьих стад, а еще — от моря. Даже во время войны с Дисией на юго-западе, карелами на севере и ирокуазами на северо-западе они продолжали торговать со своими врагами. У них было принято довольно странное установление — Военный Договор. Он, по общему согласию, ограничивал число воинов, которых можно посылать в набеги через границу в течение года, а также устанавливал и правила ведения войны. Дисийцы и ирокуазы этих правил придерживались, но карелы их постоянно нарушали.

— Так как же может при этом какая-нибудь сторона рассчитывать на победу? — изумленно спросил Стэгг.

— Никто и не рассчитывает. Я думаю, Военный Договор был принят нашими предками по одной причине: дать выход энергии воинственных мужчин и в то же время дать возможность большинству пахать землю. Карелы нарушают договор потому, что живут по экономике военного времени.

Она продолжила пересказ основ истории своего народа. Было две легенды, объясняющих название Кейсиленд. Одна гласила, что после Опустошения организация, именовавшая себя Рыцарями Колумба, основала небольшой городок возле Бостона, который, подобно древнему Риму, разросся и поглотил соседей. Городок был назван первыми буквами наименования ордена на языке предков — Кей Си, и через некоторое время это стали понимать как имя легендарного предка — Кейси.

По другой считалось, что реальное семейство Кейси основало город и назвало его своим именем. Это породило теперешнюю клановую систему, при которой каждый житель страны носил фамилию Кейси.

Была и третья версия, не слишком распространенная. Объединяя первые две, она утверждала, что человек по имени Кейси был главой Рыцарей Колумба.

— Наверное, врут все три, — предположил Стэгг.

Такое предположение Мэри не понравилось, но она умела широко смотреть на вещи. Она сказала, что это возможно.

— А что вы думаете насчет того, что говорят о вас дисийцы? Они говорят, что вы почитаете бога-отца по имени Колумб и что это имя вы взяли у их богини Колумбии и обратили в мужчину и богиню, и ее имя. И правда, что у вашего бога два имени: Иегова и Колумб?

— Это ложь! — гневно ответила Мэри. — Эти дисийцы перепутали имя нашего бога и Св. Колумба. Правда, что мы часто молимся Св. Колумбу о заступничестве пред Иеговой. Но мы ему не поклоняемся.

— А кто был Св. Колумб?

— Да ведь каждый знает, что он приплыл с востока, из-за океана, и высадился в Кейсиленде. Он обратил в истинную веру граждан нашего города и основал орден Рыцарей Колумба. Если бы не Св. Колумб, мы все остались бы язычниками.

Стэгг уже начинал чувствовать беспокойство, но хотел перед уходом успеть задать ей еще один вопрос.

— Я знаю, что «маскотка» — термин, обозначающий девственницу. Ты не знаешь, как это слово получило теперешний смысл?

— А оно всегда таким было, — ответила она. — Еще и на языке наших предков слово «маскот» означало «приносящий удачу», а маскотка действительно приносит счастье. Ты замечал, как дисийцы, перед тем как рискнуть, стараются тронуть волосы не достигшей созревания маскотки? Это потому, что собственную удачу человек мог и растерять. И те, кто идут в набег, всегда берут с собой маскотку на счастье. Я шла с отрядом против Покипсов, когда попала в плен к дисийцам. И что меня захватили при набеге на Кейсиленд — это ложь. Но не стоит ждать правды от тех, кто почитает Матерь Лжи.

Стэгг понял, что представления кейсилендеров так же запутаны и перемешаны, как у дисийцев. Спорить и отделять историю от мифов было бы бессмысленно.

Большие артерии в основаниях его рогов начали призывно пульсировать, и сами рога — твердеть.

— Мне пора идти, — сказал он. — До завтра.

Он повернулся и пошел, с трудом удерживаясь от бега.

Так проходили дни и ночи. По утрам была слабость и обсуждение планов побега. Днем — еда, питье и удалые, иногда жестокие, скачки. Ночи... ночи были наполнены видением стонущей белой плоти, пульсом, бившимся в унисон ударам глубоко спрятанного сердца самой земли, превращением из человека в природную силу. Безумный экстаз, тело, повинующееся лишь воле Принципа. Он был орудием, не имеющим выбора, подчиняющимся тому, чем был одержим.

Великий Путь вел из Вашингтона по Копью Колумбии — дороге, когда-то называвшейся шоссе № 1 США — через Балтимору, где переходил на дорогу, когда-то бывшую шоссе № 40 США, а теперь — Путем Марии. С Пути Марии он поворачивал в сторону за Вилмином (Вилмингтон, штат Делавэр) на бывший

Переезд Нью-Джерси. Эта дорога теперь носила имя одной из дочерей Колумбии — Ндзужи.

На неделю Стэгг остановился в Каепте (Кемден) и заметил, что в городе много солдат. Ему объяснили, что Фили (Филадельфия), лежащая на другом берегу реки Двей (Делавэр), — столица враждебного государства Пант-Эльфии (Пенсильвания).

От Кемдена солдаты проводили Стэгга на бывшее шоссе № 30, пока он не ушел на безопасное расстояние в глубь страны. Там они его оставили, и Стэгг со свитой продолжили путь до города Берлина.

После пышной встречи и оргий Стэгг продолжил путь по бывшему шоссе № 30 до Таланта (Атлантик-Сити).

Там он задержался на две недели. В этом столичном городе было тридцать тысяч жителей, а за счет окрестных селян, пришедших на празднества по случаю прибытия Стэгга, население выросло впятеро. Отсюда Стэгг направился по бывшей Гарден Стейт Парквэй, откуда свернул на бывшее шоссе № 72. Она вела к № 70, а та — к бывшему шоссе № 206. По этой дороге Стэгг проследовал до Тринта (Трентон), где его вновь встречала большая толпа.

После Трентона он вновь вышел на Копье Колумбии — бывшее шоссе № 1. Пройдя обычным путем через относительно большие города Элизабет, Ньюарк и Джерси-Сити, он на пароме переправился на остров Манхэттен. Самую большую остановку он сделал в районе Большого Нью-Йорка, потому что в Манхэттене было пятьдесят тысяч жителей и окрестные города были не намного меньше.

А кроме того, в это время начинался чемпионат мира.

Стэгг должен был не только вбросить первый бейсбольный мяч сезона, но в его обязанности входило присутствовать на каждой игре. Первый раз он понял, как сильно изменилась игра. Теперь она велась так, что редкостью был матч, в котором обе команды не понесли бы серьезных потерь ранеными, а часто — убитыми.

В первой половине чемпионата проходили игры между чемпионами лиг разных штатов. В финальной игре встретились «Манхэттенские гиганты» с «Вашингтонскими дьяволами». «Гиганты» победили, но потеряли столько игроков, что в следующих международных играх им пришлось взять в резерв игроков «Дьяволов».

Международная часть чемпионата состояла из игр между чемпионами Дисии, Пант-Эльфии, Кейсиленда, Ирокуазской Лиги, Флориды, Буффало и пиратов Карелии. Государство

Буффало занимало территорию от города Буффало до береговой линии озер Онтарио и Эри.

Последняя игра чемпионата мира стала кровавой битвой между командами Дисии и Кейсиленда. У кейсилендеров частью формы были красные леггинсы, но к концу встречи все участники были окрашены красным с головы до ног. Страсти накалились до предела, и не только у игроков, но и у болельщиков. Кейсилендерам отвели секцию стадиона, окруженную высокой изгородью и колючей проволокой. Возле них поставили силы полиции Манхэттена — для защиты, если дело зайдет далеко.

К несчастью, судья — карел, от которого ожидался нейтралитет, так как он одинаково ненавидел обе стороны, — принял решение, по своим последствиям разрушительное.

Шел девятый иннинг, и счет был 7:7. Отбивали «Гиганты». Один человек стоял на третьей базе, и, хотя был ранен в шею, у него хватило бы сил попробовать бежать к дому, если бы представился шанс. Двое выбыли из игры — в буквальном смысле слова. Один, покрытый брезентом, лежал там, где его настиг удар — между второй и третьей. Другой сидел в дагауте и стонал, а врач заливал ему клеем порезы на голове.

Человек с битой был лучшим хиттером Дисии, а ему противостоял лучший питчер Кейсиленда. Форма его мало изменилась с девятнадцатого столетия, а по щеке стекала струя табачной жвачки. Бэттер покачивал битой, и на ее боках играли солнечные блики — потому что верхняя часть была окована медными полосами. Он ждал команды судьи «Мяч в игру!» и, услыхав ее, не сразу ступил на пластину.

Вместо этого он повернулся и подождал, пока из дагаута к нему подбежала маскотка.

Это была симпатичная маленькая брюнетка, одетая в форму игрока. Единственным отклонением от вековой традиции был треугольный вырез на рубашке, обнажавший маленькие, но твердые груди.

Большой Билл Яблоня, бэттер, потерся костяшками пальцев о волосы маскотки, поцеловал ее в лоб и дал дружеского шлепка, когда она повернулась бежать обратно к дагауту. Он ступил в квадрат, нарисованный мелом на земле, и стал в древнюю позу бэттера, готового сразиться с питчером.

Лэнки Джон Вверх-По-Холму-И-Через-Реку-Джордан Могучий Кейси сплюнул табачную жвачку и начал замах. В правой руке он держал соответствующий правилам мяч. Из него торчали четыре полудюймовых стальных шипа — по одному на каждом полюсе и два на экваторе. Джону Кейси приходилось держать мяч так, чтобы выступающие шипы не поранили

руку при закрутке. Это ограничивало его по сравнению с питчерами древности. Зато он стоял на шесть метров ближе к бэттеру, а это более чем искупало неудобство в обращении с мячом.

Он подождал, пока к нему подошла маскотка кейсилендеров, и потер костяшки пальцев о ее голову. Потом он размахнулся и бросил.

Шипастый мяч прожужжал на полдюйма от лица Большого Билла Яблони. Тот моргнул, но не отклонился.

Рев толпы приветствовал его храбрость.

— Мяч первый! — крикнул судья.

Кейсилендские болельщики заулюлюкали. Оттуда, где они сидели, казалось, что мяч, пройдя рядом с головой Билла Яблони, был точно по меловой линии квадрата. Поэтому бросок должен был быть засчитан как страйк.

По следующему Билл Яблоня ударил — и промахнулся.

— Страйк первый!

На третьей подаче Билл взмахнул битой и попал. Однако мяч полетел влево. Это был фол.

— Страйк второй!

На следующей подаче мяч полетел, шипя, в живот Билла Яблони. Он втянул живот и отскочил назад, как раз чтобы уйти с дороги, но не выйти из квадрата — это был бы страйк.

Следующая подача. Билл Яблоня промазал по мячу, и тот попал ему в бок. Билл Яблоня упал на землю, в боку застрял шип.

Толпа застонала, а потом стало сравнительно тихо, когда судья начал отсчет.

Биллу Яблоне давалось десять секунд на то, чтобы встать и занять позицию бэттера, иначе был бы засчитан страйк.

Дисийская маскотка, высокая красивая девушка с исключительно длинными ногами и пышными рыжими волосами, спадающими ей до бедер, грудями твердыми и круглыми, как яблоки, побежала к нему. Перескочив сделанный специально для этого в загородке перелаз, она подбежала к Биллу Яблоне, упала на колени и наклонилась так, чтобы ее волосы упали ему на лицо. Считалось, что при этом от нее к нему переливается сила девственницы, маскотки, посвященной Великой Белой Матери в ипостаси Унфекк. Но этого было явно недостаточно. Он что-то сказал, и она поднялась, отстегнула клапан, закрывавший низ живота, и снова склонилась над ним. Толпа заревела: это значило, что Билл Яблоня ранен так серьезно, что ему нужна двойная доза духовно-физической силы.

При счете «восемь» Билл Яблоня поднялся на ноги. Толпа приветствовала его радостными воплями. Даже кейсилендеры

устроили овацию — они чествовали мужество врага. Вырвав шип из бока, Билл Яблоня взял бинт из рук маскотки и залепил рану. Бинт прилип — его псевдоплоть сразу выпустила массу нитей с присосками, закрепившими его на ране.

Он кивнул судье, что может продолжать.

— Мяч в игру!

Теперь была очередь Билла подавать. За ним была одна попытка сбить питчера наземь. Если она удастся, он может идти к первой базе.

Он замахнулся и метнул мяч. Джон Кейси стоял в нарисованном для таких случаев узком квадрате. Если он выйдет оттуда — это будет позор, а Билл Яблоня сможет пройти весь путь ко второй.

Кейсилендер крепко уперся ногами, но согнул колени, готовясь отклонить тело в любую сторону.

Подача была технической ошибкой, хотя мяч краем вертящегося шипа порезал ему правое бедро.

Джон Кейси подхватил мяч и замахнулся.

Дисийские болельщики молча молились, скрестив пальцы или гладя по волосам ближайших маскоток. Кейсилендеры охрипли от крика. Пант-Эльфы, ирокуазы, флоридцы и буффальцы орали оскорбления той команде, которую больше ненавидели.

Дисиец на третьей базе вышел на край, готовый бежать к дому, если представится случай. Кейси заметил его, но не сделал угрожающего движения.

Первый бросок он послал точно над пластиной, стараясь вызвать Билла Яблоню на длинный отбив вместо хитрости и, быть может, добиться назначения второго мяча. Четыре мяча, и Билл Яблоня может идти на первую.

Большой бэттер дисийской команды ударил по мячу в лоб. Но, как это часто бывает, удар пришелся по шипу. Мяч взлетел над дорожкой от дома к первой базе и упал посередине между ними.

Билл Яблоня запустил битой в питчера (его право) и рванулся к первой базе. На полпути ему в голову влепили мяч. И тут же с ним на полной скорости столкнулся первый бейсмен, бросившийся на перехват мяча. Билл свалился, но подскочил как резиновый, пробежал несколько шагов, свалился и проехал в сторону первой на животе.

Однако бейсмен, не поднимаясь с земли, подобрал мяч и, замахнувшись в сторону Билла Яблони, сразу же вскочил и бросил мяч в дом. Мяч чвакнул в массивную толстую перчатку кэтчера как раз перед тем, как человек на третьей базе скользнул на пластину

Судья удалил дисийского игрока, и никто с этим не спорил. Но первый бейсмен подошел к судье и громко сообщил, что задел Билла, когда тот убегал. Так что Билл Яблоня тоже оказался выбит из игры.

Билл отрицал, что его задели.

Первый бейсмен брался доказать свою правоту. Он зацепил дисийца сбоку лодыжки шипом от мяча.

Судья заставил Билла Яблоню спустить леггинс.

— У тебя тут свежая рана, еще кровоточит, — сказал он. — Ты выбит.

— Я не выбит! — заорал Билл, брызгая табачной жвачкой судье в лицо. — У меня кровоточат два пореза на бедре, а это было в прошлом иннинге! Этот поклонник бога-отца лжет!

— А откуда ему знать, что надо глядеть на твою правую ногу, если это не он тебя зацепил? — заорал судья в ответ. — Судья тут я, и я говорю, что ты выбит! Вон с поля! ОУТ! — повторил он по-дисийски.

Это решение не очень хорошо было принято дисийскими болельщиками. Они заулюлюкали, и над толпой понеслось бессмертное «Судью на мыло!»

Карел побледнел, но с места не сдвинулся. К несчастью, его храбрость и упорство сослужили ему плохую службу, поскольку толпа ворвалась на стадион и повесила его за шею на ближайшей перекладине. Потом толпа набросилась на команду кейсилендеров. Они могли бы погибнуть под бешеными ударами, но в дело вмешалась манхэттенская полиция, успокоившая особо активных ударами мечей плашмя. Они даже успели обрезать веревку, на которой повесили карела, раньше чем тот задохнулся.

Тем временем кейсилендские болельщики бросились на выручку своей команде. До игроков они не добрались, но схлестнулись с дисийскими фанами.

Какое-то время Стэгг наблюдал за схваткой. Сначала он подумал было прыгнуть в гущу свалки, рассыпая налево и направо удары чудовищных кулаков — в нем закипела жажда крови. Он уже поднялся было, чтобы прыгнуть в бушевавшую под ним толпу, но тут на него обрушилась волна женщин, тоже возбужденных дракой, но на другой манер.

X

Последнюю ночь Черчилль плохо спал. У него перед глазами стояло экзальтированное лицо Робин, когда она сказала, что надеется понести ребенка от Солнце-героя.

В первую очередь он ругал самого себя: не сообразил, что она окажется среди сотни девственниц, дебютировавших в ночь торжеств. Она была слишком красива, а ее отец — слишком влиятелен, чтобы ее обошли.

Он извинял себя тем, что мало знал о дисийской культуре. Его собственное отношение было слишком окрашено моралью его времени. Он относился к ней как к девушке начала двадцать первого столетия.

Он клял себя за то, что влюбился в Робин. Это было достойно двадцатилетнего юнца, а не тридцатидвухлетнего — даже восьмисоттридцатидвухлетнего — мужчины. Человека, пролетевшего тысячи миллионов миль межзвездных пространств и сделавшего звезды своим владением. Влюбиться в восемнадцатилетнюю девчонку, знавшую лишь маленький кусочек Земли в течение крошечной доли времени!

Но Черчилль был практичен, а факт оставался фактом: он хотел получить в жены Робин Витроу — по крайней мере пока не был огорошен ее вчерашним заявлением.

Какое-то время он ненавидел Питера Стэгга. Черчилль всегда слегка завидовал капитану — ведь тот был не только высок и красив, но и занимал должность, которую, как чувствовал Черчилль, он сам вполне был бы способен занять. Ему нравился Стэгг, и он уважал его, но, будучи честным с самим собой, знал, что завидует капитану.

Знать, что Стэгг, как обычно, победил его и здесь, было почти невыносимо. Всегда этот Стэгг оказывался первым.

Невыносимым — почти.

Ночь тянулась, и Черчилль встал с постели, закурил сигару и, расхаживая туда-сюда, заставил себя быть с самим собой откровенным.

В том, что случилось, не было вины ни Стэгга, ни Робин. И Робин абсолютно не была влюблена в Стэгга. Бедный же чертяка Стэгг был приговорен к короткой, но бурной жизни.

Непосредственные же факты, с которыми Черчиллю предстояло иметь дело, были таковы: он хочет жениться на женщине, возможно беременной от другого. Ни ей, ни ее отцу это не могло быть поставлено в вину. Имело значение лишь то, хочет ли он жениться на Робин и вырастить ребенка как своего.

В конце концов он лег в постель и заставил себя заснуть с помощью йоговских упражнений.

Примерно через час после рассвета он проснулся и вышел из своей комнаты. Слуга сообщил ему, что Витроу поехал в город в свою контору, а Робин с матерью отправились в храм. Через два часа или раньше женщины должны были вернуться.

Черчилль спросил о Сарванте, но тот еще не появлялся.

Он позавтракал в компании детишек. Они просили рассказать что-нибудь о путешествии к звездам. Он вспомнил эпизод на Вольфе, когда команда, удирая от люпинов на плоту через болото, напоролась на воздушных осьминогов. Эти огромные твари парили в воздухе на надутых легким газом пузырях, а добычу хватали длинными висячими нитями. Эти нити били жертву током — убивали или парализовали, — а потом мощные когтистые щупальца разрывали ее на части.

Дети сидели молча с широко раскрытыми глазами и внимали истории, как если бы видели перед собой полубога. К концу завтрака он заметно помрачнел, особенно когда вспомнил, что ему спас жизнь, обрубив щупальце гада, не кто иной, как Стэгг.

Когда он поднялся из-за стола, дети стали просить его рассказать что-нибудь еще. Его отпустили только после обещания днем продолжить.

Он приказал слугам передать Сарванту, чтобы тот его подождал, а Робин — что идет разыскивать своих товарищей по экипажу. Слуги настояли, чтобы он взял экипаж и упряжку. Ему не хотелось быть обязанным Витроу еще больше, но отказ мог бы быть воспринят как оскорбление. Он поехал по Конч-авеню, направляясь к стадиону, где стояла «Терра».

Найти нужного чиновника оказалось нелегко — кое в чем Вашингтон не менялся. За небольшую мзду тут и там он получил нужную информацию и попал в офис человека, в чьем ведении находилась «Терра».

— Я бы хотел знать, где сейчас ее экипаж, — спросил он.

Чиновник извинился, вышел минут на пятнадцать, в течение которых искал информацию о бывших членах экипажа «Терры». Вернувшись, он сообщил, что все, кроме одного, сейчас в Доме Потерянных Душ. Это, по его словам, был пансион со столом и квартирой для иностранцев и путешественников, не могущих найти гостиницы для членов братства, к которому они принадлежат.

— Если вы — брат Солнце-героя, да еще и в городе, то могли бы остановиться в Холле Лося, — сообщил чиновник. — Но пока вас не посвятят в братство, вам придется искать себе любое общественное или частное жилье. Это не всегда просто.

Черчилль поблагодарил и вышел. Следуя указаниям чиновника, он поехал к Дому Потерянных Душ.

Там он нашел всех оставшихся товарищей. Как и он, они оделись в местную одежду. И точно так же продали свои костюмы.

Они обменялись накопившимися со вчерашнего дня новостями, и Черчилль спросил про Сарванта.

— Мы о нем не слыхали, — ответил за всех Гбью-хан. — И пока еще сами не знаем, что собираемся делать.

— Если проявите терпение, — сказал Черчилль, — может быть, вам удастся отплыть домой.

Он им описал состояние мореходства в Дисии и шансы на захват судна. В заключение он сказал:

— Если у меня будет корабль, для каждого из вас там найдется койка. Но вы должны быть пригодны к тому, чтобы нанять вас матросами. А это значит, что вы должны быть посвящены в какое-нибудь братство мореплавателей и должны накопить опыт. Поэтому для выполнения нашего плана нужно будет время. Если вас это не устраивает, можете попробовать по суше.

Прообсуждав шансы в течение двух часов, они решили присоединиться к Черчиллю.

Тот встал из-за стола:

— Отлично. Пока что ваша главная квартира будет здесь. Где меня найти, вы знаете. Счастливо, ребята.

Черчилль пустил оленей бежать медленной рысью, как им хочется. Он со страхом думал, что может ждать его в доме Витроу, и сам все еще не решил, что сделает.

Наконец коляска подкатила к дому. Слуги распрягли оленей. Черчилль заставил себя войти внутрь. Там за столом сидели Робин с матерью, болтая, как пара счастливых сорок.

Робин вскочила со стула и подлетела к нему, сияя от радости:

— Ред, случилось! Я беременна ребенком Солнце-героя! И жрица сказала, что это мальчик!

Черчилль попытался улыбнуться, но не смог. Даже когда Робин схватила его в объятия и закружилась с ним по комнате, он не мог себя заставить улыбнуться.

— Выпейте холодного пива, — предложила ее мать. — У вас такой вид, будто вас расстроили плохие новости. Надеюсь, что это не так. Сегодня у нас будет день радости. Я — дочь Солнце-героя, и моя дочь — тоже, а теперь и мой внук будет сыном Солнце-героя. Трижды благословила этот дом Колумбия. Мы должны отблагодарить ее радостью и весельем.

Черчилль сел и залпом опрокинул в себя содержимое кружки.

— Я должен просить прощения. У моих людей не все гладко. Но это к вам не имеет отношения. Что я хотел бы знать, так это что Робин собирается делать дальше?

Анджела Витроу поглядела на него взглядом, проникающим, казалось в самую глубь его мыслей.

— Что ж, теперь она примет предложение какого-нибудь молодого счастливца стать ее мужем. Ей придется хлопотно, потому что по крайней мере десять претендентов настроены весьма серьезно.

— Ей нравится кто-нибудь из них в особенности? — спросил Черчилль незаинтересованным, как он надеялся, тоном.

— Мне она этого не говорила, — ответила мать Робин. — Но на вашем месте, мистер Черчилль, я бы спросила ее здесь и сейчас — пока другие не набежали.

Черчилль был поражен, но сумел не измениться в лице:

— Как вы угадали, что у меня на уме?

— Но ведь вы мужчина? И я знаю, что Робин к вам неравнодушна. Думаю, вы самый подходящий для нее муж.

— Спасибо, — промямлил он. Несколько секунд он сидел молча, барабаня пальцами по столу. Потом встал, подошел к Робин, игравшей в углу со своей любимой кошкой, и взял ее за плечи.

— Робин, пойдешь за меня замуж?

— Да! — завопила она, падая в его объятия.

Вот так это и вышло.

Приняв решение, Черчилль сказал себе, что у него нет оснований для неприязни к ребенку Стэгга или тому, как Робин его зачала. В конце концов, сказал он себе, если бы Робин была за Стэггом замужем и он умер, Черчиллю не на что было бы обижаться. А фактически ситуация была аналогичной. Одну ночь Робин была женой его бывшего капитана.

И хотя Стэгг пока еще жив, это не затянется надолго.

Неприятным фактором был его подход с готовой системой ценностей к ситуации, в которой эта система была неприменима. Черчиллю хотелось бы, чтобы его невеста была девственна. Этого не было, вот и все.

Но, несмотря на все эти логические построения, его не покидало чувство, что его предали.

Но времени на подобные размышления оставалось немного. Витроу был вызван из конторы домой. Он всхлипнул и обнял своего будущего зятя, а потом напился. Тем временем служанки увели Черчилля вымыться и постричься. Потом его промассировали и надушили. Выйдя из ванной, он обнаружил, что Анджела Витроу с несколькими подругами готовятся к вечернему торжеству.

Вскоре после ужина начали стекаться гости. К тому времени и Витроу, и жених его дочери успели хорошо заглянуть

в кружку. Гости не возражали. На самом деле они ожидали увидеть именно это и постарались догнать.

Много было смеха, разговоров и бахвальства. Случился лишь один неприятный инцидент. Один из молодых людей, сильно ухлестывавших за Робин, поднял на смех иностранный акцент Черчилля и вызвал его на дуэль. На ножах, у подножия тотемного шеста. Пусть их обоих привяжут за пояс к шесту, и победитель получит Робин.

Черчилль дал мальчишке в челюсть, и его друзья со смехом и гиканьем отнесли бесчувственное тело в экипаж.

Около полуночи Робин оставила своих подруг и взяла Черчилля за руку:

— Пойдем в постель.

— Куда? Сейчас?

— В мою комнату, глупый. И, конечно, сейчас!

— Робин, ведь мы еще не женаты. Или я так напился, что не заметил?

— Нет, свадьба будет в храме в следующую субботу. А какое это имеет отношение к постели?

— Никакого, — торжественно ответил он, пожав плечами. — Другие времена, другие нравы. Веди, Макдуф.

Она хихикнула и спросила:

— Что ты бормочешь?

— Что бы ты сделала, если бы я пошел на попятную перед свадьбой?

— Ты шутишь, конечно?

— Конечно. Робин, милая, я ведь совсем не знаю дисийских обычаев, и мне просто интересно.

— Я бы ничего не сделала. Но это было бы смертельное оскорбление моему отцу и брату. Им пришлось бы тебя убить.

— Я просто спросил.

Следующая неделя была забита под завязку. Помимо обычных приготовлений к свадебной церемонии, Черчилль должен был решить, в какое братство вступить. Немыслимо было бы выдать Робин за человека без тотема.

— Я бы предложил, — говорил Витроу, — мой собственный тотем, Льва. Но лучше, если твое братство будет прямо связано с твоей работой и осенено покровительствующим духом того животного, с которым ты будешь иметь дело.

— Ты говоришь о братстве Рыбы или Дельфина?

— Как? Нет, что ты. Я имею в виду тотем Свиньи. Немудро было бы разводить свиней и иметь своим тотемом льва, который охотится на свиней.

Черчилль запротестовал:

— Да мне-то какое дело до свиней?

Тут пришел черед Витроу изумиться:

— Так ты с Робин не говорил? Неудивительно. У нее мало было времени на разговоры, хотя вы двое бывали наедине с полуночи до утра каждый день. Небось, в это время миловались. Ах, если бы вернуть молодость! Итак, мой мальчик, дела обстоят следующим образом. Мне от отца достались по наследству кое-какие фермы, а он был не дурак насчет делать деньги. И ты мне нужен в качестве управляющего этими фермами по нескольким причинам.

Во-первых, я не доверяю теперешнему управляющему. Он меня, по-моему, обманывает. Найди мне доказательства, и я его повешу.

Во-вторых, карелы совершают набеги на мои фермы, воруют лучших свиней из стада и симпатичных женщин. Они, правда, не сжигают дома и сараи и не оставляют работников голодать, чтобы не резать дойную корову. Ты эти набеги прекратишь.

В-третьих, я так понял, что ты генетик. Значит, сможешь улучшить стадо.

В-четвертых, когда я упокоюсь на лоне Великой Белой Матери, фермы перейдут к тебе. Торговый флот унаследуют мои сыновья.

Черчилль поднялся:

— Мне надо поговорить с Робин.

— Поговори, сын. Но ты увидишь, что она со мной согласна.

Витроу был прав. Робин не хотела, чтобы муж был морским капитаном. Она не вынесет столь частых расставаний.

Черчилль возразил, что она могла бы ходить в рейсы с ним.

Робин ответила, что это не так. Жены моряков не могут их сопровождать. Они мешаются, это связано с расходами, а самое главное — они приносят кораблю несчастье. Даже когда на корабле есть платные пассажиры женского пола, жрецам приходится произносить усиленные благословения от дурного глаза.

Черчилль попробовал довод, что, если она его любит, то сможет примириться с долгими отлучками.

Робин парировала, что, если бы он ее на самом деле любил, ему не захотелось бы оставлять ее так надолго. А дети? Хорошо известно, что в семьях, где отец слаб или долго отсутствует, дети могут вырасти с психическими отклонениями. Детям нужен сильный отец, всегда щедрый на ласку и на строгость.

Черчиллю понадобилось десять минут, чтобы понять ситуацию.

Если он откажется от свадьбы, ему придется драться с Витроу и его сыном. Кто-то будет убит, и Черчиллю интуиция подсказывала, что в конце концов это будет он. Если даже он

выстоит против ее отца и брата и убьет их, то дальше придется драться со всем кланом, а это очень много.

Можно, конечно, заставить Робин отказаться от него самой. Но он не хотел ее терять.

Наконец он сказал:

— Ладно. Стану свиноводом. Хочу только попросить об одном. До того как осесть на землю, предпринять еще одно морское путешествие. Можем ли мы на корабле добраться до Норфолка, а оттуда по суше до ферм?

Робин отерла слезы, заулыбалась, поцеловала его и сказала, что она была бы жестокосердной сукой, если бы отказала.

Черчилль ушел сказать своим спутникам, чтобы купили билеты на тот корабль, на котором они с Робин собрались ехать. Он снабдил их деньгами, чтобы хватило на билеты. Когда корабль выйдет в открытое море, они его захватят и пойдут на восток через Атлантику. Жаль только, что у них не было времени изучить морское дело — придется учиться по дороге.

— А твоя жена не рассердится? — спросил Ястжембски.

— Не то слово, — ответил Черчилль. — Но если она на самом деле меня любит, она не расстанется со мной. Если нет, мы высадим ее на берег вместе с экипажем.

Вышло так, что команде «Терры» не представилось случая захватить корабль. На второй день плавания на них напали карельские пираты.

XI

При входе в кампус колледжа Вассар Стэгг услыхал ту же мелодию (или ее вариацию), которую всегда играли при вручении ему ключей от города или, как сегодня, степени почетного доктора. Только вместо большой толпы, поющей приветственный гимн, его встретил хор первокурсниц. Женщины постарше, жрицы и профессорши, были выстроены рядами в своих алых или голубых одеждах за одетым в белое хором. Пока первокурсницы пели, остальные утвердительно кивали или стучали о землю основаниями своих кадуцеев, выражая радость при виде Стэгга.

Военный отряд пант-эльфов захватил Вассарский Колледж жриц-предсказательниц внезапно. Каким-то образом налетчики узнали, что полуночную церемонию в Вассаре собирается посетить Солнце-герой. Они знали, что люди из Покипси были предупреждены не вмешиваться. Единственным мужчиной в колледже был Стэгг, а жриц было, быть может, около ста.

Военный отряд вырвался из темноты в свет факелов, а жрицы были слишком заняты пением и созерцанием Стэгга с молодыми первокурсницами, чтобы успеть что-то заметить. Лишь когда пант-эльфы издали дружный вопль и бросились срубать головы стоящих во внешнем ряду, жрицы поняли, что на них напали.

Что случилось сразу после этого, Стэгг не помнил. Он поднял голову и успел лишь увидеть прыгнувшего к нему воина и размах широкого палаша, упавшего ему на голову плашмя.

Очнувшись, он обнаружил, что свисает, как убитый олень, с шеста, который несли на плечах двое. Руки и ноги затекли, перетянутые ремнями, остановившими кровообращение. Голова, казалось, вот-вот взорвется; она болела не только от удара, но и от прилива крови.

На небе стояла полная луна. В ее ярком свете он видел голые ноги и грудь несшего его человека. Вертя головой, он смог увидеть лунные блики на загорелой дотемна коже мужчин и на белых одеяниях жриц.

Вдруг его резко опустили на землю.

— Проснулся, старый пантач, — произнес низкий мужской голос.

— А не обрезать ли паразиту веревки, чтобы шел ногами? — спросил другой голос. — Я уже выдохся тащить эту тушу. Мне шест все плечи пробуравил.

— Давай, — отозвался третий голос, явно принадлежавший предводителю. — Развяжите его. Только руки свяжите за спиной, а на шею наденьте петлю. Если попытается удрать, мы его придушим. И поосторожнее — он силен как бык!

— Так силен, так превосходно сложен! — вздохнул четвертый голос, повыше, чем прежние. — Какой любовник!

— Хочешь, чтобы я приревновал? — спросил один из мужчин. — Если да, радость моя, то у тебя получается. Только не подначивай меня, а то я тебе печень вырежу и твоей матери скормлю.

— Не смей трогать мою мать, ты, тварь волосатая! — завизжал высокий голос. — Ты мне последнее время все меньше и меньше нравишься!

— Во имя Колумбии, нашей Благословенной Матери! Хватит тут любовных ссор. Мне они уже вот где сидят. Мы на военной вылазке, а не в тотем-холле на пьянке. Давай развяжи его. Только смотри за ним.

— Я не в силах за ним смотреть, — с придыханием сказал высокий голос.

— Ты хочешь его рога переставить мне на голову? — спросил тот, кто грозился вырезать печень. — Попробуй, я тебе так морду разукрашу, что ни один мужчина на тебя и не взглянет.

— Последний раз говорю: заткнитесь! — рявкнул предводитель. — Следующему, кто даст мне повод, я перережу глотку. Ясно? Тогда вперед. Пошли! Нам еще черт знает сколько тащиться по вражеской территории, и очень скоро по нашему следу пустят ищеек.

Стэгг вполне успевал следить за разговором. Язык был близок к дисийскому, может быть, даже ближе, чем голландский к немецкому. Он его уже слышал раньше, в Кемдене. Там на церемонии в его честь перерезали горло группе пленников пант-эльфов. Среди них были храбрецы, выкрикивающие непристойности в адрес Стэгга, пока нож не заставил их замолчать.

Сейчас Стэггу хотелось, чтобы перерезали глотки всем пант-эльфам. Руки и ноги начинали нестерпимо болеть. Он чуть ли не вопил от боли, но понимал, что пант-эльфы снова его вырубят, чтобы замолчал. Кроме того, он не хотел доставлять им удовольствие, показывая, что ему больно.

Налетчики связали ему руки за спиной, на шею надели петлю и пообещали при первом подозрительном движении всадить нож в спину. Потом толкнули вперед.

Вначале Стэгг не был способен на рысь. Но потом кровообращение в ногах восстановилось, боль прошла, и он смог держаться наравне с остальными. Это было хорошо, потому что стоило ему оступиться, и тут же петля сжимала горло, не давая дышать.

Они бежали вниз по какому-то редколесью. Налетчиков было около сорока, они бежали двумя колоннами. Они были вооружены палашами, ассегаями, палицами, луками со стрелами. Доспехов на них не было, наверное для увеличения подвижности. Волосы они носили не длинными, как дисийские мужчины, а очень коротко подстриженными. Лица выглядели несколько странно из-за широких темных усов. Это были первые люди с растительностью на лице, которых он увидел после возвращения на Землю.

Они вышли из лесов и подошли к берегу Гудзона. Теперь он пригляделся к пант-эльфам поближе и увидел, что усы у них вытатуированы или нарисованы.

И у каждого на груди было большими буквами вытатуировано слово «МАТЬ».

Пленников было семеро: он, пять жриц и — сердце подпрыгнуло — Мэри Кейси. У всех у них руки тоже были

связаны за спиной. Стэгг попытался потянуться к Мэри Кейси и шепотом с ней поговорить, но веревка на шее дернула его назад.

Отряд остановился. Часть воинов стала разбрасывать кучу хвороста. Очень быстро они извлекли оттуда несколько больших каноэ, спрятанных в выемке почвы, и отнесли их к реке.

Пленников заставили войти в каноэ, по одному в каждое, и эскадра двинулась к другому берегу.

Достигнув его, воины столкнули все каноэ в воду, чтобы течение унесло их прочь. Отряд пустился рысью по лесу. Время от времени какая-нибудь пленница спотыкалась и падала на колени или лицом в землю. Пант-эльфы поднимали ее пинками и грозили перерезать пленницам глотку, если те не перестанут вести себя как неуклюжие коровы.

Однажды упала Мэри Кейси. Кто-то пнул ее ногой в ребра, и она скрючилась от боли. Стэгг заревел от ярости:

— Если мне удастся освободиться, пант-эльф, я тебе руки оторву и вокруг шеи обмотаю!

Пант-эльф захихикал:

— Давай, миленький. Какое удовольствие оказаться в руках такого мужчины, как ты!

— Заткнись, ради Матери! — проворчал предводитель. — Что у нас тут, военный набег или блядки?

Дальше говорилось мало. Часть времени они бежали, потом шли. К рассвету покрыли много миль, хотя и не так далеко, как ворона летит. Тропа вилась среди многочисленных холмов.

Вскоре после того как горизонт на востоке побелел, предводитель приказал остановиться.

— Забьемся в щель и будем спать до полудня. Потом, если местность окажется достаточно пустынной, пойдем дальше. Днем сможем больше пройти, хотя и больше будет шансов попасться на глаза.

Они нашли грот, образованный нависающим утесом. Там каждый воин разостлал на жесткой земле единственное одеяло, и через несколько минут все спали, кроме часовых, оставленных для охраны пленников и наблюдения — не покажутся ли дисийцы.

И кроме Стэгга. Он тихо позвал часового:

— Эй, я не могу спать! Я голоден!

— Будешь есть вместе с остальными, — ответил часовой. — Если у тебя есть что.

— Ты не понимаешь, — сказал Стэгг. — У меня потребность в еде не нормальная. Если я не буду есть каждые четыре часа, и вдвое больше нормального человека, мое тело начнет

пожирать себя. Это из-за рогов. Чтобы остаться в живых, мне нужно жрать, как быку.

— Я тебе дам сена, — ответил часовой и тихо заржал.

У Стэгга за спиной кто-то шепнул:

— Не волнуйся, миленький, я тебе дам поесть. Не дам я такому потрясающе красивому мужчине помереть с голоду. Такая была бы потеря!

Раздалось какое-то шуршание, будто открывали рюкзак. Часовые пригляделись и заухмылялись.

— Похоже, ты покорил Абнера, — сказал один. — Только его дружку Люку это совсем не понравится, когда он проснется.

— Это хорошо еще, что не Абнеру жрать охота, — отозвался другой. — А то он тебя бы съел. Ха-ха!

Шептавший вышел так, чтобы Стэгг мог его видеть. Это был тот коротышка, который с вечера так откровенно восхищался Стэггом. Он держал каравай, два больших ломтя ветчины и фляжку.

— Давай-ка, детка, садись. Сейчас мамочка покормит большого Рогатика.

Часовые засмеялись, но негромко. Стэгг покраснел, но отказаться от еды не мог. Он ощущал бушующий в нем огонь, плоть переваривала плоть.

Коротышка был малым лет двадцати, низеньким и очень узкобедрым. У него, в отличие от прочих пант-эльфов, волосы не были острижены под ежик, а вились пшеничными кудрями. Лицо у него было такое, какое женщины называют «миловидным», хотя и странным из-за нарисованных усов. Большие черные глаза обрамляли очень длинные темные ресницы. Зубы были настолько белы, что казались фальшивыми, а язык — ярко-красным, может быть, из-за чего-то, похожего на резину, что он все время жевал.

Стэггу была противна мысль быть обязанным такому, как Абнер, но рот автоматически раскрылся и проглотил еду.

— Ну вот, — сказал Абнер, поглаживая панты Стэгга и запустив длинные тонкие пальцы в его шевелюру. — Теперь Рогатику лучше? Не хочет ли он в благодарность подарить поцелуй?

— Рогатик вышибет из тебя дух, если подойдешь еще на шаг, — ответил Стэгг.

У Абнера глаза стали еще больше. Он отступил назад, огорченно надув губы.

— Разве хорошо так обращаться с другом, который спас тебя от голодной смерти? — спросил он обиженно.

— Признаю, что плохо, — сказал Стэгг. — Но я только хотел тебя предупредить, что, если попробуешь сделать то, что у тебя, по-моему, на уме, будешь убит.

Абнер улыбнулся и похлопал длинными ресницами:

— Ну, через глупые предрассудки ты, детка, переступишь. Да к тому же я слыхал, что вы, рогатые, страшно охочи и, когда встанет, ничто вас не остановит. Что ты будешь делать, когда нет ни одной женщины?

Он скривил губы от отвращения при этом слове. «Женщина» — это вольный перевод употребленного им слова, которое во времена Стэгга употреблялось в пренебрежительном или анатомическом смысле. Позже Стэгг услышал, что пант-эльфские мужчины всегда между собой называют женщин этим словом, хотя в их присутствии называют их «ангелами».

— Что будет — будет, — ответил Стэгг, закрыл глаза и провалился в сон.

Проснулся он, казалось, через минуту, но солнце уже было в зените. Он моргнул, сел и поискал взглядом Мэри Кейси. Она сидела с развязанными руками и ела, а за ней стоял часовой с мечом.

Предводителя звали Раф. Это был большой мужчина с широкими плечами, тонкой талией, мрачновато-красивым, но холодным лицом и светлыми волосами. Голубые глаза были очень бледны и очень холодны.

— Эта Мэри Кейси сказала мне, будто ты — не дисиец, — сказал он. — Она говорит, что ты сошел с небес в огненном корабле из металла и что ты оставил Землю восемьсот лет назад. Она врет?

Стэгг рассказал свою историю, пристально наблюдая за Рафом во время рассказа. Он надеялся, что Раф решит обращаться с ним не так, как обычно обращаются пант-эльфы с попавшими к ним в руки дисийцами.

— Да, ты штучка, — заинтересованно сказал Раф, хотя бледные голубые глаза остались столь же ледяными. — Да еще эти сумасшедшие рога. С ними ты выглядишь настоящим мужчиной. Слыхал я, что когда Двурогий Царь разогреется, в нем сила пятидесяти быков.

— Это все знают, — небрежно ответил Стэгг. — Что действительно интересно знать — что со мной будет?

— Это мы решим, когда выберемся с дисийской территории, через реку Делавэр. Перед нами два дня тяжелых переходов, хотя за горами Шавангунк мы уже будем в безопасности. Там ничья земля, и встречаются там лишь военные отряды, дружественные или враждебные.

— А почему бы меня не развязать? — спросил Стэгг. — В Дисию мне не вернуться, и волей-неволей приходится ставить на вас.

— Шутишь? — спросил в ответ Раф. — Да я скорее бешеного лося развяжу. Я, деточка, чертовски здоровый парень, но не хотел бы с тобой заводиться — то есть в бою. Нет, оставайся так.

Отряд двигался быстро. Двое разведчиков шли впереди, чтобы избежать западни. Подойдя к горам Шавангунк, отряд осторожно стал приближаться к перевалу, прячась и ожидая от разведчиков сигнала. К ночи отряд остановился в укрытии под скальной грядой.

Стэгг пытался поговорить с Мэри Кейси — поддержать ее морально. Она очень устала, а когда начинала отставать, получала пинки и проклятия. Особенно усердствовал Абнер — похоже, он ее возненавидел.

К вечеру третьего дня они перешли вброд реку Делавэр. После ночевки они поднялись на рассвете и пошли дальше. К восьми часам утра воины триумфально вступили в пограничный городок Хай-Квин.

Население городка состояло примерно из пяти тысяч человек, обитавших в квадратных каменных домах, обнесенных заборами высотой в двадцать пять футов из камня и цемента. У домов не было окон со стороны улицы, а двери были глубоко погружены в стену. Все окна выходили внутрь, во двор.

Со стороны улицы палисадников не было, но между домами были зеленые пустыри, на которых паслись козы, копошились куры и играли голые грязные дети.

Приветствовавшая отряд толпа состояла в основном из мужчин; несколько бывших в начале женщин вскоре ушли, повинуясь приказаниям мужей. Все женщины закрывали лица чадрой, а платья скрывали тело от плеч до земли. В стране пант-эльфов женщины были явно низшими существами, несмотря на то что единственным в городе идолом была гранитная статуя Великой Белой Матери.

Позже Стэгг узнал, что пант-эльфы почитали Колумбию, но дисийцы считали их еретиками. В теологии пант-эльфов каждая женщина считалась живым воплощением Колумбии и в силу этого — священным сосудом материнства. Но мужчины страны пант-эльфов ведали и то, что плоть слаба. И потому принимали все меры, чтобы у их женщин не было случая осквернить свою чистоту.

Они должны были быть хорошими служанками и хорошими матерями, но это и все. А потому их следовало скрывать от взглядов, а также от соблазна. Мужчины вступали с женами в половые сношения лишь для рождения детей, а во все другие типы отношений, социальные и семейные, — как можно меньше. Они были полигамными — в силу той теории, что поли-

гамия есть лучшее средство для увеличения населения малочисленной народности.

Отделенные от мужчин и приговоренные к обществу друг друга, женщины часто становились лесбиянками. Мужчины даже поощряли их к этому, но они ложились с мужчинами по крайней мере три раза в неделю. Это был священный долг мужа и жены, как бы он ни был противен им обоим. Результатом была почти постоянная беременность.

Это было состояние, желательное для мужчин. Как утверждала их ересь, беременная женщина является ритуально нечистой. К ней не должно прикасаться никому, кроме других женщин или жрецов.

Пленников заперли в большом каменном здании. Женщины приносили им еду, но сначала Стэгга заставили надеть килт, чтобы его вид не шокировал женщин. Воины и горожане отпраздновали победу, как следует напившись.

Около девяти вечера они ворвались в камеру и вытащили Стэгга, Мэри Кейси и жриц на городскую площадь. Там стояла статуя Колумбии, а вокруг нее были разложены кучи дров. Из каждой кучи торчал вбитый в землю столб.

К каждому столбу привязали жрицу.

Стэгга и Мэри к столбам не привязывали, но заставили стоять и смотреть.

— Этих злых ведьм необходимо очистить огнем, — пояснил Раф. — Вот зачем мы привели сюда этих молодых женщин. Из милосердия. Понимаешь, те, которых убили мечом, погибли навеки, и их погибшие души обречены на вечные странствия. Но эти будут очищены огнем и отправятся в страну счастливых душ.

Плохо, — добавил он, — что в Хай-Квине нет священных медведей, потому что заблудших можно было бы скормить им. Чтобы ты знал, медведи — средство спасения не хуже огня.

А с тобой здесь ничего не случится. Тебя тратить на такой заштатный городок будет слишком жирно. Отведем тебя в Фили, и там тобой займется правительство.

— Фили? Филадельфия — «Город Братской Любви»? — Стэгг попытался проявить юмор — в последний раз за этот вечер.

Поднесли огонь, и начался ритуал очищения.

Минуту Стэгг смотрел, потом закрыл глаза. К счастью, ему не пришлось слышать воплей женщин, поскольку у них были заткнуты рты. У сжигаемых жриц была привычка выкрикивать проклятия пант-эльфам, кляпы этому препятствовали.

Но от вони горящей плоти было не закрыться. Стэгга и Мэри стошнило, и это вызвало новый приступ веселья у их тюремщиков.

Наконец огни погасли, и двоих пленников отвели обратно в камеру. Там стражники держали Мэри вдвоем, пока ее раздели, надели железный пояс целомудрия и натянули поверх него килт.

Стэгг запротестовал. На него с интересом посмотрели.

— Как? — спросил Раф. — Оставить ее открытой соблазну? Дать осквернить чистый сосуд Колумбии? Ты с ума сошел? Ее оставят вдвоем с тобой, а ты — Двурогий Царь, и результат ясен. А зная твою силу — для нее смертельный. Ты бы нам спасибо сказал, а то ведь ты знаешь, что бы ты с ней сделал!

— Это если бы вы меня еще покормили, — ответил Стэгг. — Сейчас я ни на что не способен. Слаб от голода.

В некотором смысле Стэгг не хотел есть. Голодная диета уменьшала действие пантов. Он по-прежнему страдал от возбуждения, которое было очевидным и служило источником многочисленных удивленных и восхищенных замечаний тюремщиков, но это был мизер по сравнению с тем сатириазом, который одолевал его в Дисии.

Сейчас он боялся, что, если его покормить, он набросится на Мэри Кейси, пояс там целомудрия или что. Но он боялся и того, что если не поест, то до утра не доживет.

«Может быть, — подумал он, — я мог бы съесть сколько-нибудь, чтобы поддержать тело и панты, но не столько, чтобы порыв стал непреодолимым».

— Если ты так уверен, что я на нее нападу, почему тебе не поместить меня в другую комнату? — спросил он.

Раф сделал изумленный вид, но перестарался, и Стэгг понял, что Раф сам подвел его к такому предложению.

— Ну конечно! До чего ж я устал, до чего ж поглупел! Мы тебя запрем в другой комнате.

Другая комната находилась в том же здании через внутренний двор. Из окна своей комнаты Стэгг видел окно комнаты Мэри. Света у нее там не было, но луна освещала двор и играла бликами у нее на лице, прижатом к железным прутьям.

Стэгг подождал минут двадцать, потом услышал ожидаемый звук: в замке железной двери поворачивался ключ.

Визжа несмазанными петлями, распахнулась дверь. Вошел Абнер с большим подносом. Поставив поднос на стол, он сказал охраннику, что позовет его, когда будет нужно. Охранник открыл было рот, но, встретив свирепый взгляд Абнера, передумал. Он был местный и к воинам из самой Филадельфии испытывал почтение.

— Смотри, Рогатик, — сказал Абнер. — Правда, вкусно тебе принесли покушать? Ты будешь мне благодарен?

— Буду, конечно, — ответил Стэгг. Сейчас он был готов почти на все за еду. — Тут больше чем достаточно. А если мне еще захочется, ты сможешь принести?

— Спрашиваешь! Кухня как раз под залом. Женщина ушла домой, но мне приятно делать женскую работу для тебя. А поцеловать в благодарность?

— Не могу, пока не поем, — ответил Стэгг, заставляя себя улыбнуться Абнеру. — А потом посмотрим.

— Не будь таким робким, Рогатик, — попросил Абнер. — И будь лапонькой, ешь побыстрее. У нас мало времени. Я думаю, эта сука Раф сегодня припрется. И мой приятель Люк меня беспокоит. Если он узнает, что я тут с тобой вдвоем...

— Я же не могу есть со связанными за спиной руками!

— Не знаю, не знаю, — с сомнением произнес Абнер. — Ты такой большой, такой сильный. Ты меня мог бы разорвать пополам голыми руками — ах, такими большими, сильными руками!

— Глупо было бы, — ответил Стэгг. — Мне бы никто не стал носить еды, я бы с голоду умер.

— Да, правда. И ты не будешь делать больно такому маленькому и хорошему? Я ведь такой слабенький. И я тебе немножко нравлюсь, правда? Ты ведь не всерьез говорил тогда, на тропе?

— Нет, конечно, — ответил Стэгг, прожевывая холодную ветчину, хлеб с маслом и маринованные огурчики. — Это я на тот случай, если бы твой приятель услышал.

— Ты не просто ошеломляюще красив, ты еще и умен, — сказал Абнер, начиная учащенно дышать. — Ты уже набрал силу?

Стэгг собирался ответить, что для этого ему придется съесть все, что он видит, но успел передумать. Однако ему ничего не пришлось говорить, потому что за дверью послышалась какая-то суматоха. Он приник ухом к железной двери:

— Это Люк, твой приятель. Он говорит охраннику, что ты здесь, и требует, чтобы его впустили.

Абнер побледнел:

— Великая Мать! Он и меня, и тебя убьет! Это такая ревнивая сука!

— А позови его сюда. Я его встречу. Убить не убью, так, слегка помну. Объясню ему, что теперь у нас с тобой.

Абнер пискнул от восторга:

— Это будет божественно!

Он потрогал бицепсы Стэгга:

— Великая Мать, что за бицепс! Такой большой и твердый!

Стэгг стукнул кулаком в дверь и крикнул сторожу:

— Абнер говорит, что можно его впустить!

— Да-да, — подтвердил Абнер. — Все в порядке, пусть Люк войдет. — Он поцеловал Стэгга сзади в шею. — Посмотрю, какую рожу он состроит, когда ты ему расскажешь. Он меня уже извел своей ревностью.

Взвизгнула, распахиваясь, дверь. С мечом в руке влетел Люк. Охранник захлопнул дверь, заперев их втроем.

Стэгг не терял времени. Ребром ладони он врезал Люку по шее. Тот упал, и выпавший меч зазвенел на каменном полу.

Абнер слегка пискнул. Увидев, как Стэгг шагнул к нему, он открыл было рот, но не успел издать ни звука и тоже упал на пол.

Голова у него склонилась под странным углом. Удар кулака Стэгга был так силен, что сломал ему шею.

Оттащив их в угол так, чтобы от дверей не было видно, Стэгг поднял меч Люка и отсек тому голову.

Потом он стал стучать в дверь и кричать, имитируя (надеясь, что удачно) голос Абнера:

— Сторож! Быстрее сюда, и пусть Люк отпустит пленника!

Повернулся ключ, и в камеру вошел охранник. Он держал меч наготове, но Стэгг ударил из-за двери. Голова сторожа отлетела на шаг от тела, из жил шеи брызнул фонтан крови.

Сунув нож охранника себе за пояс, Стэгг вышел в узкий коридор, тускло освещаемый факелом в дальнем конце. Он решил наудачу, что там, в дальнем конце, кухня, и направился туда. Дверь открылась в большую комнату, уставленную горшками и блюдами. Найдя брезентовый мешок, Стэгг набил его едой и добавил несколько бутылок вина. Потом вернулся в холл.

В этот момент открылась дверь, и в коридор вошел Раф.

Он шел нервно, крадучись. Может быть, поэтому он не заметил, что охранника нет. Оружия у него не было, кроме ножа в ножнах на поясе.

Стэгг рванулся к нему через коридор. Раф взглянул и увидел, что на него летит человек с рогами, держа в одной руке окровавленный меч, а другой придерживая закинутый на плечо мешок.

Раф повернулся и попытался выскочить в дверь, но клинок перерубил ему шею.

Переступив через окровавленный труп, Стэгг вышел во двор. Там прямо на камнях спали двое. Как большинство населения Хай-Квина в этот день, они были пьяны. Стэгг не хотел давать им шанс потом встать у него на дороге, и к тому

же он хотел убить каждого пант-эльфа, который только ему попадется. Два быстрых удара, и он пошел дальше.

Пройдя через двор, он попал в коридор, точно такой же, как по ту сторону. У дверей комнаты Мэри стоял охранник с бутылкой в руке.

Стэгга он не видел почти до последней минуты. Заметив, остолбенел от удивления, а этого времени Стэггу хватило. Он ударил стражника мечом.

Острие попало охраннику в грудь между буквами М и А в слове «МАТЬ». От удара он покачнулся назад и ухватился рукой за лезвие. Удивительно, но другая рука бутылку не выпустила.

Лезвие вошло не глубоко, но Стэгг бросил мешок, прыгнул вперед и навалился на рукоять. Меч с хрустом пробил грудину и глубоко вонзился в тело.

Мэри Кейси чуть не потеряла сознание, когда открылась дверь и вошел рогатый и окровавленный человек. Она задохнулась:

— Питер Стэгг! Как ты...

— Потом! — оборвал он. — Нет времени!

Они перебегали из тени в тень, пока не добрались до стены и высоких ворот, через которые вошли в город. У ворот оказалось двое часовых, и еще двое находились в невысоких башенках над ними.

К счастью, все четверо спали пьяным сном. Стэгг без труда перерезал глотки лежащим на земле. Потом он тихо поднялся на башни и поступил так же и с остальными. Тяжелый дубовый засов, скреплявший половинки ворот, он вытащил без усилий.

Они направились по тропе, по которой пришли. Сто шагов бегом, сто шагов шагом. Сто шагов бегом, сто шагов шагом.

Реку Делавэр они пересекли на том же броде. Мэри просила об отдыхе, но Стэгг настоял, что надо двигаться:

— Когда в городе проснутся и увидят эти обезглавленные тела, за нами отправится погоня. И она не прекратится, если мы не доберемся до дисийской территории раньше их. А в Дисии нам тоже придется идти осторожно. Попробуем пробраться в Кейсиленд.

Но вскоре им пришлось замедлить шаг — Мэри не могла выдержать темп. К девяти утра она села на землю и сказала:

— Все. Шагу не могу ступить, пока не посплю.

Они нашли расщелину в ста метрах от тропы, и Мэри сразу заснула. Стэгг сначала поел и попил, а потом тоже лег спать. Он предпочел бы остаться на часах, но понимал, что

несколько часов ему тоже нужно отдохнуть. Ему нужна была вся его сила — может быть, Мэри придется нести.

Он проснулся раньше Мэри и снова поел.

Когда через несколько минут она открыла глаза, над ней склонился Стэгг.

— Что ты делаешь?

— Помолчи, — ответил он. — Я хочу снять твой пояс целомудрия.

XII

Лицо Нефи Сарванта точно отражало его характер. В профиль оно было похоже на щелкунчик для орехов или изогнутые губки клещей. И это соответствовало действительности: раз во что-нибудь вцепившись, Нефи Сарвант хватку не разжимал.

Оставив дом Витроу, он поклялся, что никогда ноги его не будет там, где творится такое беззаконие. И еще он поклялся отдать, если потребуется, жизнь, но принести Истину языческим идолопоклонникам.

Он прошел пешком пять километров до Дома Потерянных Душ и провел там ночь в тревожном сне. Вскоре после рассвета он покинул дом. Было рано, но на улицах уже было полно фургонов с грузом, моряков, купцов, детей, торговок. Он заглянул в несколько ресторанов — они показались ему слишком грязными — и решил позавтракать фруктами с уличного лотка. Поговорив с торговцем фруктами насчет работы, он узнал, что есть вакансия уборщика в храме богини Готии. Купец об этом знал, потому что брата его жены накануне оттуда уволили.

— Они немного платят, но дают стол и квартиру. И есть еще другие преимущества, если ты отец многих детей, — сказал купец. Он подмигнул Сарванту: — Брата моей жены выгнали за то, что он за этими преимуществами забыл о метле и тряпке.

Что это значит, Сарвант не спросил. Узнав, как найти храм, он ушел.

Такая работа, если он ее получит, даст прекрасную возможность ознакомиться с дисийской религией. И будет первоклассным полем боя за души новообращенных. Да, будет опасно, но какой миссионер, достойный своего призвания, не хотел для себя этого?

Дорога была запутанной, и Сарвант заблудился. Он оказался в богатых кварталах, и спросить дорогу было не у кого, кроме людей в экипажах и верхом на оленях. По их виду было

непохоже, чтобы они остановились для разговора с пешеходом — человеком низшего класса.

Он решил вернуться в портовый район и зашагал в ту сторону. Не пройдя и квартала, он увидел женщину, вышедшую из большого дома. Она была странно одета — в скрывающее ее с головы до ног платье с капюшоном. Сначала он принял ее за служанку: он уже знал, что аристократы не ходят пешком там, где можно ехать. Приблизившись, он заметил, что ткань платья слишком дорога, чтобы принадлежать служанке.

Несколько кварталов он шел за ней, пока наконец не решился оскорбить ее, заговорив:

— Леди, могу я покорнейше задать вам вопрос?

Она обернулась и высокомерно на него взглянула. Это была высокая женщина лет двадцати двух, с лицом, которое было бы красивым, если бы ему убавить резкости. Большие глаза были ярко-синими, а волосы, выбивавшиеся из-под капюшона, темно-русыми.

Сарвант повторил вопрос, и женщина утвердительно наклонила голову. Тогда он спросил у нее дорогу к храму Готии.

С гневным видом она спросила:

— Ты насмехаешься надо мной?

— Нет-нет, — ответил Сарвант. — Как можно. Я просто не понимаю...

— Возможно, не понимаешь. Ты говоришь как иностранец. Конечно, у тебя не было намерения меня оскорбить. Люди моего народа убили бы тебя — даже если я не стою оскорбления.

— Поверьте мне, у меня не было такого намерения. Если я обидел вас, приношу свои извинения.

Она улыбнулась:

— Извинения приняты, незнакомец. А теперь скажи, что ведет тебя в храм Готии? У тебя есть жена, столь же презренная и проклятая, как я?

— Она давно умерла, — ответил Сарвант. — И я не понимаю, почему вы называете себя презренной и проклятой. Нет, я просто ищу работу уборщика в храме. Видите ли, я один из тех, кто вернулся на Землю...

И он рассказал свою историю, хотя и очень кратко.

— Благодарю вас, что вы говорите со мной как с равной, — сказала она, — хотя трудно себе представить дирадаха в роли уборщика. Истинный дирадах предпочел бы умереть с голоду. И я не вижу у вас изображения тотема. Не принадлежа к одному из великих тотемов, вам достойной работы не

получить. У вас нет спонсора, кто поддержал бы вас при вступлении?

— Тотемы — суеверие и идолопоклонство! — сверкнул глазами Сарвант. — Я никогда не вступлю ни в одно братство!

— Ну, ты и в самом деле странный! — подняла она брови. — Я даже не знаю, как тебя определить. Как брат Солнце-героя, ты дирадах. Но ты и выглядишь не так и поступаешь не так. Мой тебе совет — веди себя как дирадах, чтобы люди знали, как с тобой обращаться.

— Благодарю вас, — ответил он. — Но я тот, кто я есть. Не могли бы вы мне теперь подсказать, как попасть к храму?

— Иди за мной, — сказала она и пошла вперед.

Сарвант озадаченно последовал за ней. Он хотел выяснить смысл нескольких замечаний женщины, но что-то в ее повадке остерегало от вопросов.

Храм Готии стоял на границе богатых кварталов и припортового района. Это было солидное здание из напряженного железобетона, построенное в виде огромной полуоткрытой раковины и расписанное красными и белыми полосами. К нижней створке раковины вели широкие ступени из гранитных блоков, а внутри было прохладно и разливался неясный свет. Верхняя створка раковины опиралась на каменные фигуры — изображения богини Готии — величавой женщины с грустным и задумчивым лицом и зияющей щелью там, где должен был бы быть живот.

Внутри щели находилась большая каменная наседка, сидящая на яйцах.

У основания каждой кариатиды сидели женщины. Каждая была одета в такое же платье, как на проводнице Сарванта. Были платья-лохмотья, были и дорогие платья. Богатые и бедные сидели рядом.

Женщина без раздумий подошла к группе, сидевшей на цементном полу в полумраке. Вокруг кариатиды их собралось двенадцать, и они ожидали высокую блондинку, поскольку оставили для нее место.

Сарвант подошел к бледнолицему жрецу, стоявшему позади за большими каменными башмаками. Он попросил работы подметальщика. К его удивлению, оказалось, что он говорит с главным официальным лицом храма — он ожидал, что главной будет жрица.

Епископ Анди заинтересовался акцентом Сарванта и задал ему вопросы, на которые он уже привык отвечать. Сарвант говорил правду, но вздохнул с облегчением, когда жрец не спросил его, почитает ли он Колумбию. Епископ отправил Сарванта к жрецу рангом пониже, который объяснил ему, в

чем будут состоять его обязанности, сколько ему будут платить, где и когда он будет есть и спать. В заключение он спросил:

— Много ли ты зачал детей?

— Семерых, — ответил Сарвант, не потрудившись добавить, что все они уже столетия мертвы. Может быть, сам жрец был одним из потомков Сарванта. Может быть, каждый под этой крышей мог бы назвать его как своего пращура в тридцать каком-то поколении.

— Семерых? Превосходно! — воскликнул жрец. — Тогда у тебя будут те же привилегии, что у любого мужчины с проверенной фертильностью. Ты пройдешь тот же тест, что и другие, потому что в деле такой важности мы не можем полагаться лишь на слово человека. Предупреждаю: не злоупотребляй своими привилегиями. Твой предшественник был уволен за невнимание к швабре.

Сарвант начал подметать изнутри храма с дальней от входа стороны. Он уже дошел до колонны, где сидела блондинка, когда заметил мужчину, говорившего с ее соседкой. Он не слышал беседы, но женщина поднялась и распахнула платье. Под ним не было ничего.

Мужчине явно понравилось увиденное, потому что он кивнул. Женщина взяла его за руку и повела к одной из кабинок в задней половине храма. Они вошли, и женщина задернула занавеску над входом.

Сарвант лишился дара речи. Лишь через пару минут он смог снова взяться за веник. Теперь он заметил, что повсюду в храме делается одно и то же.

Первым побуждением было бросить веник, бежать из храма и больше никогда здесь не показываться. Но он сказал себе, что, куда бы он ни пошел в Дисии, он встретит зло. С тем же успехом можно остаться здесь и посмотреть, можно ли сделать тут что-нибудь для служения Истине

И тут он стал свидетелем такому, от чего его чуть не стошнило. К изящной блондинке подошел здоровенный моряк и заговорил с ней. Она поднялась и распахнула платье, и через минуту они оба были в кабинке.

Сарвант трясся от ярости. Он уже был достаточно шокирован, когда это делали другие, но она, она!

Он заставил себя остановиться и подумать.

Почему ее поведение возмутило его больше, чем такое же поведение других? Потому что — следовало признать — она его привлекла. Очень сильно Она вызвала в нем чувства, которые не вызывала ни одна женщина с того дня, как он встретился со своей женой.

Он поднял щетку, пошел в контору низшего жреца и потребовал ответа, что здесь происходит

Жрец был очень удивлен:

— Ты настолько новичок в нашей религии, что не знаешь, что Готия — покровительница бесплодных женщин?

— Нет, я не знал, — ответил Сарвант дрожащим от ярости голосом. — А какое это имеет отношение к... ко всей этой... — Он умолк, поскольку в дисийском языке не было известных ему слов для обозначения проституции или продажной любви Потом он сказал: — Зачем эти женщины предлагают себя незнакомцам? Неужто это и есть поклонение Готии?

— А что же еще? — спросил жрец. — Это несчастные женщины, проклятые бесплодным чревом. Сюда они приходят после годичных стараний забеременеть от собственного мужа, и мы устраиваем им обследование. У некоторых мы находим болезни, которые можно вылечить, но не у этих. Для этих мы не можем сделать ничего.

И там, где отступает наука, должна быть призвана вера. Эти несчастные приходят сюда каждый день — кроме святых праздников, когда посещают церемонии в других местах — и молят Готию послать им мужчину, чье семя оживит их мертвое чрево. Если за год они не будут благословлены ребенком, они обычно вступают в орден, где могут служить своей богине и своему народу.

— А вот Арва Линкон? — спросил Сарвант, назвав блондинку. — Немыслимо, что женщина такой красоты и аристократической фамилии должна ложиться с каждым встречным.

— Та, та, та, мой дорогой! Не с каждым Ты, может быть, не заметил, что все входящие сюда мужчины сначала идут к боковому входу. Там мои добрые братья проверяют, что эти люди могут дать здоровое семя. Человек больной или по другой причине не подходящий для отцовства отвергается. А красавец он или урод, мы не обращаем внимания: важны только семя и чрево. Личные вкусы также не учитываются. Кстати, почему бы тебе не пройти осмотр? Нехорошо быть эгоистом и отдавать все свое семя одной женщине. Твои обязанности перед Готией не меньше, чем перед любой ипостасью Великой Белой Матери

— Я должен идти подметать, — буркнул Сарвант и быстро ушел.

Он закончил с полом в главном притворе, но усилия воли на это ушли колоссальные Он не мог заставить себя не смотреть время от времени на Арву Линкон В полдень она ушла и больше в этот день не возвращалась

Этой ночью он опять плохо спал. Ему снилась Арва, входящая в кабинку с этими мужчинами — всего десять, он их сосчитал. Он помнил, что должен грех ненавидеть, а грешника любить, но из этих десяти грешников он люто ненавидел каждого.

Когда настало утро, он поклялся, что не будет ненавидеть тех, кто придет к ней сегодня. Но уже произнося клятву, он знал, что выполнить ее не сможет.

В этот день он насчитал семерых. Когда уходил седьмой, ему пришлось сбежать в свою комнату от непреодолимого искушения побежать за ним и сомкнуть руки у него на горле.

На третью ночь он молился о наставлении.

Оставить храм, поискать другую работу? Если остаться, он тем самым косвенно утверждает эту мерзость и прямо ей служит. Более того, он может взять на свою совесть ужасный грех убийства и кровь человеческую на руки свои. Этого он не хотел. Нет, хотел! Но этого нельзя хотеть, нельзя!

А если уйти — это значит не сделать ни малейшей попытки уничтожить зло, удрать, как трус. Хуже, тогда Арва никогда не поймет, что участием в этой пародии на религиозный ритуал она наносит пощечину Богу. Выбраться из храма ему хотелось больше, чем хотелось чего-нибудь за всю жизнь — больше даже, чем оказаться на «Терре» и нести Слово невежественным язычникам других планет.

За все эти восемьсот лет он не обратил ни единой души. Но он пытался. Он делал все что мог, и не его вина, если уши их были глухи к Слову, а глаза слепы к сиянию Истины.

На следующий день он подождал, пока Арва в полдень вышла из храма. Тогда он прислонил щетку к стенке и вышел за ней в солнечный, гудящий, грохочущий день дисийской улицы.

— Леди Арва! — позвал он. — Я должен с вами поговорить.

Она остановилась. Лицо ее скрывал капюшон, но ему показалось, что она глубоко стыдится и страдает. Или так ему показалось, потому что он этого хотел?

— Могу я пойти рядом с вами? — спросил он.

— Зачем? — удивилась она.

— Потому что иначе я с ума сойду.

— Не знаю, — заколебалась она. — Ты, правда, брат Солнцегероя, так что идти рядом с тобой не уронит мое достоинство. С другой стороны, у тебя нет тотема и ты делаешь работу нижайших из презренных.

— Да кто ты такая, чтобы говорить мне о низости! — зарычал он. — Ты, принимающая всех, кто приходит!

Она широко раскрыла глаза:

— В чем я не права? И как смеешь ты так говорить с носящей имя Линкон?

— Ты... ты шлюха! — выкрикнул он английское слово, хотя и знал, что она его не поймет.

— Что это значит? — спросила она.

— Проститутка! Женщина, продающая себя за деньги!

— Никогда не слыхала ни о чем подобном, — сказала она. — Что это за страна, из которой ты явился, где сосуд Святой Матери может так себя позорить?

Он постарался успокоиться и заговорил тихим, дрожащим голосом:

— Арва Линкон, я просто хотел с тобой поговорить. Я должен сказать тебе нечто самое важное, что ты можешь услышать за всю свою жизнь. Да, единственно важное.

— Не знаю. По-моему, ты немного сумасшедший.

— Я клянусь, что думать даже не смею причинить тебе вред!

— Клянешься священным именем Колумбии?

— Нет, этого я сделать не могу. Но я клянусь моим Богом, что никогда не причиню тебе вреда.

— Богом! Ты почитатель бога кейсилендеров?

— Нет, не их! Моего! Истинного Бога!

— Теперь я знаю, что ты безумен! Иначе ты не стал бы говорить о боге в этой стране, особенно со мной. Я не буду слушать мерзких богохульств, изрыгаемых твоим гнусным ртом.

Она пошла прочь.

Сарвант сделал шаг вслед за ней. Потом, осознав, что сейчас не время с ней говорить и что он ведет себя не так, как желал бы, повернул обратно. Он сжал кулаки и заскрипел зубами. Идя как слепой, он несколько раз с кем-то столкнулся. Ему вслед неслись проклятия, но он не замечал.

Он вошел обратно в храм и поднял веник.

Этой ночью он снова не спал. Тысячу раз он представлял себе, как будет говорить мягко и мудро, чтобы Арва его услышала. Он покажет ей ложность ее веры так, что она не сможет не понять. И она станет его первой обращенной.

И они рука об руку очистят эту страну, как очистили первые христиане Древний Рим.

Но на следующий день Арва в храм не явилась. Он пришел в отчаяние. Может быть, теперь он не увидит ее никогда?

Потом до него дошло, что это именно то, чего он добивался Может быть, он достиг большего, чем сам думал?

Но как увидеть ее снова?

На следующее утро Арва, все еще одетая в платье бесплодной женщины, вошла в храм. Когда он поздоровался, она отвела глаза и промолчала. Помолившись у подножия кариатиды, где она обычно садилась, она прошла в глубь храма и о чем-то серьезно заговорила с епископом.

Сарванта охватил страх, что речь идет о нем. Разумно ли было ожидать, что она промолчит? В конце концов в ее глазах кощунством было уже то, что он находился в этом священном — для нее — месте.

Арва заняла свое место у подножия кариатиды.

Епископ жестом подозвал Сарванта.

Он положил веник и нетвердыми шагами приблизился. Была ли ему предначертана миссия остаться здесь, сейчас, чтобы посадить одно зерно веры, которое прорастет после его ухода? И если он сдастся, Слово будет потеряно навеки, ибо он последний в своей секте.

— Сын мой, — произнес епископ, — до сих пор лишь иерархия знала, что ты пока еще не верующий. Ты должен помнить, что тебе, как брату Солнце-героя, дали огромную привилегию. Будь ты кем-нибудь другим, тебя бы давно уже повесили. Но тебе дали месяц на то, чтобы убедиться в ложности твоих путей и испытать правду. Твой месяц еще не окончен, но я должен предупредить тебя: относительно твоих ложных верований держи язык за зубами. Иначе срок будет сокращен. Я обеспокоен, поскольку я считал, что твоя просьба о работе была выражением желания принести жертву Матери Всех Нас.

— Вам сказала Арва?

— Да будет благословение с этой истинно набожной, да. Итак, обещаешь ли ты мне, что позавчерашний инцидент не повторится?

— Обещаю, — ответил Сарвант Епископ не просил его прекратить проповедовать. Но отныне он будет кроток, как голубь, и мудр, как змий.

Через пять минут он забыл о своем решении.

Он увидел высокого и красивого мужчину в дорогой одежде, идущего к Арве. Она улыбнулась ему, поднялась и пошла с ним в кабинку.

Все дело было в улыбке.

Раньше она не улыбалась. Ее лицо было лишено выражения, как вырезанное из мрамора. Сейчас, увидев эту улыбку, Сарвант ощутил, как что-то подступило изнутри. Это поднялось из чресл, заревело в груди, вырвалось из горла, перекрыв дыхание. Заполнило череп — и взорвалось. Перед ним была черная тьма, и все звуки исчезли

Он не помнил, как долго он пробыл в таком состоянии, но придя частично в себя, обнаружил, что стоит в кабинете жреца-врача.

— Повернись, я сделаю массаж простаты и возьму материал, — донеслись слова жреца.

Сарвант автоматически повиновался. Пока жрец рассматривал стекло под микроскопом, Сарвант стоял неподвижно, как льдина. Снаружи; а внутри бушевало пламя. Его заполнила яростная радость, неведомая прежде. Он знал, что собирается сделать, но ему было наплевать. Он сметет любое существо или Существо, которое попробует встать у него на дороге.

Через несколько минут он вышел из кабинета, ни минуты не колеблясь, широким шагом подошел к Арве, только что вышедшей из кабинки и собирающейся снова сесть у кариатиды.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной! — сказал он, не понижая голоса.

— Куда? — спросила она, но, увидев выражение его лица, поняла.

— Что ты мне тогда говорил? — спросила она презрительно.

— Это было тогда.

Он схватил ее за руку и потянул к кабинке. Она не сопротивлялась, но когда они оказались внутри и он задернул полог, она сказала:

— Теперь я знаю! Ты решил принести жертву Богине!

Сбросив платье, она экстатически улыбнулась, но глядела не на него, а вверх:

— Великая Богиня, благодарю Тебя, что мне позволено было стать средством обращения в истинную веру этого человека!

— Нет! — хрипло выкрикнул Сарвант. — Не говори так! Я не верю в твоего идола. Я просто — помоги мне Боже! — я просто тебя хочу! Я не могу глядеть, когда ты идешь в эту будку с каждым, кто попросит. Арва, я тебя люблю!

Секунду она с ужасом смотрела на него. Потом схватила свое платье и выставила, прикрываясь, перед собой:

— И ты подумал, что я позволю тебе поганить меня своим прикосновением? Язычник! В этих священных стенах!

Она двинулась к выходу. Он прыгнул на нее, поворачивая ее к себе. Она открыла рот, чтобы крикнуть, и он сунул туда скомканную полу платья. Закрутив одежду вокруг ее головы, он толкнул ее назад так, что она упала на кровать, а он оказался сверху.

Она вырывалась из его хватки и извивалась, но его пальцы крепко вцепились в плоть. Она попыталась сжать колени. Он подпрыгнул, как большая рыба из воды, тяжело ударив ее по бедрам, и расцепил замок ее ног

Она хотела податься назад, как змея, пытающаяся уползти на спине, но уперлась головой в стену И вдруг прекратила бороться.

Сарвант застонал, обхватив руками ее спину, прижавшись лицом к ее лицу через платье Он хотел коснуться губами ее губ, но платье-кляп было сложено вдвое, и он ничего не почувствовал сквозь его толщу

Последняя искра разума говорила ему, что он всегда ненавидел насилие и особенно насилие над женщиной, и вот он насилует женщину, которую любит. И хуже всего, куда хуже, она по своей воле отдавалась сотне мужчин за последние десять дней, мужчинам, для которых она ничего не значила, которые просто выплевывали в нее свою похоть. А ему она противится, как христианская мученица-девственница Древнего Рима, отданная на милость язычника-императора. В этом не было смысла, ни в чем не было.

И он внезапно закричал от разряда, копившегося восемьсот лет.

Он не знал, что кричит Он не осознавал ничего, что делалось вокруг. Когда вбежали жрец и епископ и плачущая, всхлипывающая Арва рассказала, что случилось, он все еще ничего не понимал. Пока в храм не вбежали разъяренные мужчины с улицы и не появился кто-то с веревкой, он ничего не понимал.

Потом было поздно

Поздно пытаться рассказать, чем он был одержим. Поздно, даже если бы они могли знать, о чем он говорит. Поздно, даже если бы его не избили до потери сознания и не выбили зубы и губы не распухли бы так, что ничего он не мог сказать, только мычать.

Епископ пытался вмешаться, но его отшвырнули в сторону и вынесли Сарванта на улицу Там его потащили за ноги, и голова стучала по мостовой всю дорогу до площади, где стояли виселицы. Они были построены в виде кожистой старой богини Альбы, Обрывающей Дыхание Человека. Ее железные руки, окрашенные в мертвенно-белый цвет, простирались, как будто хотели вцепиться в каждого проходящего.

Веревку перебросили через одну из ее рук и завязали на запястье. Из какого-то дома мужчины принесли стол и поставили его под свисающей веревкой Сарванта подняли на стол

и связали за спиной руки Двое его держали, а третий надел на шею петлю

Наступила секунда молчания, когда стихли крики разгневанных мужчин, и они перестали пытаться наложить на него руки и разорвать плоть святотатца.

Сарвант взглянул на них. Он плохо видел, глаза распухли, их заливало кровью из ран. Он что-то промычал.

— Что ты сказал? — спросил один из державших.

Сарвант не мог повторить. Он думал, что всегда хотел быть мучеником. Это желание было страшным грехом — грехом гордыни. Но он желал мученичества. И всегда в воображении шел к своему концу с достоинством и храбростью, рожденной уверенностью, что ученики его продолжат дело и в конце концов восторжествуют

Этому не бывать. Он будет повешен, как преступник последнего разбора. Не за проповедь Слова — за изнасилование.

Ни одного обращенного Он умрет не оплаканный, умрет безымянный. Тело бросят свиньям. Но тело — это не важно; умрет его имя и деяния его, и от этой мысли хотелось ему возопить к небесам. Пусть кто-то, хоть одна душа, продолжит.

Он думал: ни одна новая религия не преуспеет, пока не ослабеет старая. А эти люди — верят. Верят без тени сомнения, за которое могло бы зацепиться новое убеждение. Они веруют с такой силой, которой не было у людей его времени.

Он снова попытался выговорить слово. Теперь он стоял на столе один, покачиваясь, но решив, что ни капли страха не выкажет

— Слишком рано, — сказал он на языке, которого все равно не поняли бы, даже если бы он мог говорить ясно. — Слишком рано вернулся я на Землю. Мне нужно было подождать еще восемь сотен лет, когда люди начнут терять веру и сомневаться втайне Слишком рано!

У него из-под ног выдернули стол.

XIII

Впередсмотрящий не успел крикнуть, как из рассветного тумана на дисийскую бригантину налетели две шхуны с высокими мачтами Но моряки на «Божественном Дельфине» не сомневались, кто на них напал Из всех глоток вырвался одновременный крик «Карелы!» — и все смешалось.

Одно из пиратских судов скользнуло вдоль борта «Дельфина», и абордажные крючья карельской шхуны сцепили корабли намертво В мгновение ока пираты оказались на борту

Они были высокими, одетыми только в яркие цветные шорты с широкими кожаными ремнями, на которых висело оружие. Татуировка покрывала их с головы до ног, они размахивали кривыми тесаками и шипастыми булавами. Яростно выкрикивая что-то на своем родном финском, они дрались, как берсерки, иногда в безумии боя обрушивая удары тесаков и булав на своих.

Дисийцев захватили врасплох, но дрались они храбро. Сдаваться они не собирались: это означало рабство и смерть от непосильного труда.

Экипаж «Терры» был среди защитников. Ничего не понимая в фехтовании на мечах, они дрались, как могли, изо всех сил. Даже Робин схватила меч и дралась рядом с Черчиллем.

Вторая шхуна подошла с другого борта. С нее посыпались карелы и напали на не успевших развернуться дисийцев. Первой потерей звездолетчиков стал дагомеец Гбью-хан. Он успел убить одного пирата и ранить другого, но удар тесака сзади отсек ему руку с мечом, а следующий раскроил голову Потом упал Ястжембски, залившись кровью из разрубленного лба.

Вдруг Робин и Черчилль забились в наброшенной на них сверху сети. Под ударами кулаков они потеряли сознание.

Придя в себя, Черчилль обнаружил, что у него связаны за спиной руки. Рядом с ним на палубе сидела Робин, тоже связанная. Лязг мечей стих, и не раздавались даже стоны. Тяжелораненых дисийцев побросали за борт, а тяжелораненые карелы не позволяли себе стонать.

Перед пленниками стоял капитан пиратов Кирсти Айнундила. Высокий темноволосый человек с повязкой на правом глазу и шрамом через всю левую щеку говорил по-дисийски с сильным акцентом:

— Я просмотрел судовые документы и знаю, кто вы такие. Так что лучше не врите. Так. Ты и ты, — он показал на Черчилля и Робин, — стоите большого выкупа. Этот Витроу будет заплатить за свой дочь и зять невредимый много. Остальные будут давать хорошую цену на рынке в Айно, когда мы будем туда прийти.

Черчилль знал, что город Айно был базой карелов на побережье, которое когда-то звалось Северной Каролиной.

Кирсти что-то приказал, и пленников отвели вниз и приковали к шпангоуту С ними был и Ястжембски, поскольку они решили, что его рана не опасна.

Когда пираты заковали их и ушли, заговорил Лин.

— Теперь мне понятно, как глупо было думать добраться домой. Не потому, что нас захватили, а просто — дома больше нет. Там будет не лучше, чем здесь. Наши потомки могут быть так же враждебны к нам, как потомки Черчилля — к нему.

И я вспомнил кое о чем, что мы забыли из-за своего желания попасть обратно на Землю. Что случилось с землянами-колонистами на Марсе?

— Не знаю, — ответил Черчилль, — но мне кажется, что, если они не погибли по тем или иным причинам, они бы давно уже послали на Землю космолеты. В конце концов, они были самостоятельными, и у них были свои корабли.

— Очевидно, что-то им помешало, — заметил Чандра. — Но я, кажется, знаю, к чему клонит Лин. На Марсе есть радиоактивные минералы. Рудники там остались, даже если людей больше нет.

— Давайте говорить прямо, — сказал Черчилль. — Вы мне предлагаете отвезти туда «Терру»? У нас достаточно горючего на полет туда, но его не хватит на возвращение. Вы предлагаете использовать оборудование из марсианских курганов? И еще раз полететь к звездам?

— Мы нашли планету, где аборигены не были достаточно развиты, чтобы с нами воевать, — сказал Лин. — Вторую планету Веги. Там четыре больших континента, каждый размером с Австралию, и все разделены большими водными пространствами. Один континент населен гуманоидами, которые с точки зрения развития техники стоят на уровне Древней Греции. На двух других живут племена каменного века. Четвертый необитаем. Если мы доберемся до Веги, можем колонизовать четвертый континент.

Они помолчали.

Черчилль понимал, что предложение Лина имеет свои сильные стороны. Главным возражением было отсутствие средств на его осуществление. Прежде всего надо освободиться. Потом надо захватить «Терру» — а корабль так усиленно охранялся, что после освобождения из вашингтонской тюрьмы звездолетчики эту идею отбросили.

— Даже если мы захватим корабль, — сказал Черчилль, — а это — огромное «если», нам еще надо добраться до Марса. Это самый большой риск. Вдруг там мы не сможем добыть горючее?

— Копаем норы и начинаем делать оборудование, — ответил Аль-Масуини. — Да, но если на Марсе мы добудем, что требуется, и доберемся до Веги, нам понадобятся женщины. А то вымрем. А это значит, что я волей-неволей должен взять

с собой Робин. И это значит, что надо будет похищать дисийских женщин.

— Когда они выйдут на Веге из глубокой заморозки, пусть тогда протестуют, — предложил Штейнборг.

— Насилие, похищение, изнасилование — что за чудесный способ основать новый прекрасный мир! — сказал Черчилль.

— А есть другой? — спросил Ванг.

— Сабинянок не забудь, — напомнил Штейнборг.

На это Черчилль не ответил, но выдвинул другое возражение:

— Нас так мало, что вскоре наши потомки выродятся от близкородственных браков. Мы будем родоначальниками расы идиотов.

— Похитим детей вместе с женщинами и погрузим в глубокую заморозку.

Черчилль поморщился. Никак не удавалось уйти от насилия. Но в истории человечества так было всегда.

— И даже если мы возьмем младенцев, слишком маленьких, чтобы помнить Землю, нам придется взять достаточно женщин для их воспитания. А это другая проблема — полигамия. Не знаю, как другие, но Робин, боюсь, будет очень возражать.

Ястжембски предложил:

— Объясни ей, что это только временно. И если хочешь, можешь быть исключением — единственным моногамом среди многоженцев. А весь кайф достанется нам. Я предлагаю сделать набег на деревню пант-эльфов. Я слыхал, что их женщинам полигамия привычна и что они будут рады мужьям, обращающим на них внимание. Те так называемые мужчины, которые у них есть сейчас, им никаким дьяволом нравиться не могут.

— Ладно, — подвел итог Черчилль. — Но вот одна вещь меня по-настоящему беспокоит.

— Что именно?

— Как нам выбраться из вот этой каши?

Молчание.

Ястжембски спросил:

— А твой Витроу не наберет денег на выкуп нас всех?

— Нет. Ему придется выдоить свой кошелек, выручая нас с Робин от этих цепких к денежкам ребят.

— Ладно, — сказал Штейнборг. — По крайней мере для тебя выход есть. А как нам выкручиваться?

Черчилль встал и начал стучать друг о друга своими наручниками, одновременно громко крича, чтобы позвали капитана.

— Зачем ты это? — спросила Робин. Из предыдущего разговора она могла понять лишь отдельные слова — он велся на американском двадцать первого столетия.

— Хочу предложить капитану в некотором роде сделку, — ответил он по-дисийски. — Похоже, что у нас есть выход. Это зависит от того, насколько я буду хорошо заливать и насколько восприимчив будет капитан.

В люк просунулась голова матроса и спросила, что за дьявольщина тут творится.

— Скажи капитану, что я знаю способ заработать в тысячу раз больше, чем он рассчитывает, — ответил Черчилль. — И славы тоже хватит, чтобы стать героем.

Голова исчезла. Через пять минут вниз спустились два матроса и сняли цепи с Черчилля.

— Увидимся, — бросил он, уходя. — Только ждать меня не надо.

Прошел день, но он не вернулся. Робин была близка к истерике. Она воображала, что капитан разгневался и убил мужа. Остальные пытались ее успокоить, говоря, что настоящий бизнесмен — а карелы все таковы — не будет уничтожать столь крупный капитал. Но они и сами волновались, несмотря на собственные заверения. Черчилль ненамеренно мог настолько оскорбить капитана, что тому пришлось его убить просто для спасения лица; а может быть, он был убит при попытке к бегству.

Кое-кто задремал. Робин не спала и шептала молитвы Колумбии.

Наконец, уже перед рассветом, открылся люк. По лестнице, поддерживаемый двумя матросами, спустился Черчилль. Он шатался, чуть не падал и вдруг громко икнул. Когда его приковали снова, все стало ясно. От него несло пивом за версту, и говорить разборчиво ему не удавалось.

— Что делал? Пил, как верблюд перед выходом каравана, — ответил он на расспросы. — Весь день, всю ночь. Я его переговорил, а он меня перепил. Я столько узнал о финнах... Они легче других пережили Опустошение, а потом распространились на всю Европу, как древние викинги. Смешались с остатками народов Скандинавии, Германии и Балтии. Под их властью северо-запад России, Восточная Англия, почти весь север Франции, побережье Испании и Северной Африки, Сицилия, Южная Африка, Исландия, Гренландия, Новая Шотландия, Лабрадор и Северная Каролина. И Бог знает что еще, потому что они посылали экспедиции и в Индию, и в Китай...

— Очень интересно, но в другой раз, — перебил Штейнборг — Чего ты добился с капитаном? О чем договорился?

— Он хитрющий мужик и страшно подозрительный. С меня семь потов сошло, пока я его уговаривал.

— Что случилось? — спросила Робин.

Черчилль по-дисийски ответил ей, чтобы не волновалась и что все они скоро будут свободны. Потом снова перешел на родной язык:

— Ты пробовал объяснить работу генератора антигравитации и пропульсию материи человеку, не знающему о существовании молекул и электронов? И это только в числе прочего, в числе многого прочего должен был я прочесть лекцию об атомном строении материи...

Голос Черчилля пресекся, и голова упала на грудь. Он спал.

Взбеленившаяся Робин тряхнула его так, что он вышел из бессознательного состояния.

— А, Робин, это ты, — попытался произнести он. — Тебе не понравится эта каша. Ты меня видеть не захо...

И снова заснул. Все ее попытки его растолкать были напрасны.

XIV

— Ох, хотелось бы снять этот пояс, — отозвалась Мэри Кейси. — Он такой громоздкий и неудобный. Так натирает кожу, что я еле хожу. И еще он очень негигиеничный. В нем две маленькие дырочки, и приходится наливать в него воду, чтобы отмыться.

— Да знаю я, — нетерпеливо бросил Стэгг. — Это все неважно.

Она посмотрела на него и вскрикнула:

— Нет!

Панты перестали болтаться и стояли прямо и твердо.

— Питер, — сказала она, стараясь говорить спокойно, — не надо, пожалуйста. Этого нельзя. Ты меня убьешь.

— Нет, не убью, — ответил он почти всхлипывая, но от страсти или от невозможности сохранить самоконтроль, она не могла сказать.

— Я очень осторожно. Обещаю. Я не буду слишком много

— Одного раза уже слишком много! — крикнула она. — Мы не обвенчаны священником. Это грех будет!

— Нет греха, если ты не по своей воле, — хрипло произнес он. — А у тебя нет выбора. Нет, поверь.

— Я не буду! — говорила она. — Не буду! Не буду!

Он не обращал внимания, сосредоточившись на попытках открыть пояс. Это можно было сделать лишь ключом или

напильником. Поскольку не было ни того ни другого, ему предстояло остаться неудовлетворенным.

Но он действовал под влиянием порыва, глухого к разуму.

Талию облегали по бокам две железные пластины. Сзади они были соединены петлей, спереди захлопывались и запирались на замок. Еще одна деталь была сплетена из мелких звеньев и пристегивалась к поясу другим замком. Эта кольчужная броня имела некоторую гибкость. Как и полоса вокруг талии, она была снабжена матерчатой прокладкой, защищавшей от порезов и ущемления, но вся конструкция была очень тугой. Иначе можно было бы вытащить человека из пояса, приложив силу и ободрав кожу. Пояс был настолько туг, что Мэри жаловалась, что ей трудно дышать.

Стэгг запустил руки под переднюю часть пояса, хотя Мэри плакала и жаловалась, что он делает ей больно. Он не отвечал, но попытался расшатать концы пластин, выворачивая их из замка.

— О Боже мой! — кричала Мэри. — Перестань, ты мне все внутренности отобьешь! Ты убьешь меня! Брось это!

Он внезапно ее отпустил. Казалось, он взял себя в руки, но дышал тяжело.

— Прости, Мэри, — сказал он. — Не знаю, что делать. Может быть, мне убежать подальше, пока на меня снова не накатило и не заставило...

— Мы тогда можем потеряться насовсем, — сказала Мэри. Она сидела с грустным видом и говорила тихо: — И мне будет плохо без тебя, Питер. Ты мне очень нравишься, когда на тебя не находит от этих пантов. Но не стоит притворяться. Даже если ты справишься с этим сегодня, завтра будет то же самое.

— Лучше мне убраться сейчас, пока я еще собой владею. Ну и дилемма! Бросить тебя здесь погибать, потому что если я останусь, то ты можешь погибнуть!

— Ничего другого не придумать, — сказала она.

— Есть одна вещь, — начал он медленно и неуверенно. — Этот пояс не обязательно помешает мне получить, что мне нужно. Существует не единственный способ...

Она побледнела и вскрикнула:

— Нет, нет!

Он повернулся и побежал по тропе изо всех сил.

Потом до него дошло, что она пойдет той же дорогой. Он оставил тропу и свернул в лес. Это был не очень-то густой лес, поскольку местность еще продолжала восстанавливаться после Опустошения. Вода была отведена к полям, почти как в Дисии. Деревья попадались сравнительно редко, а большую часть растительности составляли сорняки и подлесок, да и тех

было немного. Однако там, где в какое-то время года было не так сухо, лес становился гуще. После недолгого бега Стэгг перешел небольшой ручей. Он бросился в него, рассчитывая, что холод остудит пламя его чресл, но вода оказалась теплой.

Он вышел из ручья и побежал дальше. Обогнув дерево, он столкнулся нос к носу с медведем.

С тех пор как они с Мэри удрали из Хай-Квин, Стэгг был настороже, ожидая такой встречи.

Он знал, что медведи тут были сравнительно многочисленны из-за обычая пант-эльфов привязывать в лесу пленников и взбунтовавшихся женщин на съедение этим священным животным.

Медведь был большой черный самец. То ли он был голоден, то ли испугался Стэгга не меньше, чем Стэгг его. Если бы у него был шанс, он бы, может быть, отступил, но Стэгг налетел на него так внезапно, что медведь принял это за нападение, а значит, надо было вступать в схватку.

Медведь встал на задние лапы, как привык, нападая на беспомощные человеческие жертвы, и замахнулся, метя Стэггу в голову. Если бы он попал, череп человека разлетелся бы, как брошенная на пол хрупкая статуэтка.

Но он не попал, хотя когти зацепили кожу на голове Стэгга. Тот полетел на землю, частично от удара, а частично по инерции собственного бега.

Медведь опустился на все четыре лапы и двинулся к Стэггу. Тот перекувыркнулся и вскочил на ноги. Выхватив меч, он прикрикнул на медведя. Медведь, не испугавшись шума, снова встал на дыбы. Стэгг взмахнул мечом, и его лезвие вонзилось в вытянутую лапу.

Зверь заревел от боли, но не остановился. Стэгг снова взмахнул мечом, но на этот раз медведь нанес такой быстрый удар, что меч вылетел из руки Стэгга и отлетел в бурьян.

Стэгг прыгнул за ним, наклонился, чтобы поднять — и оказался погребен под огромной медвежьей тушей. Голову вдавило в землю, а тело как будто прижало гигантским утюгом.

Но тут медведь тоже запутался, поскольку сделал слишком сильный рывок, и человек попал под его заднюю половину Медведь перекувыркнулся через голову и быстро развернулся. Стэгг вскочил и хотел удрать, но не успел сделать двух шагов, как медведь встал на дыбы и обхватил его передними лапами Стэгг знал, что медведи не душат жертв в объятиях, но тут же подумал, что этот зверь не читал своей естественной истории Как бы там ни было, а медведь схватил Стэгга и теперь пытался разодрать ему грудь.

Ему это не удалось, поскольку Стэгг вырвался. У него не было времени удивиться своей геркулесовой силе, разомкнувшей мощные объятия. Иначе он бы сообразил, что все дело в пантах.

Стэгг отскочил в сторону и развернулся лицом к медведю, снова готовый к битве. Как бы быстр он ни был, для бегства он находился слишком близко — на пятидесятиметровке медведь догонит олимпийского чемпиона.

Медведь навис над ним. Стэгг сделал единственное, о чем успел подумать: сжал кулак и изо всех сил ударил медведя по черной морде.

Такой удар сломал бы человеку челюсть. Медведь сказал «уф!» и остановился. Из ноздрей показалась кровь, глаза скосились.

Стэгг не стал медлить, любуясь работой своего кулака. Прошмыгнув мимо медведя, он попробовал схватить меч. Но правая рука не сомкнулась на рукояти. Она безжизненно висела, парализованная ударом о медвежью морду.

Он протянул левую руку, схватил меч и обернулся. Как раз вовремя. Медведь приготовился напасть еще раз, хотя скорость уже была не та.

Стэгг аккуратно поднял меч, а когда медведь приблизился, наискось ударил лезвием сверху по толстой короткой шее.

Последнее, что он увидел, был погрузившийся в черный мех меч и ударившая оттуда алая струя.

Он очнулся от сильной боли и обнаружил, что лежит на земле, рядом с ним мертвый медведь, а над ним рыдает Мэри Боль стала невыносимой, и он опять потерял сознание.

Когда он опять пришел в себя, голова его лежала у Мэри на коленях, а в его открытый рот лилась вода из фляжки. Голова по-прежнему раскалывалась. Подняв руку пощупать, что с ней, он наткнулся на бинт.

Правого рога не было.

— Тебе его оторвал медведь, — сказала Мэри. — Я услышала шум схватки, рычание медведя и твои вопли. И прибежала как могла быстро, хотя и боялась.

— Если бы ты этого не сделала, — сказал он, — я бы умер

— Я тоже так думаю, — подтвердила она, просто констатируя факт. — У тебя страшно текла кровь из дырки в основании оторванного рога. Я оторвала полосу от килта и остановила кровь.

Внезапно на его лицо упала большая горячая слеза

— Теперь можешь плакать, — сказал он, — когда все позади. Но хорошо, что ты такая храбрая Никто бы тебя не осудил, если бы ты удрала.

— Я не могла, — всхлипнула она. — Я... по-моему, я тебя люблю. Да я никого не оставила бы так умирать. И я боялась остаться одна.

— Я расслышал, что ты сказала сначала, — ответил он. — Не понимаю, как ты можешь любить такое чудовище. Но если тебе это приятно, а не противно — то я тебя тоже люблю, хотя час назад на это было непохоже.

Он дотронулся до рваной раны на том месте, где был рог, и дернулся.

— Как ты думаешь, это не снизит мой... мой порыв наполовину?

— Не знаю. Хотелось бы. Только... я думала, что, если удалить твои панты, ты умрешь от шока.

— И я так думал. Может быть, жрицы лгали. А может быть, для фатального шока надо удалить оба. В конце концов, костные основания не задеты, и один из пантов функционирует. Неизвестно, что теперь будет.

— Брось об этом думать, — сказала она. — Ты поесть не хочешь? Я тут пожарила медвежатины.

— Это она так пахнет? — спросил он, принюхиваясь. Он посмотрел на тушу. — Сколько я был в отключке?

— Ты был без сознания день, ночь и сегодняшнее утро. А насчет дыма от костра не беспокойся. Я умею делать костер без дыма.

— Я думаю, что быстро оправлюсь, — сказал он. — У этих пантов страшная регенеративная мощь. Не удивлюсь, если он снова вырастет.

— Бога буду молить, чтобы этого не случилось, — ответила она. Подойдя к костру, она сняла два ломтя медвежатины с деревянного вертела. Через минуту они ели хлеб с мясом.

— Я поправляюсь, — заметил он. — Я так голоден, что медведя съел бы.

Через два дня он вспомнил эти слова и засмеялся, потому что он и на самом деле съел медведя. От него осталась шкура, кости и внутренности, даже мозги они с Мэри приготовили и съели.

К этому времени он уже был готов двигаться дальше. С основания рога сняли бинт, и открылся чисто заживший шрам.

— По крайней мере он не собирается вырастать снова, — сказал он. И посмотрел на Мэри.

— Что ж, мы там же, где были, когда я от тебя убежал. На меня снова начинает находить.

— Это значит, что мы снова должны расстаться?

По ее тону невозможно было догадаться, хочет она этого или нет.

— Я, пока выздоравливал, много передумал, — сказал Стэгг. — Во-первых, когда пант-эльфы тащили нас в Хай-Квин, у меня определенно снизилось возбуждение. Это, я считаю, от недоедания. Пищи хватало, чтобы я мог идти, но было мало для пробуждения этого... желания. Это будет трудно, но я выдержу.

— Чудесно, — ответила она. Затем она вспыхнула и, чуть помедлив, добавила: — Есть еще одна вещь. Мне нужно избавиться от пояса. Нет-нет, не затем, что ты подумал. Он меня просто сводит с ума. Он трет и режет, и так пережимает меня посередине, что я едва дышу.

— Как только попадем на дисийскую территорию и найдем ферму, — сказал он, — я украду напильник. Мы это дьявольское устройство снимем.

— Хорошо. Только не пойми меня неправильно.

Он поднял мешок, и они пошли.

Шли они так быстро, как Мэри позволял пояс. Они пробирались осторожно, реагируя на каждый шорох. Была опасность нарваться не только на погоню из Хай-Квина, наверняка за ними высланную, но и на враждебных дисийцев.

Они перевалили горы Шавангунк и пришли в долину, по которой вилась тропа. Там они заметили людей, высланных из Хай-Квинс отомстить за смерть своих товарищей. Те так увлеклись погоней, что отряд дисийцев застал их врасплох. Теперь они висели на деревьях, к которым их привязали перед тем, как перерезать глотки, либо их кости валялись под этими деревьями. Что не съели медведи, подобрали лисы, а что не тронули лисы, теперь доклевывали вороны.

— Надо удвоить осторожность, — сказал Стэгг. — Сомневаюсь, что дисийцы перестали нас искать.

В его речи не было прежней энергии. Он похудел, глаза в почерневших глазницах ввалились. Садясь есть, он быстро проглатывал свою порцию и жадно глядел на порцию Мэри. Иногда он отходил в сторону от привала, чтобы не видеть, как она ест, и возвращался только потом.

Самое худшее, что даже во сне он не мог забыть о пище. Ему снились ломящиеся от блюд столы, уставленные большими кружками с холодным пивом. А когда эти видения отступали, вспоминались девы, встреченные на Великом Пути. Из-за недоедания его возбуждение значительно уменьшилось, но было куда сильнее нормального человеческого. Бывало, что он оставлял уснувшую Мэри и отходил в лес

облегчить невыносимое напряжение. От этого ему было невыносимо стыдно, но лучше так, чем силой овладеть Мэри.

Он не решался ее поцеловать. Она это понимала, потому что сама не делала попыток поцеловать его. И никогда не вспоминала свои слова о том, что любит его. Она не совладала с чувствами, увидев, что он жив, и ее слова могли быть просто выражением облегчения.

После того как они нашли останки пант-эльфов, Стэгг и Мэри оставили тропу и пошли прямиком через леса. Продвижение замедлилось, но они чувствовали себя в большей безопасности.

Они вышли к Гудзону. Тем же вечером Стэгг взломал дверь какого-то сарая и украл напильник. Пришлось убить сторожевого пса, которого он задушил, не дав ему гавкнуть второй раз. Они вернулись в лес, и Стэгг потратил четыре часа на распиливание пояса. Он был сделан из твердой стали, и надо было пилить осторожно, чтобы не задеть Мэри. Потом он дал ей мазь, найденную в том же сарае, и она отошла в кусты растереть поврежденные и воспаленные места. Стэгг пожал плечами, поскольку они много раз видали друг друга без одежды. Впрочем, тогда они не контролировали ситуацию.

Когда она вернулась, они пошли вдоль берега, пока не увидели лодку, привязанную к деревянному причалу. Отвязав ее, они переплыли реку, и Стэгг отпихнул лодку от берега. Та поплыла вниз по течению, а они пошли на восток. Шли они две ночи, днем прячась и отсыпаясь. Недалеко от города Покипси Стэггу посчастливилось украсть еще еды. Вернувшись в лес к Мэри, он поглотил втрое больше, чем она считала бы для него необходимым. Мэри встревожилась, но он объяснил ей, что клетки его тела уже поедают друг друга.

Съев половину припасов, он выпил целую бутылку вина и какое-то время сидел спокойно. Потом он встал и сказал Мэри:

— Ты прости, но я больше не выдержу. Придется вернуться на ферму.

— Зачем? — спросила она встревоженно.

— Мужчин там нет, они, наверное, в городе. А я видел трех женщин, и одна из них молодая и симпатичная. Понимаешь, Мэри?

XV

— Нет, не понимаю! — ответила она. — Даже если бы понимала, ты сам-то понимаешь, как опасно туда возвращаться? Эти женщины расскажут вернувшимся мужчинам, а те известят жриц Вассара. И те бросятся по нашему следу. Если узнают, что мы в этой округе, нас наверняка поймают.

— Я знаю, что ты права, — сказал он. — Но не могу устоять. Слишком много съел. Либо они, либо ты.

Мэри поднялась на ноги. У нее был такой вид, будто она собиралась сделать что-то, очень ей противное, но необходимое.

— Если ты на минутку отвернешься, — сказала она дрожащим голосом, — я тебе помогу.

Он воскликнул в восторге:

— Правда, Мэри? Если бы ты знала, что это для меня значит!

Он отвернулся и, несмотря на почти непереносимую остроту предвкушения, улыбнулся. Как это в ее стиле: такая скромность при раздевании, перед тем как с ним лечь.

Он услышал ее движение у себя за спиной:

— Можно повернуться?

— Нет, я еще не готова.

Он услышал ее приближающиеся шаги и с нетерпением спросил:

— А теперь можно?

— Еще нет, — ответила она у него за спиной.

— Я больше не вытерплю...

Что-то тяжелое ударило его по затылку. Он потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на боку, руки связаны за спиной и ноги связаны в лодыжках. Она разрезала пополам тонкую веревку, которую он положил в мешок перед бегством от пант-эльфов. Возле него лежал большой камень, которым, как он понял, она его и огрела.

Видя, что он открыл глаза, она сказала:

— Прости, если можешь, Питер, но мне пришлось. Если бы ты направил дисийцев на наш след, нам бы не удрать.

— В мешке есть две бутылки виски, — сказал он. — Прислони меня к дереву и поднеси к губам бутылку. Я хочу выпить всю кварту. Во-первых, чтобы унять эту дикую боль в голове. Во-вторых, если я не напьюсь до потери сознания, я сойду с ума от похоти. В-третьих, чтобы забыть, какая ты стервозная сука.

Она не ответила, но сделала, как он сказал, прислонив бутылку к его губам и время от времени ее отнимая, когда он переставал глотать.

— Прости меня, Питер.

— Да ну тебя к черту! И чего я с тобой связался! Не мог удрать с настоящей женщиной. Давай еще виски.

За два часа он выпил две трети кварты. Секунду-другую он сидел ровно, глядя прямо перед собой Потом со стоном вздохнул и захрапел.

Наутро Стэгг проснулся развязанным. Он не жаловался на похмелье и ничего ей не говорил. Просто смотрел, как она делит провизию. После завтрака, за которым он пил много воды, они молча пошли на восток.

Ближе к полудню Мэри заговорила:

— Ни одной фермы за последние два часа. Лес становится реже, и появляются скалы. Мы на пустошах между Дисией и Кейсилендом. Здесь нужно идти еще осторожнее — могут встретиться военные отряды обеих сторон.

— А что страшного встретиться с твоими соплеменниками? — спросил Стэгг. — Ведь это их мы ищем?

— Они могут сначала выстрелить, а потом уже выяснять, кто мы такие, — ответила Мэри, нервничая.

— О'кей, — сказал он серьезно. — Будем кричать издали. Скажи мне, Мэри, ты уверена, что они не обойдутся со мной, как с дисийским пленником? Как бы там ни было, а этот рог может вызвать у них предубеждение.

— Нет, когда я им скажу, что ты спас мне жизнь. И что ты стал Солнце-героем не по своей воле. Конечно...

— Что «конечно»?

— Тебе придется согласиться на операцию. Не знаю, хватит ли у моего народа врачебного искусства убрать твой рог, не убив тебя, но тебе придется попробовать. Иначе тебя посадят под замок. А ты знаешь, что это тебя с ума сведет. Но в таком виде тебе разгуливать не позволят. И я, естественно, и не подумаю идти за тебя замуж, пока у тебя этот рог. Да и ты сначала должен креститься в нашу веру. За язычника я не пойду. Да я и не могла бы, даже если бы хотела: язычников мы убиваем.

Стэгг не знал, зареветь от гнева, зарычать от смеха или заплакать от отчаяния. И никаких эмоций поэтому не выразил. Вместо этого он сказал без всякой интонации:

— Не помню, чтобы я просил твоей руки.

— Ах, это и не требуется, — ответила она. — Достаточно, что мы провели ночь вдвоем без дуэньи. В нашей стране это означает, что мужчина и женщина должны пожениться. Это один из признанных способов сообщить о своей помолвке.

— Но ты же не допустила ничего, что сделало бы оправданным вынужденный брак, — запротестовал он. — Ты все еще девственница. Насколько мне известно по крайней мере.

— Конечно же, я девственна! Но это безразлично. Принимается как данность, что мужчина и женщина, проводящие вместе ночь, не могут противиться зову плоти, как бы ни была сильна воля. Если они не святые, конечно. А святые никогда в такое положение не попадут.

— Так какого же черта и всех подручных его ты так стараешься быть хорошей девочкой? Если назвалась груздем, отчего бы и в кузов не полезть?

— Потому что я не так воспитана. Потому что, — добавила она несколько самодовольно, — не важно, что думают люди. Важно, что видит Мать.

— Ты бываешь такой святошей, что просто свернул бы твою симпатичную шейку! Я тут загибаюсь от такого, чего ты никогда понять не сможешь, и ты все это время могла бы избавить меня от боли без всякого морального для себя ущерба — да и к тому же получить такое, что тебе все женщины мира позавидовали бы!

— Не стоит сердиться, — сказала она. — Ведь это же не так, как было бы дома, где нас обоих могли бы убить, пока мы не успели пожениться. Тогда бы я решилась на грех. И к тому же ты не обычный мужчина. А с этим рогом... Так что тут особый случай. Я уверена, что мы найдем ученого священника и он все эти сложности разрешит.

Стэгг трясся от злости. Он только сказал:

— Мы еще не добрались до Кейсиленда!

Наступил полдень. Стэгг съел куда больше своей обычной порции. Мэри ничего не сказала, но стала за ним наблюдать. Каждый раз, когда он к ней приближался, она отодвигалась. Перепаковав мешок, они пошли дальше. Стэгг начинал ощущать благотворное действие еды. Живая часть рога начала распухать и вставать вертикально. Глаза у него засверкали, он стал время от времени подпрыгивать, похрюкивая от сдерживаемой радости.

Мэри стала отставать. Он был так захвачен приближением приступа желания, что не заметил. Отстав примерно на двадцать ярдов, она побежала в лес и скрылась в кустах. Он прошел еще ярдов двадцать, прежде чем заметил, что ее нет. Тут он заревел и рванулся за ней сквозь кусты и ветви, потеряв осторожность и выкрикивая ее имя.

Он прошел по ее следу, обозначенному примятым бурьяном, до небольшого, почти пересохшего ручья, пересек его и вбежал в дубовую рощу. Тут он потерял след. Побежав в другую сторону, он выскочил из леса и увидел широкий луг.

Еще он увидел десятка полтора мечей, за поднятыми остриями которых виднелись хмурые лица кейсилендеров.

В стороне стояла девушка лет двадцати. Она была одета так же, как Мэри во время сидения в клетке. Это была маскотка. Мужчины были одеты в форму бейсбольной команды Кейсиленда с красными гетрами. В их одежде был только один несоответствующий элемент. Вместо кепок с длинными

козырьками на голове у каждого была шляпа с перьями, как у адмирала.

За ними стояли олени, девятнадцать основных и запасные, один для маскотки, четыре для провизии и снаряжения.

Предводитель кейсилендеров, носивший титул «Могучий», как все капитаны Кейси, был долговязым тощим парнем с худым лицом; одна щека оттопыривалась от табачной жвачки. Он неприятно усмехнулся:

— Что, старый рогач, гнался за молодым свежим мясцом? А напоролся на кусачее лезвие меча? Разочарован, чудище? Ничего. Мы тебе устроим бабу — только руки у этой бабы тощие и костлявые, груди висят мешками, а дыхание смердит могилой.

— На фиг эта декламация, Могучий, — буркнул один из кейсилендеров. — Повесим его и пошли дальше. У нас игра в Покипси.

Стэгг понял, что они здесь делают. Это был не военный отряд, а бейсбольная команда, приглашенная на соревнования в Дисию. В качестве таковой она имела пропуск на дисийскую территорию, гарантирующий от нападения.

Но эта гарантия требовала обещания не причинять вреда встречным дисийцам, если те не нападают.

— Ладно насчет повесить, — сказал он Могучему. — По правилам, ты не можешь тронуть дисийца, если он на тебя не нападает.

— Это правда, — ответил Могучий. — Но так вышло, что мы о тебе знаем от своих шпионов. Ты не дисиец, и наше обещание тебя не касается!

— А тогда зачем меня вешать? — спросил Стэгг. — Если я не дисиец, то я вам не враг. Скажи, ты видел здесь женщину, которая бежала впереди меня? Ее зовут Мэри Кейси. Она вам скажет, что со мной нужно поступать как с другом.

— Придумай лучше, — сказал человек, который торопил с повешением Стэгга. — Ты — один из этих одержимых дьяволом рогатых, и нам этого достаточно.

— Заткнись, Лонзо! — сказал Могучий. — Я здесь капитан.

Он обратился к Стэггу:

— Жаль, что я тебя не прирезал, пока ты не заговорил. Не было бы проблем. Но расскажи мне про эту Мэри Кейси.

Он вдруг спросил:

— А как ее второе имя?

— Рай-Моя-Судьба.

— Да, так зовут мою кузину. Но это еще ничего не значит. Ее тащили с тобой по Великому Пути. У нас хорошая разведывательная агентура, и мы знаем, что вы исчезли после

налета волосатых ребят на Вассар. Ведьмы нашли замену Двурогому Царю, а в поисках вас тайно разослали военные отряды.

— Мэри где-то здесь поблизости, — сказал Стэгг. — Найди ее, и она подтвердит, что я помогал ей бежать в вашу страну.

— А что вы делали порознь? — подозрительно спросил Могучий. — И почему ты бежал?

Стэгг молчал. Могучий продолжал:

— Я так и думал. На тебя посмотреть — и уже ясно, зачем ты за ней бежал. Вот что я тебе скажу, Двурогий Царь. Я облегчу твою судьбу. Мне бы надо поджарить тебя на медленном огне, потом вырвать глаза и запихнуть их тебе в глотку. Но нас ждет матч, и времени нет, так что ты умрешь быстро. Свяжите ему руки, ребята, и вздерните!

Через сук перебросили веревку и надели Стэггу на шею петлю. Двое кейсилендеров схватили его за руки, а третий готовился их связать. Стэгг не сопротивлялся, хотя мог бы раскидать этих двоих, как щенят.

Он сказал:

— Постой. Я вызываю вас на матч по правилам «один против пяти» и зову Бога в свидетели, что я вас вызвал!

— Как? — спросил Могучий, не веря своим ушам. — Во имя Колумба, парень, мы опаздываем! Да и следует ли нам принимать твой вызов? Мы не знаем, ровня ли ты нам. Мы — дирадахи, и вызов от шетхеда неприемлем. Да если подумать, он просто немыслим.

— Я не шетхед! — ответил Стэгг, тоже пользуясь этим словом для обозначения крестьянина. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы Солнце-героем выбрали кого-нибудь, кроме аристократа?

— Это правда, — сказал Могучий. Он почесал в затылке. — Что ж, ничего не поделаешь. Развяжите его, ребята. Даст Бог, игра надолго не затянется.

У него даже не мелькнула мысль пренебречь вызовом Стэгга и повесить его. У его народа был кодекс чести, и капитан не подумал бы его нарушить, особенно когда Стэгг призвал в свидетели его Бога.

Кейси, предназначенные для первой пятерки, сняли адмиральские шляпы и надели кепки с козырьками. Вытащив снаряжение из седельных сумок своих оленей, они начали выкладывать на лугу бриллиант. Из кожаного меха они высыпали тяжелый белый порошок, проводя дорожки от пластины к пластине и от каждой пластины — к квадрату питчера. Вокруг каждой пластины они нарисовали узкий квадрат, поскольку по правилам «один против пяти» Стэгг мог оказаться

перед необходимостью в течение игры отбивать от любой базы. Для питчера нарисовали квадрат побольше.

— Не возражаешь, чтобы судьей была наша маскотка? — спросил Могучий. — Она поклянется перед лицом Отца, Матери и Сына, что не будет нам подсуживать. Если она нарушит клятву, ее испепелит молния. Хуже того, она станет бесплодной.

— У меня не слишком большой выбор, — ответил Стэгг, взвешивая на руке поданную ему окованную медью биту. — Я готов, начинайте, когда сможете.

Его плотское желание исчезло, уступив место жажде крови этих людей.

Маскотка, надев решетчатую железную маску и бронированную форму, тяжело пробежала на место за кэтчером.

— Бэттеру приготовиться!

Стэгг ждал подачи Могучего. Тот стоял всего за тридцать девять метров от него, держа тяжелый кожаный мяч с четырьмя острыми стальными шипами. Он смерил Стэгга взглядом, затем размахнулся и метнул.

Мяч летел в голову Стэггу, как пушечное ядро. Он летел так быстро и так верно, что человек с нормальными реакциями вряд ли успел бы уклониться. Однако Стэгг согнул колени, и мяч скользнул в дюйме над его головой.

— Мяч первый! — прозвенел высокий, чистый голос маскотки.

Кэтчер не пытался поймать мяч. В этой игре его обязанностью было бежать за мячом и возвращать его питчеру. Конечно, он еще сторожил дом и попробовал бы поймать мяч в свою огромную бронированную перчатку, если Стэгг только попытался бы бежать к дому.

Могучий Кейси снова метнул, на этот раз метя Стэггу в диафрагму.

Стэгг махнул битой. Бита стукнула по мячу с глухим звуком, непохожим на резкий щелчок, которого по привычке ожидал Стэгг.

Мяч отскочил налево от Стэгга и пересек линию фола, скатившись за пределы бриллианта.

— Страйк первый!

Кэтчер вернул мяч. Могучий Кейси начал было примериваться, но вдруг замахнулся и метнул мяч одним плавным движением.

Он чуть не застал Стэгга врасплох. Времени замахнуться не было, и тот просто выставил биту. Мяч ударил по ней и на секунду прилип, застряв острием в медной оковке.

Стэгг рванулся к первой, вцепившись в биту, как ему позволяли правила, когда мяч прилипал к бите. Могучий Кейси понесся за ним, рассчитывая, что по дороге мяч упадет. Иначе, если бы Стэгг добрался до первой и сохранил мяч, он становился питчером, а Могучий Кейси — бэттером.

На полпути к первой мяч отцепился.

Стэгг бежал, как олень, на которого он и был похож, потом бросился головой вперед и растянулся на траве пластины. Битой в вытянутой вперед руке он ударил первого бейсмена в голень, по кости, и сбил его с ног.

Что-то стукнуло Стэгга в плечо. Он застонал от боли и почувствовал в теле шип. Но он подпрыгнул, потянулся рукой назад и вырвал шип, не обращая внимания на теплую струю, потекшую вниз по плечу.

Теперь, поскольку он выжил после удара мяча и сохранил достаточно сил, он мог бросить мяч либо в питчера, либо в первого бейсмена.

Первый бейсмен попытался удрать, но от удара биты Стэгга он даже и ходить не мог. Он выхватил из матерчатого футляра у себя за спиной собственную биту и приготовился отбить удар Стэгга.

Стэгг бросил, и первый с искаженным от боли в ноге лицом попытался отбить мяч.

Глухой тяжелый удар. Первый зашатался, потом упал на колени. Шип глубоко погрузился ему в горло.

У Стэгга был выбор: оставаться в безопасности на первой или попытаться взять вторую. Второй бейсмен, в отличие от первого, отступил в сторону. Стэгг от огромной инерции пролетел мимо пластины. Извернувшись, он перекатился назад и коснулся второй базы.

С громким хлопком мяч влетел в необычайно толстую бронированную перчатку второго.

На второй базе Стэгг был — теоретически — в безопасности. Но, видя ярость на лице второго, он вскочил на ноги и поднял биту, готовый двинуть парня по голове, если тот забудет правила и попытается поразить Стэгга мячом.

Видя поднятую биту, противник бросил мяч на землю. Из его пальцев капала кровь — так сильно сжалась его рука, не желавшая отпускать мяч.

Был объявлен тайм-аут, над первым бейсменом сказали какие-то краткие молитвы и накрыли его одеялом.

Стэгг попросил воды и еды, поскольку начинал слабеть от голода. У него было на это право, раз тайм-аут взяла другая сторона.

Он как раз кончил есть, когда маскотка объявила:

— Мяч в игру!

Теперь Стэгг, стоя в узком квадрате вокруг второй базы, должен был отбивать. Могучий замахнулся и бросил. Стэгг отбил мяч влево, не выбив за линию фола. Он побежал, но на этот раз игрок, заменивший погибшего первого бейсмена, успел к мячу как раз в момент приземления. Стэгг на долю секунды прервал бег, не в силах решить, бежать к третьей или вернуться на вторую.

Первый низом бросил мяч Могучему, который подбежал близко к дорожке между второй и третьей, почти на дороге у Стэгга. Продолжая бег, Стэгг становился беззащитен. Он резко повернулся, босые ноги поскользнулись на траве, и он упал на спину.

На одну страшную секунду ему показалось, что он погиб.

Могучий был очень близко и замахивался для броска в простертого на земле Стэгга.

Но Стэгг успел вцепиться в биту и в отчаянии поднять ее перед собой. Мяч скользнул по ней, выбив биту у него из руки и отскочив на несколько футов.

Стэгг победно взревел, вскочил на ноги, подобрал биту и стоял, угрожающе ею покачивая. Если он не был задет мячом, находясь между базами, он не имел права его поднять и бросить в противника. Не мог и оставить маркированную дорожку и угрожать тому, кто захотел бы этот мяч поднять. Но если мяч лежит на земле достаточно близко, чтобы до него можно было дотянуться битой, сделать это правилами разрешалось.

Над полем разнесся женский голос, начавший отсчет до десяти. Противникам Стэгга давалось десять секунд на решение, попытаться добыть мяч или дать Стэггу безопасно дойти до третьей.

— Десять! — выкрикнула маскотка, и Могучий отвернулся от размахивающей биты.

Могучий бросил снова. Стэгг махнул и промазал. Могучий улыбнулся и бросил мяч Стэггу в голову. Стэгг махнул битой и не попал по мячу, но и мяч не попал в него.

Могучий улыбался волчьим оскалом. Если Стэггу будет засчитан страйк, то он должен бросить биту и стоять неподвижно, пока Могучий постарается влепить мяч ему между глаз.

Но если Стэгг сумеет добраться до дома, питчером станет он. Ему по-прежнему будет не хватать товарищей по команде, чтобы помочь, но его превосходящая сила и скорость делали его самого командой — из одного человека.

Было тихо, только Кейси бормотали молитвы. Могучий бросил.

Мяч летел Стэггу прямо в живот, и у него был выбор — попытаться без замаха встретить мяч торцом биты или отклониться в сторону, держа ноги в узком квадрате. Если он отступит или упадет в сторону, против него будет засчитан страйк.

Стэгг решил уклониться.

Мяч пролетел мимо его сжавшейся плоти. Он прошел так близко, что крутящийся шип вырвал кусочек мяса. По животу потекла кровь.

— Мяч первый!

Могучий снова бросил в живот. Стэггу казалось, что мяч распухает, беременный смертью, большой, как планета, на которую падаешь.

Он сильно закрутил биту, пустив ее быстрой дугой вдоль земли. Торец биты столкнулся с мячом, и она раскололась на две, а мяч полетел в сторону Могучего.

Питчер этого не ожидал. Он не мог поверить, что тяжелый мяч мог улететь так далеко. Но потом, когда Стэгг уже бежал к дому, Могучий побежал вперед и поймал мяч в перчатку. В тот же момент другие игроки, оправившись от изумления, бросились вперед — убивать.

Между Стэггом и домом стояли двое, по одному на каждой обозначенной белой линией стороне дорожки. Оба молили Могучего бросить мяч им, но он не хотел отдать никому честь битвы со Стэггом.

Стэгг в отчаянии ударил по мячу обломком биты, деревянной рукояткой, отделившейся от окованного медью конца. Мяч не отскочил, а упал на землю у его ног.

За ним нырнул кто-то из Кейси.

Рукояткой биты Стэгг размозжил сквозь шляпу череп игрока.

Остальные остановились.

Маскотка вскинула руки, закрыв забранное маской лицо, чтобы не видеть мертвого, но тут же опустила руки и бросила на Могучего умоляющий взгляд. Тот на секунду заколебался, как будто собираясь дать сигнал броситься на Стэгга и покончить с ним, и к черту все правила.

Затем он глубоко вздохнул и сказал ей:

— Ладно, Кэти, считай. Мы дирадахи. Мы не жульничаем.

— Один! — сказала маскотка дрожащим голосом.

Остальные игроки посмотрели на Могучего. Он оскалился и сказал:

— Так. Все построились за мной. Я попытаюсь первым. Никогда не прикажу того, что не стал бы делать сам.

Кто-то сказал:

— Мы могли бы отпустить его домой.

— Что? — крикнул Могучий. — И каждый занюханный дисийский идолопоклонник в юбке вместо штанов будет над нами смеяться? Нет! Если мы должны умереть — а когда-то мы должны, — то умрем, как мужчины!

— Пять! — произнесла маскотка таким голосом, будто у нее разрывалось сердце.

— У нас нет никаких шансов! — простонал кто-то из Кейси. — Он вдвое быстрее любого из нас. Это как баранам идти на бойню.

— Я не баран! — заревел Могучий. — Я — Кейси! И я не боюсь смерти! Я пойду на небо, а этот парень будет жариться в аду!

— Семь!

— Давай-давай! — заревел Стэгг, крутя половиной биты. — Подходите, джентльмены, испробуйте свою удачу!

— Восемь!

Могучий собрался для прыжка, его губы беззвучно шептали молитву.

— Девять!

— СТОЙТЕ!

XVI

Из леса выбежала Мэри Кейси, выставив вперед руки. Она с разбегу обняла Могучего и стала целовать его, смеясь и плача.

— Кузен, кузен, я боялась, что никогда тебя больше не увижу!

— Слава Матери, ты невредима, — ответил он. — Так этот человек с рогом говорил правду?

Он чуть отодвинул ее от себя и внимательно на нее посмотрел:

— Или он тебя обидел?

— Нет, нет! Он меня не трогал. Он все время вел себя как настоящий дирадах, — ответила она. — И он не почитатель Колумбии. Он клянется Богом и Сыном, я не раз слышала! Ты же знаешь, что ни один дисиец так не сделает!

— Жаль, я не знал раньше, — сказал Могучий. — Мы не потеряли бы двух хороших ребят зазря.

Он повернулся к Стэггу:

— Если она говорит правду, друг, то нет причины продолжать игру. Конечно, если таково твое желание, мы ее продолжим.

Стэгг отбросил на землю обломок биты и сказал:

— Мое первое предложение было идти в Кейсиленд и оставаться там до конца жизни.

— Времени нет на разговоры! — перебила Мэри. — Надо отсюда уходить! Быстро! Я забиралась на дерево осмотреться и видела свору адских гончих, а за ними группу мужчин и женщин на оленях! И... и кабанов смерти.

Кейси побледнели.

— Кабаны смерти! — повторил Могучий. — Альба едет! Что она здесь делает?

Мэри показала на Стэгга:

— Они знают, что он где-то здесь, и, наверное, напали на его след. Слишком быстро они едут, чтобы ехать наугад.

— Чертовски трудная дилемма, — сказал Могучий. — Нас дисийцы не тронут, поскольку у нас право прохода. Но Альба... не знаю. Она выше таких вещей, как договоры.

— Да, — ответила Мэри. — Но если даже они не тронут вас, что будет с Питером — и со мной? Я же не вписана в ваш пропуск.

— Я дал бы вам двоим пару лишних оленей. До реки Хьюсатоник они вас довезут, а на той стороне вы будете в безопасности — там форт. Но Альба может вас поймать по дороге...

Его лицо сосредоточенно сморщилось. Потом он сказал:

— Честь позволяет сделать лишь одно. Мы не можем допустить, чтобы двое истинно верующих попали в безбожные руки Альбы. Особенно если одна из них — моя кузина!

Он завопил:

— Эй, люди! Что скажете? Наплевать на пропуск и драться за этих двоих? Или как цыплята перед коршуном прятаться в лесу?

— Кейсилендерами жили — кейсилендерами умрем! — в один голос взревела команда.

— Деремся, — подытожил Могучий. — Но сначала — едем. Пусть побегают за нашей кровью.

В этот момент донесся лай гончих.

— По оленям! Едем!

Мэри и Стэгг развьючили выделенных им оленей, забрались без седел на спины животных и сжали поводья.

— Скачите вперед, женщины, — сказал Стэгг. — Мы поедем чуть сзади.

Мэри возразила, глядя на Стэгга:

— Если он останется сзади, я останусь с ним.

— Времени нет спорить, — сказал Могучий. — Поедем все вместе.

Они поскакали галопом по неровной и петляющей тропе. Лай за ними вдруг стал намного громче — собаки взяли след множества людей и оленей. Беглецы едва успели убраться с луга, как из лесу показались первые гончие. Оглянувшись, Стэгг увидел большого пса, похожего на помесь грейхаунда с волком. Шкура была снежно-белой, а волчьи уши огненно-рыжими. За ним летела свора еще из двадцати таких же.

Он был слишком занят ездой по извилистой тропе, чтобы обернуться еще раз. Испуганных оленей подгонять не приходилось.

Через полкилометра бешеной скачки Стэгг смог бросить назад еще один быстрый взгляд. Теперь он видел около двадцати всадников на оленях. Во главе процессии скакал снежно-белый олень с выкрашенными в алый цвет рогами: на нем сидела старуха, и из одежды на ней были только высокая черная остроконечная шляпа да живая змея на шее. За ней вились седые волосы, а свисающие груди хлопали при каждом скачке оленя.

Она одна могла бы напугать любого. А по бокам отряда, не отставая от оленей, бежало стадо свиней. Это были высокие, длинноногие худощавые свиньи, созданные для быстрого бега. Они были черными, с окрашенными алым длинными клыками, и отвратительно визжали на бегу.

Стэгг как раз обернулся взглянуть, когда впереди раздался хруст и закричал от боли олень.

Стэгг глянул вперед. Два оленя, а рядом с ними наездники, лежали на земле. Случилось худшее: олень маскотки провалился ногой в яму и упал. Ехавшая сразу за ней Мэри не смогла достаточно быстро отвернуть в сторону.

Стэгг натянул поводья и спрыгнул на землю.

— Ты как? — крикнул он.

— Слегка тряхнуло, — ответила Мэри. — Но боюсь, что олень Кэти сломал ногу. А мой удрал в лес.

— Залезай на моего, — сказал он. — А Кэти возьмет кто-нибудь еще.

Могучий поднялся с земли рядом с Кэти и подошел к Стэггу:

— Она не может двинуть ногами. Боюсь, у нее спина сломана.

Кэти догадалась, что он говорит. Она позвала:

— Убейте меня кто-нибудь! Я не могу совершить грех самоубийства! Но вам простится, если вы меня убьете. Даже Мать не может хотеть, чтобы я попала живьем в руки Альбы!

— Никто тебя не убьет, Кэти, — ответил Могучий. — Никто, пока жив хоть один из нас, чтобы тебя защитить.

Он резко выкрикнул приказ, и остальные Кейси спешились.

— Строимся в две шеренги. Первыми нападут собаки, действуйте мечами. Потом хватайте копья, потому что пойдут либо кабаны, либо кавалерия.

У его людей оказалось времени как раз в обрез, чтобы построиться вокруг двух женщин, когда налетели хеллхаунды. Это были не собаки, обученные задерживать преступников, а злобные безжалостные убийцы. Они с рычанием взлетали в воздух, целя в горло защитникам.

На минуту все смешалось, но, несмотря на рычание, крики, визги и стоны, вскоре закончилось. Четыре тяжелораненых пса ползли умирать в лес, остальные валялись убитыми, с отрубленными головами или отсеченными ногами.

Один Кейси лежал на спине, глядя в небо, с разорванным горлом. Еще пятеро были сильно покусаны, но меч держать могли.

— Другие идут! — крикнул Могучий. — Перестроиться и готовиться метать копья!

Теперь на тропу выехали дисийцы. Седая ведьма остановилась чуть впереди остальных и высоким голосом крикнула:

— Люди Кейсиленда! Нам нужны не вы! Отдайте нам нашего Двурогого Царя, и все вы, даже девушка, что была нашей пленницей, можете уйти домой беспрепятственно! Если нет, то я спущу на вас кабанов смерти — и вы умрете!

— Соси ты... старая карга! — гаркнул в ответ Могучий. — Если найдешь, кто тебе даст, коза вонючая!

Альба взвизгнула от ярости. Повернувшись к своим жрецам и жрицам, она махнула рукой.

Те отстегнули поводки огромных кабанов.

— Бейте копьями, как на свинобойне! — крикнул Могучий. — Вы охотились на диких кабанов, едва научились копья держать! Не давайте себя запугать!

Стэггу он сказал:

— Работай мечом. Я видел, как ты дрался с собаками. Ты быстрее и сильнее нас — достаточно быстр, чтобы драться мечом даже с кабаном... давай, друг! Вот они!

Могучий изо всех сил всадил копье в шею массивного вепря. Тот гулко ударился о землю, но из-за его спины огромный кабан рванулся к Могучему. Стэгг перепрыгнул тушу мертвого кабана и ударил мечом живого с такой силой, что перерубил позвоночник как раз у основания шеи.

Он тут же повторил этот удар на другой свинье, только что сбившей человека наземь и вспоровшей ему клыками бедро.

Он услышал вскрик Мэри и увидел, что она держится за один конец копья, а другой всажен в бок кабану. Кабан был ранен легко и сильно разозлен. Он пытался достать Мэри. Она вцепилась в древко копья и крутилась на нем по кругу вслед за бешено вертящимся зверем.

Стэгг заорал и прыгнул к ней. Он приземлился на спину кабана, и у того от удара подкосились ноги. Стэгг скатился на землю. Кабан с быстротой молнии вскочил и крутнулся к Стэггу Тот выставил острие меча, и оно вошло через оскаленную пасть зверя в глотку.

Стэгг вскочил, успев мельком заметить, что Мэри перепугана, но невредима. Потом он увидел, что кабан добрался до Кэти. Защищавший ее Кейси был на земле и кричал — у него были перебиты ноги и ребра торчали из груди.

Спасать Кэти было поздно. Когда он отсек кабану заднюю ногу и перерубил сонную артерию, Кэти была мертва.

Стэгг быстро оценил положение. Оно было серьезным. Из шестнадцати Кейси, уцелевших после атаки псов, нападение свиней оставило в живых десять. Из них на ногах держались только пятеро.

Стэгг помог оставшимся Кейси разобраться еще с тремя свиньями. Оставшаяся от двадцати нападавших четверка свиней с визгом убегала в леса.

Могучий тяжело дышал:

— Сейчас ударит Альба, и нам конец. Но скажу тебе, Стэгг, об этой битве еще долго будут петь в холлах кейсилендских домов!

— Мэри им не видать! — взревел Стэгг. У него глаза полезли из орбит, и лицо утратило человеческое выражение Он был одержим — но не женщин он жаждал, а крови.

Он повернулся к отряду Альбы. Они шли шеренгами по пять, и длинные копья сверкали в лучах солнца.

— Альба! — заорал он, бросаясь к старухе.

Она сначала его не заметила, но свита завопила, и она повернула к нему своего белого лося.

— Я тебя убью, старая сука! — крикнул он и закрутил меч над головой. — Я вас всех перебью!

И случилось странное. Жрецы и жрицы с детства были приучены считать Солнце-героя полубогом. Теперь они оказались в ненормальном и обескураживающем положении. Их вела Богиня-Смерть, непобедимая. Но вела на битву с человеком, которого их вера тоже считала непобедимым. Каждый миф о Солнце-герое подчеркивал неизбежность его победы над всеми своими врагами. В одном из мифов он побеждал даже Смерть.

И более того: на их глазах он перебил священных животных Альбы — гончих ада и кабанов смерти; они были свидетелями его быстроты и невообразимого владения мечом И когда воплощенная Богиня-Смерть приказала им выставить копья и напасть на Двурогого Царя, они пришли в замешательство.

Оно длилось лишь несколько секунд, но их хватило Стэггу, чтобы добраться до Альбы.

Он полоснул по ее копью и перерубил древко, так что стальной наконечник упал на землю. В ту же минуту встал на дыбы лось, на котором она сидела.

Альба скатилась назад.

И приземлилась на ноги, как кошка. В этот момент она могла вернуться к свите, поскольку лось стоял между ней и Стэггом.

Стэгг полоснул по нему мечом, и зверь отскочил.

Секунду он смотрел в бледные голубые глаза. Перед ним стояла высокая согбенная старуха, старая, старая старуха. Как будто ей было лет двести, столько было морщин и складок на ее лице. На подбородке росли редкие длинные волосы, и такие же волосы на верхней губе образовали светлый, будто молочный, слой. Ее глаза видели поколения рожденных и умерших, и их каменный взгляд говорил, что увидят они еще и еще. Это была — Сама Смерть.

Стэгг похолодел, глядя в лицо неумолимой Разрушительнице.

Шипение обвившейся вокруг шеи старухи гремучей змеи добавляло еще лишнюю роковую нотку

Стэгг встряхнулся, напомнив себе, что она, в конце концов, всего лишь человек. И ударил.

Но удар не успел достигнуть цели.

Ее лицо скривилось от боли, она схватилась за грудь и упала, пораженная сердечным приступом.

Свиту охватила паника, и Стэгг воспользовался этим в полной мере. Влетев в самую гущу врагов, он разил налево и направо. Он был берсерком, не замечавшим ран от копий и сабель.

Его меч полосовал, не разбирая, оленей и всадников. Он убил и ранил не менее шести верховых, спешил еще четырех и поверг их на землю И тогда сохранявшая до тех пор хладнокровие всадница направила к нему своего скакуна. Она поскакала прямо к нему, и он, подняв глаза, увидел ее перед собой. Он увидел прекрасное лицо Виргинии, бывшей главной жрицы Вашингтона, женщины с длинными волосами цвета меда и точеным ястребиным носом, с губами, красными как

кровь, и торчащими грудями. Сейчас ее грудь была прикрыта, поскольку живот был полон его ребенком. Ей оставалось лишь четыре месяца до родов — и все же она ездила верхом.

Стэгг занес меч для удара.

Узнав ее — и осознав, что она носит его ребенка, — он застыл.

Ей этого хватило. Сохраняя то же холодное и бесстрастное выражение лица, она выхватила оружие — легкую, острую как бритва саблю. Клинок свистнул в воздухе и чавкнул об его рог. И не стало Питера Стэгга.

XVII

План требовал месяцев тщательной подготовки. Сначала в Вашингтон были засланы шпионы, выдававшие себя за дисийцев разных классов. Они изучали различные источники информации об оборудовании, оставшемся на «Терре». Самыми разными средствами они старались узнать, что случилось с Солнце-героем. При этом они выяснили, что доктор Калторп вернулся в Вашингтон.

Вскоре после этого с ним связались, и через несколько дней он ускользнул на лодке вниз по Потомаку до бухты Чезапик, а оттуда в океан. Там его подобрал карельский кеч и доставил в порт Айно.

Радость встречи с Черчиллем и другими была омрачена только новостью о смерти Сарванта и Гбью-хана и непонятными обстоятельствами, в которых находился Стэгг.

Черчилль рассказал о сделке, которую заключил с карелами. Калторп хмыкнул и сказал, что такое может и получиться. Если и нет, то попробовать стоит. Он сам был наиболее ценным источником информации о положении на «Терре». Ему было точно известно, что они найдут там и что придется доставать где-то еще.

Наконец все было готово.

Они вышли из Айно с капитаном Кирсти Айнундила и тремя карелами на каждого члена экипажа «Терры». У карелов были ножи, которые они, не раздумывая, пустят в ход при первом же подозрительном действии звездолетчиков.

Они шли на быстрой бригантине, за которой следовала крупная эскадра. Экипаж эскадры составляли карелы из колоний южнее Дисии и из тех колоний, что когда-то носили имена Новая Шотландия и Лабрадор.

Бригантина смело вошла в бухту Чезапик и заслала небольшую передовую партию на парусной лодке в устье Потомака.

Замаскированная под дисийское рыболовецкое судно, лодка ночью встала на якорь вблизи Вашингтона.

В полночь отряд напал на здание, где хранилось оружие с «Терры».

Немногочисленных часовых сняли бесшумно, перерезав горло. Арсенал взломали, звездолетчики разобрали скорострельные винтовки и часть их раздали карелам. Те никогда не держали в руках такого оружия, но в Айно они тренировались с макетами, которые сделал Черчилль.

Звездолетчикам Черчилль раздал и реактивные гранаты.

Они беспрепятственно добрались до большого бейсбольного стадиона, ныне святилища Солнце-героя. Там стояла «Терра», воздев нос к оставленным звездам.

Их окликнули часовые, и произошла драка — вернее, бойня. Тридцать лучников были убиты из автоматических винтовок, еще сорок тяжело ранены. Нападающие без единой царапины взорвали ворота и вошли на стадион.

Звездолет был построен так, что им мог управлять один человек. Черчилль сел в кресло пилота, Кирсти и еще два карела встали за ним с ножами в руках.

— Сейчас увидишь, на что способен этот корабль, — сказал Черчилль. — Он может разрушить Вашингтон, просто сев на дома. И твой флот захватит город без помех. А мы полетим в Кемден, Балтимору и Нью-Йорк и сделаем там то же самое. Если бы мы не попали сначала в Дисию, нас бы никогда в плен не взяли. Но им удалось нам заговорить зубы сладкими речами и выманить из корабля, когда они сделали Стэгга королем.

Он проверил системы управления, посмотрел на индикаторы — все работало. Он закрыл главный люк и взглянул на часы на приборной доске.

— Пора за дело, — громко провозгласил он.

При этой кодовой фразе все звездолетчики задержали дыхание.

Черчилль нажал кнопку. Через шестьдесят секунд все карелы лежали без сознания. Черчилль нажал другую кнопку, и наружный воздух вытеснил газ.

Этот фокус они применили против авиантропов на планете Викса, когда попали в похожую переделку

— Положить их в глубокую заморозку? — спросил Штейнборг.

— Пока что, — ответил Черчилль. — Потом высадим их на Землю Если их взять на Вегу-2, они нас поубивают.

Он взялся за штурвал, потянул рычаг, и антигравы без усилия оторвали пятидесятитысячетонную массу «Терры» от земли.

— Из-за сопротивления воздуха, — сказал Черчилль, — путь до Айно займет пятнадцать минут Там возьмем ваших жен и мою — и вперед, в Покипси!

Жены, о которых он говорил, — это были карелки, на которых женились в Айно Ястжембски и Аль-Масуини.

— Они этого не ждут Что они сделают, когда мы их возьмем на борт?

— Дадим им газу и положим в глубокую заморозку, — ответил Черчилль. — Нечестная игра, но у нас нет времени на уговоры.

— Не хочется даже и думать, что они скажут, когда их разморозят на Веге.

— Сделать они смогут немного, — заметил Черчилль. Но сам поморщился, вспомнив острый язычок Робин.

Однако все сошло гладко. Робин и две женщины поднялись на борт, и корабль стартовал. Карелы обнаружили, что их провели, уже на земле, и могли только посылать кораблю проклятия, которые на нем слышны не были. Снова пустили газ, и женщин положили в камеры заморозки.

На пути в Покипси Черчилль сказал Калторпу:

— Как говорят шпионы, Стэгга несколько дней назад видели в деревушке на восточном берегу Гудзона. Значит, он сбежал от пант-эльфов. Где он сейчас, я не знаю.

— Должно быть, пытается пробраться в Кейсиленд, — сказал Калторп. — Но это значит прыгнуть из огня на сковородку. Вот чего я не понимаю — это как у него хватило силы воли не вернуться на Великий Путь. Он одержим такой силой, которой ни один человек не может сказать «нет».

— Сядем возле Покипси, — сказал Черчилль. — Недалеко от Вассара. Там у жриц большой приют, где живут сироты, пока не находятся семьи, желающие их усыновить. Наберем детей и погрузим в глубокую заморозку А потом поймаем жрицу и под гипнозом выясним, что она знает о Стэгге.

В ту же ночь они парили над приютом. Дул слабый ветер, так что корабль сел на наветренной стороне, после чего был применен газ.

За час в глубокую заморозку положили шестьдесят спящих детей. Потом поймали начальницу приюта, жрицу пятидесяти лет.

На уговоры времени тратить не стали, а сразу дали наркотик. Через несколько минут они узнали, что накануне вечером по следу Стэгга из Покипси отправилась Альба со своим отрядом.

Жрицу отнесли обратно в дом и положили на кровать.

— Утром полетаем над окрестностями и поищем их, — сказал Черчилль. — Можно было бы использовать инфракрасный свет, но шансы обнаружить скрывающихся под деревьями будут весьма малы.

Вскоре после рассвета космолет взлетел из небольшой долины, где был спрятан, и на высоте тридцать метров над землей пошел на восток. Долетев до реки Хьюсатоник, Черчилль повернул обратно на запад. Он заключил, что Стэгг еще не добрался бы до реки, и потому искать надо в пустошах.

На обратном пути они несколько раз спускались, завидев людей. Однажды какие-то мужчина и женщина скрылись в пещере, и звездолетчики пошли за ними, чтобы расспросить. Вытащить их из того, что оказалось заброшенной шахтой, было непросто. Пока удалось их допросить и узнать, что они ничего не знают о местонахождении Стэгга, прошло несколько часов.

Снова выйдя к Гудзону, звездолет повернул сначала на север, потом опять на восток.

— Если Стэгг увидит «Терру», он выйдет из укрытия, — сказал Калторп.

— Мы поднимемся еще на несколько метров и включим на полную мощность увеличение, — ответил Черчилль. — Мы обязаны его найти!

Не долетев пять километров до реки Хьюсатоник, они заметили беспорядочную группу людей на оленях. Они снизились, но, увидев одинокую фигуру, ведущую оленя в поводу на километр позади остальных, решили расспросить отставшего.

Это оказалась Виргиния, бывшая главная жрица-девственница. Из-за беременности не в силах дольше ехать верхом, она вела своего оленя в поводу. Виргиния хотела спрятаться в лесу, но облако газа накрыло ее, и она мягко свалилась на землю. Приведенная в сознание уколом антидота, она была вполне согласна говорить.

— Да, я знаю, где этот так называемый Солнце-герой, — злобно сказала она. — Он лежит на тропе в двух с половиной километрах отсюда. Но вам не надо торопиться, он подождет. Он мертв.

— Мертв! — задохнулся Черчилль. «Так близко к успеху, — подумал он. — На полчаса раньше, и мы бы его спасли».

— Да, мертв! — выплюнула она им в лицо. — Я его убила. Я ему отрезала оставшийся рог, и он истек кровью. И хорошо! Он не был настоящим Солнце-героем. Он предатель и богохульник, и он убил Альбу.

Она молящим взглядом посмотрела на Черчилля и проговорила:

— Дайте мне нож, чтобы я убила себя. Когда-то я гордилась, что мне досталась честь выносить ребенка Двурогого Царя. Но мне не нужно отродье фальшивого бога! И не нужен позор — носить его

— Так, значит, когда мы тебя отпустим, ты убьешь себя и нерожденного ребенка?

— Священным именем Колумбии клянусь — да!

Черчилль кивнул Калторпу, и тот прижал шприц к ее руке и нажал на поршень От новой дозы наркотика она обмякла, и мужчины отнесли ее в камеру глубокой заморозки.

— Мы не можем ей позволить убить ребенка Стэгга, — сказал Калторп. — Если Стэгг мертв, пусть его сын выживет

— Я бы на твоем месте не беспокоился, что он останется без потомства, — буркнул Черчилль. Он не стал развивать эту мысль, но ему на ум пришла Робин, замороженная в камере. Примерно через пятьдесят лет она родит сына Стэгга.

Ну ладно, с этим ничего не поделаешь, так что хватит об этом думать. Сейчас надо было заняться Стэггом.

Он поднял корабль и направил его прямо на восток. Под ним тонкой коричневой линией в окружении зеленой травы вилась тропа. Она обежала невысокую гору, холм, еще один холм, и перед ними открылось поле битвы.

Тела собак, оленей и свиней. Где же убитые?

Корабль коснулся земли, круша деревья по обе стороны тропы. Из главного люка вышли вооруженные винтовками люди и стали осматриваться. Штейнборг остался в кресле пилота.

— Я полагаю, — сказал Черчилль, — что мертвых Кейси отнесли в лес. Наверное, их хоронят Обрати внимание: все эти трупы одеты по-дисийски.

— Может быть, они хоронят Стэгга, — сказал Калторп.

— Надеюсь, что нет, — ответил Черчилль. Он был печален, потому что больше не было на свете его капитана, счастливо проведшего его через столько опасностей. Но он знал и причины, по которым его печаль не так глубока, как могла бы быть. Останься Стэгг жив, сколько сложностей возникло бы на Веге? Вряд ли Стэгг мог бы ограничиться легким интересом к ребенку Робин. Каждый раз, когда Черчиллю случилось бы ребенка хвалить или наказывать, Стэггу хотелось бы вмешаться. А он, Черчилль, все время думал бы, по-прежнему ли Робин считает Стэгга больше чем человеком

Что, если бы она захотела сохранить живой свою веру?

Люди разошлись в разные стороны в поисках похоронной команды. Вскоре раздался свист Для Кейси он был не слышен, поскольку звучал в ультразвуковом диапазоне У каждого

звездолетчика в ухе было устройство, реагирующее на этот свист и при том не блокирующее слух в нормальном диапазоне

Они быстро и крадучись собрались возле Аль-Масуини, который и подал сигнал. Там, на окруженной деревьями поляне, они обнаружили худшее: девушка и четверо мужчин стояли над холмом, который явно был братской могилой.

Черчилль выступил из круга деревьев и произнес

— Не тревожьтесь. Мы друзья Стэгга.

Кейси, насторожившись при его появлении, слегка успокоились, когда он повторил свои слова. Но руки с оружия не сняли.

Черчилль приблизился на несколько шагов, остановился и объяснил, кто он и почему пришел сюда.

У девушки были красные глаза и полосы от слез на лице. Услышав имя Стэгга, она снова зарыдала.

— Он мертв! — всхлипнула она. — Если бы вы только пришли раньше!

— Как давно он умер?

Один из Кейси посмотрел на солнце:

— Около получаса. Он долго страдал от кровотечения, но не сдался без борьбы.

— Ладно, Штейнборг, — сказал Черчилль в переносную рацию. — Веди сюда корабль и высылай пару механических лопат Придется быстро выкапывать Стэгга из могилы. Калторп, есть у нас шансы?

— Оживить его? Почти наверное. Шансы, что мозг не поврежден? Никаких. Но поврежденную ткань можно будет заменить и посмотреть, что будет.

Они не объяснили кейсилендерам истинную причину вскрытия могилы. Им уже было кое-что известно о любви Мэри к Стэггу и не хотелось пробуждать напрасных надежд. Они сообщили, что хотят взять капитана обратно к звездам, где он велел бы себя похоронить.

Остальные трупы они оставили в могиле: те были сильно повреждены и слишком долго пробыли мертвыми.

В корабле Калторп с помощью робохирурга срезал костные основания рогов Стэгга и вскрыл череп.

Открыли грудную клетку и вставили электроды в сердце и в мозг Потом машины подняли тело и опустили в реанимационный бак.

Бак был наполнен биогелем — жидкостью со сложной структурой, питавшей погруженные в нее клетки. Некоторые компоненты удаляли поврежденные или разложившиеся клетки трупа. Другие стимулировали клонирование собственных клеток те-

ла Стэгга. Новые клетки должны были искать материнские органы и присоединяться к ним, заменяя удаленные ткани.

Под электрическим стимулятором сердце Стэгга начало качать кровь. Температура тела стала подниматься. Постепенно смертельная бледность стала заменяться нормальным розовым цветом кожи.

Шли часы, и биогель делал свою работу. Калторп сотни раз уже смотрел на показания приборов и кривые на осциллографах.

Наконец он сказал:

— Нет смысла больше его там держать.

Он повернул диск на приборной панели робохирурга, и Стэгг был медленно вынут из бака.

Его положили на стол, где отмыли, из сердца и мозга удалили иглы, зашили грудную клетку, закрыли черепную коробку и зашили кожу головы.

Теперь начали действовать люди. Стэгга перенесли на кровать. Он спал, как новорожденный младенец.

Черчилль вышел наружу, где ждали Кейси. В корабль они войти отказались — слишком они были исполнены суеверного страха и благоговения.

Мужчины тихо разговаривали. Мэри Кейси сидела, прислонившись к дереву, и ее лицо было маской греческой трагедии

Услышав шаги Черчилля, она подняла голову и без всякого выражения спросила:

— Мы можем идти? Я бы хотела вернуться к своему народу

— Мэри, — ответил Черчилль, — ты свободна идти, куда пожелаешь. Но сначала я должен сказать, зачем просил тебя ждать все эти часы.

Мэри выслушала планы полета на Марс, добывания горючего и колонизации Веги-2. Она несколько утратила свой горестный вид, но вскоре снова впала в ту же апатию.

— Я рада, что вас что-то ждет впереди, хотя это звучит несколько кощунственно, — сказала она. — Только все это меня не касается. Зачем вы мне это говорите?

— Мэри, когда мы покинули Землю в 2050 году от Рождества Христова, воскрешение мертвых было рядовой работой. Это не магия и не колдовство, а применение научных знаний.

Она вскочила и схватила его за руки:

— Это значит, что Питера можно оживить?

— Да, — ответил он. — Сейчас он спит. Только...

— Что — только?

— Когда человек так долго был мертв, происходит некоторое неизбежное поражение мозга. Обычно это восстановимо Но иногда человек остается идиотом.

Она перестала улыбаться:

— Значит, до утра мы ничего не узнаем. Почему ты не подождал до тех пор, чтобы мне сказать?

— Потому что, если бы я тебе не сказал сейчас, ты ушла бы домой. И есть еще одно. Каждый из нас на «Терре» знал, что может случиться, если он умрет и будет воскрешен. И все мы, кроме Сарванта, согласились, что, если человек выйдет из реанимационной купели идиотом, он будет умерщвлен. Никто не хочет жить лишенным разума.

— Страшный грех будет его умертвить! — воскликнула она. — Это убийство!

— Я не буду тратить время на споры, — ответил он. — Я просто хочу, чтобы ты знала, что может быть. Но если это тебе поможет, скажу, что, когда мы были на планете Викса, убили Аль-Масуини. Его дважды поразило ядовитое растение, плюющееся отравленными шипами. Он сразу умер, а растение раскрылось, и из него вылетели штук двадцать насекомых вроде сороконожек. Они были огромными, два фута в длину и с клещами. Наверное, они хотели затащить его тело внутрь растения, и там все уже поучаствовали бы в пире.

Насекомых мы издали расстреляли из винтовок, а растение взорвали гранатой. Потом мы взяли тело Аль-Масуини на корабль, выкачали из него яд и воскресили. У него от смерти не осталось ни физических, ни умственных повреждений. Но у Стэгга другой случай.

— Смогу я утром его увидеть?

— К добру или к худу.

Ночь тянулась нескончаемо. Не спали ни Мэри, ни звездолетчики, хотя остальные Кейси отошли в лес и самозабвенно храпели. Кое-кто из экипажа спрашивал Черчилля, зачем ждать до пробуждения Стэгга. Можно было бы усыпить при помощи газа жителей пары деревень, набрать женщин и младенцев, положить их в глубокую заморозку и взять курс на Марс.

— Из-за этой девушки, — ответил Черчилль. — Стэгг может захотеть взять ее с нами.

— А чего ее тоже не сунуть в камеру? — спросил Ястжембски. — Почему это надо так считаться с ее чувствами, когда мы похищаем столько детей и женщин?

— Их мы не знаем. И женщинам, и детям пант-эльфов мы оказываем благодеяние, забирая из этого дикарского мира. А ее мы знаем, и знаем, что они со Стэггом собирались пожениться. Подождем и узнаем, что скажет на эту тему Стэгг

Наконец настало утро. Люди позавтракали и приступили к различным делам, пока Калторп не собрал их всех.

— Время, — сказал он и, наполнив шприц, всадил его в массивный бицепс Стэгга, нажал на поршень и отступил в сторону.

Черчилль сходил за Мэри Кейси и сказал ей, что Стэгг скоро проснется. Так велика была ее любовь к Стэггу, что она набралась храбрости войти в корабль. Когда ее вели по коридорам, она не смотрела по сторонам, чтобы не видеть странных приспособлений, которые казались бы ей порождениями зла. Ее взгляд был уставлен прямо в широкую спину идущего впереди Черчилля.

Потом она, рыдая, оказалась у постели Стэгга.

Стэгг что-то пробормотал со сна. Веки его приподнялись и снова закрылись. Он задышал опять глубоко и спокойно.

Калторп громко произнес:

— Питер, проснись!

И потрепал капитана по щеке.

Стэгг открыл глаза. Он огляделся, увидел Калторпа, Черчилля, Аль-Масуини, Лина, Ястжембского, Чандру, и выражение лица его стало недоуменным. Увидев Мэри Кейси, он остолбенел.

— Что за чертовщина! — Он попытался зареветь, но смог лишь хрипло каркнуть. — Я потерял сознание? Мы на Земле? Конечно! Иначе на борту не было бы женщины. Разве что вы, донжуаны, все это время ее где-то прятали.

Черчилль первый сообразил, что случилось со Стэггом.

— Капитан, — сказал он, — что вы помните последнее?

— Последнее? Да ты и сам знаешь, что я приказал, прежде чем потерял сознание. Конечно же, посадка на Землю!

Мэри Кейси впала в истерику. Черчилль и Калторп вывели ее из комнаты, и Калторп дал ей успокоительное. Через две минуты она заснула. Калторп и первый помощник вышли в рубку.

— Еще рано говорить с уверенностью, — сказал Калторп, — но я думаю, что у него обошлось без потери интеллекта. Он не идиот, но разрушена часть мозга, хранившая память о последних пяти с половиной месяцах. Она восстановлена и работает не хуже других, но содержание памяти потеряно. Для него мы только что вернулись с Виксы и собираемся сесть на Землю.

— Я тоже так подумал, — сказал Черчилль. — Так что мы будем делать с Мэри Кейси?

— Объясни ей положение и дай ей самой за себя решить. Она может постараться завоевать его любовь.

— Нам придется рассказать ей о Виргинии. И о Робин. Ей это может не понравиться.

— Сейчас она ничего не воспримет, — сказал Калторп. — Мне придется сделать ей укол и вывести из сонного состояния. Тогда я ей расскажу. И пусть решает. Времени для девичьих колебаний у нас нет.

Он вышел.

Черчилль сидел в кресле пилота и думал, пытаясь угадать, что готовит будущее. Уж конечно, скучно не будет. У него будут свои трудности, но не придется влезать в шкуру Стэгга. Зачать сотни детей в величайшей оргии, о которой может мечтать мужчина, и ничего об этом не знать, то есть быть полностью невинным! Полететь к Веге-2 и там быть отцом двух младенцев от двух разных женщин, а может быть, и третьего, если Мэри Кейси отправится с ними. Услышать, что произошло — и быть абсолютно не в состоянии себе этого представить, не в силах поверить, пусть хоть десятки свидетелей клянутся, что это правда. И выслушивать во время семейных сцен воспоминания об инцидентах, которые были на самом деле и о которых он не имеет понятия.

Нет, думал Черчилль, он бы не хотел быть Стэггом. Он вполне был доволен тем, что он Черчилль, хотя и это покажется не сахаром, когда проснется Робин.

Он поднял глаза — вернулся Калторп.

— Каков вердикт? — спросил Черчилль.

— Не знаю, смеяться или плакать, — ответил Калторп. — Мэри летит с нами.

ПОСТЛЮДИЯ

Гром, молния, дождь.

Маленькая таверна на ничьей земле между Дисией и Кейсилендом. В задней комнате таверны за столом сидят три женщины. С крючьев на стене свисают три плаща с тяжелыми капюшонами. На всех троих высокие черные остроконечные шляпы.

Одна, Виргиния, младшая сестра женщины на «Терре» Теперь она девственница-жрица святого города, как была ее сестра в день прибытия в Вашингтон Стэгга. Высокая, красивая, волосы цвета меда, глаза глубокие и голубые, точеный ястребиный нос, губы как рана, вздымаются вверх обнаженные груди.

Другая, аббатиса великого сестричества Кейсиленда. Тридцать пять лет, седеющие волосы, тяжелая грудь, выступающий живот, а под платьем — узловатые вены на ногах, знаки рожденных детей, хотя она и приносила обет целомудрия. На людях она молится Колумбу, Отцу, и Сыну, и Матери. Втайне она молится Колумбии, Богине, Великой Белой Матери.

Третья, Альба, седая, беззубая, выцветшая ведьма, преемница Альбы, сраженной Стэггом.

Они пьют из высоких бокалов, горящих красным вином Вином ли?

И спрашивает Виргиния, дева, не побеждены ли они. Звездные люди ускользнули от них вместе с Солнце-героем и ее дорогой сестрой, носящей под сердцем его дитя.

И отвечает седая жена, что никогда они не знают поражений. Не думает ли дева, что сестра ее позволит памяти о Богине умереть в уме дитяти своего? Не бывать такому никогда!

Но Стэгг, возражает дева, взял с собой набожную деву Кейсиленда, почитательницу Отца.

И скрипит, как тележное колесо, Альба: даже если примет он веру Кейси, о юная, прекрасная, но невежественная дева, разве неизвестно тебе, что Богиня уже победила в Кейсиленде? Народ его еще воздает почести Отцу и Сыну на Субботах своих, но Матери молится ревностнее всего. Ее статуи заполнили землю, Она наполняет их мысли. И что за важность, Колумбией зовут Богиню или другим именем? Где закрыта для Нее дверь, она проникает в щель.

Но Стэгг ускользнул от нас, спорит дева.

Нет, говорит жена, не избег он ни нас, ни Великого Пути. Он рожден был на юге и повлекся на север, и встретился с Альбой, и был сражен. Неважно, что он убил человечью плоть, носившую имя Альба, ибо ныне Альба жива в этой дряхлой плоти, что сидит здесь с нами. И он был сражен, и погребен, и вновь восстал, как было сказано. И восстал как новорожденный младенец без памяти о времени, проведенном на Великом Пути.

Внимай, что говорит Альба: Богиня всегда побеждает, даже когда Она разбита! И что из того, что он отвергнет Виргинию и выберет Марию. Он наш, и Мать Земля следует с ним к звездам.

И говорят они о другом, и строят планы. Потом, хотя неистовствуют молнии и громы и хлещет дождь, они покидают таверну. И лица их закрыты капюшонами, и ни один человек не узнает их. И стоят они минуту перед расставанием, прежде чем разойтись по путям своим, одна к северу, другая к югу, и третья на полпути между ними.

И говорит дева:

— Когда опять сойдемся мы втроем?

И отвечает жена:

— Когда родится и умрет и вновь родится человек.

И отвечает старуха:

— Когда проиграна и выиграна будет битва.

Содержание

От издательства 5

ЭКЗОРЦИЗМ

Ловец душ, роман,
перевод О. Васант 7

Плоть, роман,
перевод М. Левина 187

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

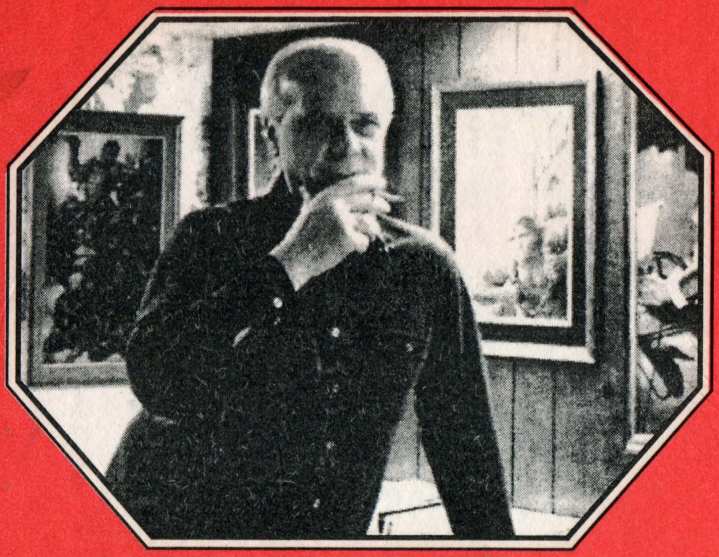
Том тринадцатый

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *М. Проворова, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*
Иллюстрация на обложку: *А. Кириллов*

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 31.01.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 17,64. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 94.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

Ловец душ

Гордон Карфакс готов был пожертвовать своей карьерой ради убеждений. Патриция Карфакс готова была пожертвовать жизнью, чтобы отомстить убийце своего отца. Рэймонд Вестерн готов был пожертвовать всем, чтобы завладеть миром. Судьбу всех троих решит дверь в ад пустоты — МЕДИУМ.

Плоть

После опустошительной войны лик Земли изменился. И вернувшиеся восемьсот лет спустя астронавты оказываются в мире, над которым властвует трехликая Мать, мире древних суеверий, мире, где правит плоть.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT
POLARIS
ИЗДАТЕЛЬСТВО